

Виктор Сокирко и Лидия Ткаченко

**Жизнь и поражения
советского инакомыслящего**

Первые путешествия
по стране

Том IV

Москва, 2016

Оглавление

ПРЕДВАРЕНИЕ	5
1. НАША ВСТРЕЧА СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ В 1966 ГОДУ	7
Походный дневник и сценарий диафильма «Фаны»	7
2. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЕВЕРУ В 1967 ГОДУ	75
Сценарий диафильма «Кожа» и путевой дневник - 67	75
Знакомство с северными городами, монастырями и деревянными церквями	106
Сценарий диафильма «Русское деревянное зодчество (Кижы)»	178
Сценарий диафильма «Соловки»	187
Сценарий диафильма «Онега»	196
Сценарий диафильма «Вологодчина»	210
3. ВСТРЕЧА С ПСКОВСКО-НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЁЙ, 1967 ГОД	225
Окончание путевого дневника-67	225
Осознание истоков нашей истории и культуры через увиденную старину	229
Сценарий диафильма «Новгород-псковская старина»	236
Сценарий диафильма «Новгородские начала»	247
Сценарий диафильма «Псковские крепости»	266
4. ПРИОБЩЕНИЕ К АЛЬПИНИЗМУ, 1968 ГОД	273
Сценарий диафильма «Джан-туган»	273
Будем альпинистами дома!	280
5. ВСТРЕЧА С ПРИБАЛТИКОЙ, 1969 ГОД	299
О маршруте и прибалтийских диафильмах	299
Сценарий диафильма «Эстония»	303
Сценарий диафильма «Латвия»	312

СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «ЛИТВА».....	320
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «ВОСПОМИНАНИЯ О НИДЕ»	351
6. ПЕРВЫЕ ПОЕЗДКИ В ЗАКАВКАЗЬЕ	358
ОБ УВИДЕННОМ В ЗАКАВКАЗЬЕ И РАССКАЗАННОМ В ДИАФИЛЬМАХ	358
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «ГРУЗИЯ- 69 Г.»	362
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «АРМЕНИЯ-69»	372
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «СЕВЕРО-АРМЯНСКИЕ МОНАСТЫРИ»	388
СЦЕНАРИЙ ДИАФИЛЬМА «АРАРАТ»	397
7. УРАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК 1970 Г. И ДИАФИЛЬМ «СЕВЕРНЫЙ УРАЛ»412	

Предварение

В первых томах Собрания «Жизнь и поражения советского инакомыслящего» разместились воспоминания моего мужа Виктора Владимировича Сокирко, начинающиеся от его бабушек- дедушек, продолжающиеся родителями и родственниками, и переходящие на себя – младенца, дошкольника (т.1), школьника (т.2), студента и молодого специалиста (т.3). Воспоминания заканчиваются рассказом о возвращении в Москву после обязательных трёх лет работы по распределению на Коломенском тепловозостроительном заводе.

В годы последующей работы на Московском трубном заводе (МТЗ) одна за другой появлялись возможности для раскрытия и реализации его интересов: работа по специальности, ощущавшаяся как нужная и «хлебонесущая», великодушно потеснилась, чтоб дать время для подготовки исследований Вити –заочного аспиранта своей кафедры, новые заводские друзья увлекли созданием самостоятельного журнала и диафильмов, новые знакомые за пределами заводских стен приняли в свой круг «думающих о стране», открыли мир самиздата.

Т.3 заканчивается Витиными сценариями первых исторических и туристских диафильмов и записью собрания на МТЗ, потребовавшего наказаний ему - непокаявшемуся «подписанту» защитительных писем. Одним из наказаний было исключение из аспирантуры, истолкованное Витей как освобождение времени до написания сценариев, озвучивания и установление регулярного показывания диафильмов зрителям из числа друзей и знакомых.

В т. 4 мы публикуем 19 сценариев диафильмов 1967-69гг. Сценарий 1970г. «Северный Урал» остался не напечатанным, сохранился только походный дневник (сценарий его в значительной степени повторял). Диафильм был показан зрителям многократно.

Все сценарии «вырастали» из заснятых Витиным «Зенитом» видов и объектов старины, записанных на ходу путевых дневников и прочитанных до или после поездок книг. Правда, у «Джан-тугана», прибалтийских и закавказских сценариев не было помощников –путевых дневников. Предисловия к диафильмам были написаны Витей при составлении и печати на машинке тематических томов (более поздние комментарии имеют дату, например: Комментарий - 77г).

При создании диафильмов Витин интерес к истории и устройству мира реализовался самым естественным образом – не было на него никакой цензуры, я же всматривалась в красоту и старалась помочь зрителям ничего не пропустить, наполнялась чужой поэзией и радостно ею делилась. Мы, конечно, от своих диафильмов получали много, но и зрители не были обделены, к тому же возможности почаёвничать за большим столом и свободно высказаться по поднятым темам для большинства гостей были очень привлекательны в доперестроечные годы. Повторить сладкое застолье и умные беседы после просмотра диафильма уже невозможно, но посмотреть любой из наших диафильмов можно на нашем сайте www.sokirko.info

Л.Ткаченко

1. Наша встреча со Средней Азией в 1966 году

Походный дневник и сценарий диафильма «Фаны»

Сценарий диафильма

(здесь и дальше цифры – номера слайдов диафильмов)

1. Мы были здесь в 66-ом году

И обошли вдвоем прекраснейшие горы

За 10 дней всего лишь, но каждый день

Из этих десяти остался в нас навечно,

Как лучший из жизненных подарков,

Из тех подарков, что даются

Лишь молодым и сильным.

И вот сегодня, глядя в эти кадры,

Мы снова чувствуем прилив

Свободной радости и молодого счастья.

2. И было нам тогда по 27, а сыну, что остался дома, еще не стукнуло и трех. И старость даже не маячила на горизонте. Сейчас нам кажется, что в горах мы не шли, а бежали, как будто рюкзаки были наполнены не грузом, а легкой радостью. И горы ощущали эту радость, и люди, что встречались, тоже желали счастья и успехов. И чудилось, что сами Фаны полюбили нас так крепко, как мы их.

3. Далекие и молодые наши горы, наши Фаны! Как хорошо, что были Вы у нас. И что остались с нами на этих кадрах...

Дневник

Всю последнюю неделю июля мы были в большом возбуждении. С первого августа - наконец-то! - отпуск и поездка в Среднюю Азию!

И вдруг двух наших походных организаторов не отпустили с работы. Меня прямо-таки душила злоба - столько потрачено сил и гордости, чтобы убедить их взять с собою

нас, не бывавших еще в Средней Азии, да и вообще «слабо подготовленных». И вот, оказалось, зря старался! Что же делать?

Правда, за последний год мы привыкли к самостоятельным походам на 2-3 дня вдвоем с сынишкой на байдарке. Но разве можно приравнять эти короткие прогулки, да еще по реке, где и ориентироваться почти не надо, - с многодневным походом по диким горным местам, да еще с неточной картой?! Никакого опыта подготовки и руководства у нас не было, всегда была рядовыми участниками (пойдем, куда скажут). А может, это и к лучшему? Надо же привыкать к самостоятельности!

Времени оставалось мало, а у нас нет даже маршрута запасного. Намеченный ранее маршрут по высокогорному Памиру отпадал сразу - нам одним он явно не по зубам. А может, вообще отказаться от гор? Говорят, в Литве тысячи чудесных озер, а у нас своя байдарка? - Но за лето мы сделали пять трехдневных байдарочных походов, и вода нам уже надоела. Успели соскучиться по ходьбе, по горам, а, главное, нам все же очень хотелось попасть в эту чертову Среднюю Азию, где, казалось, побывали уже все, кроме нас... Конечно, часть времени мы потратим на осмотр знаменитых древних городов, но это может служить лишь дополнением к основному горному маршруту. И тут вспомнились рассказы о необычайно красивых Фанских горах - одном из узлов Памиро-Алая. Говорят, там ходит много туристских групп, есть даже турбаза, а это очень хорошо! Раз район посещают туристы, значит, и нам он будет доступен, раз там много людей, значит, будет у кого спросить совета или помощи.

Оставалось два дня до отпуска. Один из них мы полностью просидели в Ленинской библиотеке, проштудировав книжку, сняв копию карты, а так же пересмотрев массу книг об архитектурных памятниках среднеазиатских городов. Начав в 9 часов утра, мы уходили в 10 часов вечера с вспухшими от напряжения головами и с тоненькой пачкой исписанных листков.

Второй день подготовки был и последним. Оставалась масса дел: покупка продовольствия в расчете на 15 походных дней, сушка сухарей, подготовка посуды, одежды, спальника, обуви, палатки и др. снаряжения; укладка всего этого в рюкзаки, покупка билетов - сплошная свистопляска! Ко всему этому я еще работал. Слава богу, что хоть Артемка в Волгограде, у Лилиных родителей, и не мешает Лилиной титанической работе.

И вот день отъезда - **2 августа**. Казанский вокзал. Два тяжелых рюкзака и сетки с продуктами на дорогу лежат в купированном вагоне скорого поезда «Туркменистан». Через двое с половиной суток вылезем в Ташкенте. Впереди - целый месяц странствий по незнакомой стране, прославленный Памир, знаменитые мечети, восточные базары, дешевые фрукты, южная жара и азиатская экзотика. И мы едем туда, едем уже через пять минут!

«До свидания, Казанский вокзал! До свидания, прохладная Москва, мягкая погода! До свидания, русское Подмосковье! Мы едем в места, на вас совсем непохожие, чтобы испытать все разнообразие мира, а может быть, лишь за тем, чтобы больше оценить вас».

Мы в приподнятом, романтическом настроении. Хоть и пытаемся не смеяться и сбить с лица праздник, нам это плохо удается.

Дорога. Обычно это надоедливое и скучное времяпровождение, но когда ты, привыкший к общим вагонам с их скученностью и духотой, тяжелыми запахами и грязью, попадаешь впервые в купированный вагон с удобной и чистой мебелью, с минимумом соседей, максимально вежливых и симпатичных, с удобными окнами для обзора и многими иными признаками роскоши, жизнь в вагоне не тяготит тебя; ты даже ощущаешь некоторое сожаление, что этот комфорт скоро кончится. Я решаюсь скрывать свою скарденность и не слишком грызу Лилю за расходы. Теперь я немного понимаю тех, кто путешествует в туристских поездах и отпуск проводят в подобном вагоне.

Пересекаем Поволжье! За окном - солнце и свежий ветер. Взгляд пытается охватить всю панораму и останавливается на песчаных склонах холмов, покрытых скудной травой. Мелькает мысль, что может это и есть пустыня? Придет же такая чушь в голову!

Два журнала «Новое время» (на немецком и русском языках - метод натаскивания в переводах) давно раскрыты на одной странице. С нами в купе молодые супруги и ровесники Гена и Аня. Он - столяр, она - недавно окончила дирижерское отделение музыкального училища. Три месяца они ездили по Украине и Центральной России, пытаясь перебраться туда из проклятого и, одновременно, дорогого им Ашхабада. И вот возвращаются назад, найдя, что лучше города нет. Пусть жарко, а в их бараке на окраине пыль - пусть, но зато какой красивый город (куда там Москве, не говоря о прочей шушере), зато какие курорты в Фирюзе, какие фрукты. Да разве можно перечислить все достоинства Ашхабада?!

Мы сочувствовали и их поискам, и их возвращению, они же добродушно посмеивались над москвичами (они - задаваки) и удивлялись: «Так вот какие люди - туристы». Нет, они не задавали вопросов, сколько нам за это платят, но сами так свой отпуск не проводили. Видно было, что им нравится туристская жизнь и, может, их поездка была больше странствием, чем поисками места работы.

Но больше всего мешала моим занятиям маленькая Анночка из соседнего купе. Ее худенькая фигурка, белая голова с плутоватыми глазками то и дело являлась в дверях: «Спит или нет?» До сих пор не знаю, почему этот пятилетний бесенок именно меня выбрал товарищем, задирал и распоряжался мною как большой игрушкой. Такую привязанность чужого ребенка я испытывал впервые и легко, а может, даже с гордостью. Для меня было большим удовольствием наблюдать за ее проказами, ссорами с братишкой, отвечать на ее мудреные вопросы и даже просто за сменой выражений ее открытого личика, когда она стояла рядом и смотрела в окно. Мне было очень хорошо! Приятно,

конечно, смотреть на красивую девушку, но тогда невольно примешивается какое-то неловкое ощущение, будто ты что-то у кого-то крадешь. Поэтому быстро отводишь глаза - у взрослых, наверно, не может быть чистой эстетики! И сейчас было немного грустно, что наша поездная дружба скоро кончится, хотя, право, этот чертенок иногда совсем несносен.

Поезд уже мчался по казахстанским степям: выгоревшие равнины, редкая желтая трава, голые склоны холмов, жара на остановках, глинобитные развалюхи, почти без зелени, отсутствие деревьев и редкие-редкие озера.

Вот и станция «Аральское море». Море - стальная полоса на горизонте. Мельтешусь у окна с фотоаппаратом, стремясь выбрать лучшее положение. Но, пока я медлю в ожидании лучшего вида, море скрывается, оставив меня с носом. Вообще съемки из окна поезда оказались для меня сущим мучением. Еще в Москве я задумал снять верблюда в пустыне. Слава богу, этого добра здесь пока хватает! Но в кадре далекие верблюды выглядели очень мелкими, а когда верблюд оказывался рядом с дорогой, я никогда не успевал навести аппарат. Пришлось с досадой отказаться от столь «неумеренных желаний».

Несмотря на вечер и хорошую вентиляцию, в купе стало душно и жарко. Все стоят в проходе. За окном уже более отрадный пейзаж Сыр-Дарьи: зеленый камыш, проблески воды плавней, иногда русло самой реки с рыбацкими лодками. Невелика же эта река! Слава богу, уже вечер, и я не пытаюсь заснять этот географический «объект». Может быть смешно, но фотосъемки стали для меня чуть ли не целью самого похода. Хотя мы давно поняли, что туристам совсем не обязательно сочетать поход с какой-то пользой (агитация местного населения, помощь геологам и т.д.), что походы ценны сами по себе, но все же интуитивно нам чего-то не хватало: ведь гораздо легче переносить превратности пути, когда есть цель. Обычно, после первых походных дней, начинаешь всей душой стремиться к их окончанию, мечтаешь о доме. Вскоре же, после возвращения, начинаешь с

вождедением думать о новом путешествии. С этой диалектикой чувств ничего не поделаешь, только иногда опомнишься и усмехнешься: «Ну, чего травмишь душу? Ведь попади «туда», через час запросишься «обратно», а в походе говоришь себе: «Опомнись, ведь это конец того, о чем мечтал весь год, ведь это будет началом новых серых будней!»

Наверное, такие мечтания - основа всякого туризма, которые, раз захватив человека, заставляют его бродяжить вопреки благоразумию. Фотоаппарат я считаю признаком второй степени увлеченности. Человеку не только хочется получить новые впечатления - но и сохранить их на пленке, запомнить и рассказать друзьям. Говорят, что рассказать об испытанном удовольствии, значит, испытать его вдвойне. Вот этот «туризм вдвойне» заставляет быть гораздо активнее в походе, стараться не пропускать ничего интересного, высмотреть все красивое, любую экзотику, чтобы обязательно все это заснять. Чувствуешь себя как бы доверенным своих друзей. И получается, что в походе не аппарат для тебя, а ты - для аппарата.

Комментарий – 77. Первое и потому самое подробное описание туристских сборов и железнодорожного пути мне дорого сейчас как свидетельство и память об уже утраченной восторженности, любопытстве и молодой уверенности в важности каждого случившегося эпизода. Никогда уж больше я не фиксировал произошедшее столь детально, но вместе с тем никогда больше не было такой острой любознательности, столь искренней открытости навстречу незнакомым людям, как в то жаркое лето. Нет, я не радуюсь сегодняшней сдержанности. Молодая глупость все же лучше.

Ташкент

«Ну, Гена, спасибо и до свидания!» - с этими словами Лиля освободила спину Гены от собственного рюкзака и повела меня в сторону камеры хранения. Правда, камера оказалась в противоположном конце перрона, но не прошло и

часа, как мы сдали вещи и закомпостировали билеты на вечерний поезд в Самарканд.

Диафильм «Фаны»

5. Попали мы впервые в середину Азии и, широко раскрыв глаза, вбирали жадно экзотику базаров, одежды, людей и зданий.

6. Наверно, были мы как дети, когда ходили, рты разинув, и не умели скрыть восторга перед невиданным. Наверно, было очень примитивно восхищаться ишаками и халатами,

7. чайханами и пиалами, зеленым чаем и восточными стариками. Но мы этого не знали. И очень хорошо, что не знали, ведь иначе мы вообще бы не решились уехать в «экзотическую» Среднюю Азию, и тем более в «модные» Фанские горы.

Дневник. И вот мы на вокзальной площади! Стоит жаркое ташкентское утро, а у нас впереди почти целый день для знакомства с городом. Какой он вообще, и какой он сейчас, после недавнего землетрясения? Мне хотелось заснять, если позволят, следы катастрофы, а Лиле хотелось испытать хотя бы маленькое землетрясение. Последнее, конечно, не удалось, что легко понять - ведь из 600 толчков, испытанных городом в этом году, большинство было вообще не ощутимо. Сейчас же нас больше всего заботила жара. «40-45 градусов держится уже несколько лет», - так нам объяснила одна ташкентская тетя в трамвае. Передвигаемся, стараясь максимально использовать тень от домов и деревьев, которых, слава богу, хватает, и замечаем, что не мы одни такие. Теперь мы понимаем, что озеленение здесь не роскошь, а необходимость. Наши головные уборы: моя шапка из газеты и Лилина гордость: «великолепная» широкая шляпа с бантиком - мало спасают от жары. Лиля довольно быстро начинает жаловаться, я же стараюсь себя и ее уверить, что в Москве

бывает так же жарко, а потому нет ничего страшного. Движемся все же быстро.

На удивление - мало разрушенных домов. Улицы - широки, с высокими деревьями и арыками. Масса машин, многоэтажные и красивые дома. Большой европейский город. Только иногда замечаешь пустые места в ряду домов (развалины убраны) или новостройки. Заглядывая в подъезды, видишь, порой, неубранные кучи битого кирпича и глины. Во дворах еще много палаток в человеческий рост. С удовольствием фотографирую одну из них, на которой местный шутник изобразил индейца в перьях и написал ... юмор везде приятен!

Окраины города с их глинобитными домами пострадали больше всего. Сейчас на случай новых толчков к стенам устоявших домиков строители пристраивают кирпичные откосы. Общее впечатление: слухи о ташкентских ужасах были здорово преувеличены.

Мы посмотрели центр, старый город, базары с их бесчисленными магазинчиками. Помня советы Гены, два раза заходили в парк, к «Комсомольскому озеру» купаться. От прохладной воды и окружающей свежести мы получали необыкновенное удовольствие. Здесь мы съедали дешевые с базара фрукты. Но как только выходили из зоны озера, жара нас снова задавливала, вынуждала набрасываться на мороженое, квас со льдом, газировку на всех перекрестках.

В Москве мы ничего не смогли прочесть про Ташкент, а краеведческий музей найти не успели, поэтому и знакомство наше оказалось очень хаотичным. Несмотря на свою древность, Ташкент беден историческими памятниками. Ведь как столицу, его давно и нещадно перестраивали. Например, бывшая крепость перестроена под здание ЦК. Вообще, думаю, многим нашим столицам не повезло в смысле сохранности их исторических памятников. В годы «сталинских» пятилеток, когда взрывали церкви, чтобы на их месте возвести новые, «социалистические» дома, такой перестройке подвергались, прежде всего, столицы. Когда же добрались до других

городов, наступило наше, более гуманное время. Впрочем, в Ашхабаде, последняя мечеть, притом, необычайной красоты, по словам жителей, была взорвана всего два года назад в целях «безопасности посещающих ее людей» - и это после того, как мечеть вынесла страшное землетрясение 1948 года. Значит, и в наше время не перевелись еще любители «архитектурных революций», и даже имеют возможность безнаказанно взрывать любимые людьми здания на глазах всего города!

Но в Ташкенте последняя мечеть еще не взорвана. В старом городе мы впервые увидели в отличном состоянии медресе. Землетрясение на нем совершенно не отразилось. Я перестал фотографировать, т.к. стал бояться неприятностей. Ко мне уже два раза подходили с гневными обвинениями, что я сюда приехал, «чтобы снимать» и что-то в подобном духе. Чем вызвана эта ташкентская неприязнь? Может, недавно здесь были запрещены съемки, а сейчас люди протестуют по инерции?

Один безобразный случай окончательно нас омрачил. Мы зашли в сквер Калинина, ища место, чтобы с удобством съесть первую в этом году (для нас) дыню. Урн не было, но зато по скверу бегал мальчишка, собирая в ведро корки от дынь, видимо, для скота. На скамье, где мы расположились, сидел узбек, повернувшись к нам спиной. Выглядел он довольно цивильно, в белой рубашке, но, судя по глуповато-добродушной улыбке, тихо бродившей по его опущенному лицу, он изрядно выпил. Ну, это бы и в порядке вещей, да и что же тут может быть странного?.. Но вдруг Лиля, сидевшая на середине скамьи, давится куском дыни и шепчет: «Он взял наш нож!»- ??? - « Да просто протянул руку за моей спиной и взял!»

Сосед сидит все в том же положении. В голове не укладывается эта ситуация: не украл и бежит, а просто взял, не скрываясь, и сидит! Вскочили, встали перед ним, потребовали вернуть. - Молчит. Снова потребовали. - Снова молчит. Глупо до чего же! Несколько секунд тягостного недоумения, и вдруг подходят два довольно мрачных узбека: «Что вам от него

надо? - Ничего. Пусть он только отдаст нож, который у нас взял. И все». О чем-то спрашивают у него по-узбекски. Тот что-то пьяно лопочет в ответ. Начинаю беспокоиться - черт его знает, кто ему эти парни и какую ссору они могут сейчас заварить.

- Какой такой нож? - снова обращаются они к нам.

- Да обыкновенный, мы им дыню резали, а он просто взял и положил или в карман, или под себя» - с этими словами мы поднимаем нашего соседа под руки... и наступает развязка: нож падает со скамьи на землю, мы его обрадовано забираем и садимся доедать дыню. Поднятый сосед, что-то бормоча, медленно уходит, а опешившие парни стоят и молчат. Видимо, их такая развязка не устраивает. Один из них постарше, криво улыбаясь, спрашивает: - Дыню кушаете? Нашу дыню?

- Да, на базаре купили.

- Дай попробовать!

Отрезаю кусок, подаю. Медленно берет, долго смотрит на меня и, с размаху бросает на сапог, разбрасывает куски по аллее. Задохнувшись ненавистью, проталкивает слова через силу: «Вот как... так!»

Уходят. Мы сидим, подавленные происшедшим. Трудно сказать, какую степень презрения к нам они пытались выразить подобным образом и к кому именно направляли это презрение: то ли к приезжим вообще, то ли к туристам, то ли просто к русским. Во всяком случае, я очень живо пережил ощущения тех американских туристов, которые при посещении стран Латинской Америки в ответ на свою вежливость и дружелюбие получают от местных жителей ненависть и неприязнь. Довольно мрачно мы стали думать о своих будущих взаимоотношениях с аборигенами, когда из отпускающего месяца был израсходован только первый день.

К счастью, последующие встречи нас совершенно успокоили. Уже дома я подсчитал: на 12 случаев большого гостеприимства и дружелюбия мы имели всего лишь две неприятности и две кражи (последние со стороны русских). Общий итог: в Средней Азии люди хорошие и гостеприимные.

И в этом мы убедились уже через несколько часов после эпизода с ножом.

***Комментарий – 77.** 10 лет прошло, а этот эпизод не выветрился из нашей памяти. Мало того - он как будто озаглавил важную сторону наших поисков и вопросов, как будто открыл национальную тему в наших диафильмах, тягу к посещению окраин страны. «Мы» и «они» - никогда большие мы не ощущали столь острой неловкости за то, что русские и нежеланные.*

Где бы мы ни были - в Закавказье, Прибалтике или на Украине - везде ощущали лишь сочувствие к присоединенным еще царизмом народам, и только в Азии это естественное чувство было замутнено убеждением о «реакционном влиянии отсталой Азии».

Мое первое впечатление от этой страны - проклятие узбека, последнее - литературная пощечина казаха Сулейменова (в книге «Азия»)» Но только последняя меня вразумила и излечила. До конца ли?

Самарканд.

Посадка на поезд «Ташкент-Кунград» была ужасной. Перрона нет. Вся толпа пассажиров в погоне за сидячими местами давится между нашим поездом и составом на соседнем пути. Над головами плывут чемоданы. Давка отчаянная. Злые крики. И вдруг начинается истошный вой задавленного ребенка. Но это, кажется, только подхлестывает толпу. Наконец, под напором задних, и мы втаскиваемся в вагон. Он уже полон: лежат на всех полках, сидят на всех местах. Если на улице царит жара-духотища, то здесь творится вообще что-то невообразимое. Даже узбеки задыхаются. Ручьями льет пот со всех полок. Мы пристраиваемся в купе, занятом молодыми узбеками, как потом выяснилось - бухарскими студентами, посланными на стройку в Ташкент и возвращающимися домой.

Настроенные Ташкентом на мрачный лад, мы на предупреждение ребят о том, что места заняты, только огрызнулись: «А куда же нам деваться?» И на наше

удивление, они вдруг разом согласились уплотниться. Ей-богу, мы как-то сразу оттаяли - ведь в тесноте, да не в обиде! Весь вечер был проведен во взаимных расспросах и угощениях, в безуспешных попытках запомнить узбекские слова. Даже их заунывные песни стали мне нравиться. Ночью, когда свет выключили и вагон погрузился в сонный храп, мы с Лилей вытащили рюкзаки на выход и до двух часов ночи, до самого Самарканда, стояли у раскрытых дверей тамбура, впитывая в себя призрачный от луны пейзаж Средней Азии. От земли неслись привычные сельскохозяйственные запахи, угадывались какие-то поля, небольшие низкие домишки с тополями, - казалось, мы находимся на знакомой Украине. Иллюзия была довольно полной. Но вот поезд начал пологим серпантинном преодолевать водораздел между Сыр-Дарьей и Зеравшаном и снова стало непривычно. Проплывают какие-то темные горы. Нам снова хорошо: Ташкент забывается. Думается о Самарканде.

Ночной автобус довез нас до городской турбазы. За домом, во дворе, мы нашли на себя похожих. Используя клумбу, как изголовье, спали на расстеленных палатках «дикари». Минут через 15 мы уже спали рядом. Проснулись от горячего солнца и разговора своих соседей: «Эти-то откуда взялись? - Ночью пришли. - Ишь, какой толстый! Уж не наш ли директор?» Последнее окончательно меня разбудило.

Их было 9 человек: две группы из Казани и из Горького, съехались они случайно и сегодня уезжают в Фанские горы. А! - Значит, будем попутчиками! Отлично! Но мы все же сегодняшней день потратим на осмотр Самарканда, а потом будем догонять... Посмотрели их карту: м-да, она значительно подробнее нашей схемы: масштаб 1 см = 0,75 км. По такой карте и ходят туристы в этих горах. Маршрут у них еще не определен точно, но, сообщив свои заметки, мы с удовольствием узнаем, что, действительно, захватим самые интересные места, и что на всем протяжении его ходят туристы. Значит, все правильно.

Восьмой час утра. Сдаем рюкзаки дежурной турбазы - и в город! Конечно, сперва на базар. Самаркандский базар имеет совершенно особый вид из-за возвышающихся над ним величественных развалин мечети Биби-ханум. Они в очень плохом состоянии: огромный голубой купол большей частью обвалился, от богатых изразцовых украшений остались одни воспоминания, но воображение дорисовывает всю грандиозность существовавшего прежде комплекса.

Большинство архитектурных памятников Самарканда связано с именем Тамерлана и его потомков. Один из рядовых среднеазиатских городов, он в XIV веке вдруг стал столицей мировой империи от Китая до Сирии, от России до Индии. Столице надлежало быть подстать великой империи - и вот возносятся постройки одна другой богаче, грандиозней. Нигде в Среднем Азии больше нет столь изощренно и роскошно отделанных зданий: Биби-ханум, мавзолей Гур-Эмир, комплекс Регистана, мавзолеи Шах-и-Зинда, обсерватория Улугбека.

Стоимость входа на территорию каждого комплекса - 10 коп. Нам это казалось дороговато: рубль на двоих за одни билеты, но, с другой стороны, понимаешь, что чем больше будет доход, тем рентабельнее будут реставрировать и охранять величайшие сокровища узбекского народа. (Интересно, что среди местных жителей распространено убеждение, что эти памятники действительно связаны с денежными сокровищами. Нам рассказывали, что при Советской власти археологи вскрыли гробницы мавзолея Гур-Эмир и вывезли драгоценностей на сумму, превышающую годовой доход всего Советского Союза, и звучало в этих словах то ли негодование на вывоз, то ли гордость за грандиозность богатств. Правда, в литературе мы ничего такого не читали. Реставрационные работы начаты в Самарканде в 1923 году, однако, только в Регистане и Гур-Эмире они значительно продвинулись вперед. Следуя древним рецептам, изготавливают старинную цветную плитку и восстанавливают старинные узоры, полыхающие синим огнем.

Очень впечатляет комплекс мавзолеев Шах-и-Зинда. Внешне - это невзрачное собрание серых несимметричных куполов на склоне древнего холма. Но время пощадило их внутреннее убранство. Сквозная лестница ведет наверх, к самому древнему и почитаемому мавзолею, где в глубоком колодце живет сам Шах-и-Зинда (живой царь). Согласно легенде, один из царей Самарканда в далекие времена, спасаясь от врагов, бросился в колодец, но не умер, а остался живым навсегда. С тех пор правоверные приходят на поклонение к святому и строят, кто в силах, новый мавзолей, стараясь переплюнуть прежние мавзолеи богатством и пышностью отделки. Так образовался весь комплекс.

С большим сочувствием мы слушали экскурсовода, седого и полного старика с добрым русским лицом, этого энтузиаста красоты в жарком Самарканде, о том, как варварски посетители выламывают на память древние плитки с узорами глубокой резьбы. Невосполнимо и непоправимо! Из-за их пошлого желания похвалиться в своем пошлом доме перед такими же друзьями древней плиткой, миллионы будущих посетителей вынуждены будут вечно «любоваться» грязным делом их грязных рук - пустым местом в сложной системе переплетающихся узоров всего мавзолея! Никакая реставрация не способна полностью исправить вред, нанесенный подобными недоумками! Турист должен быть культурным, и, прежде всего, не оставлять после себя никаких следов на том, чьей красотой сам восхищался. Нельзя одновременно ценить прекрасное и - разрушать его.

Комментарий-77. *С усмешкой я читал свою филиппику против «дикарства» экскурсантов: «Сколь долго сам себя уговаривал, ведь так и не уговорил!» И год за годом, но заполняется одна из книжных полок в нашей «пошлой квартире» различными сувенирами из разных мест Союза.*

Правда, наши друзья не очень-то интересуются этими игрушками, как и мы в гостях, равнодушно проходит мимо. А вот для нас эта символическая добыча окутана нежностью воспоминаний. Да и вообще слова «пошлый» или

«мещанский» как-то стерлись в моем словоупотреблении или потеряли презрительный смысл. А сейчас даже странно читать, каким был раньше.

В обсерватории Улугбека нет жары. Даже в середине дня на этом холме господствует ветер. Внизу стелется пыльно-зеленая масса Самарканда, а в далеком мареве призрачного горизонта прорисовывается Гиссарский хребет. От самой обсерватории осталось немного: заглубленная в землю гигантская дуга секстанта, позволившая когда-то Улугбеку составить наиболее полный и точный по тем временам звездный каталог. Портал обсерватории походит на портал медресе. Сейчас, в эпоху университетов и НИИ, духовные училища типа медресе олицетворяют для нас начетничество, ложную мудрость и ненависть к подлинной науке. Поэтому странно видеть такое совмещение архитектурных форм. Но, значит, было время, когда в медресе господствовало не только мракобесие, но жила и подлинная наука, поэзия, искусство.

Улугбек - внук Тимура, правитель Самарканда, один из немногих власть имущих, которые были одновременно и гуманистами-учеными.

У обсерватории стоят мемориальный дом-музей - памятник Улугбеку от узбекского правительства. На стенах внутри - прекрасные фрески с эпизодами из жизни Улугбека. Внизу - оружие и утварь той эпохи, а вверху, в специальных прорезях купола, ветер заунывно выводит свою тревожную мелодию. Да, Самарканд ценит свои святыни! Спасибо ему за это!

Пенджикент

В 6 часов вечера мы покидали Самарканд. Узелок лишних вещей оставили на турбазе, пообещав забрать через две недели.

Д/ф 9. Автобус через два часа по прямому, как стрела, шоссе привез нас из узбекского Самарканда в Таджикский Пенджикент.

10. Вот здесь за городом мы собирались ночевать - не очень радостно нам было ставить палатку над этим пыльным

обрывом. Но нет, мы не успели даже развернуть палатку, как вышедший старик пригласил нас в гости, он даже не просил, а настоял, преодолев нашу робость и смущение.

11. Умыли, накормили и спать уложили...

12. Вот здесь, в тени густых деревьев мы провели эту ночь. Какую ночь! Крупные звезды сквозь листву в кромешной тьме, теплый воздух с неизвестными запахами, жесткость кошмы и подушек, журчанье арыка и шум воды далеко внизу в Зеравшане...

13-15. Десять дней у благородного старика. Ну, кто же осудит нас за несдержанную радость от этого знакомства?

Дневник. Битком набитый старенький автобус катился по прямому, как линейка, шоссе мимо огромных полей хлопчатника, окаймленных рядами высоких деревьев. Большая часть дороги, однако, застроена домами, кажется, что едешь по сплошному кишлаку, только вывески колхозов меняются. Пересекаем границу Узбекистана и Таджикистана, что сразу заметно по тому, как пестрые платья узбечек сменяются красными одеждами таджичек. Неожиданно замечаем, что вдоль дороги тянутся невысокие горы - мы постепенно втягиваемся в долину самого Зеравшана. А вот и Пенджикент - город руки (пяндж), т.е. пяти рукавов, на которые здесь делится Зеравшан, чтобы оросить огромный самаркандский оазис.

Нам уже рассказывали, что это скорее большой кишлак, чем город. Однако, вдоль шоссе, как главной улицы, все же выстроились двухэтажные дома, парк отдыха, газ-воды, учреждения. Выше самого города лежат руины древнего Пенджикента, но, говорят, там сейчас остались одни развалины, а все интересное вывезено.

Солнце уже зашло. Быстро темнеет. Надо искать ночлег. Но когда мы вроде облюбовали один свободный участок на окраине города, нас вдруг окликнул высокий старик-таджик. Мы не поняли, тогда он повторил приглашающий жест. Робко пошли вслед. Вот и аккуратная коробка дома. Рядом - глинобитная ровная площадка,

окруженная арыком и обсаженная деревьями. Сразу за площадкой с двух сторон - обрыв метров на 50 вниз к Зеравшану. В удивительно красивое место нас приглашают ночевать. Приглашают с глубоким достоинством, но молча. Старик что-то приказывает своей жене, та - старшей дочери и т.д., пока младшая не приносит войлочные коврики и подушки для нашего ночлега. Мы очень растроганы, пытаемся выразить свою благодарность. По-русски, видимо, они ничего не знают, но нас неплохо понимают. Просьба о воде для умывания вызывает такой же маленький переполох - от старика до младшей дочери, которая приносит ковш воды. Потом приносит две тарелки супа, хлеб, овощи, чай. И только, убедившись, что гости всем обеспечены, старик уходит.

Мы переглядываемся. До чего же нам повезло! Нет, не в том, что мы имеем хорошую пищу и ночлег. Главное - попали в таджикский дом и можем увидеть жизнь таджикской семьи. Покончив с едой, осматриваемся. Недалеко от нас все дочери и мать уселись в кружок перед кучей зеленых листьев. Керосиновая лампа ярко освещает их поле деятельности. «Пойдем, напросимся на помощь? - Давай, конечно!» Нам не отказали. И вот кое-как уселись, попытавшись даже скрестить ноги. Дали и нам каждому полуметровую иглу и пододвинули часть листьев. Большие, зеленые и мягкие табачные листья нанизывались на иглу, потом переводились на веревку и гирляндами вывешивались на просушку. Впоследствии, проезжая или проходя по кишлакам, мы уже со знанием дела смотрели на подобные гирлянды сохнувших листьев.

Каждая семья берет на себя обработку части колхозной плантации, а сдает уже высушенный лист. Мы нанизывали листья на иглы и передавали эти пачки девочкам, получая взамен другие иглы. Через некоторое время дело пошло удовлетворительно, хотя и не так ловко, как у хозяек. Они веселились от души, глядя на наши старания, особенно на мои. Я их забавлял, наверное, потому что занялся «не мужским делом». Но меня подобное удивление никогда не смущает, даже, наоборот, я испытывал некоторую гордость. И им,

видимо, нравилось такое «чужачество» русских. Очень радовались и смеялись тому, что у меня дело двигалась несколько быстрее, чем у Лили.

Хорошо было так работать и разговаривать. Для развлечения упросили одну из младших станцевать перед нами (видимо, старшие сестры гордились ее талантом). Конечно, мы ничего не понимаем в таджикском танце, но нам не могло не нравиться старание милой девчушки. Сестры владели очень малым запасом русских слов, поэтому наш разговор шел в основном за счет мимики и догадок.

Сначала расспрашивали нас. С удовольствием узнали, что мы женаты (в последующие встречи этот факт производил на моральных таджиков всегда самое благоприятное впечатление: неизменное «якши»), что у нас есть сын - «пареанчик» (паренек) - они так произносили это слово, что мы долго не могли избавиться от убеждения, что мальчик по-таджикски звучит, как «баранчик».

Потом расспрашивали мы. В этой семье 10 детей: пять мальчиков и пять девочек. Два сына в армии, где остальные, я не понял. Однако вскоре пришел один из сыновей, видимо, старший. Он поздоровался с нами и присел в сторонке. Похоже, нанизывание табака, действительно, не мужское занятие. С его приходом наш разговор оживился, так как после армии он довольно свободно говорил по-русски. Речь пошла о его сестрах. Старшая из них, Мухтара - уже окончила школу и была, как говорится, «девушка на выданье». Думаю, что это отразилось на ее костюме: она была в белом, тогда как ее сестры - почти сплошь красное носили.

Еще в Самарканде от одного попутчика, инженера из Томска, проведенного перед тем неделю в Пенджикенте, мы слышали рассказы о не совсем цивилизованном положении таджикских женщин и, особенно, девушек. Очень часто девушки не кончают школу и рано выходят замуж. Законом почти для девушки является прекращение всякой учебы после школы: дальше только замужество. Пока девочка еще маленькая, она бегают наравне с мальчишками, но как только

подрастает - должна ходить «скромно», прятать лицо от чужих мужчин и т.д. Я даже немного удивлялся, почему они тогда не прячутся от меня? Видимо, раз отец ввел нас в дом, то мы уже считаемся гостями - «своими». Да и вообще не так уж прочно эти обычаи соблюдаются в такой полугородской семье, как эта. Однако подальше от Пенджикента часто видели, как женщина, встреченная на дороге, очень естественным и даже красивым движением отворачивала от нас свою голову, покрывающую или покрывалом или чем-то вроде пиджака.

Бывает, что девочки, воспитанные в каком-то мере эмансипированной советской литературой, тяжело воспринимают перспективу конца своей учебы и самостоятельности, неизбежности раннего и кажущегося ненужным замужества, - находят выход в самосожжении. Чуть ли не национальным обычаем считается право девушки, не желающей выходить замуж по воле родителей - на самосожжение. И такие случаи совсем не исключительная редкость. Тот же инженер рассказывал о двух случаях, произошедших якобы совсем недавно в окрестностях Пенджикента. Один из них особенно трагичен: девушка из хорошей семьи, бывшая комсоргом в классе, решила на самосожжение, но, облив платье керосином, а потом, вспыхнув от спички, не смогла преодолеть боли и бросилась в ближний арык с водой. Однако, ожоги были настолько велики, что она умерла, но не сразу, а после долгих мучений. Нашего попутчика особенно ужасало равнодушие местных жителей; казалось, они считают такой обычай естественным делом. Это он особенно почувствовал, когда маленькая девочка, дочка хозяина, с которой он часто играл, вдруг сказала ему, чтобы он поменьше на нее смотрел, а то ей потом придется сгореть. Его потрясло, что такая маленькая девочка, которая станет взрослой где-то в восьмидесятых годах XX века, уже может говорить о возможности для себя и такой судьбы, привыкает к такой мысли и чуть ли не готовится к исполнению этой страшной мысли. Нас тоже потрясли эти рассказы. До чего же

мы мало знаем жизнь, мало знаем живучесть старых обычаев, их трагичность в наше время.

Естественно, нам хотелось услышать суждение об этих проблемах самих наших хозяев. Но мы не могли бестактно задавать подобные вопросы в лоб, а старались, например, высказываться в том духе, что хорошо бы девушкам учиться не только в обязательной школе, но и дальше, как у русских; что хотя учеба и замужеству не помеха, но раннее замужество - тоже ни к чему. Разговор шел теперь в основном через сына. Остальные только улыбались. А он, как я понял, высказывал уже давно выработанную мужскую позицию, говорил спокойно и снисходительно. О том, что все девочки у них живут хорошо, все учатся в школе, но дальше учиться сами не хотят (да это им и не нужно в домашнем хозяйстве), что все они сами чтут традиции, выработанные народом, и, конечно, в свое время все захотят выйти замуж, что родители и братья их очень любят и желают им только добра. Ну что на это возразишь? - Мы ничего и не возражали, слова попусту не тратили. И думаю, правильно делали. Наверное, для большинства девушек сказанное этим парнем - совершенно справедливо. Но, конечно, для многих девушек, страстно тянущихся к иной жизни (особенно после советской школы), эти традиции - большое зло, протест против которых доводит их до самосожжения. Подумалось: пока экономика таджикской деревни не потребует по-настоящему образованных женщин, женщин-специалистов, и притом в массовом количестве, до тех пор образование будет для таджичек несколько чуждым, навязанным извне качеством. А сейчас в таджикской деревне для образованных женщин нет ни работы, ни места. И, конечно, образованная таджичка менее приспособлена к условиям нынешнего кишлака, к условиям среднеазиатского домашнего хозяйства и полевых работ, она несколько «испорчена образованием» по старым понятиям. Так что легко догадаться, почему держатся обычаи, препятствующие женскому образованию. Должна быть коренным образом повышена техническая оснащенность

хозяйства, чтобы появилась насущная потребность в образованных женщинах, чтобы неравенство женщин ушло окончательно в прошлое, чтобы исчезли старые традиции.

Постепенно эти мысли сглаживались, когда работа было окончена, и весь дом погрузился во тьму и сон. Внизу шумел Зеравшан, трещали какие-то сверчки или цикады. Сквозь листву деревьев проглядывали крупные звезды, а за каменной оградой темноту изредка прорезал свет фар машин, проезжающих по шоссе, по которому мы поедем завтра вверх по Зеравшану, в горы!

***Комментарий – 77.** Через 10 лет у нас в Средней Азии уже не бывало таких встреч. И, заглядывая из окон автобуса за глиняные стены дворов-усадеб, мы лишь вспоминали, как тогда было, те ощущения от добросердечия и гостеприимства. То ли мы стали с возрастом меньше располагать к себе людей, то ли сами стали более стеснительны, не любопытны, то ли местные азиаты - менее гостеприимны. Мне все же кажется, что последнее. Думаю, что в Пенджикенте уже невозможно такое щедрое приглашение, да и существует ли теперь такие дружные и многодетные семьи?*

Прогресс ведь не однозначен, и вместе с уменьшением самосожжений уменьшилось количество детей на одну семью. Теперь их не сжигают, а просто не рожают. И это лучше.

Малым эпизодом вошла эта семья в наш фанский диафильм, потом ее свет был задавлен моим «азиатским комплексом», но подспудно она жила в памяти противоречием-упреком, куда вместе с Сулейменовым не избавила от предрассудка о «злых татарах». Год от года бились в сознании пенджикентское радушие и культура, и, наконец, добились.

Я читал, что так бывает и в науке: старинная теория противоречит фактам и отгоняет их в сторону, но день приходит, и какой-нибудь научный Сулейменов вдруг говорит

правду - и ты с ней сразу и с облегчением соглашаешься: известные тебе факты измучили и подготовили тебя.

Мы тяжело идем под грузом своего скарба по шоссе Пенджикент - Душанбе. До гор еще 50-60 км. Конечно, вся надежда на попутную машину, но просто сидеть и ждать ее скучно. Все машины идут навстречу и ни одной - в нужном направлении. Закон бутерброда. Но этому есть и рациональное объяснение: сегодня базарный день (воскресенье) и все машины с утра спешат в город. Уже прошло восемь навстречу, а обогнала лишь одна, да и та не остановилась. Наконец, нас подвезли до крупной развилки, а через полчаса вторая берется подвести до поворота на Кштут, к нашим горам.

Хорошо на быстро едущей грузовой машине! Ветер свеж и приятен, красивые виды, интересом блестят глаза. Рядом Лиля - с ней тоже самое. Аппарат болтается на моей шее, а за нами сзади, в пыли кузова, болтаются наши рюкзаки - хорошо!

Машина идет ходко, несмотря на частые остановки - шофер подбирает и высаживает пассажиров. Для него это дополнительный заработок, и каждый платит ему в размере обычного автобусного билета на такое расстояние. Удивительно, что местные шоферы щепетильно дают пассажиру сдачу, а на наше удивление смеются: «Это в Грузии сдачу не дают, а у нас все честно». А когда с машины слезал древний старик, то шофер не только вышел, чтобы ему помочь, но и денег не взял: «Старый бабай, денег не надо»

Грузовик тормозит у колхозной чайханы. На открытой веранде сидят воскресные таджики и пьют свой зеленый чай. Невольно вспоминаешь слова Ферсмана о «настоящих людях старого Востока, для которых самым великим блаженством было - ничего не делать, ни о чем не думать, ничего не желать, а только пить чай, закусывая его лепешкой и снова пить чай... Нирвана...»

Делать нечего, мы тоже идем в чайхану. Лиля причастилась к этой экзотике - зеленому чаю - еще в Самарканде, а я тогда устоял перед патентованным средством

от жары. Хохлацкая кровь тянет меня упрямыться, противоречить «жинке», противопоставляя свое «мужское благоразумие» ее «неразумной восторженности». Ну, а сейчас мы сидим за одним столом с шофером Моликханом и его попутчиками. Они едут за дровами в горы. Интересуются, кто мы и куда направляемся. Говорят, что до обеда мы все равно не дождемся машины до Зимтута (где начинаемся пешая часть нашего маршрута), и предлагают съездить с ними в соседнее за Котутом ущелье, а к обеду они доставят нас обратно к повороту. - Что же, мы согласны. Это лучше, чем уныло сидеть в ожидании на дороге.

Появляются пиалы и фарфоровый чайник с чаем на 5 копеек, лепешки и карамель, потихоньку пьем. Наши новые знакомые как-то не внушают мгновенного к ним расположения - это не те простодушные таджики, у которых мы ночевали. В их усмешках чувствуется «не лучшее» влияние цивилизации, особенно у напарника. После его рассказов о том, что все воруют, но что он напротив, только путем безобидных и частных махинаций построил себе какой-то грандиозный дом и т.д., неприятное впечатление только усилилось. Сам Моликхан кажется более откровенным и простодушным. С шоферским ужасом рассказывал он, как приходилось водить машину по дорогам высокогорного Памира, и нравах тамошних жителей. Его фраза о том, что в тех местах «и советской власти почти не признают - даже базара нет!» - вызвала наш бурный восторг. Какое значение придает этот таджик в своей жизни базару! Он еще не женат - не скопил пока денег; просит нас присмотреть в Москве ковер и написать ему (мол, только в Москве бывают дешевые ковры, здесь же они - втридорога). Вообще-то странное положение для такой «ковровой» страны, как Средняя Азия! Мы обещали написать, дали свой адрес: в общем, дружба!

***Комментарий-77.** Я с удивлением перепечатал этот эпизод. Таджики с увлечением говорят нам о благотворной роли рынка и честности левого бизнеса, т.е. формулируют мои сегодняшние убеждения, а я отмечаю в дневнике лишь*

свое неприятное об этом впечатление и высокомерно намекаю на «нелучшее влияние цивилизации на простодушных таджиков». Боже, до чего ж я был недалек тогда в своем высокомерии! И насколько эти таджики были взрослее меня, разумнее и даже «прогрессивнее»! Как же неистребим в нас миф о превосходстве образования над «серой массой рядовых людей»!

Заплатить за чай они нам не позволили, а за дорогу мы уже не предлагали. Удивительно легко заводятся знакомства в этом путешествии. Думаю, это было бы невозможно, не будь мы только вдвоем, только рядовой семейной парой, а допустим, в составе большой тургруппы.

Д/ф16. Чудо второе - шофер Моликхан, забросивший нас на своей машине в глубь фанских предгорий.

17. Он подобрал нас на дороге,

18. напоил чаем в каком-то кишлаке и

19. подвез к лесорубам в одно из боковых ущелий.

20. А под конец, уже лесорубы, напоили седьмым номером таджикского вина, накормили дыней с лепешками

21. и указали нам путь к кишлаку Артучь.

Дневник. Дорога втягивается в ущелье, хотя ее, как таковой, почти нет - есть только слегка выровненное русло небольшого ручья. Часто машина останавливается, Моликхан вылезает, отбрасывает несколько крупных камней с пути и неторопливо трогает дальше. В старину, видно, таким способом и прокладывали дороги, только не автомобильные, а ослиные.

Солнечные лучи, не пепелят окружающее - кругом яркая и сочная зелень трав и кустарника. Мы уже успели отвыкнуть от такой зеленой свежести в Средней Азии, а здесь - и воды больше и пыли нет, как внизу. Склоны обступивших нас гор каменисты и покрыты редкой арчей. Арча - страшно корявое хвойное дерево типа можжевельника, который дорастает до толстенных низкорослых стволов. Это основной вид местного топлива. И уже в походе мы только с арчей и возились у костра. Туристским топориком ее твердую

древесину не возьмешь, гораздо легче просто наломать сухих арчовых веток. Так я и протаскал весь поход зря шестьсот топориковых грамм.

Начинают тянуться поленницы дров: арчу рубили на склонах и сбрасывали вниз, подготавливая к вывозке. Но Моликхан не обращает на них внимание и катит дальше. И вот машина вскарабкивается на очередную площадку и останавливается. Откуда-то сбоку подходят люди, и я с удивлением обнаруживаю, что мы стоим как раз рядом с человеческой стоянкой: красное одеяло на земле под деревом, очаг из камней, где греется черный кувшин на подернутых пеплом углях; ружья, прислоненные к дереву. Здесь живут лесорубы, одновременно они пробавляются охотой на диких свиней, которых, как говорят, здесь порядочно водится. Мы, правда, не видели ни одной.

У всех лесорубов весьма экзотичный вид: рваная, в заплатках одежда и разноцветные тряпки на головах, что не уменьшает достоинства и естественности в их облике. На нас не обращают внимания. Потом приглашают обедать в общий кружок: и снова восточная вежливость и предупредительность. Чай и лепешки на месте, из машины достается огромная дыня и «таджикское вино № 7». Думаю, что эта провизия каким-то образом входила в сложные расчеты за дрова, но мы - гости, ни о чем заботиться не следует. Не пить нельзя, и мы пьем: Лиля - меньше, я - больше. Ей проще. Пытаемся уменьшить свою долю, мотивируя, что нам надо еще добраться до Зимтута, но нас наперебой успокаивают, что это совсем не трудно и не далеко, что отсюда можно легко подняться на перевал и оттуда - в Зимтут. Чуть ли не за пару часов. - Что ж, отлично! Правда, на это место у нас совсем нет карты, но если дорога ясна, можно начать поход прямо отсюда, от этого обеденного «стола».

В головах у нас уже шумит, все вокруг становится простым и легким. С умилением мы смотрим на окружающих, не забывая вытаскивать из таза куски дыни один за другим. Но вот обед закончен. Лиля смотрит на часы - уже третий час!

Пора! Благодарим, еще раз обмениваемся адресами, взаимными приглашениями в гости, прощаемся. Взваливаем, наконец-то, рюкзаки и... пошли в указанном направлении.

Д/ф «Фаны» Начались горы!

22. Первые шаги похода! Кто не знает их тяжести, вернее, тяжести первоначальных рюкзаков?

23. К тому же шумело в голове от выпитого вина, и через час ущелье, в которое нас занесли нетвердые ноги, выродилось в ручей.

24. Уж лучше не вспоминать, как корячились мы в этом цирке, вылезая вместо перевала на лесистую «балду».

25. Я, во всяком случае, еле переводил дух и руками

26. разгибал ослабевшие колени.

27. А перевал оказался - чуть ли не проезжей дорогой.

28. Мы добрались в этот день до кишлака и не без помощи

29. очередного чуда.

30. Эти ребятишки, вывезенные из кишлака вместе со скотом на верхние пастбища, давно не видели туристов, и мы стали для них событием не меньшим,

31. чем они для нас.

32. Спустившись из аула в кишлак Артучь - этот отправной пункт фанского маршрута, мы здесь заночевали...

Дневник. Странное это было начало: с неизвестного места, без карты, в середине дня и выпив, мы начали идти довольно бодро. Дорога почти сразу превратилась в тропинку, а та - просто в сухое ложе ручья. Но идти по нему было довольно удобно, и потому мы беспечно и довольно долго перлись вверх. Постепенно Лиля стала уставать и отставать, а меня стали посещать сомнения типа: «А туда ли мы идем?» или «А почему это вдруг на перевал и нет хотя бы тропинки?»

Рюкзак вдруг стал ужасно тяжелым. Он стал весить не свои 30 кг, а гораздо больше 40-50 кг байдарки, которые я таскал в Подмоскowie. Посовещались: похоже, не туда зашли. Но возвращаться не будем: слишком тяжело возвращаться с таким грузом вниз, угробив работу по подъему. Хребет

невысокий - может, сумеем перевалить его в другом месте, если даже на перевал не выйдем. В общем, винные пары еще действовали.

Вскоре наши худшие опасения стали подтверждаться: ущелье ручья стало выполаживаться и превращаться в обыкновенный цирк, конечно, чем дальше, тем круче. Никаких перевальных понижений не видно ни справа, ни слева - остается идти только вперед. К нашему счастью, крутизна не доходит до отвеса, но идти можно почти на пределе. Сухая земля почти без травы, ссыпавшиеся под ногами камни. Мы уже передвигаемся на четырех конечностях. Справа виднелась какая-то цепь крупных камней или скал. Подался туда, стремясь хоть немного улучшить условия подъема. Лиля же подалась влево, заметив там более пологий склон. Она двигалась серпантинном по склону, с силой вбивая ранты ботинок в сухую и твердую землю. Мы даже заторопились - овладел какой-то отчаянный порыв. По всему чувствовалось, что такой крутой подъем не может долго продолжаться, что скоро он - или кончится, или превратится в неприступный для нас. Желание поскорее увидеть исход заставляли нас торопиться. Но в то же время силы, которые мы так щедро расходовали вначале, теперь почти иссякли. Я лез по своему гребешку почти совсем обессиленным. Скалы оказались сложенными из очень непрочной породы: какой-то коричневатый сланцевый камень, легко обваливающийся под рукой большими и тонкими плитами. С трудом можно было найти опору среди этой внешней внушительности.

Непередаваемо трудно! Но когда я услышал крик Лили, что она уже на гребне, и понял, что она находится на одной со мной высоте, а может и ниже, что я просто зря прусь на какую-то вершину, то стало еще и стыдно. Заторопился, бросил свой гребешок, и кинулся влево, к группе деревьев, за которые можно было цепляться. Вот Лили уже ближе. Вот уже в 10-15 метрах. Ждет, что совсем непереносимо. Я еще больше тороплюсь. И вдруг наступает неожиданное: ноги отказываются работать в самом прямом смысле - их сводит

судорогой. Такое со мной впервые, и потому пугает и отрезвляет одновременно. Медленно, помогая руками ногам разгибаться, поднимаюсь на гребень. Все! Взошел, вернее, вполз...

За перегибом те же зеленоватые горы, покрытые редкой арчой. Ну что ж, поднялись на первый перевал. Но нет у нас чувства радости - только растерянность, стыд и злоба на себя за растяпство.

Обещаю себе на сложных участках в будущем пропускать вперед Лилю - у нее больше альпинистского опыта. И, в конце концов, даже хорошо, что наш первый перевал получился комом. Зато научил нас осмотрительности.

Спустившись до перевалочной точки, мы еще больше расстраиваемся видом утоптанного пологого подъема. Ну да, хватит!

Куда теперь идти? Все советы давно вылетели из головы. Но вот и везение: Лиля замечает на склоне горы две палатки. Оставив на перевале рюкзаки, через пять минут мы здороваемся с молодыми практикантами-геодезистами, по виду почти школьниками. Мы торопимся, поэтому стараемся только расспросить дорогу. К нашему удивлению, у них нет карты района, а есть только подробнейшая съемка этого места (1см=25м). Кишлака Зимтут нет, зато указан кишлак Артучь. Ну что ж, этот кишлак мы тоже знаем, от него даже удобней дойти до озер Кули-Калон, чем от Зимтута. Мы получаем самые подробные сведения, как дойти, где какие будут тропинки и ложбинки и какие из них надо выбирать. Да, хорошо бы иметь такую карту на весь маршрут. Вздыхаем, высказывая столь «неумеренное» желание. Может, только наши дети при коммунизме будут иметь такие карты, а сейчас изволь довольствоваться шестикилометровками, да еще составленными так плохо, как будто редактор старался нарочно исказить действительность.

Мы поднялись с корточек: «Спасибо, ребята. Теперь-то доберемся». На прощание трачу несколько кадров на

злополучную балду, на которую я чуть-чуть не забрался с полным рюкзаком, идиот.

Через полчаса пологого спуска увидели, среди огромных камней, кибитки с маленькими человеческими фигурками. Как потом узнали, это селение, в отличие от кишлака (зимнее жилье), называли аул, где летом живут пастухи со своими семьями. Здесь же проживает и большинство кишлачных детей, которых сюда привозят, как в санаторий: прохлада, молоко, чистый воздух, зелень, а внизу в кишлаке - жара, мухи, пыль... Когда мы подошли, нас окружили дети. Боже мой, до чего же они были замурзаны, личики грязны и покрыты паршой! А что же с ними творится внизу? Лиля переполняется жалостью, а я что-то ворчу, что здесь и грязь-то не грязь, и парша - не страшно. Между тем дети наперебой кричат несколько русских слов: до свидания, рус, показывают на фотоаппарат, просят сфотографировать. Мальчик постарше приносит большую миску простокваши, две ложки и лепешку. Как же мы ели! Как упивались этой вкуснотой! Лиля до сих пор убеждена, что подобного молочного продукта не может быть в Москве. Мы ели и нахваливали, а ребяташки возбужденно орали что-то свое. Туристы, наверное, сюда заглядывают очень редко, поэтому мы были для них большим развлечением. Восторг их безмерно увеличился, когда Лиля раздала полкило походных конфет, взятых еще в Москве. Она была права: разве можно сравнить удовольствие от самих конфет с удовольствием наблюдать этот ребячий восторг?

Приволокли еще две миска простокваши, но есть нам уже невозможно. Пришли двое взрослых. Тоже удивлены нашим появлением, рассказывают о дороге вниз, предлагают опустить наши рюкзаки на ослах, которые скоро потащат в кишлак дрова. И наш ответный восторг.

И вот пришли ослы. С каждого бока у них приторочено по арчовому бревну, комель которого волочится по земле. На одного осла грузят наши рюкзаки. Он явно недоволен такой добавкой и сердито спешит вниз, даже опережая погоняющего

его мальчугана лет 11. Старик-отец погоняет второго ишака. Мы идем налегке, пытаюсь избежать пыли, поднятой этими благородными трудягами. Только теперь, без рюкзаков и после недолгого отдыха, мы почувствовали, до чего ж устали. Лиля еще и хромает: натерла ноги.

Комментарий – 77. *«Может, только наши дети при коммунизме будут иметь такие карты». Эта фраза ставит меня сейчас в тупик: неужели 10 лет назад я верил, что наши дети будут жить при коммунизме? Конечно, я и сейчас не расстался с верой в приход далекого коммунизма, но только так - в туманном далече, а в близкий приход - неужели верил?*

Наверное, я тогда больше верил в кибернетику и близость прихода полностью автоматического производства и называл последнее коммунизмом - отсюда эта нечаянная фраза. Сейчас в такую близость я не верю. Одной молодой иллюзией меньше.

Но еще больше мое удивление вызвало чуть позже высказанное тогда удовлетворение по поводу раскулачивания «богатых баев» в горной деревушке - поскольку мы можем спокойно переночевать в их захудавших садах! И это говорил внук раскулаченного крестьянина - и говорит спокойно, чуть ли не с радостью? А что же можно ожидать от остальных. Мне не стыдно говорить об этом, ведь такой толстокожестью грешат многие наши сверстники. 35 лет спустя этих великих злодейств, внук одной из жертв удовлетворенно славит «великие дела» - возможно ли где еще такое историческое и нравственное невежество? Нет, другого примера найти трудно.

И вдруг дорога выходит на край обрыва, и мы застываем в восхищении: озаренная уходящим солнцем, лежит под нами горная страна. Далеко внизу утопают в зелени кишлаки Артучь и Яккохона, а за ними громоздится ущелье, по которому нам завтра подниматься к озерам Кули-Калон. С трудом умечаю этот восторг в два последовательных вертикальных кадра (жаль, что не получились).

Между тем, наши рюкзаки резво побежали вниз на ишачьих ногах. Сперва я был удивлен, как можно спускаться с такого обрыва: оказалось, и здесь проложили обычный ослиный серпантин. Из-за крутизны бежать много легче, оставляя старика с его ишаком далеко позади. Нам он не нравится. Лиля слышала, как он сделал мне предложение на завтра доставить наши рюкзаки на Кули-Калон за 10 руб. Но мы уже избалованы бесплатным гостеприимством, да нам и не нужен такой комфорт за 10 рублей. Лишних денег нет, да и не для того сюда пришли, чтобы пользоваться ишаками - сами себе ишаки!

Однако трудно будет отказаться от услуг старика, если будем ночевать у него. И как тогда расценивать ослиную работу сейчас: как простую любезность, как мы сперва и поняли, или как высокооплачиваемую работу? Наверное, старик неплохо знает туристов, подрабатывает на них - цены знает... Решаем удрать от него, благо обстановка нам в этом благоприятствует... А ноги, между тем, начинают болеть от длинного спуска. Догоняем наши рюкзаки. Они уже вступают в пределы кишлака. Вот мальчик загоняет осла в один из первых дворов и начинает его развьючивать. Мы бросаемся ему помогать и торопливо взваливаем на себя ослиную поклажу: «Большое спасибо!» Мальчик безмерно удивлен: «Оставайтесь, куда вы ночью пойдете?» Мы отговариваемся любовью к палатке и поспешаем, пока не приблизился старик. Сбежали. Неловко, конечно, да это лучше, чем потом извиняться.

Солнце давно зашло. Темнеет довольно быстро, поэтому надо торопиться с ночлегом. Идем узкими безлюдными кишлачными улицами, спешим выйти. Вот дома исчезают и за невысокой каменной оградой - что-то вроде колхозного сада. Перелезаем ограду и устраиваемся у какой-то скирды необмолоченного хлеба. Огонь разводить не будем, чтобы не привлекать внимания, а вода журчит в двадцати шагах от нас. Иногда к ручью в этом месте приходили

женщины с кувшинами, совсем как в старинных восточных легендах, и, не обратив на нас внимания, уходили.

Ужинаем всухомятку. Усталость. Нежелание двигаться. Однако у Лили еще хватает энергии бояться змей в этом райском саду. Начитавшись в Москве про кобр и гюрз, она буквально терроризирует меня своей убежденностью, что гады кишмя-кишат вокруг. И только приход сторожа таджика ее успокоил. Он разрешил нам ночлег, только просил не курить на хлебе и уверил, что в таком открытом месте змеи не водятся. Немного постояв, он ушел, пожелав спокойной ночи.

И снова повторилась сказка прошлой ночи: яркие звезды и сад в середине долины, окруженной высокими темными горами, лишь на макушках подсвеченных ушедшим закатом.

Оказывается, на этом месте раньше были усадьбы богатых. После коллективизации их дома опустели, обветшали и развалились, изгороди затем снесли и получился единый сад. Хороший сад, раскидистый, непохожий на русские колхозные сады из низкорослых деревьев. Хорошо, что это были баи, что у них было достаточно средств для устройства таких участков и ... хорошо, что теперь этот сад доступен всем, даже нам. Спали бы мы здесь, если б хозяйничали эти самые раскулаченные баи, как же! Где-то лает собака, где-то горят тусклые огоньки, где-то течет нерусская жизнь, а мы вот здесь, как будто с края света... Ощущая нереальность происходящего, засыпаем.

Комментарий – 77. *Лишь много позже, в тянь-шаньском диафильме мы коснулись проблем здешней чабанской и аульской жизни, но не на основе собственных ничтожных наблюдений, а по произведениям Ч.Айтматова. Все труднейшие проблемы неурядиц со скотом, лишь краешком виденной нами нищенской жизни, человеческие трагедии может раскрыть лишь свой для гор человек, проживший здесь не часы и дни, а годы, если не жизнь.*

Самостоятельных выводов об этой жизни только из туристских касаний, конечно, не сделаешь. Можно

запомнить необычное, задаться вопросом, а потом искать ответы - как это произошло с нами.

Д/ф Алаудины

34. День первый, долина реки Артучь. Дорога на озера Кули-Калон. Недостроенная автомобильная трасса, перешедшая на втором взлете в ишачью тропу - ну и далась же ты нам!

35. Рюкзаки. Жара. Усталость. Пятиминутки через каждые полчаса и липнущая от пота одежда. Но самое интересное, что тяжесть не была нам в тягость.

36. Нас было двое и никто нас не погонял, не надо было лезть из кожи. И хоть пыхтели сильно, но ползли, как нам хотелось, наслаждаясь и высотой гор, и шумом реки, и необычностью пейзажа.

37. Вот здесь меня остановила ты цветом фанских осыпей: «Смотри, такого на Кавказе не увидишь». И дело не только в геометрии, вдруг выросшей сквозь дикий хаос каменного лома, а в цвете - в тонкости полутонов на каждой осыпи.

38. Чего тут нет: и красно-желтое, и фиолет, а дальше зелень с желтым - чего тут нет!

39-41. И дарят осыпи свою красоту потоку Артучи...

42. Кули - озера фанских гор с такой водой холодной, что даже рыбы нет в них. Здесь мы обедали у маленького костра из арчовых сучьев. А потом Витя купался...

43. А ты смеялась и, наверно, больше над тщеславной просьбой: сфотографировать мое купанье в горном озере. Мальчишество, конечно, но пусть - смеялась не обидно.

44. А может быть, самой хотелось попробовать прозрачной зелени воды, попробовать всем телом сразу, как эта изумрудность покажется внутри. Но было холодно и боязно решиться. «Да ну его, купанье. Пойдем-ка лучше дальше».

45. Пошли дальше - под перевал. Недолго шли, крупный дождь заставил остановиться под этой арчой на ночевку, начался этот день с жары и пыли кишлачной, а

кончился под перевалом холодом и ненастьем горным. Ведь хоть и в Средней Азии, но Фаны - горы.

Дневник. Прошло полтора дня. Мы медленно в тяжело поднимаемся на алаудинский перевал. Идем уже давно, с самого утра, собравшись сразу, как только вставшее солнце осветило вершину Чимтарги и разогнало туман над нашей стоянкой у верхних Кули-Калон.

Горы! Вчера их снежные склоны на фоне ненастного неба казались мрачными, холодными, гнетущими и тяжелыми, а сегодня утром я еще не видел более грандиозного зрелища, когда из клубящегося молочного тумана, вдруг очистился кусок голубого чистого неба и часть вершины с красновато-коричневыми скалами и искрящимися белизной снегами. Испытываешь какой-то телячий восторг с сожалением, что эта феерия света скоро кончится.

Прекрасно видны два синих Кули-Калона, ниже - плоскость разлива Артучи. За склоном - край большого зеленого зеркала главного Кули-Калон, этой местной Рицы, б-р-р-р, какой холодной. Виден и тот пропил в горах, через который мы вчера поднялись, преодолев три гигантских уступа, по которым Артучь спускается в обжитое людьми ущелье, к аулу Яккохона. До чего же нам было легко идти: автомобильная дорога! Горизонталь! Шоссе! Автострада! А как приятно мы там полдничали! Какое молоко! вай-вай! Со вздохом вспоминаем теперь, на этом чертовом крутом подъеме, о вчерашнем блаженстве. И ведь в обмен за эти полднишки требовалось всего лишь сфотографировать тщеславных жителей. Оказывается, великое дело фотография! Можно путешествовать по Памиру без съестных припасов, и за обещание прислать фотографию, а вернее - без всяких обещаний любой тебя с радостью накормит. «Фотоаппарат здесь кормит лучше ружья,» - шутили мы.

Да, хорошо было вчера - приятная дорога, вдоволь молока и много детского смеха. Лиле даже удалось часть пути проехать на ишаке. Сюда бы этого самого ишака, пусть сейчас бы нам помог.

Мы тяжело дышим. Садимся отдыхать через каждые 15-30 минут. Не помогает: после отдыха следующие десять шагов снова становятся трудными. Уже давно, кажется, должен быть перевал, а его все нет. Лиля начинает даже сомневаться в правильности подъема, показывая на соседнее, более низкое ущелье, но я тяну вверх - ведь инструктор «плановых» туристов, стоявших вчера на Кули-Калоне, без сомнения показывал нам именно это ущелье. Ошибки быть не может. Но физическая слабость толкает к сомнению и унынию. «Виновата горная болезнь - объясняет Лилия - слишком уж мы поспешно, почти без всякой акклиматизации, лезем на второй уже перевал. Ведь ни вчера, ни сегодня мы почти ничего не ели (молоко не в счет)».

Это верно. Еда в эти дни кажется противной, и только пьем много. Сегодня оставили на стоянке четверть всех своих сухарей, и все равно при таком аппетите половина оставшегося запаса окажется излишней. Горная болезнь ... Казалось бы, что из того, что мы нашли название своему состоянию? Но идти стало проще и веселее: ведь горная болезнь должна сама собой пройти через несколько дней, или как только спустимся пониже.

Но пока нам надо еще выше, где висит перевальный туман, пробитый солнечным светом. Снизу долина тоже закрывается туманом - мы в туманном мешке. Нижний туман нагоняет нас, но торопиться нет сил. Когда мы, наконец, вползаем на перевал, он оказывается разделом двух воздушных сред: туманно-облачной сзади и прозрачной впереди. А внизу разворачивается алаудинское ущелье...

Д/ф 48. Подъем на алаудинский перевал. 3890 м., 1,5 км. перепада высоты в день. Еле плелись. Это был пик нашей неакклиматизированности. Даже бросили часть продуктов - в Москве переоценили свои силы. Передыхи через 10 минут,

49. но через 10 шагов требуется новый отдых,

50. 3890 метровая высота нормальных кавказских вершин, а здесь даже снега нет - травка, хоть и холод собачий.

51. Прощаемся с долиной Артучи, с зелеными Кули-Калонами. Вчера встретились, а сегодня прощаемся. Таково уж туристское счастье - хватай глазом, сколько можешь, да побыстрее, - ведь впереди ждет новое. И грусть расставания с увиденным заглушается предвкушением новой встречи, новых впечатлений.

52. Хватит смотреть назад! Вперед и вниз с перевала, где синеют семь алаудинских блюдец

53. под тенью пятитысячника Чапдары...

Дневник. Рядом с нами вершина 4300 кажется совсем близкой - рукой подать, и все равно равноудаленная Чапдара внушает невольное уважение. В прошлом году одна из альпинистских групп получила золотое приз первенства страны за восхождение на нее по маршруту 5-б категории.

После отдыха начинаем траверсировать склон, пытаюсь выйти в верхнюю часть ущелья из экономии высоты (смутила боковая тропка). Но скоро натываемся на боковой скальный гребень. Для разведки слазил на него, впервые испытал на деле приемы лазанья по скалам, о которых с таким удовольствием рассказывала Лиля. За гребнем оказался почти отвесный обрыв - ну и до свидания! Так, сделав по склону большой зигзаг, понеслись вниз. Крутой склон и крупные камни, потому бежим прыжками. В общем, к озеру спустились не столько уставшими, сколько без ног.

Вот она, долгожданная синяя радость алаудинских озер, самых красивых в этих горах. Невольно тянет говорить гоголевскими словами: «Знаете ли вы украинскую ночь?» Нет, вы не знаете алаудинских озер! Нежное разноцветье воды, блики на солнце, еще более тонкие гаммы цвета осыпей и зеленых берегов, отражения снежных вершин. И все это постоянно переливается и меняется. Наслаждаешься прозрачностью голубого цвета глубокой воды. Я еще не видел такой озерной красоты, а ведь вчера безмерно восхищался зеленым цветом вод главного Кули-Калона. Но такое разноцветье воды вижу впервые. Действительность превзошла все рассказы о чудесах фанских озер.

Лежим на берегу, лицом к озеру, вбирая его и уже позабыв пройденный перевал. Часто хватаюсь за фотоаппарат, делаю несколько снимков и заставляю себя остановиться: не трать кадры на одно и то же. Успокаиваюсь. Лиля разувается и с наслаждением шевелит разбитыми и залепленными пластырем пальцами, потом говорит: «Пойдем в конец озера, там, в роде, есть ровные площадки для палаток».

Но там были не только площадки, но и сами палатки нескольких групп, в том числе и наших самаркандских знакомых. Они тоже шли от кишлака Артучь, куда приехали на машине, но через перевал Лаудан - более низкий, хотя значительно удлиняющий путь. Сейчас они снимаются, чтобы за 3-4-часа подняться к самому перевалу и заночевать под ним. Так поступают все «плановые», стремясь пройти снежный Казнок пораньше утром, пока не раскис снег. Что ж, это разумно, но мы слишком устали, чтобы идти вместе с ними. Остаемся здесь. Ставим палатку на обжитом месте и желаем уходящим доброго пути.

Однако с их уходом берег вовсе не опустел. Но нам не до знакомств - до того полны усталости. Кое-как развели костер, пообедали и полезли в палатку отлеживаться. Вытягиваю ноги. Хорошо. Блаженство. Может, одно из самых сильных удовольствий в туризме. Лежишь, и постепенно исчезает усталость, начинают роиться сожаления, что снаружи - необычайная красота, что грех тратить время, крепнет желание вылезти, и смотреть, и впитывать, и запоминать окружающее.

Под вечер, сменив ботинки на легкие кеды, гуляем по всей долине, стараясь обойти все пять нижних озер. Каждое из них в своем роде, каждое интересно и красиво по-своему. Из-за вечера, я не взял аппарата, но уже невольно прикидываются завтрашние кадры. Вырабатывается уже привычка, это неплохо.

Вот второе озеро: оно лежит рядом с первым, но кажется глубже, а цвет воды - насыщенней. Огромные камни придают берегу совершенно дикий вид. Обрываясь у глубокой

воды, они позволяют заглянуть в самую прозрачную пропасть, в самую синюю синь, прерываемую лишь голубыми бликами солнца на маленьких волнах от впадающего недалеко водопадистого ручья. Берега озер покрыты арчой, что придает им вид таежных озер, какое-то неуловимое очарование Памирской Карелии, если суметь забыть на мгновение об окружающих горных склонах.

Террасой ниже речка Чапдара протекает через три озера поменьше и помельче. Одно из них настолько скрыто в деревьях и камнях, что я его нашел лишь на следующее утро - оно кажется белесо-зеленым от белых камней на дне. Второе озеро имеет зеленую воду, а третье - коричневый цвет. И все это лишь цвет придонных камней, а сама вода - прозрачное стекло. Все озера соединяются протоками и водопадами в самых неожиданных и хаотических сочетаниях с каменными завалами. Тонкий слой почвы на камнях источает влагу и возвращает сочную яркую зелень, столь редкую на сухом Памире. Необычайно живописное место!

На следующее утро, я пробежался по всем местам заново и без сожаления истратил пленку, моля небо, чтобы у меня удалась хоть часть кадров, чтобы осталась на память истинная синь Алаудин... Велико же было горе в Москве, когда после проявления горных пленок, они оказались темными, особенно озера! Я так ценил каждый кадр, что не дублировал их на разных выдержках, а везде увеличивал выдержку на больший свет в горах. Жадность до добра не доводит, и вот у меня теперь нет ни одного полноценного слайда алаудинских озер.

Возвращались к своей палатке затемно, по незнакомому берегу, нащупывая дорогу между камнями. Вот и костер «плановых туристов» под большим камнем. Двенадцать крепких загорелых парней и девушек сидят в тесном кружке. Светло только в этом круге, за его пределами - сплошная темь, озера в трех шагах не видно, камни - тоже. Одни звезды видны.

Подходим, приглашают на чай. Дают по кружке и горсти печенья. Смеются: «Печенье вместо хлеба взяли на промежуточной базе в Зимтуте. Их маршрут рассчитан на 11 дней, но продукты они несут на 6. Так легче. Еще раз жалею, что с собой много взяли продуктов. Сухари выбросить легко, а вот тушенку - жалко, придется тащить до конца похода.

Присматриваемся к ребятам. Каждому от 18 до 22-х, не больше. Брызжут здоровьем и весельем. По сравнению с ними мы чувствуем себя заморенными и старыми. Лиле от этого особенно грустно. Кажется, что им - все нипочем, а фанские перевалы - вообще пустяки! Молодцы ребята.

Веселье еще больше увеличивается, когда к костру подходят альпинисты. Их пять человек. Живут здесь, то ли как наблюдатели, то ли как обеспечивающая группа, а может, сами пойдут на Чапдару. Парни с республиканского сбора альпинистов Казахстана. Днем мы уже слышали, как они шумно оживились, увидев эту группу, только что спустившуюся с перевала: «Смотри, сколько у них девчонок!» А потом стали наперегонки зазывать: «Де-е-вочки! Иди-те к нам! У нас хо-ро-шо!» или: «А у нас мука есть, и масло есть! Идите к нам. Бли-ны нам печь бу-де-те!» Может, именно эти крики и заставили женщину инструктора выбрать стоянку для группы подальше от таких горлопанов. Тем не менее, сейчас альпинисты веселы и остроумны. Им уже по 25-30 лет, да и квалификация альпиниста в сравнении с туристом всегда вызывала у меня в памяти слова чеховского столяра: «Ты, Каштанка, супротив человека, все равно, что плотник супротив столяра».

Верховодил у пришедших в разговоре казах Миша. Его обветренное и уже морщинистое лицо, казалось, постоянно язвится прибаутками и насмешками. Овладел он вниманием девчонок самыми примитивными средствами и не отпускал их от себя. Истории о беспомощных или глуповатых туристах и о смелых и находчивых альпинистах, изредка снисходящих до того, чтобы вывести заблудившихся бедолаг на дорогу или через опасное место, следовали одна за другой. Когда

внимание слушательниц ослабевало, повторялось громогласно сообщение о том, что они сами здесь живут лишь для того, чтобы латать дыры на леднике для ротозеев-туристов, что снова и снова вызывало смех. Но и девчонки нашли способ над ними смеяться: «Раз вы такие сильные, возьмем вас с собой, но только в качестве ишаков - наши рюкзаки таскать. Но куда вам до ишаков! На ишака можно и два рюкзака взвалить, а вы и от одного отказываетесь.» Ну, и так далее. Приятно, когда такая пикировка обоюдна. Мы поздно ушли от костра: ведь завтра отдых.

Комментарий – 77. *Говорят, первая любовь самая сильная и незабываемая. Так и Фанский поход был нашей первой и самой сильной любовью. Мы осознали это чувство уже через два года, сделав его главной темой диафильма. Оно не потускнело и сегодня. И может, даже в старости мы будем повторять: «Далекие и молодые наши горы, наши Фаны».*

Первый походный день в горах... Сколько их было у нас, почти каждый год, сколько красоты, силы, счастья! Сколько раз мы воскрешали эти 10 фанских дней, конечно, не полностью, но все же возвращались в те дни. Сами упорно творили свою лучшую жизнь. И фиксировали ее в диафильмах. И вот теперь у нас на руках огромное богатство. Горы в летней и городской жизни - большая тема в наших диафильмах, выделенная особой частью. Здесь же я только выскажу убеждение, что не только человек создает себе среду, но среда творит его судьбу. Попали в горы мы любопытными туристами, а через 10 лет вышли из них совсем другими.

Д/Ф Гвоздь программы

69. День третий. Подъем к верхним ночевкам перед перевалом Казнок.

70-71. Снова усталость, непогода, снова мы держимся крепче друг за друга, как бы совместно защищаясь от неприветливых в тумане гор.

72-73. Ночевка у Мутных озер. Здесь Фаны суровы и неприветны, здесь даже озера, как исключение, мутны.

74. Но думается, фанская неприветливость вверху - только углубляет радость от солнечных красок внизу.

Дневник. На следующий день мы поднялись к Мутным озерам. Выходили при ярком солнце, но в пути небо стало закрываться тучами, заморосил дождик, а потом стало просто холодно. Такие перемены очень часты в этих местах и больше зависят от высоты, чем от погоды: на перевале - снежная крупа и собачий холод, а внизу - солнце и сушь. Однако километровый подъем заставляет нас не мерзнуть, а потеть.

В мрачное место мы пришли. Огромные коричневые камни, запрудившие воды ледника в эти грязные озера. Очень непривычно было видеть эту грязь на такой высоте, где, казалось, невозможна иная вода, кроме чистой и прозрачной. Какая-то глина размывается... Рядом - лед и снег, дальше красные скалы пика «Замок», но все это безрадостно в ненастье. Немного постояли и уже замерзли. Здесь уже нельзя просто посидеть или даже полежать на солнышке. Здесь мы торопимся и суетимся, устраивая палатку на камнях и разводя костер из принесенных снизу дров. Заваркой окрашивали мерзостный цвет мутной водички (на вкус же она вполне прилична). Когда подходят снизу «плановые», мы имеем удовольствие угощать их чаем, хоть и в ограниченном количестве.

После еды делать совершенно нечего. Обсуждаем завтрашний маршрут, как выйти на перевал. Наш спор разрешается инструктором, которая показывает правильное направление. Весь последующий час я расспрашиваю ее о дальнейшем пути, о том, как правильно выйти на следующий перевал «Двойной», и срисовываю подробную схему. Как после оказалось, втайне даже от самих себя, мы с Лилей решили попытаться пройти два этих основных перевала за один день. Это кажется большой дерзостью: ведь в Москве мы сомневались, сможем ли вообще преодолеть Казнок - 4040 м.

и Двойной - 4100 м. Специально для Казнока и взяли ледоруб. Но Лиля беспокоится за наше состояние: до сих пор еще не оправились от горной болезни, плохо едим и можем заболеть гриппом. Сегодняшняя холодная ночевка необходима, но завтрашнюю ночевку между перевалами, на реке Арг без дров, надо бы избежать. Я же всегда стою за убыстрение темпа ходьбы, за экономию дорогого отпускного времени! Ведь его так немного отпущено на нашу короткую жизнь!

Довольные друг другом за такое авантюрное решение, мы ложимся спать раньше, предварительно натянув на себя всю одежду без исключения. Это помогло согреться и заснуть.

Встали рано. «Плановые» еще только разводили костер, когда мы подошли к ним попрощаться. «Потопали». Протискиваемся сквозь каменные громады берега, огибая мутную водичку. В памяти всплывает сравнение этого пейзажа с норвежскими угрюмыми фиордами, хотя что же я могу знать о них, да и узнаю ли когда-нибудь? Выбираемся на обширную галечную отмель с глиной вперемежку. Стоит легкий морозец. Под ногами потрескивают льдинки лужиц. Небо почти безоблачно и темно от высоты. А восходящее солнце уже позолотило вершины двух пятитысячников, стоящих непосредственно перед нами: пика Энергии и главной вершины Фанских гор - Чимтарги. Красотища!

Но ледники еще в тени, особенно на седловине между вершинами, т.е. на перевале Чимтарга. Это перевал стоит иных вершин! Взойти на него можно только с кошками и другим альпинистским снаряжением. От него (4600) уже рукой подать и до пика Энергии, и до красавицы Чимтарги. А что, рассказывали же «плановые», как их один инструктор с туристом вдвоем взобрались на этот перевал, а потом и на обе вершины! Глядя вверх, завистливо вспоминаем эту историю-легенду, и отворачиваемся: такое не для нас.

Вот и конец ровному полю. Теперь налево и наверх. Поднимаемся по обледенелым и мокрым камням. Недалеко взлетает стая горных куропаток. Тяжело дыша, только взглядываю на них, испытывая, как всегда, досаду на себя:

ведь лежит в рюкзаке телевик, хоть и маломощный! Но ведь пока его достанешь, любая живность удерет. А нести аппарат с телевиком долго нельзя - кобура не закрывается. Так я понял, что фотоохота и напряженный маршрут - несовместимы.

Подъем крутоват, но силы у нас еще утренние, дышим ритмично - все идет хорошо. Вылезаем на боковой гребень: раскрывается вид на незнакомое ущелье, причем виден лишь снег и лед. Солнце уже слепит глаза, поворачиваемся к хребту. Вот оно - обширное снежное поле, полого поднимающееся к перевалу. Небольшой спуск, и мы идем по чьим-то старым следам. Жмурим глаза от искрящего на солнце снега. Совсем забыли, что это юг, Памир, жаркое лето, что недалеко 45° жары. Здесь - минус, здесь - зима. Лыжи бы, да вниз! Скоро перевал, идем почти без отдыха. Лиля начинает отставать, но остался последний крутой взлет метров на 40. Осторожно вбиваем ранты ботинок в начинающие уже раскисать снежные ступени, помогая делу руками. Хорошо, что вышли рано и снег еще держит.

Вот он, перевал. Вот она, высота 4040 м, на которой мы никогда еще не были. Вот он, гвоздь программы! Перед нами расстилается сердце горной страны. Мы - на главном Фанском хребте, направо от нас уходят на юг хребты с пиками Москва и Сахарная Голова, а налево - хребет с пиком Большая Ганза. Спуск перед нами - крут и прям, снега нет, но в начале идет мелкая осыпь, такая приятная при беге вниз (и ужасная при подъеме). 10 часов. Мы в приятном настроении: молодцы!

Ветра нет и солнце есть, и все равно холодно, поэтому ограничиваемся только самим «необходимым»: сфотографировал панораму, съели по порции традиционного мороженого из фруктового киселя и снега.

Бежим вниз. Ноги сами несут. Как на эскалаторе - тело летит по прямой, лишь ногами перебираешь. Но вот осыпь кончается. Теперь - камни. Движемся прыжками. Теперь все силы уходят на то, чтобы загасить, снизить скорость, ведь рюкзак вниз давит. Падаю - больно. Руку оцарапал, совсем

снижаю темп. И все же спуск у нас занял немного - час с лишним. Видно речку Арг. Стало жарко. Останавливаемся для смены «зимней» одежды на «летнюю» и решаем сразу идти вверх по речке на перевал Двойной. Как только склон позволил, мы свернула направо, проигнорировав внизу туристские палатки. Там полагалось бы и нам ночевать, но разве сейчас не начало дня (двенадцатый час)? Нет, сегодня мы забудем еще и второй гвоздь программы - пройдем второй четырехтысячник. Удивительно приятно от такой похвалы перед самим собой, от убеждения, что ты сильный, можешь сделать больше, чем «те», «другие». Я считаю такую тщеславность невинной и безобидной слабостью, потому что она тщательно скрывается от других, а иногда от самого себя.

Солнечная долина. Под ногами зелено от травы. Уже слышен шум от реки - близок полуденный отдых на ней. Неожиданно натываемся на баранье стадо, которое сперва просто не заметили среди обилия камней. Двое пастухов приглашают нас к очагу. Таджики, как всегда, предупредительны. Вода для умывания, суп, молоко, айран, свежие, только что испеченные лепешки и, конечно, чай до упаду.

Солнце печет, мы разморились так, что нет сил даже для изъявления благодарности. Нас уговаривают прилечь и заснуть. Нет сил отказаться. Откуда в этих, наверняка малограмотных людях столько такта и вежливости? Почитать для себя за честь, что любой незнакомый тебе человек получит от тебя пищу и помощь - на это способны лишь хорошо воспитанные люди, как эти пастухи из Пенджикента, не знающие ни слова по-русски. Да, образование и воспитание - это совсем разные вещи. И в смысле воспитания эти люди дадут сто очков вперед любому из нас.

Д/Ф 80. Полдень, спуск к реке Арг, в сердце Фанских гор. Ошеломляющее гостеприимство пастухов: гостеприимство, к которому трудно привыкнуть. Суп, мясо, айран, чай, хлеб - ешь, пей; кошма - спи, отдыхай. Будь гостем - больше ничего не надо! Вежливость, предупредительность,

мягкие интонации, добрые улыбки - господа, откуда взялись эти люди? Яркая зелень, солнца свет, ласковый прохладный ветер - что ж это за горы?

81. Но кто ж тогда эти двое, которые скатились с гор, не побыли и часа, не захотели отдохнуть часок у Арга, и снова побрели на трудный перевал?

82. Эти двое - мы сами, как ни странно.

83. Нас было двое, и вольны мы были делать, что хотели - идти, стоять, сидеть или бежать в любом количестве и мере, и потому решили мы на такое безрассудство: идти на перевал Двойной, а не успеем, так остановиться в каком угодно месте...

Дневник. Через полчаса у меня хватает силы подняться и поднять Лилю. Отдых, однако, произвел на нас деморализующее влияние. Испарилась инерция движения. Идти стало трудно. Среди огромной осыпи крупных черных камней мы шумно дышим от напряжения. Пытаемся вспомнить ориентиры, не выходит, тогда начинаем выбирать путь сами и довольно успешно. Я был даже недоволен, когда Лиля заметила впереди группу туристов и перешла на их путь. Двигались они тоже медленно и с частыми остановками, но догнать их мы не могли. Как только приближались к отдыхающей группе, она взваливала на себя рюкзаки и шла дальше, показывая нам спину. Странно! Ну, не хотят - не надо.

Идем следом, по пути осматривая лежащее в стороне озеро Бирюзовое. Его берега печальны и суровы. Растений почти нет, если не считать мелких цветочков в глиняных трещинах. Неподвижная сине-зеленая поверхность мертвой воды.

Впереди идущие не сделали заход на озеро, и потому мы очень удивились, когда почти сразу же догнали их. И снова они поспешно поднялись... А вот они сидят уже перед самым перевалом, восстанавливают дыхание перед последним подъемом. Их «передний» парень уже полез вверх, но сбоку по крупным камням. Идем вслед за ним, чтобы миновать отдыхающую группу. Путь оказывается не таким уж простым.

Возникает большое желание спуститься снова вниз и пойти более просто, но ... спускаться лень. Лезем порознь, больше на руках. Рюкзак страшно мешает, да и усталость дает о себе знать. Остерегаемся камней от парня сверху, но он достаточно осторожен. Вылезли. Неверными шагами огибаем скалки на гребне, спускаемся в перевальное седло и... обнаруживаем почти всю группу наших самаркандских знакомых из Казани (горьковчане после Казнока выбрали другой путь). Последний из них поднялся на перевал через несколько минут. Недружелюбно здороваются. Черт! Почему они такие надутые? И что значили эти маневры перед перевалом? И как они так быстро взобрались сюда, хотя перед перевалом сидели совсем обессиленными?

Но когда они достали из каменного тура перевальную записку, и стали горячо обсуждать, как писать свою, а потом нехотя совещались, дать ли ее и нам (все же тоже взошли) или нет, мы все поняли: эти ребята видели в нас конкурентов и потому спешили оказаться на перевале первыми. К их удовольствию, мы отказались участвовать в новой записке, ведь ни на одном перевале мы записок не трогаем. Ведь мы же дикие и отчитываться нам не перед кем. Стало немного смешно смотреть на эту тщеславную возню и неоправданное высокомерие. Неоправданное потому, что они были просто слабей нас и даже неорганизованнее. Особенным высокомерием отличались их две девицы. Парни были проще, но, задавленные тяжелыми рюкзаками (из-за ненужных подчас вещей), не они задавали тон. У девиц же рюкзаки были в обратной зависимости от величины их высокомерия. Неприятно иметь дело с такими людьми, и мы поспешили на спуск, договорившись перевальную трапезу устроить внизу, на леднике.

Д/ф 89. Перевал Двойной, 4100 м. Устали очень, но день еще не кончился - только пять часов, и есть надежда успеть добраться до озера Алло, где и дрова, и тепло, и зелень.

90. Помнишь, как резво мы мчались вниз по снежнику и леднику? Сзади тащилась группа казанцев, которых мы

догнали на перевале. Они только вчера прошли Казнок и давай сознаемся: это их слабость дала нам силы бежать быстрее.

91. Вы не осудите нас, горы, за это хвастовство. Ведь не обидное оно, ей-богу. И разве грех хотеть быть молодым и сильным, и разве можно винить нас в счастье?

Дневник. Черная мелкая осыпь сменилась длинным двухкилометровым ледником, вдоль которого тянулась боковая морена. Для удобства ходьбы перешли на ледовое поле. Вечерело, а впереди еще семь километров спуска до единственно приемлемой стоянки (с дровами) у озера Большое Алло (Уединенное). С ледника его уже легко различить в далеком «внизу». Торопимся... Весенние ручьи - мокрые ботинки. Голубой цвет ледовых ножек, на которых грибными шляпками лежат камни. А сзади - черные точки безнадежно отставших казанцев.

Под ледником делаем небольшой привал. Еда всухомятку и мороженое. Когда мы заканчиваем, появляется «передовой парень». Оказывается, его товарищи пошли по морене, что значительно усложнило их путь. Видно было, что ему хочется идти вперед и досадно на остальных. Сочувствуем и оставляем его в позе выжидания на камне. Как потом оказалось, ждать ему пришлось около часа, т.к. группа на морене «пообедала»

Пошли ужасно утомительные поперечные моренные валы с небольшими ровными площадками в перерывах. Кажется, никогда я так не уставал. Мне стал ненавистен мой рюкзак. Особенно это я почувствовал, когда вышли на последнюю равнину перед Большим Алло, пройдя маленькое серо-зеленое Верхнее Алло. Лиля тут нашла тропу и радостно побежала по ней, торопясь успеть до темноты, я же двигался, как автомат, без права остановки. Казалось - остановись я сейчас, и не смогу начать движение снова. Уже темнело, когда мы вышли к этому огромному (по горным масштабам) Алло. Не теряя тропы, прошли у воды опасные места, и вышли к костру и двум палаткам.

Все! Дошли! Можно представить себе наше торжество и гордость: путь, на который в Москве мы планировали три дня, мы сделали в один. Но больше такого напряжения не будет. Да и вообще, основная часть похода уже сделана! А завтра отдых! Ур-ра!

Комментарий -77. *Из нашей туристской компании мы первые попали в Фанские горы и, конечно же, предвкушали свои будущие рассказы о фанских чудесах (с показом свидетелей-слайдов) и о своей выносливости на «дороге трудной». Мы чувствовали себя разведчиками друзей и претендентами на их общее признание: «Уж если они вдвоем прошли за день два перевала, значит...» Ну и так далее.*

Мы шли вдвоем, но духовно были еще с друзьями, в системе их оценок и признания, не разорвали общих связей, не превратились в самостоятельных людей. Разрыв этой зависимости произошел гораздо позже, уже в Москве. Компания приняла наш маршрут очень холодно и равнодушно и даже не обратила внимания на нашу детскую обиду. Впервые отснятые нами цветные слайды еще никем не виденных фанских гор, мы так и не смогли им показать, не смогли уговорить послушать.

И, конечно, дело не в плохом качестве слайдов или нашем косноязычии. Нет, теперь я понимаю: в походе мы обошлись без группы и, может, хвастались этим, так что наш успех какой-то стороной принижал ее роль. И группа прекрасно могла обойтись без нас. Откуда-то и необъяснимо возникла антипатия, расстроившая все дело.

Но понять такое в те годы было нам решительно невозможно. Мы переживали и мучились, пытались пробиться к друзьям сквозь это равнодушие, совершенствуя способы передачи своих впечатлений о Фанах и Средней Азии: вместо беспорядочных рассказов - этот дневник, вместо разрозненных слайдов - диафильмы. Но в результате мы еще более отделились: не дождались ни просмотра, ни отклика. И так длилось не один год, прежде чем «диафильмы-дневники»

нашли себе наших друзей, а мы - привыкли к своей летней свободе и стали самими собой.

Всем известно, что страдание полезно. И мы на собственной шкуре узнали эту пользу. Без духовной размолвки с туристской компанией мы бы не испытали нужды в дневниках-диафильмах, не объездили бы мобильно всю страну. И еще. Не ощутив своей победы - превосходства в тот фанский день над группой казанцев, мы не оттолкнули бы хвастовством собственных ребят, свою группу. Разве могли мы тогда предполагать, что, смеясь на казанцами, мы смеялись над коллективом, в том числе и над своим. Если бы знали все будущие разочарования, ни за что б не смеялись. Хорошо, что не знали!

Д/ф 101. Райская долина. Дневка на озере Большое Алло. Отдых после 12 часов ходьбы.

102. Большое Алло заняло в нашей душе особое место. Мы оба влюбились в него. Нет, я не скажу, что оно лучше алаудинских озер - там больше разнообразия, больше расцветок воды и сверкания красок. Здесь же - все суровой. Благородно! - вот лучшее определение для Большого Алло! Тонкий синий цвет, большая гладь воды.

103. Непроступные отвесные берега с небольшими снежничками на одной стороне и розовыми кустами шиповника на другой.

104. Звонкая тишина гор. Пустынность.

Дневник. На следующий день мы встали поздно. Все тело болит, но душа... в душе царит праздничное настроение, как после очень трудного экзамена. Туристы уже давно ушли вниз, в Зимтут. С нами остались только казанцы - спят без задних ног.

Приятно вспоминается вчерашний вечер: когда мы приплелись сюда в девятом часу вечера, смертельно уставшими, то были буквально обласканы славными ребятами, особенно после того, как они узнали про наш перевальный дубль. Удобное место для палатки, борщ, кисель и несколько часов жаркого костра с разговорами и даже песнями. Эти

ребята показались нам менее подготовленными, чем та, первая группа «плановых» (а может, мы просто стали себя ценить выше?). Рыжий парень увлеченно рассказывал про радужность водопада на Искандер-Дарье и про то, как ему нравится вот это озеро, и как он доволен, что поехал туристом в горы. Другие парни возились с дровами, а девчонки о чем-то шептались с Лилей.

Казанцы появились уже в темноте: сперва «передовой парень», потом девицы вынырнули из темноты и сказали «передовому»: «Иди, там Арсен падает». Минут через 20 парень вернулся с тяжеленным арсеновским рюкзаком и плетущимся сзади Арсеном. Видно было, что Арсен определял скорость группы, но, тем не менее, его рюкзак совершенно не облегчали. По нашим же понятиям, обязательное правило туристской группы - уравнивать возможности всех ее членов. Иначе для всей группы будут сплошные мучения: один будет рваться вперед и досадовать на своих товарищей за медлительность, а другой будет еле плестись от непомерной усталости. Грустно зрелище такой группы...

А, между прочим, казанские девицы, не потерявшие высокомерия, натолкнули нас на изменение своего маршрута. Когда мы рассказывали об Алаудинах, они вставляли: «А Моргузорские озера еще лучше. Кто их не видел, тот не видел памирских озер. Жаль, что у нас мало времени, чтобы зайти туда». Мы промолчали, но зародилась мысль - у нас ведь есть время. Уже сейчас видно, что при таких темпах весь маршрут будет пройден дней за 10, а мы отвели на горы - 15. Почему же не сделать крюк ради «самых красивых памирских озер»?

Ушли мы во второй половине дня. Через три часа вышли к озеру Малое Алло, где нам обещали удобную стоянку. Мы шли интересной долиной. Высокие гряды камней; перегораживающих ущелье (результаты землетрясений) сменяются относительно ровными котловинами с высокими деревьями арчи, тополя и ивы. Как приятно идти по ровному месту, по траве, как живо

вспоминается подмосковный лес. Не ходьба, а сплошная прогулка!

Одно место нам показалось особенно удобным для стоянки: по широкой ровной долине растеклась множеством протоков вырвавшаяся из-под камней речка Зиндон. Чрезвычайно живописно и свободно растут кусты: барбариса, шиповника, и многих неизвестных нам. Особенно нас обрадовала дикая смородина. Я просто набросился на терпкую и кислую ягоду: видимо, организм в борьбе с горной болезнью нуждался в таком продукте. Фруктов нам явно не хватало. Когда через день одна старуха в благодарность за чай и сахар дала десяток второсортных яблок, я испытывал огромное наслаждение и благодарность и к старухе-подательнице, и к Лиле, которая уступила мне свою долю...

Вечер выдался ненастным. Ущелье затянулось низкими тучами. Но это было не страшно. Мы нашли удобную стоянку, где раньше жили челябинские туристы (от них мы нашли шутивное послание к своим наследникам, заключенное в гильзу патрона в консервной банке в каменном туре). Ровная площадка для палатки, очаг из камней, немного дров и отличное кресло из коряги арчи, поэтому разобрались с бивуаком мы быстро. Когда начал накрапывать дождь, из палатки торчали только наши головы. Одетые в сухое белье, укрытые от ненастья, мы пили горячий, сладкий от неумеренного количества сахара смородиновый морс. Можно представить себе наше блаженство от такого уюта! Можно представить наше довольство самими собой! Но что такое довольство весьма недалеко от самодовольства, нам предстояло узнать на следующий день...

Д/ф 112. К вечеру мы пошли от Большого к Малому Алло по мрачной долине реки Зиндон.

113. Малое Алло - одно из многих фанских озер, неглубокое, нежноцветное. И если Большое Алло можно сравнить с гордой и строгой красавицей 18-ти лет, то Малое - девочка подросток, милая и ласковая.

114. Сам Зиндон разлился перед озером множеством ручьев, образовав красивую площадку для продолженья нашей дневки...

115. и Лилиных фантазий.

116. «И если правда, что господь и дьявол сообща творили мир, то, видно, дьявол рыл ущелье,

117. а на краю его кусочек сада, подобный райскому, устроил Саваоф.

118. Он разделил поток Зиндона на много малых и веселых струй, мельчайшей галькой он устлал долину и повелел расти садам.

119. Но дьявол, чтоб добро уменьшить, в кусты деревья превратил,

120. Плоды уменьшил до размера ягод, но вкус смородины испортить не сумел,

121. Усталым спутникам господь очаг поставил, и кресло из арчи соорудил. Опять же дьявол не стерпел и кресло превратил в арчовый ствол корявый.

122. И все ж не в силах оказался Вельзевул изгнать приветливость из этого местечка в конце угрюмого Зиндонова ущелья. Мы в полной мере насладились Добрым Даром!

Моргузоры

День чудесный. Небо синее-синее. Мы уже давно позавтракали и собрались в путь, но ... ждем. Ждем, когда солнце доберется до нашей палатки и, главное, сделает райскую долину пригодной для цветной фотопленки. Тень медленно-медленно ползет по высоким скалам и часам к 10-ти мы радостно заорали: «Свершилось!» Мокрая палатка буквально задымилась от жаркого прямого солнца. Через полчаса она уже лежала в моем рюкзаке почти высушенной и помогала набирать скорость при очередном спуске вниз.

Резво бежалось по хорошей тропе! Мимо озера, мимо проснувшихся казанцев («Прощайте, наверное, больше не увидимся»), мимо каких-то разваливающихся каменных оград, мимо небольших клочков поля с картошкой и кукурузой и

обтрепанных кибиток, наконец, мимо людей, попадающихся пока редко. Мы уже спускаемся в обжитую долину Арчи-Майдана.

Дорога кажется вполне ясной: по хорошей тропе вниз по Зиндону до впадения в реку Амшут, потом по Амшуту до впадения в большую реку Арчи-Майдан. Справок мы не наводим, раз все ясно... и заперорились. Не заметили, как Зидон впал в Амшут, а когда вышли к Арчи-Майдану, приняли ее за Амшут и пошли не вверх, как полагалось, а вниз, как по Амшуту. Нас не остановило ни сомнение Лили, что «слишком длинен спуск», ни автомобильная дорога вместо тропы, ни вдруг открывшийся кишлак в стороне от дороги, в который мы даже не удосужились зайти, ни недоумение мальчишек, которые показывали нам обратное направление. Только когда забрались в кузов грузовика, от своих попутчиков узнали, что едем по Арчи-Майдану и что если сейчас не вылезти, то очень скоро нас вывезут из Фанских гор прямо к Зеравшану.

Сгорая от позора, выпрыгнули из кузова и поплелись по уже пройденной дороге, мимо все тех же удивленных мальчишек. Гнали ужасно: кажется, нет нам покоя, пока не пройдем вверх эти лишние 5 километров (туда и обратно - 10 км) до исходного пункта. «Сам виноват, сам виноват, дурак... - ритмично твердил себе, шагая с удесятеренной яростью, - ведь надо быть таким самовлюбленным кретином, самоуверенным глупцом!»... Второй раз горы щелкнули нас по носу, и как раз тогда, когда потеряли скромность и наблюдательность. Слава богу, что горы учат жалеючи, на легких местах.

***Комментарий-77.** Отношение к горам, как к живым, зародилось у нас еще раньше Фан, но здесь оно созрело на долгие годы. Т.е., конечно, мы знаем их молчаливость и безотносительность к нам, но в то же время на практике усвоили, что уважение к горным трудностям, внимательность, боязнь ошибки или, как раньше говорили: «Страх божий» - очень помогают, сберегают и спасают. По-человечески было много проще и удобнее переводить эти правила на язык разговоров с горами.*

Так, невольно, ползушутя в теории, всерьез на практике укрепились наше одухотворение гор, наш пантеизм, не отменяющий, а лишь вкладывающийся в материалистическое в целом мировоззрение - просто как удобный язык для разговоров. Наверное, у разных людей существует разные потребности в языках разной степени религиозности и образности. Так, мне было достаточно лишь чувства «Живых Гор», а вот Лиле оказалось более свойственны образы Бога и Дьявола, чтобы воссоздать контрастность «Райской долины». Другим - еще больше. И все это неплохо, наверное, если знать всю относительность этих религиозных образов и сохранить в глубине души способность прямого, трагично-трезвого взгляда на реальные мир.

«Горы задали нам порку» - хорошо так сетовать, упрашивать и упрекать, даже молиться: так легче. Плохо будет, только если позабудем истинную подоплеку «сердитости гор» и не сможем реагировать как надо. Любой теизм - пожалуйста, но только не надо изменять реальности. Вот так в горах, но так же и в городе, при встрече с церковью. Религия - пожалуйста, но только не надо изменять своей реальности.

Вот и злополучное место впадения Амшута. Успокаиваемся. Ладно, горы, спасибо за науку, постараемся больше не попадаться на ваши шутки. Через километр добрались до другого крупного притока - реки Сарымат, по которой можно пройти в соседнее крупное ущелье: долину Шинга, к Моргузорским озерам. Стоим в раздумьи: идти туда, или нет? С одной стороны, у нас нет карты и подробных сведений, а с другой - у нас есть время и желание. Сомнения кончились после консультации, данной каким-то молодым таджиком. Когда он понял вопрос, то ответил вполне вразумительно: «До Моргузор-кули недалеко: до кишлака (или аула Сарымат) - 8 километров, а оттуда до озер - 3 км, итого 11 км». Отлично! В два-три дня провернем и эту экспедицию.

Пускаемся в путь, облегченные до предела - палатка, спальник, документы и деньги, еда на два дня и один рюкзак. Идем долго.

Д/ф 132. Быстрая Сарымат. По ее долине лежит путь к Моргузорам.

134. Поток холодной зеленой воды водопадом низвергается с одного скального на другой, выбивая в камнях маленькие участки ровных полей, питающих целый кишлак.

135-136. Помнишь, как звали нас в этом кишлаке пить чай?

137. Мы сидели с женщинами на веранде за чаем и примитивным языком жестов и случайных слов удовлетворяли их любопытство о себе, о Москве. Правда, нам они ничего не смогли сказать о пути, некоторые даже Моргузор-кули не знали. Вся жизнь их была ограничена вот этим кишлаком и верхним аулом.

Без груза мы идем очень быстро, а 8 км все не кончаются. Уже темно и совета спросить не у кого. Надо останавливаться, но тревожно стало от того, что аул не достигнут и под угрозой план завтрашнего выхода к озерам налегке. И все же надо останавливаться, оттягивать решение уже некуда. И вот оно, везение! Выглядывая в темноте площадку для ночлега, вдруг замечаем таджика, а затем в просвете меж кустами и его крохотное поле, и саклю из камней под огромной арчой. Одинокий колхозник! Как нам объяснили еще на Зеравшане, таких здесь много. Они числятся колхозниками, но живут отдельно, ведут примитивное, ручное хозяйство, поскольку большим полям в горах развернуться негде, а, следовательно, невыгодно применять машины. Поневоле эти люди ведут образ жизни, максимально приближенный к образу жизни их предков.

Обрадовано бросились к нему: «Далеко ли до аула? Порядочно! М-да! А мы все думаем, что он близко. А от аула до Моргузорских озер далеко? - До Моргузор-кули? Отсюда ближе. Кто хочет быстрее к кули идти, тот здесь ходит», - и он

показывает наверх, на крутое ущелье, по которому в кустах скатывается маленький ручей.

Ну, можно ли представить себе такое невероятное везение: случайно выйти на ближайший и кратчайший выход к цели? «Тропа туда хорошая ведет, сам хожу, наверху у меня земля с картошкой есть» - довершает хозяин наше ликование.

Воспользовавшись приглашением, здесь же устанавливаем палатку. Наш хозяин - горбун, лет 40, с кротким и добрым выражением лица, что как нельзя, кстати, подходит к окружающей его убогой обстановке. Живет он вместе с матерью, давно высохшей старухой. Кроме матери никого нет. Чтобы не возиться с костром, с радостью принимаем приглашение ужинать в сакле. Долго смываем дорожную пыль в ручье, снимаем обувь в знак уважения и, согнувшись немного, входим в дом.

Когда впоследствии в Хиве, Ашхабаде и др. городах приходилось в музеях смотреть макеты мрачных жилищ декхан, нам не нужно было напрягать свое воображение: нечто подобное мы видели в действительности. Сакля была в буквальном смысле сложена из камней, без всякой замазки, с большими щелями и зазорами. Крыша представляла несколько жердей, на которые был навален хворост с большими просветами. Правда, звезд видно не было: от них и от дождя хозяев надежно укрывала старая арча своей раскидистой кроной. Вместо дверей с наружной стороны просто приставлялся щит из нескольких досок в половину человеческого роста. Понятно, что никакой печи не было - ее заменил очаг у входа: три камушка и куча горячей золы, рядом небольшая кучка хвороста, с помощью которой старуха удивительно быстро разводила огонь нужной ей величины и длительности. На этом очаге делалось все: и пеклись хлебные лепешки, и жарилось мясо, и варился обед. Дым незаметно уходил через многочисленные щели между черными, закопченными камнями сакли.

На огне наш супчик очень быстро сварился. Потом, поудобнее пристроившись, пили медленно чай и неторопливо

разговаривали. Мы прекрасно понимали, что сейчас вовсе не восемнадцатый век, что этот декханин вовсе не единоличник, а колхозник, что он получает трудовни и может пользоваться благами культуры XX века, что внизу, в кишлаке - его настоящий дом, а эта сакля - только летнее пристанище, вроде полевого стана (хотя он и живет здесь больше половины года) и... еще многое; но чувство нам твердило иное: мы попали в далекие времена, к людям, которые живут так, как жили их предки чуть ли не тысячелетиями. И грустный облик хозяина делал очень убедительной нашу фантазию. Поддавшись этой иллюзии, было даже жалко разрушать ее расспросами о колхозной жизни, и мы постарались лечь раньше спать, все еще веря, что встретились с людьми прошлого века.

Комментарий -77.Пройдут годы, и наши встречи с таджиками в Фанских горах сольются с судьбами героев повестей Айтматова - нет, не в сознании, а в полузабытых воспоминаниях. И лишь дневник помогает освежить память и осознать.

Осознать? - как еще далеко до этого итогового слова. Жизнь среднеазиатского крестьянина или скотовода, может, наиболее традиционная из сохранившихся в Союзе форм, и, может, самая близкая к жизни наших собственных дедов, нами далеко не понята, несмотря даже на личные встречи. И может, жизнь пройдет, а мы так и не сможем сказать, что поняли и осознали. Во всяком случае, старались понять. Вот и последний, описанный здесь вечер: ведь в моей голове еще сидели вбитые глупости про раскулаченных здесь «баев», а сердцем уже всматривался в этих людей.

Утром мы убедились, что путь нам предстоял гораздо более 3-х км. Вышли рано, оставив палатку внизу. Освобожденно, но торопливо. Неожиданно долго добиралась до перевала мимо хозяйского картофельного поля (и как только из-за этой малости ему не лень таскаться на такую высоту - трудно здесь достается картошка), мимо каких-то разрушенных строений брошенного кишлака. Потом ущелье

превратилось в пологий склон, вокруг показались снежные вершины других, не фанских гор, а перевала все нет.

А когда дошли до перевала и глянули с него - озер не видно. Мы-то ведь надеялись, что от перевала озера в 1-2 км, и что, в крайнем случае, ограничимся обзором их с перевала. Но ничего подобного! Ущелье в зеленой траве и далеко внизу пасется скот, подгоняемый двумя красными пятнышками. Что делать? Решили: Лиля будет ждать на перевале, а я спущусь за сведениями к красным пятнышкам. Неужели придется все же отказаться от вида на Моргузоры?

Насколько же свободно без рюкзаков! Бегу широким размашистым шагом, огромными прыжками. Прошло совсем немного времени, а я уже спрашиваю у двух маленьких таджичек в заношенных платьицах, «Далеко ли до Моргузоркули?» - переминаются, смущаются, переглядываются. Потом одна, страшно робея, показывает на Лилину косынку, которой повязана моя голова от солнца. Конечно, отдаю - ведь для нее это большая радость (Потом Лилия припомнит, что испытал удовольствие от подарка за ее счет - ей-то уже не пришлось дарить косынки таджикским девочкам). Наконец-то, добиваюсь подобия ответа на свой вопрос: «То ли один, то ли два километра...»

Бегу вниз по невесть откуда появившейся речке. В месте, где река начинает спуск вниз по мрачному ущелью, стоит небольшой кишлак домов в 10. Мельком замечаю, как женщины стоят над изгородью и кричат что-то друг другу, потрясая кулаками. Наверное, женщины везде одинаковы. При моем появлении все прячутся, зато выскакивают все кишлачные собаки. Ужасающий лай, видно, соскучились по работе. Но вот появился таджик, отогнал псов и на русском языке спрашивает, откуда я, приглашает отдыхать. Объясняет, что до озер... немного немало как 4 км.! И это после того, как я настолько спустился с перевала и потерял столько высоты! Прямо застываю внутренне от досады. Возвратиться сейчас к Лиле, значит - отказаться... Эх, была-не-была, Лилия как-нибудь простит... И я малодушно бегу вниз, провожаемый

удивленным взглядом таджика. Он, наверное, встречал туристов, но такого - галопом, налегке, наверняка, ни разу.

Мой бег стал быстрым до неосторожности. Слава богу, что ничего не случилось, и я не подвернул себе ноги. 4 км промелькнули довольно быстро. Тропинка превратилась в хорошую дорогу, которая неожиданно вывела меня в широкую долину Шинга к большому кишлаку над огромным темно-зеленым озером (300-400 м. вниз).

Это и есть Моргузорское озеро. Я разочарован: оно такое же одноцветное, как Кули-Калон, только берега отвеснее и имеют более пустынный вид. Зря расписывали нам его казанцы. Бежать дальше вниз и некогда, и уже не хочется, думаю, что у озера такая слава только из-за его доступности для автомобильного туризма. Прямо ощущаю внизу автомобильную культуру... Ладно, некогда пережевывать старую антипатию. Два кадра в оправдание своего бега, и обратно.

Обратно, конечно, был не бег, а изнурительный труд по поднятию своего тела на потерянную высоту. В голове только одно - быстрее и еще быстрее, но поднимался, конечно, я медленно. Однако, на удивление, Лиля встретила меня на перевале совершенно спокойно, хоть и замерзла от ветра. Теперь бежать вниз было радостно - снова вместе и согласно.

Ночевали мы уже на Арчи-Майдане, при впадении в нее Сарымат. На выход к Маргузорам мы затратили полтора дня.

Комментарий-77. *Неожиданно решенный и удавшийся в целом выход к Моргузорам еще раз продемонстрировал нам пользу от мобильности похода вдвоем и закрепился на будущее полезным приемом.*

Фанский поход и вправду оказался для нас кладезем маленьких открытий - и в приемах ходьбы и выборе пути, и в восприятии природы, и в понимании друг друга. Здесь, в Фанских горах, мы родились, как туристская семья... и не только туристская, далеко не только.

Последний перевал

Впереди оставался только один перевал на пути к главному озеру Фанских гор - Искандер-кули, на котором стоит турбаза и к которому проведена автомобильная дорога. Для всех плановых туристов Фанские горы начинаются и кончаются на Искандер-кули. Надеемся, что в 2-3 дня эти 30 км пройдем.

Утром обнаружили крупную пропажу. Недосчитались 30 рублей, хотя основные деньги и документы целы. При выходе на Моргузоры один рюкзак с вещами мы оставили на хранение в палатке топографов на устье Сарымат. Сами хозяева отсутствовали, и наш рюкзак взяла их повариха, молодая, разбитная женщина. Мы грешим подозрением на нее, потому что я точно помню, как положил свой кошелек в рюкзак, думая, что он пустой. Теперь его не оказалось. Выпасть он никак не мог, значит, его взяли... Конечно, мы очень досадовали на свое ротозейство: Лиля - что не проверяла наличность, я - что не проверил кошелек перед тем, как отдавать рюкзак в чужие руки.

Конечно, остается вероятность, что кошелек потерял был помимо этой женщины, но очень маленькая. После раздумья решили, что вернуться и требовать не имеет смысла, хоть она и рядом. Если она решилась взять, то, конечно же, припрятала. Не будем терять время и нервы, просто спишем: «Что с возу упало, то пропало».

Весь день был невесел, испорчен этой гадостью. Даже горы перестали радовать. Как всегда, злость заставляет молчать, придает силы и гонит вперед. Лиля отстает, ее вовсе не прельщает такая гонка и мысль о том, чтобы пройти перевал уже сегодня. Только после обеда, когда определяется, что ночевать нам придется перед перевалом, я смиряюсь, и у нас восстанавливаются добрые отношения.

Тропа торная, широкая. По ней таджики часто ходят на Искандер-куль, гонят своих баранов, но только через перевал Дукдон (3700 м), мы же завтра пойдем через Пушноватый (4010) - более кружным и более интересным путем. Пока же идут места безрадостные. Солнце здесь безжалостное.

Выжженная желтая трава, черные склоны и лишь у самой зеленовато-белесой бурлящей воды Арчи гнутся кусты ив и шиповника. Изредка попадаются люди. Здравомоемся, аккуратно спрашиваем и отвечаем.

Вот совершенно необычная встреча с целой кавалькадой всадников на лошадях. У двоих - особенно гордый вид, упитанные лица, твердый взгляд и необычное здесь русское приветствие: «Здравствуйте, товарищи!» Какое-нибудь совхозное или колхозное начальство со своей свитой. Таджики на коне - а мы успели привыкнуть к виду таджика на ишаке. Но ведь воевали они в старину в конном строю! Ведь были таджики-джигиты! Наверное, встреченные нами чувствовали себя немного джигитами, поэтому у них был столь гордый вид, воскрешая в памяти беков или эмиров с их дружинами.

Перед разветвлением троп на Дукдон и на Пушкиватый, встречаем стоянку туристов из Челябинска. Здесь одна из опорных баз слета туристов Челябинска. Нам показывают путь, рассказывают о перевале, и, тем не менее, выйдя из лагеря... мы теряем тропу в прибрежной чаще. Гнусное дело - пробираться с грузом без тропы в таком месте.

Вот мы свернули на приток Арчи-Майдана - речку Пушноватый. Привал у смородины, где набрали ее на вечерний сироп, потом начинается медленный подъем. Последний подъем в походе.

Выбираемся в безлесную зону. Еще один привал у последней арчи, набираем дрова на костер. И снова подъем, уже с утяжеленными рюкзаками. Слева - розовый пик Сахарной головы, из-под нее течет ручей Сахарный (на вкус его вода - обычная, снеговая), а впереди сверкает на вечернем солнце ледник. Уже шестой час, и мы устали. Перед последним подъемом к леднику остановились, холодно даже на солнце.

Это вторая наша холодная подперевальная ночевка в Фанах.

Вокруг безмолвие и тишина, если не считать шум ручья. Но тишина эта не гнетет, не пугает - она добрая. Чистое закатное небо, теплый смородиновый сироп и сухой спальник в палатке. Когда вечерний туман, поднявшись снизу, закрыл от нас солнце, легли спать.

Утро же оказалось совсем иным. Серое ненастье, то дождь с ветром, то метель с крупой. Впервые я едва не отказался от костра. Даже сухой спирт не помогал: ветер безжалостно гасил любые попытки согреть сухие веточки арчи. Только когда я уже полностью лежал на мокрой земле, чуть ли не под штормовкой удалось затеплить огонь. Традиция горячего завтрака не погибла.

Такой холодный и безрадостный перевал в нашем походе впервые. Мокрые черные осыпи, покрытые тающей снежной крупой, вывели, наконец, на самый перевал. Чтобы удостовериться, прочли перевальную записку: последними прошли казанцы. Наверное, они уже на Искандер-кули. Да и нам туда пора. Об отдыхе у нас нет и речи, даже рюкзаки снимать не хочется. Теперь остался один спуск - 15-20 км. И мы уверены, что за день сделаем. Даешь!

Все теперь в последний раз, до жалости в последний раз. Последний раз снег, последний раз памирское ненастье, последний раз розовые даже сейчас склоны через туманную пелену. В последний раз мы испытываем смену времен года по мере спуска вниз.

Вот окончилось декабрьское ненастье и побежали весенние ручьи сквозь снежные мостики и пятна яркой зеленой травы, сливаясь в речку Ахба-сой. Становится светлее, а пройденный перевал скрывается в серых облаках. Вот уже проглядывает солнце, становится тепло, а на бегу - даже жарко; вот встречается отара овец, и таджики что-то кричат, наверное, приглашают на чай. Но нет, благодарим, мы сыты, не хочется останавливаться.

Прощайте, прощайте, прощайте!

Идем скорым шагом, почти бежим, особенно на крутых поворотах. В одной руке ледоруб, другая - привычно

лежит на фотоаппарате. И вот впереди угадывается долина Арга, куда гигантскими уступами низвергается Ахба-Сой. Впервые нам не жалко терять высоты - ведь больше не придется ее набирать. Чем ниже, тем лучше, тем ближе к великому празднику конца, великому блаженству трудного похода. Иногда думаешь, сласть туристического похода в его конце.

Комментарий -77. *Часть дневника, начиная со «Все теперь в последний раз...» практически дословно вошла в фанский диафильм(слайды171-179). «Прощайте, прощайте, прощайте!» - это чувство было таким острым, что осозналось уже в самом походе и отразилось в дневнике. В предчувствии потери, в остром сожалении и горечи впервые проявилась зародившаяся любовь к Фанам. Правда, в последующие годы это чувство посещало нас каждый раз при прощании с горами - вплоть до Тянь-Шаня. В нем сливаются и горечь навечного расставания (ведь мало шансов вернуться именно в эти места), и ревнивое сожаление к протекающей жизни и молодости.*

Постепенно в этих горько-сладких прощаниях с одиножды увиденными и полюбившимися местами все больше стала преобладать грусть - прощание с самим собой. Вот было лето-отпуск - и нет его, был год, один из немногих - и нет его. Вниз, вниз, к черной пропасти. Прощайте, прощайте, прощайте!

И нам уже не избавиться от этого, приобретенного в Фанских и иных горах ощущения светлой грусти. Даст бог, оно будет сопровождать нас до самой смерти. Ведь в нем нет слезливой жалости и нытья. В нем есть простое мужество человека, прямо, без загробных утешений и надежд видящего ход вещей и потому остро, жадно, с наслаждением впитывающего этот чудесный и столь кратко нам отпущенный мир.

Первый привал - на Арге, у березового ствола, служащего мостиком. Обед и отдых. Хоть и устали от спуска, но ... все хорошо! Уверены.

Однако горы - о, горы, наверное, самый великий психолог и знаток человеческого зазнайства из всех живущих, простите, существующих психологов. Горы тут же, без промедления, наказали нас. Не заметив, что от мостика тропа круто взяла вверх и вбок, мы уверенно пошли вниз по реке среди прибрежных кустов. Скоро берег стал крутым, а тропинка превратилась в баранью тропу, которых здесь полно. Явная ошибка, но возвращаться назад не хочется, просто лезем вверх, без тропы, надеясь на авось, и я начинаю злиться. Переломив себя, предлагаю вернуться, и с облегчением слышу Лилин отказ. Однако, чем дальше, тем хуже. Вверху нас ожидают отвесные скалы, тропа, наверное, идет выше них: Арг внизу шумит в каких-то порогах, а мы траверсируем крутой, из плотной земли, чуть ли не известняка склон. Очень легко скатиться. И не удержишь, потому что внизу узкой щелью бурлит Арг. Опасно, поэтому начинаем двигаться очень медленно. Лиля впереди шагах в десяти. Стало гораздо легче, когда она пустила в дело ледоруб и появились ее ступени. Теперь опасный склон спокойно пройден. (Потом мы говорили себе, что за весь поход ледоруб по делу пригодился нам лишь один раз, да и то из-за собственной глупости).

И только когда мы по боковому притоку, преградившему нам путь, поднялись к настоящей дороге, наказание наше было окончено. Горы ухмылялись, задав нам на прощание эту порку. Но не было никакого смысла снова каяться и обещать быть внимательными: ведь пути осталось на полдня.

Больше мы не теряли тропу. Равновесие души медленно восстанавливалось. Арг похож на Арчи-Майдан, только долина его немного шире. Удивительно, как сужения долины сменяются обширными зелеными лужайками с высокими деревьями-березами, тополями, арчой, с высокой травой на болотистой почве. Мгновенно охватывает тебя чувство возвращения в родной подмосковный лес, ровный, зеленый и прохладный. Ляжешь в густую траву и, стараясь не замечать каменных склонов через зеленую листву,

переносишься в мечтах домой. Сильно же мы соскучились за эти две недели по дому!

Чем ближе к вечеру, тем ниже мы спускаемся, тем жарче и пыльней идти. Когда в пятом часу добрались до впадения Арга в еще более зеленые воды Сары-Таг, мы уже чувствовали себя уставшими. И все же, даешь Искандер-куль!

Лиля особенно сильно страдает от сухости и пыли на этой разбитой дороге. Ни ветерка, и вечернее солнце кажется нестерпимым. Мы уже и думать забыли об утренней метели.

Мы так и не увидели озеро с высоты. Только когда тропа превратилась в настоящую дорогу со следами тракторных гусениц, только когда между высокими тополями засерели палатки альпинистской базы, мы догадались, что пришли. Конец.

Искандер-куль

Мало сказать, что мы радовались, мы глупо улыбались от радости конца. Еле сдерживали себя. «А где тут «дикие» останавливаются?» - спрашиваем мы у первого попавшегося парня. Тот поражен такой фамильярностью, но показывает. «Чудак, - смеется его товарищ - ведь они сами себя так называют».

В указанном месте, в окружении всех удовольствий: чистого ручья, тополевой листвы, зеленой травы - встречаем наших старых знакомых-казанцев. Они пришли всего на два часа раньше нас. Вот кого мы не думали увидеть здесь. Видимо, они не очень торопились. Да и здесь собираются поотдыхать два-три дня. Ну что ж, каждому свое. Нам же не терпится в новую дорогу - Бухара, Хорезм, Аральское море, если успеем. Здесь же, на озере мы продержимся не более дня, а может, даже завтра попытаемся уехать в Самарканд.

Иногда мне думается: а не слишком ли мы спешим? - Нет, мы не поверхностны, у нас все же есть время, чтобы осмотреться и оценить красоту окружающего. Такой упрек скорее относится к медлительным казанцам - ведь прошли они мимо озера Бирюзового, не заглянули и на Моргузоры. Думаю, что даже от Искандер-куля мы возьмем больше, чем

они. Сейчас мы побежим на озеро. И, пока светит солнце, я в нем выкупаюсь. Конечно, мы постараемся запомнить озеро в его различных видах, всласть насмотреться на тона его лазоревой воды. А потом в прогулке, постараемся угадать, где мог останавливаться на привал Александр Македонский, попробуем представить себе то далекое время и, конечно, сунем свой нос в пещеру, в которой возятся какие-то люди типа археологов (правда, ничего не увидим). Конечно, мы не пропустим посмотреть 24-метровый водопад на Искандер-Дарье в километре от озера, да и многое другое, что может неожиданно попасться в пути. Нет, мы не будем себя упрекать в спешке.

Д/ф 193. С каким наслаждением выполняли все процедуры: мытье, стирка, варка. И, наконец, прогулка ночью вдоль чуть светящегося озера.

194. Покоем и вечностью веет от ночного озера. Здесь когда-то останавливалось войско Александра Македонского. Его именем названо озеро. И еще много, много людей вглядывались в глубину озера. И, наверное, одним оно помогало вернуть душевное равновесие, других наполняло светлой печалью.

195. Вот на такой, чуть грустной нотке и закончился вечер нашего последнего походного дня.

196. На завтра ждала нас дневка на лазоревой жемчужине Фанских гор и путь машиной сначала по темному ущелью

197. Фан-Дарья, а потом к Зеравшану.

198. Мрачней станет жизнь без наших Фан. Забыть их невозможно. Но это завтра, а пока - смотрите кадры:

199-213. Конец

Дневник. На следующее утро мы уходим вдоль озера к истоку Искандер-Дарьи, к турлагерю, где надеемся узнать, когда пойдет вниз машина. Сытые, в выстиранной одежде и сами вымытые, мы излучаем само благодушие на все вокруг.

Вот навстречу таджик на осле. Умиленно здороваемся. А вот и нечто новое для нас в Фанских горах: группка

накрашенных женщин в штанах идут навстречу, видимо, гуляют после завтрака. Курортники! Откуда они здесь? - Как откуда? - Из турлагеря, наверное. Раз есть автомобильная дорога, значит, плоды цивилизации будут тут как тут!

И все-таки еще не они задают тон на этих берегах. С какой-то робостью осматривают нашу уверенную походку и переглядываются. Одна вежливо спрашивает: «Скажите, вы откуда пришли?» Показываю на противоположный берег и очень доволен, когда слышу тихий комментарий: «Ну, вот видишь, они только здесь вокруг ходят» - И у них есть желание быть «не хуже других». Смешно.

И все же нам жаль проникновения такой «цивилизации» в эти чистые места. Турлагерь - грязь и кучи мусора. Безобразие, да и только. Ни минуты лишней мы там не задержались - только узнали, что на машину можно сесть у мостика через Искандер-Дарью.

Комментарий -77. Смешной кажется сегодня та категорическая насмешка, с которой мы относились в те годы к «пляжным» туристам. Ориентированные на «маршрутные успехи», мы еще могли завистливо соперничать с организованными туристами, но «пляжников» просто не считали за людей. И оправдывалось это «дикое» высокомерие, якобы, заботой о чистоте нетронутой природы.

Время, конечно, нас вразумило, мы «признали» в турбазовских туристах вполне симпатичных людей, но горделивое ощущение своей «дикости», освобожденности - мы не потеряли. Это в нас теперь сидит прочно.

Нам повезло: уехали через полчаса после возвращения с водопада. Эти полчаса я занимался вместе с грузчиками таджиками разгрузкой щитов «финских» стандартных домиков. Ну и тяжелы же эти щиты среднеазиатских «финских домиков»: сплошная глина, обшитая досками. Все это поставляется из Самарканда. Не понимаю только: кому это нужно? Почему вместо местного камня и другого строительного материала, сюда транспортируются, по труднейшим горным дорогам, тонны глины? Но я не успел

додумать вопрос и озлобиться, как последний щит был сброшен на землю и, конечно, частично развалился, не вызвав ни малейшего огорчения у грузчиков: подумаешь, щит из глины!

Нам еще раз повезло - машина шла не в Душанбе, а прямо в Пенджикент. Эта четырехчасовая дорога произвела на нас необыкновенное впечатление. Немыслимые серпантины, максимальная скорость, разноцветные, как в детской игре, горы: синяя гора сменяется желтой, та - зеленой, а за ней выглядывает красная. Никогда бы не поверил, что такое возможно, если бы сам не видел. И как противоположность - узкое, мрачное, серо-коричневое ущелье Фан-Дарьи. Здесь все темно, и даже вода в реке грязна. Ветер гуляет, как в трубе, в сочетании с бешеной скоростью машины, он заставляет невольно закрыть глаза. Дорога отлично благоустроена - широкая, ровная, все ручьи уходят со склонов в трубу под дорогой. Это - участок трассы Душанбе - Ленинабад. Совсем другой стала дорога, когда мы пересекли Зеравшан и свернули на Пенджикент. Разбитая дорога соединяет многочисленные зеравшанские кишлаки, проходя по их узким и колдобистым улочкам с массой детворы. Между кишлаками путь беспрерывно вьется по склонам до того узкой лентой, что при остановке одной машины, за ней останавливается вся трасса. Просто удивляешься, как можно развернуться вообще на этой полочке. Однако, при всякой встречной машине, одна как-то прижимается вплотную к склону или к обрыву, а вторая - проезжает. Вот он каков, зеравшанский тракт. Только когда горы сглаживаются, появляется асфальтированное шоссе, почти сразу превратившееся в стрелу, стремящуюся к Пенджикенту. Оглядываюсь назад и ахаю: в лучах заходящего солнца явственно видны пятитысячники фанского массива. Их белоснежные вершины господствуют над всеми остальными горами, хочется сказать - холмами в сравнении с ними. До чего же вы хороши! До чего же вы стали дороги нам за эти 10 дней. «Прощайте, горы!»... - хочется сказать что-то

возвышенное, но... только отворачиваюсь навстречу приближающемуся Пенджикенту.

2. Путешествие по Северу в 1967 году

Сценарий диафильма «Кожа» и путевой дневник - 67

Помимо осмотра старых городов русского Севера, знаменитых монастырей и деревянных церквей мы запланировали сложный байдарочный поход по притокам р. Онеги – Иксе и Коже. Ненаселенка, пороги, отсутствие опыта – маршрут пятой категории трудности – все это заставляло страшиться неизвестности, как в горах.

Поход по притокам Онеги осознался нашим окончательным рождением. Разорвалась пуповина связей с туристской группой, коллективом. Теперь мы знали, что сможем сами пройти практически везде, где нам интересно, со спутниками или без них – но мы вольны и независимы.

Впечатления от этого похода зафиксированы в диафильме «Кожа» и в путевом дневнике Лили с моими последующими комментариями. Ниже следует их соединение.

1-2. Д/ф «Кожа» («В краю, где лебеди живут»)

3-9. (кадры порогов «Падун» и «Шурус»)

10. Пришел последний день маршрута,

Мы распрощались с рекой Кожей,
Байдарку подняли на берег,
С трудом перевернув и вылив воду,
Что натекла в последний час пути.

11. На свежем ветре с просторов онежских
Стояли мы молча, и было
Страшно холодно в мокрой одежде
И трудно стоять на ногах,
Затекших от долгой гребли.

12. И было очень грустно смотреть на
На нашу «старушку» с обшивкой драной,
На эту большую рыбу-черноспинку,
Пронесшую нас верно и покорно
Почти по всем порогам Кожи озверелой.

13. Маршрут окончен. За то наградой будет
Комфорт палатки, спальника сухого,
Приятное тепло сухой одежды и свежий хлеб ...
Вперед зовут волнующие встречи
С глухою стариной и новыми людьми.

14. Ну, а сейчас –
Стоим мы мокрые, в грязи и рвани,
И даже тишина онежских вод

15. Не может заглушить в нас крика
Опасности от хруста байдарочных костей
На камнях огромного порога
Иль гребнях метровых волн.

16. А тело до сих пор готово
Грести, идти и грузы перетаскивать
Сквозь камни и завалы,
И руки вновь готовы сжать весло
Усиьем человека, уставшего мертвецки
И эта усталая готовность автомата
Идти куда и сколь угодно, **br/>** Явилась главным результатом
Победы над собой,
Итогом северного лета!

17. А может, дома станет все иначе?
И кто-то из друзей нас не поймет?
В Москве предстанет по-другому
И исказится в странном свете,
И станет головою вниз.

18. Там гордость от победы станет чванством,
А жадность к новому запахнет эгоизмом,
А труд – большой упорный труд в походе
И дома, в мученьях над рассказом
Вдруг станет выглядеть издевкой, желаньем
Посмеяться над друзьями и встать Внад ними...
Конечно, так они не скажут прямо –
Но думать будут так!
Ведь по сухим речам и холоду в глазах
Нетрудно все понять.
И станет стыдно нам глядеть в глаза друзей,
Сомнения в себе охватят с полной силой!
Но выдержи и здесь – хоть это и трудней порогов
И гибельней заваленной тайги!

Комментарий-77. В этом фильме использованы собственные белые стихи. Я не способен к стихосложению, но на этом материале ощутил прямую необходимость какой-то ритмической прозы. Пафос требовал своего. Большие такое не повторялось.

19. Первый пережат мы прошли вечером **20 июня**, через полчаса после того, как байдарка резко свернула с быстрого онежского течения в супротивные струи ее притока Иксы.

20. На полные 4 дня начался путь вверх по Иксе... Плесы, пережаты, стремнины, пороги, камни... Все вверх и вверх.

21. Пережаты мне надоели сразу. Первый, еще на Онеге, я продрожала, второй на Иксе – смотрела с берега с меньшим испугом, третий – с веревкой и веслом – прошли быстро, весело, четвертый – был тоже приятен, пятый-3-х километровый – утомил, пресытил. Больше не хотелось.

22. А они все шли и шли... и в дождь, и настоящие пороги. Вылезала из лодки, как на нудную, неприятную, необходимую работу.

23. Однако настоящие неприятности начались уже на второй день. Икса раздвоилась на саму себя и свой крупный,

но нам неизвестный приток. Легко в Подмоскowie: плыви по течению и горя не знай, к устью выскочишь.

24. А здесь как быть, если на руках только 15-км карта Архангельской области, где ничего не видно, а подробный крок маршрута я забыл дома. Как же аккуратно я срисовывал его с отчета, что пал мне Анатолий Залем, два года назад прошедший здесь с группой Сазонова, и каким же был растяпой, когда проверял рюкзак дома!

25. Только через три часа поворотов Лужмы мы образумились, почуяв неладное, и вот у этой избушки остановились. Отсутствующий хозяин, видимо, человек с юмором, обозвал этот сарай «Дом отдыха Лужма», о чем и написал на двери.

Весь остаток дня мы поджидали возвращения хозяина, чтобы он помог разрешить мучившее нас сомнение: «плыть или не плыть дальше»...

26. Время этого унылого ожидания и не менее унылого возвращения назад было занято полезной самокритикой. Делая небольшие, на 50 м, экскурсии вглубь тайги, мы открывали, что там очень топко и что наша обувь для таких волоков не годится.

27. Комары жрут – нет диметилфталата, вместо ягод – одни цветы земляники...

28. Шлепая веслами по воде обратно, мы грустно размышляли о своей московской самонадеянности. Ведь до сих пор мы бывали лишь в нескольких байдарочных вылазках по несколько дней, и сразу полезли сюда из одного лишь любопытства и желания самим, хоть раз, испытать все трудности таежных порожистых рек. За первые сутки пройдено всего 4 км, впереди – еще 350 км и гораздо более трудных. Так как же мы будем выполнять намеченный срок – две недели всего? – черт его знает...

29. Идем всего лишь третий день по перекатам Иксы, Но страх уж нас прибрал к рукам.
Порой охота повернуть назад к Онеге,
С ее железною дорогою домой.

Ведь в самом деле жутко, когда представишь,
Как будем мы без карты плутать в речных протоках,
И как найти сумеем волокни без описаний.
Без местных жителей и даже
Без подсказки карты...

30. Пока идет Икса всего лишь,
Сравнительно простой и безопасный путь,
А мы уже успели растерять
Самоуверенность московских планов,
Они смешными стали, но уж совсем не кажутся
Смешными побасенки Залема о неделе,
В которую они прошли всего лишь 20 км.

31. И этот страх вселяет силы,
И гонит, заставляет нас работать
Все светлые часы июньских длинных дней.
Но все равно мы не укладываемся в график,
Конца не видно перекатам Иксы,
А ведь они – всего лишь легкое начало
Тяжелого пути...

32. И в ту начальную неделю
Спасенье наше заключалось лишь
Во фразе-заклинании:
«Ведь все не так уж страшно,
У нас всегда в запасе путь назад,
По речке вниз спуститься мы всегда сумеем».
Но в то же время каждый понимал,
Что спуск такой нам будет очень труден.
Морально труден. Что будет он невыполним
Для нас самих, концом позорным нашей авантюры...

33. Поэтому и шли мы вверх по Иксе,
Трудом залечивая страх, вернее, забывая греблей...

Дневник.22 июня. Чуть ли не с утра (вышли в 8)
начались перекаты. Витя смутно помнил цифру – 8 порогов,
мы их весело считали. Прошли длиннющий
трехкилометровый – Витя в лодке работает, а я ташу за бечеву
по берегу. Но когда показался 9-й – и не перекат, а настоящий

порог, стало невесело. К тому же погода испортилась, и все на нас промокло до нитки. Тоскливый вечер в палатке без ужина: нет сухих дров для костра.

Утром обнаруживаем в палатке озеро воды. Дождь все стучит и стучит. В дождевых промежутках готовим завтрак, сушимся у костра. Выходим в 11 ч., чтобы окунуться в очередной пережат. Но постепенно небо иссякает и дает проглянуть солнцу. Самый последний порог был настоящим трехкаскадным красавцем – еле лодку вверх вытянули, в половине четвертого решаем, что пора бы быть волоку, а его все нет и нет. Как бы не проскочить мимо... «Ну, ладно, еще час плывем, а там будем искать».

Час прошел. Место не выдающееся, ну да ладно, еще немного. Вот вроде река повернула в правильном направлении. Вытащились. Решаем идти на Запад. Попадается тропинка. Потопали...

Во всем походе для меня – это самый страшный момент. Мы уходили от реки, своего единственного ориентира в пути, от байдарки и рюкзаков с едой и одеждой, уходили лишь с куском хлеба на перекус и бесполезной крупной картой, уходили в тайгу, страшную именно своим безлюдьем и бездорожьем. Ни карты, ни компаса, при сером небе (правда, потом выглянуло солнце). Сам волок – 4 км, но будет совершенно невероятным везением, если нам удастся ущупать именно этот, вытянутый к Иксе залив Унд-озера. А если нет – то идти не меньше 12 км, если не попадется волоочной тропы. Когда попалась первая слабенькая и старенькая тропка, я, помня свою вину за забытую карту, испытал громадное облегчение.

Старая тропа, но ведет вроде правильно. Вот подъем. Правильно! – Наверное, водораздел. Вот спуск, а вот и вода – но это оказывается все той же нашей Иксой. Зато тропка привела к большой тропе-дороге, хоженной и езженной, а сама побежала вдоль берега. Напротив этого перекрестка через реку повалены две березы – не проехать под ними. Ну, думаем! Нам, дуракам, все знаки расставлены: по реке дальше нельзя, а

вот дорога, которая, правда, сразу взяла на юг, но, наверное, повернет скоро. Бодро побежали по ней, но чем дальше она нас уводила мимо сосен с надрезами для сбора сосновой смолы-живицы, мимо железных бочек, стелясь бревнами под ноги, тем больше мы понимали, что это не туристская тропа и идем мы не туда. Вывела она нас к лесному поселку из двух домов, где рабочие-«химики», как они себя называют, бодренько нам растолковали, что к чему... Той же «легкой» походкой мы пошагали назад к реке и лодке....

В тот вечер еще были пороги; но берега подсохли и не приходилось при бечевании окунаться в мокрую траву. К тому же мы знали, что нас ждет стрелка с точным указанием волока. И действительно, столб со стрелкой стоит над рекой на видном месте с 1963 г. и не заметить его нельзя. Прибыли сюда уже в 10 ч. вечера. Стоянка. Сушка... А ночью опять дождь и утром тоже. Всю ночь мучил тягостный сон, что Вите хочется двигаться дальше.

24 июня. 10.30 утра. Все же взвалили рюкзаки и двинулись к волоку. Тропа ушла в болото почти сразу, чем здорово подпортила мне настроение. Пустую байдарку, однако, оказалось нести не так уж трудно: под рюкзаком сгибалась до земли, а под лодкой шла ровнехонько. «Доволочились» до озера через три с лишним часа – 4 км...

Середина дня. Палатка и все тряпочки сушились, а Витя возился с байдаркой. На озере – ветер и редко-редко выглядывало солнышко. Отлично все сохло на ветру. Мы уже заканчивали свои дела, как к берегу причалила моторка. Мастер-«химик» решил вместе со своими двумя мальчишками порыбачить – отдохнуть под воскресенье, а по пути подбросил сюда, к дороге, двух своих рабочих. Жадно и долго выпрашивали мы его о нашем дальнейшем пути, а он все подробно объяснял. Особенно ценным был его совет, как найти нам Емзу-реку. Много о чем говорили: и о заготовке смолы, и о лесосплаве, и о поставке продуктов в магазины, и о туристах (на Унд-озере их много, сотни). Очень симпатичный человек. Отлил нам диметилфталата, прервав тем наши

«комариные страдания». Объяснил наши неудачи с ловлей рыбы в Иксе (не тот период). Еще посоветовал не ехать, подождать, пока ветер стихнет. Витя огорчился, но, видя мои страхи перед ветром, сдался.

В этой и других встречах с местными жителями пришлось окончательно увериться, что время пришивинского, раскольничьего Севера прошло, люди изменились здесь безвозвратно. Когда-то Пришивина поразило отличие гордых и самостоятельных северян от земледельцев центральной России. Нас же больше удивляла обыкновенность живущих здесь людей. Они ничем не отличались от жителей, допустим, Подмосковья. И этому, конечно, есть объяснение: на Севере исчезает, если не исчезло все коренное русское население, потомки староверов и поморов уезжают в города, забрасывая традиционные занятия зверем, рыбой, хлебом... Север становится чисто промышленным краем, страной с пришлым наемным населением, непрочным ни в жизни, ни в убеждениях, способных выполнять тяжелую работу в глуши лишь за деньги и поблажки при найме. Такие же проблемы с работой и жизнью, как и у нас: расшатанная дисциплина, плохое снабжение, ляпсусы управления, общая бессмысленность жизни, выливающаяся в дикие пьянки. Даже влияние экономической реформы обсуждается здесь с той же самой степенью надежды и недоверчивости, что и у нас.

Завалились спать в 6 часов вечера. Ночью все ревел и ревел ветер, да еще и дождь шел. Проснулись в 4 часа утра. Ветер.

Вите начала надоедать моя трусость, и я решила. Волны были, конечно, большие, но в лодку не захлестывали. Три часа мы шли до деревни Скарлахты, потом вошли в нужный залив, но реки сразу не нашли и стали сомневаться. Поплыли в другой залив, потом снова в Скарлахту, там-то нас направили обратно. Проплыв еще сотню метров, где уже были в первый раз, за камышами увидели прямое устье Емзы. Итого – три часа на пустые поиски. В двенадцатом часу остановились на завтрак. Я уже достаточно взвинтилась к

тому времени, уж очень хотелось есть. В озере мы поймали на дорожку своих первых больших окуней. Третий, большущий, сорвался. Окуней съели с аппетитом: одного в супе, другого жареным.

По Емзе шли долго. На дне реки оставили вторую блесну, но перед этим попалась щука на ужин. Вкусная. Был ветер, но без дождя. И снова пошли пороги, надоедали перекаты. Остановились в 10 часов вечера. Настроение хорошее: путь ясен, день без дождя, щучий ужин.

На утро загадали, сколько еще будет порогов до следующего озера. Я назвала 12, Витя – 10. На конфеты спорили. А оказалось всего два, озеро же в часе пути от нашей стоянки. Очень обрадовались, найдя устье новой речки – Плоской. По ней шли еще три часа. Она здорово петляла на положенных ей пяти километрах пути. Преодолев перед озером небольшой порог, радостные всплыли в Плоское озеро. Все идет как надо. Остановились обедать, ловить рыбу. Отдыхали с 3-х до 5.30.

Д/ф 41. И снова путь вверх, сперва по Емзе-реке в Емозеро, потом по речке Плоской в Плоское озеро, по речке Черной в озеро Чернево, а впереди – еще путь по Межозерке

42 до того самого бревна, которое уложила через реку группа Сазонова в знак начала волока на Тур-озеро.

43. Мы сами видели в любительском фильме, как с высокого берега падала эта огромная береза. Только бы добраться, только бы найти волок, там, на Турозере, дело будет сделано: нам ничего не останется, как путь вниз по течению. Там кончится неопределенность. Только бы дойти, только бы найти ту березу...

Мы вытащили байдарку на песок близ заброшенной деревни. Долго бродил я в травяных зарослях между оседающими срубам, догадываясь, где был дом, где баня, где коровник, а где амбар, где контора, а где школа. Забытые сани, борона, рваные сети, еще развешанные на кольях – все наводило на мысль, что жили здесь еще недавно и что, может, хозяева еще вернуться. Какая-то беда заставила их

покинуть временно дом, но ведь сейчас снова светит солнце, их земля стала еще прекраснее, и потому они не могут не вернуться сюда, к этому огромному синему озеру, к паре лебедей над ним.

Перед тем как выкатиться на это озеро, мы останавливались и в нескольких десятках метров от берега обнаружили открытую поляну. Это не было, как здесь водится, болото с маломощным редколесьем, это было настоящее поле, правда, давно заросшее травой и кустарником. На меня этот небольшой кусок очеловеченной земли с самыми обыкновенными одуванчиками и ромашками, после сплошной захламленной тайги, оказал ошеломляюще радостное впечатление. И ведь, казалось бы, недавно видели живую деревню, а вот несколько дней борьбы с тайгой, рекою уже притомили нас, расположили к радости от встречи со следами человеческой деятельности. Но вот среди брошенных изб эта радость сменилась грустью, как на кладбище. Как будто здесь природа взяла реванш, свела на нет усилия человека... Конечно, все это фантазии, конечно, была масса причин для ухода людей с насиженных мест, весьма прозаических причин, но когда ты день за днем рубишься по этим речкам-болотам, то невольно начинаешь относиться к природе, как к противнику, приписывая ей свои и людские неудачи.

Д/Ф 44. На озере Чернево мы полдничали у покинутой деревни, которых так много сейчас в северном краю.

Покинута деревня иль вымерла – не знаю,
Давно ли заросла малиной и крапивой – не знаю.

45. Давно ли жизнь здесь замерла, – не знаю.

И сколько лет ржавеет плуг,

И сколько зим, как ветер сети рвет, – не знаю.

И кто здесь жил, и как здесь жил,

В какую школу он ходил, каким амбаром дорожил,

Какую баню он топил, в каком из срубов сам он жил –

Я ничего не знаю!

46. Я знаю лишь: здесь люди были,
Пахали землю, зверя били,
Из недр озерных рыб ловили,
Смеялись, пели – в общем жили.
И уж наверно б, не тужили,
Когда бы не было войны,
Налогов тяжких, повинностей солдатских,
«Уполномоченных»- чумы!

47. Ну, а сейчас – пустыня, право,
И это озеро, и глушь лесов,
Где в самый раз отшельнику селиться,
Бороться противу бесов...
Но смял отшельников прогресс,
И вот теперь принялся за деревни,
За пашни, за дома, дороги,
Что люди корчевали и мостили,
Воюя с непокорною природой...

48 Что ж остается как итог прогресса?
– Все зарастает, прогнивает, погибает,
Мохнатая тайга обратно прибирает.
И снова, как и «тыщи» лет назад,
Она – хозяйка, а не человек.

Дневник. Перед тем, как войти в следующую речку, два часа гонялись за парой лебедей, чтобы поближе их сфотографировать. Так и не удалось, не подпускают к себе, отлетают на другой конец озера.

В 7 часов вечера вошли в речку, названия которой не знаем. Речка коварная, измучила нас порогами. Последний шли два часа – с 9 до 11 ч. вечера. И еще не прошли (сверху идет пена). Ночью прошел дождь, а сейчас ветер с солнцем. Хорошо. Пусть подсушит кусты берега, а то уж очень противно брести мокрой по горло.

Лодку сильно продираем по этим речкам. Мелкие они, особенно последняя. Все перекаты хочется послать «по адресу». Может, в этом году просто мало воды? Зима, наверное, и здесь была малоснежной. Но все равно сегодня мы

пройдем эту речку, озеро Чернево и 5 км по реке Межозерке до волока.

Д/Ф 50. Однако под вечер стало охватывать тупое отчаяние: где же последнее озеро? Не могли мы так долго идти эти 5 км. И характер у речки изменился: давно уже кончились перекаты, речка стала глубокой, но местами настолько узкой, что еле позволяла проходить байдарке на поворотах. Берега же стали низкими, топкими, сырыми... Мы постепенно вплыли в огромное бескрайнее болото с чахлым лесом, где нет ни одного сухого места и где нам предстояло ночевать...

51. Тебя хватало, чтобы идти вперед,
Тебе хватало сил, чтобы даже в вечер
Перед байдаркой гнать волну,
Захлестывающую низкий берег.
Тебе хватает воли несколько часов
Сидеть в одежде мокрой, да что там говорить –
Тебе «ума» хватило придти в тайгу
Без карты, без опыта,
Без подготовки маломальской.

52. Так пусть тебя хватает и на то,
Чтобы решиться повернуть назад,
Брести обратно те же перекаты,
Теряя метры высоты, которые еще сегодня
Доставались с таким трудом...
Сумей решаться и на то,
Чтоб отказаться от маршрута,
Чтоб примириться с пораженьем,
С возможностью оставить волок впереди,
А сам – иди назад! Сумей!
И начинай готовиться к тому,
Чтобы в Москве с кривой улыбкой
Сказать друзьям: «Мол, что ж, ребята,
Трудно там, не вышло».

53. «Что, не умеешь отступить, смириться? Тогда давай, ломись, из силы выбивайся, Но знай: чем дальше, тем хуже будет возвращаться.

Дневник. 28 июня. У меня свободный час времени. На стоянке забыла бечевую веревку и Витя поехал за ней. Все получилось не так, как ожидалось. Весь вчерашний день лихорадочной работы мы, наверное, не приближались к волоку, а удалялись от него. Кончилось тем, что заехали в такой ручек, где и двумя веслами не погробешь – весла в берег упрутся. Остановились в 10 ч. вечера. Стали думать, припоминать, что же случилось, когда мы могли сбиться и где находимся. Вспоминая фразу за фразой из разговора с мастером-«химиком», установили, что, наверное, заехали уже в верховья Межозерки. Нас сбило с толку, что мастер последнее озеро Чернево пририсовал на нашей карте не на том месте. Первое же озеро, сплошь покрытое камышами-осокой, мы лишь условно называли озером. А ведь он говорил про первое: «Оно все заросло, но ничего, пройдет... И заброшенная деревня должна была быть именно на последнем озере... Сейчас мы в 4-часах пути от порогов Межозерки. Как только доплывем до них, я пойду по правому берегу, высматривая тропу, а Витя поведет байдарку сам. Должна быть тропа. Ведь ходят люди волоком.

Продуктов у нас становится все меньше. Теперь трудно загадывать, когда мы «попадем к людям», но на 6-7 дней внатруску нам хватит... Погода, спасибо, держится. Вчера днем раза три начинался дождь, минут 10 шел даже сильный, но спасибо ветру – угнал.

Вечер был сухой, и ночь тоже, потому мы все высушили даже в том болоте, где пришлось ночевать. Байдарка течет интенсивно. Дыры найти не можем. Сегодня Витя нашел одну, но течь не уменьшилась. Все подмокает и каждый вечер мы сушим рюкзаки и часть вещей. При большом огне и таком количестве дров все сохнет быстро. Так что это не страшно, лишь бы не начались дожди – я их больше перекатов боюсь.

Вчера было очень плохое настроение - целый день шли перекаты. Перетаскивая байдарку через бревно, сломали крепление кильсона, и вообще неправильно долго тянулась речка. Сегодня же, когда есть некоторая определенность, хоть и не знаем еще, где точно волок, стало гораздо легче. Вниз идти, конечно, противно: те же повороты, те же перекаты... Очень нескладно получается с моими руками, они полопались, в складках застревает грязь, все – в царапинах и ссадинах. Вечером мою их горячей водой с мылом и смазываю вазелином, но улучшения нет. Видно, уж теперь до конца похода. Ну, ничего, после волока на Турозеро речка Тура выведет нас вниз на Север. Речка захлавлена, так что придется туго, но мы надеемся за 3-4 дня (Залем – за неделю) ее одолеть. А там будет Кожозеро и река Кожа до Онеги. И все!...

Все эти дни я чувствовал бремя добровольного соревнования с Залемом. По предыдущему опыту мы знали, что идти одной байдаркой много легче и быстрее. Хотелось, чтобы это правило подтвердилось и здесь, в сложном походе. Группа Залема прошла этот маршрут за три недели, мы положили на него две недели максимум, и то, что из-за своего «без карты» в этот срок из укладывались, сильно уязвляло!

2 июля. Мы – уже на Кожозере. Осталось идти 3-4 дня. Облегчение страшное, что вышли на озеро, что все неприятности позади.

Продолжу описывать те дни. 28 июня мы вернулись к порогам Межозерки и решили, что я пойду по берегу, чтобы на пропустить тропу на озеро (по нашим представлениям, тропа должна была отходить от реки перпендикулярно на запад). Довелось узнать «прелесть» ходьбы по тайге без тропы. К тому же шлепнулась в воду и вымокла по пояс. А главное, приходилось все время искать следы тропы, стоянки, спиленный пень. Мы знали, что туристов здесь бывает мало, поэтому тропа может быть незаметной. И стоянки можно пропустить... Проходили часы, наметки троп как-то быстро кончались (звериные, что ли?), а тропу волока я не находила. А когда я наткнулась на собственную ночевку, то нервы

начали сдавать: ведь Чернево совсем близко, а волок не найден.

Пройдя еще дальше вниз и обнаружив два спиленных пня, но без тропы рядом, я не выдержала очередной неудачи. Теперь я была почти уверена, что снова пропустила волок, а тянуть байдарку снова вверх по этим же перекатам было дикостью... Тут и Витя подплыл, выслушал мой рев, согласился вместе идти искать... Чуть подальше от реки набрали на тропу, параллельную реке, и по ней пошли вниз. А минут через 20 вышли к большой стоянке на реке. Приметы совпадали (высокий берег, спиленный пенёк), но не было главного – дороги на запад. Была лишь тропа вдоль реки, по которой мы пришли с севера. Подумали, что те тропки, которые нам попадались в верховьях Межозерки – есть продолжение этой береговой тропы. Даже пошли было к озеру, чтобы убедиться, что дорога доводит до него. Но устали и вернулись, решив, что утром Витя сам сбегает удостовериться, хотя и так все ясно. Потом пошли до этой тропы в другую сторону, надеясь придти по ней к другой, более верхней стоянке туристов – и началу волока. Но неожиданно вышли не к реке, а к небольшому озеру. Обошли его кругом, убедились, что оно глухое, выхода не имеет, и похоронили мелькнувшую было надежду, что это Турозеро... Тропа шла дальше и мы было пошли по ней, но было уж десять часов вечера, усталость взяла верх и мы остановились. Как выяснилось на следующий день, от этой точки Турозеро лежало в 10 минутах хода. Витя сделал радиальный выход, чтобы убедиться, что реки рядом нет, и у нас появилась уверенность, что мы находимся не на прибрежной тропе. Это или волок, или дорога от деревни на Чернево к самому Кожозеру. Наверное, от нее как-то можно будет пройти и к Турозеру. Мне помнилась цифра 8 км, как длительность второго волока. Значит, завтра надо отсчитать от реки два часа ходу и начинать поиски...

Забавна та система логических предположений и выводов, с помощью которой мы искали путь, на ходу меняя

свои представления о местонахождении. Сначала мы искали тропу, соединяющую озеро и реку по самой короткой прямой, только потом догадались, что туристы не будут пробивать сами кратчайший путь-волок, а будут использовать уже имеющиеся в тайге тропы. Предположение, что найденная нами тропа оставалась с тех времен, когда ныне брошенные деревни еще жили и соединялись дорогами, здорово помогло нам поверить в правильность ее направления на Турозеро. Логика не подвела.

Д/ф 55. «Нужна ли логика в тайге?»

Ведь шахматисты здесь не бьются?

- А вы попробуйте себя, рискните заблудиться!

И если случится эта беда, и если ещё на исходе еда,

Надеждой тогда лишь одна голова.

56. Вы переберете вариантов сотни,

Пытаясь найти правильный путь,

Сотни признаков, сотни советов

И воспоминаний из разных книг.

Вы составите из них тысячи сочетаний,

И смешав их с собственными мечтами,

Будете долго копать в себе...

В этом хаосе запуталась бы любая машина,

Не помогло бы ее быстрое действие,

57. Но, подгоняемые отчаянием страха,

(А говорят, оно сродни воле к победе),

Вы разберетесь в таежной путанице тропок и рек,

Овладеете хаосом вариантов,

И выбрав из них самый логичный,

Вы победите тайгу...»

Утром, взяв с собой еду в путь дальний, отправились на поиски, а озеро оказалось в 40 минутах ходьбе. Большое, вытянутое по карте, со стоянкой на берегу. В пустой консервной банке оставлена записка от хороших людей: «Рыба лучше всего ловится у противоположного берега. Счастливого плавания. Так и быть, почистим для вас Туру!» Музыкой зазвучала последняя строчка: это конец неопределенности...

За сорок обратных минут возбуждение не улетучилось. Вернувшись, мы даже завтрак не стали готовить, а сразу собрались и пошли.

Ох, и тяжело ж пришлось! Солнце, духота, пот и накопленная усталость. Слепни садились десятками и вдвое больше кружилось рядом. Дошли чуть живые. Еле-еле перебирая ногами, сделала костер и еду. Витя перебирал и клеил байдарку. Немного постирала. После еды, совершенно измученные, заснули, договорившись вечером порыбачить у «противоположного берега»...

Приятнейшая это была прогулка. И рыбы много поймали: три окуня и три щуки, притом большие (в одной щуке было 73 см). Второй раз сварила уху. Переварила. Теперь рыбу будем только жарить. Жаль, конечно, что не взяли томат. Вообще экипированы мы до ужаса плохо. Надо было: сшить из клеенки вкладыши в рюкзаки, взять много носков – по паре на 3 дня и для сна. Сейчас наши носки и обувь представляют жалкое зрелище. Для продуктов должны быть полиэтиленовые мешки. Плащи из тянущегося материала и на номер больше для удобства движений. Пару запечатанных в целлофан коробок спичек. Обувь. Ни мои сапоги, ни Витины кеды не выдержали...»

Кажется, это был единственный раз, когда мы гуляли по озеру совершенно бесцельно, если не считать рыбы. На берегу оставался дом-палатка, байдарка была совершенно свободной от вещей. Свежезаклеенная, она почти не текла, доставляя восхитительное чувство сухости и комфорта. До сих пор в памяти стоит желтая северная ночь, красное заходящее солнце над прибрежными елями, ленивые волны в безветрие, огромная серая масса воды с тускло-красными солнечными бликами, и рыба... Этот азарт, ранее нам почти неведомый, этот плавник пойманной рыбины, изрезающий воду при подтягивании к байдарке, упругое сопротивление лески и странное чувство страха и виновности перед трепыхающимся на дне байдарки телом...

И еще – глубокое ощущение окружающей тебя тишины и одиночества. На много десятков, а может и сотни километров отсюда людей нет, мы здесь одни, совсем одни на этом огромном озере. Сейчас именно мы его полноправные хозяева и нет никого, кто мог бы нас как-то ограничить и стеснить... И страшно становится не столько от боязни пропасть в этой глуши из-за какой-либо случайности, сколько из-за отсутствия вот этого – привычных людских ограничений, страшно от непривычки быть без людей, быть одним, самостоятельными перед природой и самими собой, самостоятельно определять свои поступки...

Д/Ф 62. «Турозеро стало кульминацией нашей одиссеи. Очутившись в одном из самых безлюдных мест архангельской тайги, мы упивались его тишиной, нетронутостью зверья и птиц. И раньше мы удивлялись близкому вспархиванию тяжелой лесной птицы

63. и частым взлетам утиных семейств...

64. и недавней, видимо, с нашим появлением прерванной работе бобров-строителей...

65-66. Плывет байдарка вдоль берега, ищет исток реки Туры и не ожидает, что какой-нибудь из прибрежных бурых валунов может вот так встать и превратиться в такого молодого и глупого, доверчивого лошака. Что смотришь, глупый? Людей не видел? А ведь здесь не Подмосковье, людей надо бояться. Ведь два года назад, именно здесь, одного твоего собрата застрелили и сожрали Залем с товарищами. Мы сами это в их кино видели.

67. Одни, вдвоем – и никого кругом,
Лишь пара лебедей курлычет что-то о своем
Над дальним краем озера немого.
Одни, вдвоем – и нет на нас закона,
Гражданского, соседского – любого!
Обязанностей – нет,
Восьми часов работы – нет,
Политзанятий – нет.
Нет ничего – тягучего, цепного и нудного!

68. Зато для нас двоих
Здесь воздух, сотканный из прав одних,
И глубь воды, и глушь тайги
Правами нашими полны.
Что хочешь – делай!
Ты – свободен! Сво-о-бо-ден!

69. Здесь свет просторов, тишина,
Здесь некого стесняться и бояться,
Как в Подмоскovie.
И если даже сам захочешь из озорства простого
Услышать шум моторки милицейской,
Скрежещущей по чистым звукам утра,
Иль неожиданно увидеть семейку пляжную
На отдыхе воскресном,
То – не получится!

70. Природа не допустит баловства,
Ведь здесь она – не тронута, не пятнана, чиста!
И эта чистота, свобода,
Пугают нас в конце концов,
Своей бескрайностью безлюдья.
И мы спешим в привычный мир
Людей, машин и книг.
Ведь можем лишь недолго быть мы
Свободные, природные – чисты!

Дневник. Утром встали поздно. Отплыли только в 11 часов. Долго искали Туру, и только в половине второго вошли в ее исток... И началось.

Дождь сверху и мразь снизу. Река завалена, запружена, запорожена выше всяких наших ожиданий. Пороги вначале были мелкие, и лодку приходилось просто нести по ним. Завалы из бревен через каждые 10-20 м. К тому же лодка начала тонуть. Сучком в ней прорвали такую дырищу, что пришлось зашивать нитками, а уж потом клеить. А сучки делали свое дело, снова сорвали заплату, а дыру увеличили вдвое, и вот уже Витя по пояс плывет в воде (я иду по берегу). Решаем останавливаться, сверху льет дождь, он не даст

возможности хорошо заклеиться, а идти с такой дырой дальше нельзя.

Я останавливаюсь с удовольствием: идти по пояс в мокрой траве противно, спина болит – перестаралась, помогая Вите перетаскивать байдарку через бревна и по мелким перекатам... Но только Витя свалил сушенину (а какая толстая была! Как не хотела падать!), только запыхал огонь, как небо начало разрываться и освободило солнышко. Как нарочно. Но мы твердо решили никуда больше не трогаться. Подсушились, доели большую щуку и заснули.

Утром, в половине шестого, наш «корабль» или «коровка» уже стоял «на парах» («коровка» - потому, что иногда мы отпускали по течению свою лодку, и она сама находила хороший путь между завалов, но чаще с ней приходилось очень много возиться, наверное, побольше, чем с настоящей коровой).

И опять начался бесконечный труд. Витя плыл, а я шла по берегу. Лодка наливалась, рюкзаки тяжелели от воды и, как вечером выяснилось, спальник в полиэтиленовом мешке – тоже. Время от времени байдарку переворачивали, выливали воду, Витя даже заплатки клал. Завалы разбирали, перетаскивали, обносили. Витя не жалел себя, при любой необходимости лез в воду, прямо в одежде, он уже сидел на переднем месте, чтобы облегчить порванную корму, хотя садиться и слезать в этом случае много труднее. Мокрый по грудь – на него было очень холодно смотреть.

В третьем часу решили обедать. Но... подмокли все спички. Единственная спичка в третьей коробке оказалась тоже влажной и огня не дала. Стало безысходно от холода. Как сушиться, как спать? Выход один: что есть мочи идти к людям, к спичкам, к Кожозеру...

Сил хватило только до 8 часов вечера. Ух, какая это была неудобная стоянка, какой мокрый спальник и вещи. Мы дрожали чуть ли не до утра и заснули ненадолго лишь когда подсушили спальник собственным теплом. И одеваться утром в мокрое было очень противно. Но влезли.

В 8.15 опять пошли-поехали: я по берегу, Витя в байдарке. Вскоре, однако, выяснилось, что и я могу ехать, ибо пролеты без завалов удлинились, и река стала полноводней. Вчера на самом большом пороге, красивом, многокаскадном, впал мощный приток и здорово изменил характер реки.

И вот уже мы даже работаем вместе веслами, а потом и руль ставим! Река стала широченной, течение почти прекратилось – никакие деревья ее теперь перегородить не могут. В час дня выкатываем на озеро, добираемся до песчаной отмели и пируем на радостях (объявляется «коммунизм на сухари») в честь победы над Турой... Кроме завалов, от Туры в памяти останутся «висячие мостики» из поваленных деревьев, лебеди в паре метров от байдарки и ужасающий путь по берегу, по этим дурацким неустойчивым болотным кочкам в полметра высотой и водой между ними...

Сейчас я сижу в избушке. Она одна осталась целой в брошенной деревне. Совсем разморило от натопленной печки, хочется спать. Больше так рюкзаки мокнуть не будут. Сделаем из веток настил в байдарке для вещей, да и вылезать часто уже не придется. Речка Кожа должна быть большой... Как хорошо, что попалась нам эта избушка, как уютно трещат дрова в печке...

В этот теплый и сухой вечер осуществилось давнее Лилино желание – пожить немножко вот в такой старой избе... За этот поход нам выпало мало подобных «барских» радостей: только один выезд на рыбалку и только одна ночевка в теплой избе охотников. Грибов мы не видели, уток стрелять не из чего, ягоды- земляники и малины- еще нет... Зато всяких препятствий оказалось с избытком. Тем слаще были эти редкие часы уюта и отдыха.

3 июля. День четырнадцатый, по плану – последний. А мы еще на Кожозере. Сейчас его еле переплыли наискось. Ну, и натерпелись страху: ветер страшный, и за 40 км озерной шири он нагнал большую в полтора метра волну. С берега это плохо чувствовалось, но за мысом, когда байдарка, переламываясь на очередном гребне громадной волны,

закрывающей горизонт, гулко хлопала носом по воде, в голове ничего не осталось от вчерашних приятных мечтаний о близком конце похода.

Остановились сразу, как только добрались до противоположного берега. Витя уверяет, что волны теперь будут меньше, но плыть дальше не хочется, сушимся. Не могу прийти в себя. Такие волны видела только на картинках. Ужас охватывал, когда волна захлестывала внутрь лодки заодно на меня, и через мою голову – на Витю. Кажется, появился чуть побольше волна, и захлестнет вместе с лодкой, найдем «успокоение»: плаваю-то я плохо... У лодки расстегнулся один из больших стрингеров и вся она скрипела и протестовала. Могла б и не выдержать...

Потом, в разговоре с местными выяснилось, что эта часть озера называется чертовым местом. Даже в безветренную погоду здесь гуляют волны, опасные для моторок... Я тоже здорово перетрусил. И не столько за то, что байдарка перевернется или ее захлестнет водой («Ладога» очень устойчива, а захлестнуть байдарку во много раз труднее, чем открытую лодку). Боялся я за прочность каркаса: кильсон в одном месте сломан, стрингера постоянно расстегиваются, дырявя обшивку... И потом еще опасения за Лилины нервы, и ругал себя за легкомысленное пренебрежение к плавсредствам – даже матрас перед выходом не надули...

Дальше пошло лучше. За два часа подсушились, воспрянули, отчалили. Волны еще бились в борт, но ужаса уже не было. Даже дорожку за собой бросили. Ловился окунь. Ветер поутих, а в последний час совсем пропал монастырь, который видели все время. Как нам потом объяснил живущий в нем старик: «Ветер встречный и потому монастырь «вызнаменило». И вправду, сначала монастырь казался совсем близким, но плыли до него два с половиной часа. Очень утомительно плыть по длинному озеру, все время видя цель, которая не приближается, а временами удаляется, если стихает ветер...

Зато как хорошо было наконец доплыть, как умиротворенно мы пили чай, ели свежий хлеб с маслом, гостюя у единственной здесь семьи. Все уехали из этого Кож-поселка, до сентября осталась здесь только эта семья из трех человек, и то лишь потому, что на лето им пригнали сюда колхозных телят... Уезжают люди из небольших селений, кто сам, а кто после уговоров или прямых выселений («Чтоб духа вашего здесь не было» - заявило людям районное начальство). Оставляли здесь дома, а новых на другом месте не давали. Мы так и не поняли, почему обезлюдивают эту землю. Старику (ему уже за 80 лет) так жалко уезжать от этой красоты, от этого озера, богатого рыбой, дичью, лесом, лугами, ягодой, землей монастырской. Но машинных дорог сюда нет, снабжение товарами и вывоз продукции затруднительны. Вот и переселяют людей в Усть-Кожу, на саму Онегу. Один из гидрологов, что стоят сейчас партией у монастыря, объяснил нам переселение необходимостью «приобщения людей к полезному труду – к лесозаготовкам»(!!!)

Нам кажется дикостью оголение этого края вместо освоения (разве нельзя восстановить и расширить старую монастырскую дорогу?). Во всяком случае сердце не соглашается.

Монастырь разрушается. В соборе размещены телята. Все каменные постройки поздние, вероятно, последнего века (это видно по русту на зданиях, по крестам и пр.). Очень впечатляет отдельно стоящая ветряная мельница – настоящая башня, способная, наверное, заменить десятки ветряков. Всего в монастырском комплексе было 50 построек и звались они Кожозеринской Богоявленской пустынью. Неплохо жили пустынники – красивейшее место выбрали для жительства... В 1918 г. монастырь ликвидировали, часть монахов красногвардейцы убили (как выразился рассказывавший старик: «Немного плохо поступили...»). Деревянные церкви сожгли, а каменные уже после революции – перестроили...

Странная судьба у этих мест... По 2-3-х этажным постройкам, составляющим небольшой городок, видно, что

монастырь жил богато. Кроме него, на озере было много и иных, заброшенных сегодня деревень. Поддерживалась в порядке почтовая дорога до Онеги и до моря... А потом пришла революция, прикончившая монастырь со всеми его вековыми традициями, экономикой и озерной цивилизацией. Дед долго нам рассказывал, как красные обороняли монастырь от наступающих по перешейку белых солдат архангельского правительства... После гражданской войны здесь создали коммуну из бывших красных партизан, и это было вполне логично: ведь монастырь и был религиозной коммуной, все его хозяйство было приспособлено для общего ведения, единого управления... Однако если монастырь долго жил и здравствовал, то коммуна быстро развалилась (стаккой же коммуны и с теми же результатами мы встречали в монастырях соловецкого Анзера). Это и понятно: монахи сознательно отказывались от личных интересов в пользу интересов божьих или интересов своих ближних. Коммунары же – обычные люди, ставящие заботы о себе и своих семьях не ниже, если не выше общественных интересов. Развал монастырских коммун при таком изменении контингента участников был неизбежен.

Кожозеринский монастырь был глушью, поэтому коммунары там поступили просто: сохранив название коммуны, они разделили землю и жили каждый своим хозяйством. А потом пришла коллективизация, вокруг появились поселки из «раскулаченных» и иных ссыльных. Это был трудолюбивый народ, сумевший в новых для них и суровых условиях выжить и поднять хозяйство (в Усть-Кожге нам говорили, что многих раскулачили просто по спецразверстке: с каждой деревни должно быть взято определенное количество семей, как кулацких. В это число попадали обычно середняки). Война снова подкосила хозяйства, лишив их мужских рук. Но и это б выдержали, подняли бы хозяйство, благо до районного начальства далеко, жить можно самостоятельно... Но как раз это начальство и допекло. Уполномоченные от райкома сидели в поселке и каждый день

собирали собрания, пока не уломали-таки половину оставшихся на собрание людей принять решение о переселении колхоза и всех его деревень на Усть-Кожу по «собственной воле» и без всякой государственной компенсации. Такова история кожозеринского обезлюдивания...

Она плохо укладывается в голове, даже если оставить без внимания позорные методы выселения людей с родных мест. Но где же логика, когда с одной стороны мы рекламируем заселение Сибири и Севера, а с другой – разоряем обжитые места на этом Севере, заставляем людей бросать отличные дома, настоящий агрогородок, налаженное хозяйство, расчищенные от камней поля, разведенные озерные и лесные угодья? Кому надо превращать огромные пространства земли в необжитые лесные пустыни?

В Карелии мы встречали не меньше брошенных деревень, но там хоть никто не ссылается на принудительное выселение. Чаще встречаются ссылки на немощный колхоз, неумелое хозяйствование и на стихийную тягу молодежи в город. Но хотя эти деревни покинуты не насильно, до чего же печально смотреть на зарастающие поля, брошенные каменные особняки, заболачивающиеся дороги и разрушающиеся церкви – труд многих поколений предков, гибнущий из-за равнодушия или головотяпства ныне живущих потомков. Не хочется верить, что так должно быть.

Уезжали вечером с приятнейшим ощущением недопеченного хлеба в желудке, человеческой ласки и в ожидании легкого пути домой. Буханку хлеба в дорогу дала нам хозяйка Мария. Приветливая и доброжелательная, она прожила, наверное, несладкую жизнь, видела мало радостей. А сейчас люди осуждают ее за то, что муж моложе. Люди часто жестоки в своем ханжестве.

Отчалили просто. Перетащили байдарку через монастырский перешеек и, оставив на берегу провожающую Марию, поплыли сначала по озерному заливу, потом вплыли в

Кожу и... сразу попали в порог. Опомниться не успели, как нас понесло...

Этот порог зовут «Горностай» и умелые байдарочники, наверное, проходят его легко. Но мы неумелые, нам впервой и сразу попался такой большой. Тут же сели на камень, нам нахлестало в лодку воды, а после второго, более основательного удара о камень, из кильсона получилось несколько отдельных кусков. И все это в состоянии моего нарастающего ужаса и полной беспомощности. Когда нас вынесло на спокойную воду, я минут десять была чуть ли не в шоковом состоянии: не хотелось никаких движений, а в голове страшная тяжесть. А потом началась дрожь, которую не могла унять даже яростной работой. «Горностая» мне не забыть. Вот тебе и легкий путь вниз по большой и сильной Коже!...

Перед следующим бурным местом мы сделали ночевку по моему настоянию, а наутро я с легким рюкзаком, где были сложены самые ценные вещи, пошла пешком. Без дороги идти тяжело, но оказалось, что мы ночевали вблизи Падуна и все равно надо обноситься... Падун страшен. Живым из него не выйти... Вспомнили поляков, погибших в нем...

После Падуна опять пошла пешком, но уже чуть ли не со слезами: что мне плохо идти, что я такая трусиха и что как же мне будет потом стыдно, что я так панически боюсь перекатов. К тому же Витя пронесся мимо меня с легкостью перышка, а я – чуть ли ни черепахой ползла... Но он все понял, подождал меня, молча посадил в лодку и поплыли. Хорошо поплыли! Я сперва заставляла себя отключаться на перекатах – будто это не я сижу в этом кипении, и что лодку совсем не жалко и что ничего-то случиться не может. Постепенно Витя приобретал сноровку, а я теряла страх...

В этот и следующий день мы обносили еще два порога. Один по опасности равен Падуну (зовут Шурус), а второй – поровнее, но тоже имеет большой сброс воды. Последний мне показался особенно красивым – две плавные ступени...

А еще в один порог мы «бодренько» влетели по незнанию: «Витя, что-то сильно шумит впереди?» - «Да нет,

ничего, просто перекат!» - И вот нас понесло, боком свалило через камень, так, что мы чудом не перевернулись (преимущество плоскодонной «Ладоги»), и подвело боком к другому, еще более высокому сбросу (метра два) и зацепило за камень. С дрожащими коленками я выскочила на этот камень и держала байдарку, пока вылезал Витя. Потом, чуть отдышавшись от неожиданности, увидели путь благополучного спуска вниз по камню. У Вити хватило нахальства фотографировать меня в этот момент. Потихоньку спустили лодку со скользкого камня, но направить ее в нужном направлении не могли. Сели в байдарку, стоящую поперек течения реки, нос и корма ее заливаются водой двух сливов. Долго не могли решиться отцепиться от спасительного камня. Наконец, «семь бед, один ответ» - отцепились, и поволокло нас в самую молотилку слива... Плохо помню, что было. Как будто дробью било снизу байдарку, волны хлестали по нам, заливая все и медленно проталкивали в боковую зону спокойной воды (кажется, Витя греб)... Очумелые, в полной безопасности, мы неуверенно рассматривали порог, с которого только что свалились...

Д/ф

107.Рев воды, грохот воды, буйство воды - и судорога рук;
Сила воды, гнев воды, ярость воды – и дрожь в коленях.
Клокочет, вертит, толкает - на камень бросает,
Рвет, мечет, бурлит - и тащит!

«Попались, попались, попались»- как будто шепчет,
«Держи, держи, ну, держи же!» - уговаривает.

ВЫДЕРЖАЛА !

108.И гонит очумелую байдарку о валуны разбитая вода.

Дневник. Были и еще перекаты с пеной, но я уже не ойкала, да и уверенность в Вите возросла. Красивым был порог «Железные ворота»: узкая щель в скале высотой 10-15 метров, где Кожа с ревом катила свои полуметровые валы.

Можно сказать, что до Кожи мы с Лилей еще не встречали настоящих порогов. В Подмоскowie они невозможны, а пороги на Иксе хоть и трудны для

прохождения, но мелки и не опасны. Пороги же на Коже, во много раз более сильной и мощной, чем Москва-река – опасны. В этом нас сразу убедил длинный «Горностаи» своим винтообразным сливом. Да и в остальных местах – «цепляние дном за камешки» обходится здесь слишком дорого, чтобы не нервничать.

Многокилометровые перекаты бушующей пены и разбросанных по руслу камней заставляли быть предельно внимательным и напряженным. И в то же время я не помню за весь поход, где получил бы столько радости, чувства победы, удовлетворенного тщеславия, что ли. Мы ночевали над третьим большим порогом «Камус». Байдарка была вытащена на высокий берег, и утром был прямой смысл сразу же делать обнос порога. Тем не менее, я долго колебался, даже игнорируя решительные протесты Лили... Уж очень не хотелось пропускать этот красивый порог не пройденным, «непобежденным»... Борьба трусости с тщеславием...

По Коже мы плыли два дня. В первый день работали с 10 часов утра до 9-ти вечера. Второй же день начали тоже с 10-ти утра, а прикатили в Петровское в 14.30. Ух, и радость! - Конец всем порогам и перекатам, осталось лишь 13 км спокойной реки до Усть-Кожи, до Онеги. Но эти спокойные километры оказались для нас самыми трудными – в текущей байдарке, мокрой одежде и с громадной усталостью на плечах. Гребли истово, с отвращением, с постоянным ожиданием конца, буквально из последних сил, пока, наконец, байдарка не выкатилась на широкую воду Онеги.

Д/Ф 118. Пришел последний час маршрута,
Мы распрощались с речкой Кожей.
Байдарку подняли на берег,
С трудом перевернув и вылив воду,
Что натекла в последний час пути.

119. На свежем ветре с просторов Онежских
Стояли мы молча, и было
Страшно холодно в мокрой одежде,

И трудно стоять на ногах,
Затекших от долгой гребли.

120. И было очень грустно смотреть
На нашу старушку с обшивкой драной,
На эту большую рыбу-черноспинку,
Пронесшую нас верно и покорно
По всем дорогам Кожии озверелой.

121. Маршрут окончен. Теперь наградой будет
Комфорт палатки, спальника сухого,
Приятное тепло сухой одежды и свежий хлеб...
Вперед зовут волнующие встречи
С глухою стариной и новыми людьми.

122. Ну а сейчас -
Стоим мы мокрые, в грязи и рвани,
И даже тишина онежских вод
Не может заглушить в нас крика
Опасности от хруста байдарочных костей
На камнях огромного порога.

123. А тело до сих пор готово грести, идти
И грузы перетаскивать сквозь камни и завалы,
И руки – вновь готовы сжать весло
Усильем человека, уставшего мертвецки.

124. И эта усталая готовность автомата
Идти куда и сколь угодно,
Для нас явилась главным результатом
Победы над собой,
Итогом северного лета!

125. (Конец)
На ближайшей железнодорожной станции мы сдали байдарку в багаж домой, а сами продолжили путь: на Соловки, в Карелию, Новгород и Псков. В Прионежье мы встретились, а потом и подружились с будущими диссидентами, Леной и Таней, сошлись с ними на общей почве любви к русским деревянным церквям и северной природе, а потом и на гораздо более глубоких интересах.

Но в то же время этот поход обозначил и охлаждение в наших отношениях с туристскими друзьями. Концовка первого стихотворения в диафильме «Кожа» говорит об остроте этого охлаждения, лучше сказать даже – «отчуждения» нас от «коллектива». Но сама попытка подробней разобраться в этом явлении и рассказать друзьям о наших походных переживаниях в диафильме только усилила отчуждение. Ведь раз занялся анализом окружающего тебя социального мира – то самим этим фактом ты уже отделяешься от него, становишься чужим целому. Я просто глуп, что не понимал этого раньше.

Отчуждение психологическое сопровождалось отчуждением идейным. Не нужно особых талантов, чтобы обнаружить, например, грубые несоответствия существующего порядка вещей и «современной социалистической теории» - для этого нужно только занять критическую, отдельную от общего позицию, стать «отщепенцем», самостоятельной личностью. А далее события развиваются закономерно, как болезнь: обнаружив «несоответствия», «критикан-отщепенец» принимает их как потрясающие открытия и спешит поделиться ими с друзьями («открыть им глаза»). Но так как все эти «квази-открытия» заключаются лишь в отбрасывании безусловной веры в официальные догмы и неудобны для людей, не собирающихся занимать критической позиции и отказываться от веры, то они вызывают неприязнь и раздражение у окружающих, как абсурд и кощунство над «всем святым».

Конечно, это лишь чистая схема. В реальной жизни разлад «критикана» со своими друзьями развивается много медленнее. «Исследователь» сам не сразу отказывается от общих иллюзий, а с другой стороны его знакомые – тоже не стопроцентно верны официальной идеологии, тоже не прочь посмеяться над политическим анекдотом и поворчать над нашими недостатками. Иногда, слушая такую ворчавню и смех, можно даже обмануться, переоценить «критичность»

компании. Готовность пожаловаться и позлословить еще далеко не означает готовности к серьезной критике, к ответственности за выводы и следствия из нее.

Если наш «критикан» есть лишь «квази-исследователь» жизни, то его друзья-анекдотисты – лишь «квази-свободомыслящие». На деле в глубине души они уверены в необходимости единства веры, действий, традиций, как главного гаранта общественной прочности и порядка. Разрыв между ними неизбежен, и хотя случаев чистого, немедленного разрыва не много, но и постепенные разрывы дружеских связей не менее мучительны. В 1967 году мы находились лишь в начале этого пути. Трещины в отношениях появились еще раньше, но сейчас они стали очевидными.

Диафильм «Кожа» я показывал ребятам полунасиленно, на зимней даче в один из новогодних дней. Показывал, зная, что реакция их на диафильм и сам северный поход будет отрицательной. Я просто боялся зрителей, заискивал перед ними, воспринимал сам факт просмотра как величайшее благодеяние... И не ошибся в ожиданиях: после заключительных кадров было полное молчание...

И все же я был доволен: все-таки я «им» все сказал, все объяснил. А воспримут они или нет – их дело! Мы уже оторвались от «родного коллектива», доказали себе «способность к дороге трудной». Теперь обойдемся и сами! Этот отрыв произошел на почве одного туризма и диафильмов, без всякой «политики». Но теперь мы были вольны двигаться «куда угодно». Куда зовет душа и подсказывает сердце. А они в тот год подсказывали: русская история, русская церковь, истоки русского сектантства и коммунизма, вековечный узел отношений Востока и Запада. Все это навалилось на нас в северном путешествии, захватило и уже не отпускало.

Как будто стояли мы рядом с друзьями на берегу бурлящей воды, а потом решились – оттолкнулись от берега и поплыли, оставив позади оскорбленных друзей. «Поток

сногшибательных откровений и открытий» уже захватил нас, гремит, вертит и вот-вот ломает. И страшно, и уже невозможно отказаться от этой свободы.

Еще нет у нас никакой «политики» (только подспудно тлеет тема «Обыкновенного культа»), только восторг от своей свободы и одиночества, только сознание собственных сил, только открытые глаза (печаль от разорения северных деревень и монастырей), а разрыв между нами и остающимися на берегу катастрофически увеличивается. «Подписанство» сделает этот разрыв почти непреодолимым. «До свидания, до свидания... Прощайте, прощайте...» - Но не будет нам ни свидания, ни прощения. Плыдем к неведомому, наверное, в гибельную даль. Логика диссидентского потока непреложна: одних несет в одиночество, других – в эмиграцию, третьим – еще хуже... А может, мы уцелеем, может, зацепимся за оставленный бережок? – Прощайте, прощайте...

Знакомство с северными городами, монастырями и деревянными церквями

Прошло лето, прошел отпуск, прошумели-пролетели дни, до отказа набитые Севером, но мне беспокойно - я тороплюсь: вдруг эти дни забудутся, пролетят мимо ненадежной памяти, унося с собой все накопленное богатство впечатлений? Я ничего не хочу терять из увиденного, поэтому обязательно сберегу этот дневник, который Лиля вела в походе. По его суровой, зачастую протокольной канве, я сумею вспомнить и тогдашние чувства и мысли, и сумею сохранить их надолго.

10 июня. Решено писать дневник. Что ж, начнем.

В 22.10 поезд на Северодвинск начал наш отпуск. Настроение

- не лучезарное. У Вити грипп и большой процент гадости в крови. Грипп рано или поздно кончится, но вот чем кончится...

Перед походом, в мае, я последний раз сдавал кровь на анализ в больнице, где лечился от желтухи. Уже полгода количество билирубина (желчи) в крови держалось на нормальном уровне, 0,5%, но майские празднества подняли этот процент до 1,5. Узнав это, я ужаснулся: дело пахло не то что отпуском, а вторичной больницей (у вновь прибывших туда обычно около 2%). Колебания у меня и, особенно, у Лили были огромные. Тем не менее, решили ехать, рассчитывая первые полторы недели провести в городах, где с помощью строгой диеты, достаточного количества творога и полного отсутствия спиртного было возможно резко снизить злополучный процент. Так и получилось: страхи постепенно прошли, я стал вполне нормальным и самоуверенным, но Лиля еще долго надоедала мне проверкой моих глаз на желтизну.

С комфортом - вторая и третья полка - едем в Вологду, куда поезд пришел в 6 часов утра. Намерены сразу поехать в Кирилло-Белозерский монастырь (140 км). Но день оказывается воскресным, и на два утренних автобуса билеты распроданы заранее. Утро началось с пятичасовой очереди. Правда, Витя бегал снимать в центре церкви, а потом вдвоем съездили в Прилуки.

У нас был довольно напряженный маршрут, который, тем не менее, был даже перевыполнен. Нам хотелось увидеть как можно больше, и мы наметили свой маршрут большой дугой по шести северным областям России, через их старинные города и деревни с памятниками деревянной архитектуры. Вернувшись домой, я подсчитал, что для этого нам пришлось проехать около 2500 км поездом, 1200 км - теплоходом, 1000 км - автобусом, свыше 400 км на байдарке, около 200 км - пешком (не считая пешеходных экскурсий по городам). Болели ноги от непрерывной беготни, ныли руки от многодневной гребли, шумела голова от обилия впечатлений, все изнывало от ожидания на сорока испытанных на этом пути пересадках - и к этому состоянию

постоянно прибавлялось еще одно: нудный и неразрешимый вопрос, который начал мучить нас еще в поезде на Вологду - "Зачем это надо?".

В самом деле - зачем? Для чего мы истратили кучу времени и денег? Что наш маршрут не будет чистым отдыхом, это было решено с самого начала, решено молча, без особых обсуждений. Уже достаточно много мы прошли вместе, чтобы понять - не торопиться мы не можем. То ли скучно жить на одном месте, не спеша; то ли это - "неумение жить" влать, наслаждаясь ленью и относительным комфортом; то ли это неумение вслушиваться в себя и близкое свое окружение, так что пусто бывает, если не наполнен день тяжелым физическим трудом и сменой впечатлений (по выражению Пришвина, - заразиться "путевой инерцией"), то ли это желание доказать другим и себе свою способность пройти много и быстро (довольно неумное желание), но мы любим напряженные отпуска и любим выполнять "программу".

Вот и сейчас - есть большой отпуск, есть напряженный и интересный маршрут, в котором запрограммировано, казалось бы, разумное сочетание жизни в лесу и на реке с осмотром старинных северных городов, есть примерный список памятников и тех мест, которые следует посетить в каждом городе, и, тем не менее, в поезде и в вологодской очереди на автобус я пытаюсь разрешить мучительное сомнение. А ведь в прошлом году, когда мы ездили в Среднюю Азию, подготовка к походу у нас была вовсе не лучшие, и, тем не менее, никакого томления духа не наблюдалось. Был только страх перед неведомой программой и вопрос: "Выполним ли мы программу?". Теперь такого страха нет, после Средней Азии мы заметно понаглели, зато теперь явилось вот это, непрошеным волком, недоумение - "Зачем?".

Наверное, за год мы стали немного другими. Может, это связано с нашим диафильмом о московских церквях, над которым мы работали всю зиму. Может быть, эта

мыслительная работа и сделала нас требовательнее к своим впечатлениям, стало стыдно походить на людей, бездумно коллекционирующих все увиденное ради тщеславной возможности щегольнуть в разговоре со знакомыми известным названием. Конечно, себя сразу не переделаешь; от метода "галопом по европам" к методу Пришвина - "внимательным изучением одного места составить себе понятие о всем крае" - сразу не перейдешь. Да и надо ли переходить? Есть же у меня знакомые, которые весь отпуск проводят в одном излюбленном месте, где ловят рыбу, собирают ягоды, отдыхают, живут в свое удовольствие, но мне никогда не казалось полезным и интересным такое времяпровождение. Видно, дело не в методе, а просто в степени таланта, наблюдательности людей. Арсеньев постоянно ходил в тайгу, Пришвин часто жил на одном месте, и оба они увидели очень многое. А если нет такой наблюдательности, то хоть сиди на одном месте месяц, хоть всматривайся часами - мало что у тебя получится. Так что не надо себя насиловать, выжимать из себя то, чего нет, будем вести себя, как ведется. И если нам хочется бежать "галопом по европам", то не будем этого стесняться. Каждому - свое.

Приблизительно таким был ход моих попыток самооправдания в этот первый отпускной день.

Прилуцкий монастырь оказался на редкость хорош. Мощные граненые, слегка конические башни, а за стенами купола и шатер деревянной церкви.

Чтобы смягчить суровость башен, их грани покрасили в желтый и красный цвет по очереди. Издали он очень выигрывает от такой цветочности. А вблизи - немного неловко, как будто статных великанов одели в девичьи короткие платьица. В монастыре уже десять лет идет реставрация, и никого не пускают. Можно было туда забраться по лесам, да неприятностей не захотелось.

В монастыре большой пятиглавый собор. Маковки у него необычные, как будто маковку-луковицу срезали по

диаметру и нижнюю часть выбросили. Рядом с собором стоит трапезная одноглавая на кокошниковом постаменте - хороша головка. Но дольше всего глаз задерживается на деревянной шатровой церкви. Шатер, его главка, барабан с оперением - все покрыто лемехом. И только тут (а не в Ростове) я оценила благородную красоту темноты осинового лемеха, когда солнце выглянуло из-за тучек, и лемешки засверкали темными огонечками. Благородный серый цвет. У церкви - бочки с четырех сторон - от них, видно, пошли островерхие кокошники, и к ним я неравнодушна.

Непонятной для нас осталась система валов перед стенами со стороны реки Вологды.

Спасо-Прилуцкий монастырь был основан в 1371 году как форпост московского влияния на Севере. Вологодская земля была первоначально заселена выходцами из Новгородской земли. Мы говорим - заселена, совершенно забывая, что до прихода русских сюда она была заселена другими, исконными финскими племенами. Само название - Вологда - казалось бы, такое исконно русское и поэтическое, имеет финское происхождение и означает по-фински "ясная, светлая". Наверное, без особой охоты уступала "чудь белоглазая" свои земли новгородским ушкуйникам, только под действием военной силы и хитрых обманов.

Немалую, а может быть, и решающую роль в закреплении завоеванных земель играло миссионерство русских пустынников и основателей монастырей. Сперва шла религиозная, "идейная", монастырская колонизация, а уж за нею - военное и административное закрепление. Точно такую же историю повторяли вслед за своими русскими "братьями во Христе" западные, католические миссионеры при колонизации Африки и Азии. И недаром местное население убивало своих "духовных просветителей", кротких святых старцев, ибо по опыту уже знали, что вслед за ними возникают монастыри, а вслед за монастырями идет чужеземная кабала. Добродетели отшельников оборачивались для местных жителей, в конце концов, наихудшим злом.

Обычная история! Да и не всегда эти "просветители" были достаточно кроткими. Вот как действовал знаменитый просветитель коми-зырян св. Стефан Пермский (предварительно уничтожив "чудесным образом" тысячу непокорных зырянских воинов) по отношению к народной святыне - культовой березе: "Новообращенные рассказывали Стефану чудесные свойства березы, которая искони служила оракулом и пользовалась всеобщим уважением, как обиталище духов. Никто не смел отломить от нее малейшей веточки, боясь за подобное святотатство подвергнуться лютой каре. С надеждой на Бога Стефан начал рубить березу, с каждым ударом в воздухе разносились жалобные стоны и крики, мужские и женские, старческие и младенческие: "Стефане! Стефане! Зачем нас гонишь? Сим есть наше древнее пребывание".

Больше шести часов пробирался автобус в Кириллов. Только первые 30 км был асфальт, а остальные сто - проселок. Ну и помотало! Особенно было паршиво без места, сидеть сзади на рюкзаках. Стали подъезжать к Кириллову, совсем запасмурело, но фотографировать, и тем более смотреть, можно было вполне.

Сперва ахаеть от монастырских башен - огромны, а потом - от прясел. Если бы за этими арками располагались худжры, то монастырь много превзошел бы любое азиатское медресе. Целый город можно было бы разместить за этими стенами, а жили - только монахи. Внутри новых стен, выстроенных уже при Алексее Михайловиче, сохранились старые стены XV века.

На озеро выходят две огромные круглые башни и одна маленькая квадратная, старая. Построек много. Сперва "исторические места" - келья-пещера, где жили Кирилл и Ферапонт, и первая часовня - бедная, крытая берестой. Наверное, у религии научились наши сохранять свои реликвии - стул, на котором сидел Ильич, дом, где он жил...".

Эти хилые келья и часовня полулегендарных основателей монастыря, покрытые сверху громоздкими

сводами каменных беседок, больше всего напомнили мне сравнительно скромный домик в Гори, покрытый стеклянным павильоном. Все начинатели и основатели начинают очень скромно. Келья Кирилла и Ферапонта выглядит еще скромнее домика в Гори. Так и кажется, что в этой клетушке на 4-5 кв.метров, полусогнувшись, ходили святые пустынники: босиком, носили власяницу, вериги, питались чем-то вроде сушеных кузнечиков. На деле же было совсем не так, как представило впоследствии монастырское духовенство, соорудив эти "беседки". Кирилл и Ферапонт для своего времени были очень образованными, даже "светскими" людьми, учениками Сергия Радонежского, состояли в переписке с московскими князьями, и пришли сюда не столько ради уединения и подвижничества, сколько ради основания новой обители, ради устройства здешней жизни по своему уму и усмотрению.

Когда смотришь на грандиозные стены Белозерского монастыря, то невольно напрашивается сравнение их с гигантскими постройками древности, с древнеримскими виадукками и колоннадами, выстроенными трудом тысяч и тысяч рабов. Чтобы соорудить эти высоченные белые стены, тоже требовалось и много лет, и тысячи рук. Для своего времени это было великим строительством, а началось оно с основания вот этой неказистой кельи - убогого сруба, почти без окон и с такой низкой дверью, что войти туда можно лишь на четвереньках. Сколько таких и более приличных изб, охотничьих и мужицких, было в те времена здесь, но вот только от этого сруба и мог начаться Белозерский монастырь, только эта избушка могла стать тем зерном, из которого вырос мощный центр цивилизации того времени. Научкой признано большое культурное влияние русских монастырей на окрестное население - как в новых приемах хозяйствования и обработки земли, так и в борьбе с языческими предрассудками и дикими обычаями, как в распространении грамотности, так и в утверждении эстетического влияния русской культуры.

У хозяев этого сруба не было ни богатства купеческого, ни княжеского войска, у них была только вера, идеалы хорошей жизни и жгучее желание устроить свою жизнь и жизнь своих учеников правильно, по законам братской любви и "Божеским установлениям". Для своего времени это были фанатики мысли, переустроители жизни, те люди, которые явились предшественниками наших народников и всех утопистов-революционеров. В них жил священный огонь переделки мира. Конечно, утопии не осуществляются, мир не стал жить по законам монастырской коммуны, уже их ученики начинают действовать намного реалистичнее, с большей для себя выгодой, реализуя миф о монашеском аскетизме, и все же белые стены на Сиверском озере стоят памятником именно Кириллу и Ферапонту, прежде всего им, бескорыстным утопистам, не ведавшим, во что превратится основанная ими обитель. Без их подвижничества монастырь не имел бы такой популярности и не смог бы успешно содействовать прогрессу окружающего населения. Так в истории утопизм содействует самому обычному прогрессу.

В книге Е.Дороша "Размышления в Загорске" есть строки, посвященные приходу Кирилла и Ферапонта на Сиверское озеро, в которых звучит уверенность, что мы еще найдем время, чтобы разобраться не только в минусах монастырской колонизации, но и в плюсах тех, чьим умом, талантом и пожертвованиями, силой воли и твердостью в убеждениях поднялись такие архитектурные великаны, как этот монастырь, в сравнении с которым даже сегодняшний город Кириллов кажется убогим.

Нашему примитивному взгляду вся история до Ломоносова до сих пор представлялась сплошным варварством, забитым жирными попами, самодовольным князьями и героическим простонародьем. Даже наиболее светлые личности казались нам недообразованными и неразвитыми в сравнении с жителями сегодняшнего времени. Нам трудно представить, что 600 лет назад у многих людей

был гораздо более сложный внутренний духовный мир, чем у нас самих, что они легко могли бы стать нашими современниками, что у нас с ними гораздо больше сходства, чем различий, что они во многом решали те проблемы, которые нам кажутся трудноразрешимыми (каждое поколение решает эти проблемы заново). Кто хочет слышать, тот услышит, кто хочет видеть, тот увидит, что в наш XX-й век мы вовсе не исключительны, что существует много параллелей и аналогий в жизни наших предков и в нашей собственной жизни, и в том, как они пытались решать свои проблемы. И кто знает, насколько знание предыдущих исторических экспериментов поможет нашему современнику в решении своих проблем, или в осознании возможных последствий своего решения.

Обособленно от главной группы стоит церковь Иоанна Предтечи, заложенная Василием III в честь рождения сына, будущего Грозного. Вот ведь какой был долгожданный! И сколько славы еще от рождения! Церковь хороша. Одноглавая. Барабан - в нем-то вся красота - украшен балясинами (как на Калян в Бухаре), поребриком, бровками. Непонятно, откуда в XVI-ом веке почти купольное покрытие верха - может, это уже позже?

Рядом - его ровесница церковь Сергия Радонежского. Наверное, трапезная. Простенькая. И если бы не фризы кирпичные, была бы непривлекательной. Но как все меняет в ее облике фриз: он везде - на башнях, церквях, монастырских помещениях, в разных вариантах - типов всего четыре.

Шатровая церковь Ефимия со звонницей. Шатер есть шатер, и на малой, и на большой церкви он выразителен.

Главная группа зданий стоит на другом холме. Успенская церковь (1497 год) создана руками двенадцати ростовских мастеров. Маковка изысканных линий. К основному собору примкнули три церковенки - церковь Владимира над могилой князя Владимира Воротынского (впоследствии усыпальница Воротынских). У церкви красивое крыльцо в виде купола, обрезанного с трех сторон

трехлопастными арками. Вторая церковь - Епифамия - не выделяется. Третья - церковь Кирилла - выстроена над могилой основателя в 1780 году на месте прежней (1587 года). Маковка сложной и разительно красивой формы.

А рядом - церковь Архангела Гавриила, построенная Василием III, с огромной колокольной. Дурная колокольня выше собора. А жаль. И еще низенькая Введенская церковь.

Территория обжита. В одном из помещений - школа для глухих: девчонки, видно, готовились к соревнованию - прыгали в высоту и в длину.

Есть еще надвратная церковь, расположенная над воротами старых стен, тоже одноглавая. Почему все одноглавые? Не осмеливались превзойти собор? Или просто строились по примеру?

Поставлены на территории монастыря откуда-то привезенные деревенская клетская церковь и мельница. Как важно все же увидеть не фотографию, а саму постройку, проникнуться ее весомостью, объемностью, реальностью. Церковь, конечно, такая же, как на картинках клетских церквей, и в то же время, как сказал бы Артемка, живая. А мельница кажется нереальной, такая уж она сказочная - избушка на одной ножке. Оказывается, ее можно поворачивать. Уже видели две таких мельницы "на свободе". Впечатление - тоже сказка, таких не бывает - так они не похожи на "земные" дома на фундаменте.

Со сложным чувством я ходил по монастырю. Конечно, невольно поддаешься под влияние его размеров и величия, и в то же время эти хоромы, эта навязчиво выпяченная лепота украшений совсем не нравились. Они кажутся безвкусно наляпанной каменной роскошью различных глав, барабанов и прочего, и в этом нагромождении объемов нет той простоты и ясности силуэта, которые мы так ценим в русских церквях типа Покрова на Нерли. Да что там, я с огромным удовольствием смотрел в том же монастыре на деревянную церковь Ризоположения, которая по своему типу очень близка к постройкам времен Кирилла и

Ферапонта. А эти, более поздние храмины, вызывали у меня только скепсис.

Вообще, я всегда с предубеждением относился к мнению, что чем стариннее здание или работа, тем оно прекраснее и ценнее. Почему, собственно? Почему древняя икона, темная предельно, написанная детскими приемами, лучшие современной картины, написанной правильно, сочно, хотя, может быть, и шаблонно? Ведь большего трафарета, чем икона, трудно себе представить! То же самое и в отношении архитектуры.

Но сейчас я убедился: есть правда в этом тезисе, хотя бы в отношении монастырских ансамблей. Они строились веками, поколение за поколением строило здание за зданием, накладывая на него отпечаток своих вкусов, эстетических представлений и идейных убеждений. И обычно самым старым собором, центром монастыря, является небольшое и скромное здание, отражающее личность первого поколения. Наоборот, более поздние кельи и храмы более нарядны и вычурны, и в то же время зачастую они кажутся мне безвкусными. В изменении облика зданий достаточно легко прослеживается изменение облика руководителей общины. Если первые здания строили люди романтического склада, выдающихся способностей и замечательной судьбы - основатели, или их ближайшие ученики, то затем их место, как это водится, занимали те самые "разжиревшие физически и духовно" попы и монахи, которые являлись учениками и последователями первых лишь на словах, на деле же они использовали их славное имя только в своих, зачастую весьма своекорыстных интересах. Эти последние любят во всю мочь прославлять имя святого "Учителя", его мудрость или благочестие, придавать его обычному человеческому облику ореол "святости" или "мученичества", устраивать в его честь пышные празднества и строить варварски роскошные здания. Ко всем действительным достоинствам, обычным для сильного и хорошего человека, они прибавят еще массу других, несуразных добродетелей, гиперболизируют его

судьбу до предела, и все это якобы "во имя славы божией", т.е., говоря другими словами, "для пользы общего дела". На деле же эта "слава божья" и "святого основателя" были желательны для чисто прозаических целей - для обмана народа и укрепления собственной власти над душами людей, которых не могли не преклоняться перед судьбой святого.

Не надо думать, что только религия могла использовать подобные методы канонизации своих "мучеников" в целях укрепления своей духовной власти. Наш атеистический век также полон примерами подобного мифотворчества "учеников и последователей". Достаточно для этого сослаться на опыт китайской пропаганды, успешно создающей нового "коммунистического" бога - Мао Цзе-дуна - "самого красного солнышка", и использующей имена Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина в качестве предшествовавших Мао "коммунистических святых".

Не знаю, как у кого, но я уже стал предвзятым человеком: глубоко сочувствуя первым монастырским поселенцам, скромным и неприветливым людям, я столь же глубоко ощущаю неприязнь к их поздним преемникам. Входя в монастырь, я уже невольно ищу простые и четкие формы скромных храмов, и, как правило, они и есть наиболее древние и наиболее интересные. Интуиция уже почти не обманывает.

Ночевали на другой стороне озера, чтобы, по Витиным словам, наблюдать оттенки света на монастыре. Вечер был пасмурным. Быстро стемнело до определенной консистенции, а потом не менялось долго-долго. И в 10 часов вечера было так же светло, как и в 8 часов. Не успели заснуть, начался дождь. И очень долго мы не засыпали от его барабанного боя. Наверное, колхозники рады этим дождям - ведь они только что отсеялись (по деревням в воскресенье шли праздники окончания сева). Так что мы уж стараемся не ворчать - ведь земле, на которой мы гостюем, дождь на пользу. А земля трудная. Видели, как разделявают залежь. Да, это труд! Бесчисленное количество камней и сучьев. Труд здесь нелегок. А люди улыбочивые - и мне кажется, что даже больше,

чем в Москве. Особенно много улыбочивых милых бабушек. В моем представлении уже складывается тип вологодский женщины - круглолицей, с выпуклым лбом, маленьким носом.

Вологодщина - это еще не Север, это преддверие Севера, последняя область земледельческой России перед великим Северным лесом. Этот северный хлеб дается вологодскому колхознику с огромным трудом: и климат суров, холодно-дождлив, и земля неласкова. Редки здесь поля без камней и сучьев. Только сейчас, когда экономика колхозов медленно крепнет, они приступают к гигантской задаче - очистке полей. Без этого хозяйства не могут пользоваться машинами. Вплоть до недавнего времени пахали на лошадях, т.к. тракторы постоянно ломались на камнях. А сейчас довольно часто видишь признак расчищенного поля - гряды свезенных с него камней. Обо всем этом легко узнаешь в автобусе, где попутчики охотно посвящают тебя в свои дела. Интересно, что они всегда больше говорят о красоте своих мест, чем о бедах. Никаких жалоб нет в разговоре с приезжим - наверное, говорит чувство местного патриотизма. И только исчерпав тему местных достопримечательностей, разговор может коснуться и слишком медленной расчистки полей, из-за чего техника часто ломается, и что дела много, план большой, а рук мало: на всю деревню (бригаду) пять рабочих и т.д.

12 июня. Утро встретило нас солнцем, но не успел Витя сфотографировать монастырь, как посерело, и пошел грозовой дождь. Дождь ночной и утренний здорово подпортили дорогу, два раза толкали автобус, который вез нас в Ферапонтовский монастырь. Дорога в 20 километров была пройдена автобусом за полтора часа.

Под буксующими колесами земля дымилась от пара, но суше не становилась. Наш автобус уже в третий раз застрял на дороге в Ферапонтово. Сейчас ни камни под колеса, ни раскачивания и усилия пассажиров не помогли. Помогла лишь шоферская взаимовыручка... Встречный малютка-газик, окутываясь от натуги черным дымом, втащил-таки наш

автобус на скользкий подъем... "Хороша машина?" - жизнерадостно похлопал свой допотопный газик наш спаситель, обращаясь к удрученному водителю автобуса - современного ЛАЗа. Да, конечно, ЛАЗ родился в эру хороших шоссейных дорог и привык к ним, а на этом глинистом проселке, да к тому же мокро от дождя, он как бы вернулся во времени назад и, естественно, не тянет. Не автобус плох, а дороги - еще "времен Очаковых и покоренья Крыма".

Ферапонтов открылся издалека. На высоком холме, среди старых деревьев хранят молчание старые постройки. Двухшатровая квадратная церковь. Покрытие, наверное, позднее, металлическое, под лемех. Вид у входа грозный. А вот стена совсем низкая, метра два. Так непривычно. Видно оттого, что монастырь не считали крепостью.

Рождественский собор расписывал Дионисий с сыновьями. И книжки твердят, что это чудо. Для нас оно оказалось чудом с секретом - с обычным замком на дверях а на территории монастыря ни одного человека. Не знаю, смогли бы мы в должной мере оценить фрески Дионисия, но все же досадно. Такое впечатление, что не добрали. Наверное, если бы не все поняли, то запомнили бы, а потом переварили. Мы сейчас на Артемкином положении - все запоминаем, что касается церковей. Чем дальше пишу, тем досаднее. Даже моя попытка пролезть в собор через колокольню, т.е., казалось бы, все было испробовано, не кажется мне последним шагом. Плохо, что мы не заручились никакими бумагами.

Я так и не решила - поверхностно ли мы смотрим, или достаточно вдумчиво? Архитектура зданий в обоих случаях достаточно проста, не надо много времени, чтобы схватить силуэт и рассмотреть простые детали декора. Правда, не наполняется сердце тогдашними событиями, не переживает - в красках. Да, ощущение поверхностности не оставляет. Может, оно пропадает после прочтения новой книжки. Воображение + знание + зримый диапозитив? - Ну что ж, посмотрим.

А сейчас, в маршруте, мы просто собиратели прекрасного и необычного, собиратели кадров и экзотики, а

уж после, дома, на покое наступит время для разбора увиденного, осмысления в сценарии диафильма. Можно сказать, что сейчас идет только накопление материала, запоминание его.

А пока что Рождественский собор (1491 год) с шатровой колокольней. Думается мне, правда, что и колокольня, да и сама маковка были сделаны позже. Колоколен ведь в XV-ом веке не ставили, а изысканная линия маковки (приплюснутый купол переходит в вогнутые шатер и декоративную легкую голову) - таких ведь линий не знал XV-й век. Отделка тимпан закомар теми же поясами из камней, что и в Кириллове. Ведь они вдвоем, Кирилл и Ферапонт, пришли на Сиверское озеро и основали Кириллов, а уже через год Ферапонт себе сделал монастырь. Интересно, что по обе стороны от входа в надвратную церковь написаны святые кн.Ольга, кн.Владимир, кн.Александр Невский, по другую сторону - летописец Нестор, составители славянского алфавита Кирилл и Мефодий, а вот Ферапонта - нет. В его же монастыре. Непочтительно.

Очень стройна одноглавая Преображенская церковь. Покрытие древнее, позакомарное. А на Рождественском реставраторы крышу еще не сменили, а, может, и не будут: тогда ведь придется убирать и красивую главу.

Есть еще небольшая шатровая церковь Мартинаиана (построена в 1641 году). Совсем не запомнилась. А запомнился опьяняющий запах цветов, травы, земли, сирени. После дождя, пригретое солнышком, все несло вверх свои благодарности. А чем еще поблагодарить, как не приятным запахом?!

Да, день запомнился своим солнцем, теплым дождем, яркой зеленью вологодских просторов, изумительными видами на многочисленные озера с дороги на земляных увалах, сказочными ферапонтовскими шатрами над синью двух огромных озер, и подводками со стоящими на них подростками на дороге под монастырем, и сплавным каналом, и дорогой вдоль озера, и парочкой невесть как очутившихся здесь

отдыхающих впереди нас на этой дороге, и как хорошо было смотреть на них.

В 13 часов отчалил теплоход из Кириллова на Вологду. Витя ненасытно щелкал монастырь, уходящий в воду. Прощай, "нереальная задумка", вдруг ставшая явью. Может, и надо было здесь побродить задумчиво пару дней, но очень хочется надеяться, что глаза запомнят больше, чем ум, и потом помогут нам при "отчете".

Мы приехали на Север, как в громадный заповедник древней архитектуры; и сейчас мы плыли древним путем новгородцев на восток и север: из Сиверского озера через шлюзы двинской системы в Кубенское озеро, а дальше по реке Сухоне до Вологды, потом - до Тотьмы, от Тотьмы до Великого Устюга, где Сухона, сливаясь с Югом, превращается в великую водную артерию Русского Севера - Северную Двину.

До чего же хорошо быть на пароходе, а не в автобусе. Тебя не трясет, не подбрасывает, а так... бережно качает, как бы переносит. И столовая здесь дешевая, и еда обильная, и даже вкусная. Весь третий класс - пустой, мы развесили и разложили сушиться вдрызг мокрые палатку и одежду. И люди в третьем классе, да, наверное, и везде, робкие, довольные малым. Они могут просидеть всю ночь на уголке, не жалуясь, и почтут за большое благо свободную полку. Сейчас народу прибавилось. Но тишина-тишина, двенадцатый час. Вот только одной тетушке 46 лет захотелось громким голосом выяснить, почему я хожу в брюках. На сегодня все. Завтра Вологда в 6 утра, и теплоход на Тотьму в 15 часов.

Запомнился поздний вечер, светлая северная ночь. Теплоход посреди огромного, как море, Кубенского озера, а в нескольких километрах от нас как бы парит над водой миражом Спасо-Каменный монастырь. От всей массы воды он отделен узкой полосой света серого неба. Путеводитель сравнивает этот "Спас на камне" со сказочным городом пушкинского князя Гвидона на острове Буяне. Трудно

подыскать более удачную литературную параллель. В 1260 году белозерский князь Глеб Василькович был выброшен на пустынный остров Кубенского озера бурей. В честь "чудесного" спасения, как водится, и был основан монастырь. Удивительно, как мог он так долго развиваться на таком небольшом островке, где, кажется, с трудом размещаются его здания: собор с колокольней и несколько жилых зданий. Сейчас там все разрушено, никто не ездит теперь на ставший необитаемым остров, и даже теплоходы стали проходить поодаль от него. Как-то грустно смотреть на его одиночество. Постепенно он становится таинственным, в особенности, в синем свете кубенской ночи, и в голове начинают роиться всякие романтические бредни о заточенных, о страшных тюрьмах, об острове Корфу и...

13 июня. Простились с Вологдой, плывем в Тотьму. Плывем без особых удобств - сидячие места. Витя говорит, что он все же не верит, что мы ночью не будем спать. Просто мы не ожидали, что так много народу, а потом, кассирша сказала, что до Великого Устюга можно плыть только третьим классом. Ну, все это ерунда.

Наша каюта третьего класса расположена в носовом отсеке парохода. Наш "Т.Шевченко", видимо, принадлежит к числу старейших музейных экспонатов водного транспорта дореволюционного периода. Я думаю, что на подобных "роскошных" судах лоцманствовал еще Марк Твен на Миссисипи. Однако ходит он довольно уверенно, и может быть, проходит так еще несколько сотен лет.

На дверях нашего отсека висит таблица: "Вход пассажирам с палубными билетами строго воспрещен". То же самое висит на дверях кормового отсека, а над трапом, ведущим на верхние палубы с каютами 1-го и 2-го классов, запрещение не только для палубных пассажиров, но и для 3-го класса. Вся палубная публика расположилась на скамьях около шипящего и вонючего машинного отделения, где взорам всех любопытных открыта фантастически древняя паровая машина - коловращение великолепных шатунов и кривошипов,

ползание золотников и поршиней, все так же уверенно превращающих возвратно-поступательное движение во вращательное, как и во времена Фултона и Стефансона.

Мне следовало бы, оставаясь в рамках приличий, оставаться на своем месте, проникнувшись чувством превосходства пассажира 3-го класса к "палубной шантрапе". Но, в поисках удобного места, я поднялся все же на верхнюю палубу, и только здесь понял, где пролегают основные пассажирские различия. Передо мной расстилался весь широкий горизонт вологодских, сухонских лугов и лесов, и далеко видны были редкие деревни. Внизу же я мог созерцать только воду и краешки берегов - и никаких более горизонтов и впечатлений, перспектив пространства. Внизу жизнь моя была ограничена минимумом впечатлений, оставляя большее время на еду, сон и другие занятия (вроде карт и водки). Здесь же, при более высоком "классовом" положении, при сытом желудке, теплой одежде и удобной обстановке, впечатлений гораздо больше, и больше возможностей для духовного развития, больше времени. Так "классовость" парохода еще более углубляет уже существующие людские различия. Так "бытие определяет сознание". Конечно, "классовость" купленных билетов (а, следовательно, в какой-то мере и "классовость" пассажира) была заранее обусловлена в основном их умственными способностями, в том числе и запасом знаний и впечатлений, позволяющим выполнять соответствующую работу. Но, с другой стороны, именно достигнутая высокая "классовость" дает человеку материальные средства для накопления знаний и впечатлений, и, может быть, достичь в жизни еще более высокого положения, перейти из 2-го класса в 1-й.

Эти мысли смутили меня при виде играющих детей. Смуглые, черноглазые дети цыган у машинного отделения - не надо быть пророком, чтобы предсказать, что они станут цыганами, как и их родители, что они останутся на самом низшем разряде палубных пассажиров, их горизонт будет ограничен лишь грязью физической и моральной. А вот

второпассажи́рские дети - эти чинно и благородно гуляют на свежем воздухе палубы наверху, уже невольно впитывая в себя свежесть речных просторов и красоту лесных далей. Конечно, здесь же носятся дети третьеклассников и палубных. Они вездесущи. Ограниченные в жизни узкими возможностями родителей, привыкших смотреть из-под низа, тут, на пароходе, они получают возможность подняться наверх, в иную жизнь, застыть в удивлении перед роскошью зеркальных окон кают-компании, осмотреть сверху вокруг ставиюю вдруг бесконечной к горизонту землю, проникнуться плавным движением парохода по извивающейея вниз реке, "хватануть" не полагающегося их родителям комфорта, оставляя нам надежду на исключения из правила о наследовании "классовости" пассажиров. Пусть дети всех бегают везде, пусть дети имеют максимум возможностей (хотя утопией было бы считать создание для всех детей совершенно равных условий развития).

Очень хотелось бы, чтобы только их природные способности определяли "класс" билета их будущего "парохода".

На сегодняшнее знакомство с Вологдой наложили отпечаток два обстоятельства: жара и забытая карта маршрута. Жара донимала методично и нудно, а карта - уколами.

Байдарочный маршрут 5-й категории трудности по притокам Омеги, вызнанный мною у товарища по работе А.В.Зелема (он ходил по нему два года назад), был гвоздем нашей программы. Ведь трудно было ограничить себя только посещением исторических мест, отказавшись от очередного испытания своих сил и возможностей. Карта-двухкилометровка с обозначениями волоков и порогов была подготовлена еще в ноябре прошлого года, и вот, в атмосфере тягостных раздумий о билирубине, мы ее забыли дома. В Вологде вспомнили, послали домой телеграмму, а потом подробное письмо с просьбой найти карту и выслать в Няндому - последнюю ж/д станцию, от которой мы хотели начать свои маршрут. Найдет ли мама? Успеет ли выслать?

- это очень беспокоило, так как идти сложный маршрут по имеющейся у нас 15-км карте Архангельской области было страшно.

Самое значительное видение сегодняшнего дня - Софийский собор с колокольней. Иван Грозный, по преданию, таким способом хотел утвердить свое превосходство над непокорной Московией. Вот вам, бояре, вот какой у меня собор, выше Успенского. И уж могуч, и спокоен, и пятиглавие подстать ему - мудрое.

Колокольня перестроена в середине XIX-го века в ложноготическом стиле. Хорош этот стиль! Баженов тоже строил в этом стиле, а ведь - лучший архитектор на Руси! Стрельчатые арки, разнообразные детали, золотая голова. В виде черного кружевного воротника стоит ограда на смотровой площадке у яруса звона.

По степени интереса дальше идёт церковь Варлаама Хутынского. Постройка XVII века - вся барочная. Совершенно невероятная вольность - рядом с главной маковкой поставить вазы. Да, этот архитектор был явным вольнодумцем. Его привлекала больше земная изысканность, чем божественный аскетизм. Особенно красива колокольня. Начинается она портиком, ярус звона состоит у нее из вогнутых стенок, а головка (с ума сойти!) - тонюсенькая грушка с длинным хвостом.

Церковь Константина и Елены - нынешняя трикотажная фабрика - стройная, пятиглавая, с прямоугольными апсидами. Владимирские церкви - летняя и зимняя, двухметровая. Колокольня у них высокая, стоит красивым шатром. Церковь Иоанна Предтечи закрыта, поэтому фрески рассматривали через церковное окно. Темно, плохо видно. Осталось впечатление, что все стены заняли людские суетные фигуры - стати в них мало. У Сретенской церкви приятная вытянутая колокольня. Про остальные можно сказать почти одинаковые слова, можно "прочитать в книжке" - не выделились, не оставили отпечатка. Очень хорош ритм церквей в Заречье - три стоят на равных расстояниях друг от

друга, но, так как река поворачивает, то четвертая - верхне-посадская - тоже стоит в один ряд с зареченскими.

Видела, как делается вологодское кружево. На барабаны (типа диванных подушек) наколот отсиненный рисунок. В руках у кружевницы 6-8 деревянных палочек-катушек. Быстро-быстро перекидывая их друг за друга, плетут какую-то стежку нужной длины. В узле ее фиксируют булавкой. Вяжут красивые вещи - перчатки свадебные, шапочки, косынки, блузки, палантины. Но, я думаю, мало кто из них ощущает творческое возбуждение - это труд, ремесло. И все же кажется, что эта работа много лучше работы, скажем, счетовода - сноровистые руки делают кружево. И дорого стоит их работа, выставленная в магазине "Вологодские кружева": кофточки - 27 рублей, перчатки - 9, шапочки - 7, косынки - 28 рублей. И носить такие вещи должны тонкие, глубоко интеллигентные женщины.

Я не могу спокойно читать эту последнюю фразу - в ней вся Лиля, с ее выросшим в плебейском детстве представлением об ином, высшем мире "утонченных" патрициев. Сначала это казалось мне смешным детским предрассудком, теперь же я знаю, что это - на всю жизнь. Из-за этого представления, близкого к чувству неполноценности, она теперь обречена теми материальными вещами и духовными благами, от которых сама вынуждена отказаться (то ли от недостатка средств, то ли от недостатка времени для развития определенных способностей), наделять каких-то нереальных, на мой взгляд, людей. Я лично это самое вологодское кружево видел на самых обычных девчушках из ателье и магазинов.

15 июня. Вчера побывали в Тотьме. Вот неожиданность - столько церквей и невиданных раньше деталей декора. Пять церквей и один монастырь. Две, вблизи от центра, особенно хороши. Одна - одноглавая, сильно вытянутая вверх тонкими частями. Вторая - точно такая же, но у нее еще есть 4 главки на тонких барабанах. У колокольни верха нет, но стены ее отделаны тем же орнаментом. Вите они

особенно понравились за тонкий торец и удачное расположение. К монастырю близко не подошли - было мало времени. Но через реку в нем ничего особенного не просматривалось.

В эту пароходную неделю мы побывали в шести старинных русских городах, от Кириллова до Сольвычегодска и Каргополя. Каждый из них по обилию древних памятников, наверное, не менее интересен, чем Суздаль и Ростов (хотя последние мне все же больше нравятся). Каждый из этих городов имеет свое лицо, и не только в смысле сегодняшнего их вида, но и в смысле стилей их старинных зданий. Мы уже легко различим вологодский тип храмов от каргопольского, церкви Тотьмы от соборов Великого Устюга. Видимо, в каждом городе существовала своя школа мастеров со своими оригинальными традициями. Здеишние мастера, наверное, в молодости много ездили и учились, но потом осели на одном месте. А расстояния на Севере громадны, до другого города так просто, за здорово живешь, за советом не съездишь. Вот и приходилось им вариться в собственном соку, смотреть на один только город, невольно копируя уже существующие в нем храмы. Так рождался местный, Устюжский или Каргопольский тип храма. Приученные Москвой к пестрому разнообразию церковных построек и к их традиционному разностилю, мы долго не могли привыкнуть к цельности каждого северного города.

Трудно, например, сказать, каков главный тип московских храмов - их предварительно надо подразделить по времени возникновения, но, выделенные таким образом группы, будут характеризовать не столько город, сколько само время. И вот, после поездки на Север, в моей памяти отложились четкие образы: черноголовые, прокопченные ржавчиной от времени вологодские пятиглавки в деревянном зеленом городе, каргопольские белые кубы с зелеными луковичными главами, устюжские и тотьминские прямоугольники с одной-единственной усложненной черно-ржавой главой.

Тотьма обрисовалась нам одним серым цветом. Кажется, этот город древнее всех остальных северных городов. Москвы еще не было, а Тотьма уже числилась в числе новгородских владений. А сейчас это один из самых захолустных районов Вологодчины. Добраться практически можно лишь самолетом да парходом (который зачастую отменяют из-за обмеления Сухоны). Ехать же туда автобусом, зная состояние местных дорог, можно только с отчаяния, потерпев неудачу с покупкой парходных билетов.

Мы были в Тотьме лишь несколько часов - между двумя теплоходами. Была скверная погода. Дождь то моросил, то лил ливнем, и нам совсем не хотелось застревать здесь на целые сутки. Поэтому мы осматривали Тотьму в дождь, из-под полиэтиленовой пленки. Мы шли по мокрой деревянной мостовой, мимо деревянных домиков с затейливой резьбой наличников. Вышли на главную площадь города - она оказалась почти точной копией мосфильмовских декораций дореволюционного города, и состояла из бывших купеческих складов и лавок самого шаблонного типа. Еще на парходе нам говорили, что в Тотьме чуть ли не извозчики с ямиками разъезжают по улицам, чуть ли не козы пасутся на главной площади и мужики в лаптях на базар приезжают. Злые языки были, конечно, не правы: извозчиков и лаптей здесь нет, и в то же время красных лозунгов относительно свежего содержания достаточно. И все же, нас, как и в Хиве в прошлом году, охватило ощущение вневременности, как бы перенесло в двадцатые годы, настолько хорошо сохранились все постройки того времени (а других здесь нет), и настолько они все используются по назначению. Как нам объяснили, все каменные здания в городе были построены одним богатым купцом Белобородовым. Наверное, этот Белобородов чувствовал себя благодетелем, отцом города, а уж местное население - вечно ему обязанным... Удивительная все же у нас память: при определенном созерцательном, туристическом настрое достаточно одного внешнего толчка - купец Белобородов, и поплыли в памяти самодуры Островского,

золотопромышленники Мамина-Сибиряка, купцы и мещане Горького и прочие литературные ассоциации, вплоть до гоголевского капитана Копейкина. Последний, впрочем, обозначился в памяти лишь после того, как одна пожилая женщина, долго и пытливо всматривавшаяся в мои манипуляции с фотоаппаратом, в ответ на мой вопрос с беспокойством и смущенно сообщила нам, что была у них одна старушка сразу после войны, вот также, как и мы, фотографировала-фотографировала здесь, а потом... оказалась переодетым американским шпионом. "И вот вы тоже...". Возможно, только бурное веселье нас, вспомнивших про однорукого и одноногого капитана Копейкина, превратившегося в конце концов в переодетого Наполеона, ее окончательно сбilo и заставило отказаться от мысли сообщить про нас в милицию... А, может, все-таки сообщила?

Серая, серая Тотьма! Серая от дождя, серая от старости, серая от захолустной дремучести. Наверное, это всего лишь мимолетное впечатление, результат неблагоприятных метеорологических условий; наверное, - это поверхностно, односторонне и неглубоко, но мы были в Тотьме лишь несколько часов, и осталась она для нас серой Тотьмой.

Катерок на Нюксеницу отошел в 13 часов, а в 10-том часу вечера мы пересели на другое судно - пассажирскую барку-самоходку "ПТ-1" на Верхний Устюг. Народу едет на ней много. Тесно, крикливо (от детей), темно. На улице дождь с ветром. Поскольку оба кашляем, то подолгу (я - особенно) не остаемся на палубе.

Красивую деревню Брусенец, которую мы так ждали, увидели в самый разгар дождя. И все старания увидеть в ней красоту, как и в последующих деревнях, ни к чему не привели. Сухона, правда, хороша. Запомнятся и бесконечные бревна на ней молевого сплава, и крутые берега с серьезным лесом.

Берега Сухоны постепенно меняются. Низкие заливные луга Вологодщины сменяются высокими

прибрежными елями и березами Архангельского Севера. Вместо кустов ив, оголенных наполовину долго стоявшим весенним половодьем, появляются на выросших берегах крутые каменистые склоны, гряды камней на берегах и в бурлящей воде. Участились на берегах деревни, и дома их стали более новыми и нарядными. Начинается зажиточный Север. Сухона стала шире, увереннее, с частыми лесосплавами. Гигантские штабеля бревен на берегах, сплошной лес на воде протянулся на многие километры, огражденный от фарватера лишь узенькой цепочкой спаренных бревен, по которым расхаживают сплавщики с баграми. Сплав леса (и его заготовка) - основа экономики Севера, придающая ему зажиточность и прочность быта с гарантированной зарплатой рабочего лесной промышленности.

О вологжаных. Мужчины много пьют. Ужас какой-то. Витя говорит, что пьянство будет до тех пор, пока не исчезнет тяжелый физический труд. Он, конечно, исчезнет. Вон тракторы стягивают бревна в воду, вон плотовязчик на реке появился. Но видели мы только две пары тракторов и один плотовязчик. Наверное, основную тяжелую работу люди все же выполняют вручную. Особенно, когда идет основной лесосплав по большой воде. И женщины теперь на лесе работают. Как сказала одна из них: "Ведь у нас теперь равноправие" (она, правда, сказала "одноправие").

Может, мне не видно, может, и московские рабочие столько же пьют. Но меня больше всего удручает мысль, что девушкам здесь приходится дружить с парнями, хотя они и знают, что те пьют. И выходить замуж за человека, который регулярно выпивает: ведь непьющие так редки, что можно прождать всю жизнь.

В душной Вологде у ларька с водой образовалась небольшая очередь. Алощекая пожилая вологжанка, ловко орудуя стаканами с газировкой, вела оживленную беседу с одной из своих знакомых. Вологодское окающее наречие проявлялось в этих пулеметных словесных очередях в полном

своем блеске. Я совершенно не разбираюсь в языковых тонкостях, но к яркому вологодскому выговору с удовольствием прислушивался - уж очень он кажется с виду округлым и детски доверчивым. Но, следя за формой слов, невольно начинаешь вникать и в их содержание: "Не дают комнату, и все. Подожди, говорят. Тут мне и скажи соседка: 'А ты устрой для председателя вечеринку с выпивкой - посмотришь, как пойдет дело. Все так делают и квартиры получают'. Как услышала я, так и захолонулась вся, возмутилась: 'Да чтобы я этих пьяниц, председателя, водкой кормила?!..'. Боже, какая до пошлости старая и знакомая тема! Тут и подумаешь: выговоры разные, а проблема одна. Отличная иллюстрация к известному тезису: национальное по форме, социалистическое по содержанию.

17 июня. На приятном теплоходе, где даже кают-компанию открывают, едем в Сольвычегодск. Холодно и ветрено. Оба простужены. У Вити больше насморк, у меня - глубокий кашель. Северная Двина широка. Высокие, красные, лесные берега. Просторы...

Все же, какая большая разница между этим теплоходом и пароходом "Т.Шевченко", которым мы шли до Тотьмы! И она заключена в различии конструкций этих судов. Если "Шевченко" скопирован с дореволюционных колесников, то этот теплоход - современный однопалубник, дитя демократического XX-го века. Палубные билеты (4-й класс) уничтожены, уничтожена сама возможность скучивания пассажиров на лавках грохочущего и смердящего машинного отделения. Здесь есть только два типа плацкарт: 2-го и 3-го классов, с общей кают-компанией и столовой. Разница же лишь в каютах 2-го класса. Конечно, нет уже никаких надписей: вход пассажирам такого-то класса запрещен. Два речных судна, две разные конструкции, а говорят они о большом временном промежутке, о большом развитии общества в направлении уменьшения резкости "классовых различий". И, видя исчезновение нижней палубы с ее медными кипятильниками, грязными полами, масляными столами и

лавками, на которых вертятся во сне от неудобства и жесткости чумазые от них дети, легко представляешь себе постепенное исчезновение и ночлежек Хитрова рынка, и нищих-побирушек, и рабочих барачков-клоповников, и черных изб с детьми босиком на снегу. Общество, индустриализируясь, медленно, но верно движется к равенству снизу, уничтожает четвертую палубу. И это вдохновляет!

Но вернемся к Великому Устюгу, в котором мы провели весь вчерашний день. Он нам показался самобытным миром, затерявшимся в глубине страны. Витя сказал восхищенно, что не каждый город имеет такое лицо. Еще бы! Семь храмов выстроились на набережной, и несколько заглядывают им через плечи. И все это в зелени деревьев и в соседстве с небольшими, не выше третьего этажа, веселыми каменными домиками. Центральная улица его - четыре соборных храма - притягивают внимание. Хоть и существует устюжский тип храма, но одинаковые по силуэту здания здорово отличаются отделкой. Первая же Симоновская церковь (1725 год) поразила изразцовыми завитушками (грешница - не запомню никак - вроде бы капителями называются). Фронтон резной и масса других декоративных деталей. Вознесенская церковь (1648 год) очень напомнила церковь Николая в Пыжах. Правда, Вознесенская - желто-белая. Четверик с пятиглавием, два придела с главами и шатровая колокольня. Интересно, что каждая сторона новая, необычная и "заставляет глаза разбегаться". И, опять же, изразцы. Спасо-Преображенская церковь (1696 год). Огромная, пятикупольная, с крыльцом. Фризы изразцовые и изразцовые наличники на абсидных окнах. На картинках-изразцах - орел, павлин... Рядом Георгиевский (?) холодный храм. Высокий, одноглавый, пропорциональный, с вытянутыми необычными пилястрами. Михаило-Архангельский монастырь (1653 год), основанный Кириллом. Теперь - автодорожный техникум. В нем надвратная Владимирская церковь (1682 год), стоящая не над воротами, а

в 50 метрах от них, но под ней сделана проездная арка. Арка расписана изображениями устюжских святых. Сам собор пятиглавый, с шатровой колокольной, крыльцом и большой трапезной. Знаменитых ворот с 52 клеммами нет, и никто не знает, где они. Ничем не запомнилась, разве что железным шатром. Зачем это нужно? То ли мы пресытились, то ли, действительно, все церкви очень похожи друг на друга, то ли невнимательно смотрим, но не стоит у меня перед глазами каждая церковь, как прежде, чтобы смогла без картинки описать. Не поражают? Или пресыщение?

В монастыре еще стоит трапезная с Введенской церковью и храм Преполовления праздника святой Пасхи (1710 год) - совсем ушел в землю. На берегу стоят четыре соборных храма: Успенский собор во главе их. Впервые на этом месте был поставлен собор в 1290 году, последняя постройка - 1639-1658 годы. Пять глав, но четыре стоят далеко внизу, а пятая царствует. Под простым карнизом - крупные узоры. У собора две колокольни. У одной - высокий шпиль с яблочком наверху, а другая - большая, немного неуклюжая, сделана, видно, под большой колокол.

Прокопьевский собор (1668 год) назван в честь самого почитаемого в Устюге святого праведника. Про его жизнь и страдания написано несколько фресок в соборе, довольно реалистичных по манере исполнения (живопись XVIII-го века). Собор лишь год назад передали музею. Здесь разместились атеистическая выставка, планетарий в приделе, выставка фресок и пятирусный иконостас. И теперь ходят туда богомольные старушки за пять копеек и крестятся, и молятся, и вздыхают, что красивый был храм, да вот отобрали. А, бывало, огромные толпы людей собирались здесь в великие праздники. Теперь в Устюге есть только одна действующая церковь - на кладбище. Не пойму, чего больше в вере: фанатизма, страха или стремления к возвышенному, неземному, сказке. Хочется мне верить, что большинство привлекает последнее. Конечно, церковь проповедует невежество. Ребенок, вырастая, перестает верить сказкам, но

хорошее дело сделано - развито его воображение. Старушки, активная часть мозга которых уменьшается до размеров детского, тоже нуждаются в сказке - в утешительной сказке. С какой верой бабушка рассказывала нам, как Прокопий оградил город от тучи каменной!

В соборной группе есть еще один храм - во имя Иоанна Юродивого (1656 год), тоже местного святого. Про того ничего не знаем. Остальные храмы плохо сохранились. Два на набережной, один - у кладбища. Бывший Иоанно-Предтеченский монастырь, связанный с легендой о ханском наместнике, батыре Батае, перешедшем в православие, превращен в шетинную фабрику (в просторечье - "шетинку").

Город вообще интересен. Две его главные улицы и набережная - из каменных домов, одно- и двухэтажных. Разных-разных. На поликлинике - шахматные ложные крыши, на деревянных домах - руст, башни. Желтый, белый цвет, различная лепка. Много детских домов и садов.

В музее мы узнали, что город упоминается впервые в завещании князя Всеволода Большое Гнездо, который, отдавая сыну в надел Ростов с пятью городами (1207 год), завещал и этот. Считают, что существовал он уже в середине XII-го века. В 1212 году был заложен Михаило-Архангельский монастырь. В 1218 году на город напали камские болгары. Устюжане - довольно воинственные люди, часто воевали с новгородцами, отсюда московские князья организовывали набеги на северные земли. Битвы с новгородцами были в 1323, 1324, 1329, 1386, 1393 и 1398 годах. Великим стал Устюг называться в XVI-XVII-ом веках, когда через него пролегал путь в Архангельск, в Сибирь, в Китай. Из Устюга ушли в сибирские земли Дежнев, Хабаров, Атласов. Дежневу скоро поставят в городе памятник.

Славились устюжские мастера черни, финифти (роспись красками вместе с тонким серебряным или золотым рисунком). Цветные пятна были как драгоценные камни среди темного серебра. Филигрань - тончайшая резьба по серебру шкатулок с морозом - на металлических поверхностях шкатулок наносился узор морозных окон. Просечка металла -

сложные рисунки, которые делались, очевидно, кузнечным способом.

В Устюге есть небольшая картинная галерея, которую мы спешно пробежали (музей уже закрывался), так что ничего не запомнилось, кроме одного милого девичьего лица, глядя на которое, мне стало грустно, что на нее будут смотреть и любоваться еще не одно столетие, а ты (я то есть), канешь в бездну.

Из устюжан запомнилась женщина, которая сказала, что "мы здесь живем, нам город нравится"; уборщица в зале ожидания: "А вы оставьте свои рюкзаки - это мы только пьянь выгоняем"; киоскерша, через слово выговаривающая "пожалуйста" с четким "о"; сторож, отнесшаяся к нам сначала подозрительно, а потом поверившая Витиной непосредственности, рассказавшая нам местные события. Впечатление приветливости и простоты от всех людей.

Великий Устюг, конечно, похож немного на своего сухонского собрата - Тотьму, но в то же время он совсем другой. Оба они давно стоят на Сухоне, одни и те же караваны судов провожали, одних и тех же гостей встречали, и тип церквей у них очень похож, а все же - совсем другой город. Он вспоминается не серым, а черно-белым, иногда царственно-желтым цветом. Белые стены церквей и черное железо глав. А в музее на картине Верецагина мы почувствовали прежний Устюг. Это был вид на ряд золотых глав устюжских храмов, немножко размытых утренним светом. Величественное зрелище. Но даже сейчас черноглавый вид Устюга с реки может поразить каждого скоплением старинных красивых зданий на бетонной набережной Сухоны.

По сравнению с Тотьмой Устюг действительно великий город, хотя, в сущности, совсем невелик по размерам. Но в нем есть и асфальтированные улицы со своими автобусами, и ряды каменных домов, и хотя большинство из них тоже дореволюционного происхождения, но сработаны они не грубо купчески, а какими-то светскими, дворянскими,

что ли. Чувствуется какой-то отблеск столичной жизни. Город легче сравнить с маленьким залесным Ленинградом, чем с Тотьмой. На улицах много магазинов, кино, кафе-столовых, спешат по-городскому одетые люди. Город не стоит на железной дороге (до Котласа 60 километров) и, тем не менее, захолустьем здесь не пахнет. Нравится мне здесь. Даже местная газета называется не как-нибудь захолустно, а на удивление по-столичному "Советская мысль" (год основания - 1919) - отголосок революционного прошлого. Я не знаю, чем можно объяснить такое относительное цветение. Возможно, близостью к Котласу, пересечению Северной Двины с железной дорогой. Бывшая деревня Котлас сейчас - очень большой город, но разбросанный, по индустриальному неряшливый в планировке и безликий. В Устюге же сильны старые городские традиции, которые, в сочетании с ролью юго-западного порта и экономического пригорода огромного Котласа, позволяют ему сохранять имя Великого. Великий Устюг был основными воротами России на Север по Северной Двине, и на Восток, в Сибирь - по Вычегде, или Югу, теперь же он стал речными воротами железной дороги Котласа, на Запад, в глухомань Вологодчины, из Нюксеницы в Тотьму. Раньше он обслуживал всю Россию, теперь же - лишь часть Вологодской области.

Время расцвета Великого Устюга - XVI-XVII-ый века. Потом победы Петра I, выход к Балтике, и одновременно налаживание более удобных путей на Урал и Сибирь подорвут значение Устюга, но дело уже сделано: Устюг уже получил свой титул. С удивлением я узнал, что самые славные из русских землепроходцев, открывших для России Сибирь и Дальний Восток, - уроженцы Великого Устюга. Хабаров, Атласов, Дежнев - каждым из этой славной плеяды путешественников-любителей неизведанного, и одновременно завоевателей-конкистадоров, мог бы гордиться любой город. Какова же должна быть атмосфера в этом городе, чтобы в короткое время выделить таких пытливых смельчаков? Такие люди не могли родиться в среде обычного сонного быта

купеческого городка, для этого нужна атмосфера бурной и смелой торговой деятельности, дух предприимчивости и авантюризма, когда сбываются самые смелые предположения, когда вместо обычной скупости и мелочного расчета действуют размах и инициатива, где люди готовы участвовать в опасных предприятиях, опасных не только потерей капитала, но и потерей самой жизни, когда за передовыми казачьими отрядами сразу же отправлялись караваны за пушиной... Наверное, это была атмосфера ошеломляющих рассказов и будоражающих слухов о новых землях, где золото и другие богатства гребутся лопатой, атмосфера ожидания еще более нового и необычного. А, в сущности - это была атмосфера боевого исследовательского форпоста России, двинувшейся на завоевание Сибири, на овладение неизвестным. Устюг - это не Тотьма, это великий город, великий своим прошлым. Может быть, это смешно, но величие города я наиболее остро почувствовал в местном музее, где пожилая женщина, похожая на деревенскую учительницу начальных классов, рассказывала ребятишкам о "нашем Устюге", и столько было гордости в ее резко местном выговоре за славное прошлое своих земляков, столько "милого патриотизма" за город, что этому нельзя не позавидовать. Хабаровым и Дежневым действительно можно гордиться, даже стоит подражать.

Откровенно говоря, меня совсем не радовала та "старина", на которую мы обычно обращаем внимание, - грубо, даже примитивно отремонтированные церкви не впечатляли. Думается, что город еще дождет своей настоящей реставрации, но сам облик города все же неповторим. Его непоказное очарование неопределимо, но сильно действует в целом.

Еще мы побывали в Троице-Гледенском монастыре, на месте, где первоначально был город Устюг. Он стоял на мысу, где Юг сливался с Сухоной, образуя Северную Двину. Сухона сменила свое русло, а город со своим названием переместился на новое место, сперва на городок, а потом начал расти

посадами. Город перебрался потому, что весной Сухона рвала берега, и жители изнемогли в борьбе с нею.

В Троице-Гледенском монастыре стоит соборный храм с колокольной и трапезной. А перед ним, примерно в одном километре, стоит церковь - непонятно зачем. Очень хорош силуэт у нее на фоне полей. И совсем у дороги стоит часовня - небольшая, с восьмискатной крышей. С Гледенской горки вечерний Устюг нам показался сказочным и прекрасным.

Монастырь стоит над всей поймой и Сухоны, и Юга, и уходящей вдаль после их слияния Северной Двиной. А слева открывается вид на весь Устюг с его центральной каменно-церковной частью, деревенски низкими пригородами, окруженный собственными полями и огородами, сменяющимися вдали на исконные леса. Зрелище редкостное, и оно не может не настроить любого на возвышенный лад. Здесь не покажутся напыщенными слова старой книги (Дунаев, "В.Устюг", 1919): "За темными дремучими лесами далекого севера, на величавом просторе красавицы Сухоны-реки стоит "город храмов" - Устюг Великий. Бесконечно длинной, красочной каймой тянутся вдоль набережной Устюга его храмы: издали они сливаются в одну непрерывную узорочно-прихотливую ленту, закрывающую собой остальные строения - и оттого невольно кажется, что это какой-то особый, таинственно-сказочный, священный город... Суровый в своем многовековом спокойствии, стоит ныне Устюг Великий, отражаясь причудливым узорочьем своих белоснежных церковок в светлых струях своего "недруга великого" - Сухоны-реки. Стоит он, и точно призадумался о славном прошлом своем, о бранных бурях, промчавшихся над ним, о былом могуществе, величии и богатстве. Город громкой славы, город грозных сил, старый, величавый, ныне тихо опочил. Но настанет тот час... и город пробудится от своего сна, и воспрянет к новой жизни, и поплывут мимо него вновь караваны судов..."

Конечно, не быть больше Устюгу великим портом, воротами всей России в Европу и Азию, но он уже и сейчас

является великим историческим памятником - не столько своими старинными зданиями, сколько всем своим существованием, своими людьми, хранящими традиции и предания предков, а в будущем станет он великим туристским центром, местом массового паломничества исследователей и созерцателей прошлого.

В Сольвычегодск прибыли к вечеру при солнце и почти полном безветрии. Радость погоды. Город видится издали: Вычегда здесь не петляет. Во главе города высится белый Благовещенский собор. Рядом с этой громадой маленькие домишки просто не замечаются. Вычегда только вначале захлавлена лесом и промышленностью, а потом берега ее поднимаются, зарастают хорошими лесами, и у Сольвычегодска она очень живописна - шире Оки у Коломны.

Три храма остались в городе к концу XVIII-го века. Спас Обыденный (1691 год). Построен на месте деревянной (1576 года) церкви, срубленной по обещанию за одну ночь в молении об избавлении от моровой язвы. Но не помогло. В тот год умерло еще 620 человек. Церковь сейчас одноглавая, но, наверное, раньше была пятиглавой - уж очень тоненький на ней барабан. Довольно вместительная. Трапезная и паперть охватывают ее с севера и с запада. В зимнее время службы, наверное, шли на паперти, а в центральном храме - летом. Сейчас здесь, за красивой железной церковной оградой, разместились гараж.

Благовещенский собор (1560-1584 годы) поставлен благодеяниями Строгановых. В нем – музей, пятиглавый, подтянутый. Три высокие апсиды у храма и по две - на папертях. Таких объемных зданий мы еще не видели. В подклете - тюрьма. Легендами обросли эти "каменные мешки". Уже в Устюге нам рассказывали, что богатых купцов сталкивали с темной лестницы, а внизу им были уготованы колья, на которые они надевались. Оказалось все проще - там даже отверстий в потолке нет, есть просто боковые низкие проходы, куда и заталкивали неугодных людей. Приказчик Ивана Строганова Афонька Русинов просидел пять лет в

мешке и выпущен по случаю пожара сторожем. Иван за что-то его невзлюбил и добился, чтобы на Москве Афоньку схватили и заточили в московскую тюрьму. Но там после пыток установили его невиновность и выпустили. Когда он вернулся к семье в Сольвычегодск, его тут снова схватили и засадили в колоды и железа на руки и на ноги и на тело "цепь в полтора пуда" и, приковав к стене, продержали пять лет. И вот он пишет челобитную царю Михаилу, что его опять хотят схватить: "Царь-государь, смилуйся, пожалуй..."

Внутри собор здорово расписан москвичами Арёфьевым и Саиным (1600 год), места свободного не осталось. Сцены из страшного суда, библии, всякие святые рядком, головы святых, Бог-отец с сыном на коленях, болезненная икона Христа, многое другое.

Своим возникновением Сольвычегодск обязан Строгановым. Интересно было бы почитать их родословную. Город был перенесен из Чернигова Вычегодского, почти уничтоженного буйством Вычегды и сильным пожаром, на место недавно найденного соленого ручья (на Усолье). А с солью на Руси было в это время плохо. В XVI-ом веке Строгановы не знали конкурентов еще и по торговле пушниной. Но им было все мало, и в 1581 году они снаряжают казачий отряд под руководством Ермака. Ермак до службы у Строгановых грабил на Волге и на Дону купеческие караваны. Три донских атамана собрались в устье Волги, и старший из них Ермак говорит: "Не корыста у нас шутка зашучена, гуляли мы по морю синему, убили мы посла персидского, и как нам за это будет отвечать. В Астрахани жить нельзя, на Волге жить - ворами слыть, на Яик идти - переход велик, в Казань идти - грозен царь, в Москву идти - перехватанным быть, пойдем мы в Усолье к Строгановым!" Ермак со своими задачами в Сибири справился хорошо, завоевав все Кучумово царство. В его отряде была крепкая дисциплина, хорошие боевые качества и огнестрельное оружие. У татар же - одни стрелы, от которых уже стеганный халат спасал. Однако после многих столкновений отряд был разбит, а сам Ермак погиб в

Иртыше. Иван Грозный, узнав о гибели Ермака, снарядил правительственную военную экспедицию и без большого труда захватил навсегда Сибирское царство...

В музее очень много финифти, черни, есть резьба по дереву, кости, перламутру. Вышивка серебром, золотом, жемчугом. Совсем немного представлено строгановской вышивки: сотрудница говорит, что нет витрин, хотя и многое подготовлено. Вышивка, конечно, искусная - целые иконы с клеймами. Глаза, правда, у Иисуса японские (тут чувствуется влияние приемов). Но какие ж художницы были эти вышивальщицы! Ведь без рисунка, как рука поведет - это куда сложнее, чем рисовать икону. Есть на выставке и деревянные фигурки святых пустынников, архиепископов. Есть власница из конского волоса - страх какой! Только очень сильные люди, наверное, способны были ради веры так истязать свое тело. Люди одной идеи.

Есть в Сольвычегодске еще один храм - Вознесенский собор в бывшем монастыре. Больше от монастыря ничего не осталось. Но до чего же красив собор! Он строился с 1688 по 1712 год по указанию Григория Дмитриевича Строганова. Высокий четверик с тесно поставленными пятью главами, зелеными, гранеными. А стены облиты украшениям: у окон наличники, а между окнами прямые и витые колонки. Между витых - большие изразцовые вставки. Сверху гребень из колонок, архивольтов, еще чего-то. В колонках крыльца резных дел мастера прямо исстарались. Внутри росписей нет, только иконы. В основном здании - семярусный иконостас.

Из всех виденных нами городов Сольвычегодск стоит особо. Бывшая столица купеческой империи Строгановых, он получил в наследство от них лишь два совершенно разных, но одинаково великолепных храма... Один стоит на берегу Вычегды - сильной, быстрой, синей-синей, другой - в глубине тихого городка, у соленого источника. Один белый-белый над синей рекой, а другой - огненно-красный в лучах заходящего солнца. Один - гладкие белые стены и лишь фресками расписаны тимпаны арок, другой - весь испещрен затейливой

каменной вязью и глазурированными изразцами. В одном разместился богатый атеистический и исторический музей, в другом - еще колдует священник, а в первом этаже уже орудует заведующий какого-то склада.

Весь Сольвычегодск показался мне каким-то городом контрастов. Начать с того, что это вовсе и не город. Он настолько мал, что пройти его из конца в конец можно за считанные минуты. Это - средняя деревня, которая, наверняка, никогда не имела и десяти тысяч жителей. И, тем не менее, здесь есть и красивые дома, облетаемые тополиным пухом, и мостовые из бетонных плит. Сольвычегодск - один из крупнейших на Севере курортов, (его вода и грязи считаются целебными) с массой медицинских учреждений, и тут же, в этом городе отдыха, немилосердно дымят и коптят на все улицы две какие-то жалкие механические или кузнечные мастерские...

И все же здесь очень хорошо! Городок нравится и своей сегодняшней заброшенностью, и тихим существованием, и своим, пусть недолгим, но громким прошлым... Яркое голубое небо вверху, внизу - снова синь Вычегоды; мы лежим между этими синими массаами на зеленой траве под белой громадой Благовещенского собора. Впитываем историю. А слева два дяди ловят сетями рыбу в Жемчужном озере. Это озеро - еще один сольвычегодский парадокс. Такое изысканное название присвоено мизерному пруду, почти луже, притом достаточно грязной. Дяди делают один заход за другим, но вместо рыбы выволакивают на берег доски с гвоздями, банки, рваные сапоги и прочий бытовой хлам. Конечно, во времена Строгановых этого наверняка не было; пруд был при храме чистым, заповедным и заслуживал название Жемчужного озера. Вообще, Сольвычегодск в прежние времена был много красивее: ведь сейчас исчезла барская челядь, ухаживающая за пышными хоромами, не стало купеческих шуб, ладей и стругов белопарусных... Но ведь не стало и изб черных без единого деревца вокруг, окромя куч мусора, не стало рваной

простолудинской одежды. Сейчас и город стал зеленым - весь, и мостовые от грязи везде положены, и оборванных юродивых не встретишь, да и сам собор Благовещенский уже не мертвит душу местных жителей воспоминаниями о тюремных ужасах, как во времена строгановские. Нет, мне больше нравится нынешний современный Сольвычегодск, захолустный и мягкий, где о жестоком прошлом могут напоминать только строгановские здания, да музей Сталина (он здесь отбывал ссылку еще совсем неизвестным "политическим", молодым и, наверное, еще добрым революционером, не подозревающим, что придется ему, борцу за народное счастье, столько убить и замучить народа, что и все Строгановы вкупе не смогли бы.

Уезжали из Сольвычегодска субботним вечером. Пароходы ходят часто, но только утром и вечером, причем, как правило, опаздывают. У меня сложилось мнение, что не опоздать им просто не солидно. Наш тоже опаздывал, причем так, что мы не успевали на поезд "Котлас-Ленинград", 20.05, подходивший нам во всех смыслах. Сойдя с катера, перегруженные байдаркой и двумя рюкзаками, бежали на автобус. Шофер вял общей просьбе и гнал машину почти без остановок. Витя был в восторге, а я отходила от нервозности. Успели. Даже билеты взяли. С удобствами (вторая полка) доехали за ночь до Коноши, а в 7 часов утра уже отбыли в Няндому местным поездом. В 9 часов - Няндомы. Почта нам не пришла. Вот... Конечно, это авантюра, отправляться в поход по безлюдным местам фактически без карты. Та, что есть, очень упрощена. Но Витя доволен: подобная авантюра ему по душе - "ходили ведь первопроходцы без карт...".

На следующий день после нашего приезда в Москву вологодский Главпочтамт прислал обратно нашу двухкилометровку. Оказывается, в телеграмме, посланной нами из Вологды, не было указано, что выслать надо карту в Няндому, поэтому маме пришлось послать ее по своему разумению в Вологду. Когда же было получено второе, более подробное письмо с адресом высылки, ей ничего не

оставалось, как послать нам лишь одно ругательное письмо: "Ёлопы, езжайте теперь за своей картой в Вологду!" Рассеянность у нас была все же совершенно небывалой!

Автобус (10.00) довез нас до Каргополя за три с половиной часа (86 километров). Дорога, конечно, не асфальт. И еще эти утомительные километровые столбики. Оттого, что на них все время смотришь, дорога кажется очень долгой. Почти все время лес. Деревень мало. Один раз выехали на пригорок, и так здорово открылась эта лесная-озерная страна.

В Каргополе в первую очередь мчимся в краеведческий музей, боясь опоздать. Открыт. Несмотря на воскресное послеобедье. Музей беден. Узнали, что в VII-VIII-ом веках в этих местах жило финно-угорское племя - чудь. В начале XI-го века пришли новгородцы, покорили и основали Каргополь. Сперва это был маленький укрепленный городок с несколькими постройками. Была в нем и дружина для охраны городка и сбора дани с туземного населения. В XV-ом веке Новгород подчинился Москве, и Каргополь стал великокняжеской вотчиной. От Ивана Грозного каргопольцы получили привилегию, по которой белозерцы должны были торговать с онежанами в самом Каргополе посредством каргопольских купцов. Росту богатства города способствовал и торговый путь из Москвы в Архагельск, проходивший через город.

До революции в городе было 17 церквей и два монастыря, в которых готовили послушников и прислугу. В XVIII-XX-ом веках всероссийское значение имели золотошвейный и гончарный промыслы, шитье жемчугом и обработка беличьего меха. Сейчас делают только игрушки. Оскудело ремесло.

Живых церквей в Каргополе восемь и одна высоченная колокольня (1762 год) высотой в 61 метр. Украшена колонками по углам и головами ангелов и вазами на каждом ярусе. Покрыта зеленым куполом и кончается шпилем.

Самая древняя церковь в городе - Рождества Христова (1552 год). Вот только не знаю, насколько древние ее купола.

Витя назвал их грибами - ох, и тяжелы! От них церковь со всех сторон в контрфорсах - разве удержишь такие? Небольшие, штучного набора наличники, и ползучие арки на каждом крыльце. Фризы из Т-образного орнамента по апсидам и на основном кубе.

Рядом с ней - Введенская церковь (1808 год) - нынешний музей. Здесь же на площади стоит церковь Иоанна Предтечи (1740-1750 годы), с огромными куполами усложненной формы и бочками над апсидами. Единственная действующая церковь Рождества Богородицы (1672-1680 годы) очень красива. В отличие от других "каргопольцев" у нее стройные барабаны и красивой формы маковки. Первое впечатление от нее - как сахарная. Окна на разных уровнях, и каждое украшено по-своему. Воскресенская церковь (1692 год) с тем же каргопольским белоснежным орнаментом в наличниках фронтонов и порталах. Вите она понравилась более всех. Благовещенская церковь (1682-1692 годы) - к наличникам прибавились еще аркатурные пояса, протянувшиеся вдоль апсид. Совершенно необычное кружево. Очень впечатляет. Две поздние церкви - Зосимы и Савватия и церковь Троицкая - обе классического типа, с портиками на основном кубе и большим куполом - просты и аскетичны.

Город стоит на низком берегу реки Онеги, поэтому виден лишь вблизи. Церкви, конечно, самые высокие здания в городе, они царят, в них древность города. Связь с миром - только через автобусы. И в то же время - торжественные улицы - Победы, Ленина, III-го Интернационала, Пролетарская.

Кино, клуб, танцплощадка-"сковородка" на берегу Онеги, педучилище и школа механизаторов, рыбное озеро Лача. Ночевали у местных хозяев. Рядовая семья со своими заботами. Хозяин преподает труд и физкультуру в школе, но вид у него совсем не спортивный. Переселившись еще подростком сюда из Ленинграда, он до сих пор не отошел от блокадного голода.

Каргополь был последним "каменным сказом" русского Севера на нашем добайдарочном пути. Мои каргопольские впечатления окрашены в самые пасторальные тона. Конечно, этому содействовала ясная, ласковая погода, но главное - сам город, сонный и сытый вид его белых приземистых храмов с зелеными грибами соборных глав. Он был самым крайним северо-западным владением исконной России: русские города западнее Каргополя были постоянным предметом споров с финнами и шведами, они были крепостями и постоянно воевали. На Каргополь же мало кто зарился. Он стоит за лесами, удален от всяких врагов, никогда не был великим, а всегда был лишь второстепенными торговыми воротами России к Архангельску на более коротком, но и более хлопотливом пути по порожистой Онеге - у Каргополя много причин для безмятежности и спокойствия. Климат здесь мягче, пахотной земли - достаточно, рыбы и зверя - на каждого хватит, торговлю царь принудительно своей грамотой обеспечил. Что еще надо? Мне кажется, что этот провинциальный русский город отлично сохранил стиль сонной обломовщины, несмотря на все внешние атрибуты красных плакатов и лозунгов, каменных скульптур и автобусной станции. Тотма тоже сохранилась провинциальной, но у нее была гораздо больше серая, тяжелая жизнь. Их различие можно выразить сравнением невзрачного, землистого, нечесаного мужика с розовощеким от здоровья, дебельным от жира городским мещанином, всегда довольным собою и своей судьбой. За звездами он никогда не гонялся, но и особого горя не знал, богу молился и угрызениями совести не мучился. Революции он не устраивал бы, рассуждая: "Каждому свое: кому суетные подвиги, а кому безмятежное довольство".

Это поразительное разнообразие увиденных нами городов помогает понять многообразие прошлой жизни, ее многоцветность, позволяет увидеть истоки внешних нынешних бесчисленных людских оттенков. Я уверен, что это вовсе не плод моего воображения, что эти городишки были

действительно современники. Живы и посейчас "довольные каргопольцы" и "беспокойные устюжане", "ушедшие в ремесло тотьмичи" и "барствующие эстеты из Сольвычегодска", "скромные и фанатичные в своей идеальности монахи-подвижники" и спекулирующие на их идеях властолюбивые "преемники". Та человеческая мозаика различных характеров и убеждений, которая так удивляет нас сейчас, была в прошлом и, наверное, останется и в будущем. Нельзя же представлять себе будущее только в розовом тоне, подставляя в его пока пустые рамки свои собственные иллюзии и мечтания о лучшей жизни. Уж лучше посмотреть на развитие человеческих характеров в течение веков, попробовать составить свое мнение о будущих людях и их отношениях друг к другу. Такой подход будет намного полезнее, да и объективнее.

В десяти километрах от Каргополя по тракту в Няндому есть погост, за точность названия которого я не ручаюсь - Лодыжский или Лодыгинский. В нем две церкви, одна из них - деревянная, шатровая, Рождества Христова (1745 год). Восьмерик на высоком четверике и шатер. Основание шатра под барабаном слишком велико, отчего церковь проигрывает. Церковь обшита тесом. На трапезной - ближе к кубу, главка на восьмерике. Лемех новенький, еще желтый от свежей осины. Позеленевший шатер с восьмиконечными крестами. Поскольку эта деревянная церковь первая из увиденных нами в их естестве, то смотрели на нее жадно и фотографировали много.

Другая шатровая церковь в пяти километрах от города. Здесь совсем уже хорошо. Высокий шатер логично переходит в барабан. А тип тот же самый. Поскольку она больше, то и бочка над приделом больше. Простенькие фронтоны. Есть у церкви и колокольня. Тоже шатровая, но шатер не так остр, а маковка меньше. Чтобы колокольня была постройнее, концы бревен не выступают за грани восьмерика. Я, конечно, много хочу, но та церковь в Прилуцком монастыре с шатром из лемеха выглядела всех лучше.

На пыльной архангельской дороге, в маленьком автобусе, мы увидели еще три церкви: шатровую церковь в деревне Занаволочье и две церкви в селе Архангело (бывший Архангельский погост). Пока автобус ожидал паром через Онегу, мы осмотрели их. У одной верх из жести, такой же, как на барочных церквях XVIII-го века, огромный, не деревянного вида. А другая - кубоватая с пятью главами. Кубоватую церковь мы увидели впервые, и очень обрадовались ей. Хоть и крыта она жестью, но вид у этих кубоватых церквей такой непохожий ни на что.

А позже, в тот же день **19 июня**, мы увидели девятиглавую кубоватую церковь Николы Чудотворца в селе Бережна Дуброва на реке Онеге. Вот это было зрелище! Сама высока, и стоит на высоком берегу Онежского простора. В середине - большая голова, чуть ниже - главы на бочках, а еще ниже - четыре на "ковчеге". Друза! Крыты маковки, конечно, лемехом. Но не реставрируются - главный купол провалился, и там живут галки. Над шестиугольной апсидой большая бочка, когда-то и на ней была главка. По тесовому повалу тянется вязевая надпись: "Сей пречистый храм обшит тесом и выкрашен, а внутри украшен иконостасом и в лето 1882 года от благодарных к памяти своих предков и славе имени бережнодубровских прихожан усердием своим и средствами в память двухсотлетнего юбилея храма 1678-1878 годов".

Ради такой надписи не следует снимать тес с этой церкви. Ведь, действительно, в благодарность и ради сохранения церкви, а не то, чтобы изуродовать, закрывали ее тесом.

Деревянные церкви и часовни - одна из главных особенностей красоты нашего Севера - наряду с байдарочным маршрутом была главной причиной нашего приезда сюда. Как-то, в заключении одной искусствоведческой книги, мы прочли примерно следующее: "как античная скульптура Древней Греции является непревзойденной вершиной мирового скульптурного творчества, как готические храмы являются вершиной

каменного церковного зодчества, так деревянные церкви русского Севера навсегда будут вершиной мирового деревянного зодчества". После этой, возможно, слишком категоричной и пристрастной фразы, мы не могли не почувствовать непреодолимое желание увидеть деревянные шедевры собственными глазами.

Мы смогли посмотреть многие церкви из нашего, составленного в Москве, списка, о многих - горько жалели, когда, придя на место, где они еще недавно умиротворяли прохожих, не заставляли даже следов пожара или заставляли безобразный амбар-перестройку, но, конечно, еще больше их оказалось вдалеке от нашего маршрута, осталось недоступными. За это время мы, несмотря на всю свою предвзятость, успели их полюбить. Это сельская, простая архитектура. Скромность и лаконизм, отсутствие всякой затейливости и суровая сдержанность, немногочисленность приемов и их отработанность, чистейший демократизм и близость к окружающей природе - все это присуще всем без исключения постройкам искусных плотников. Нас поражала именно эта немногочисленность форм и типов деревянных храмов, как будто строило их не множество самых разных мастеров, а один великий мастер - народ. Поколения за поколениями плотники отшлифовывали свое мастерство, совершенствуя его до предела на создаваемых ими зданиях и передавая найденные приемы своим детям. Наверное, ни один из этих мастеров не способен был бы выдумать, создать самостоятельно ни шатровой, ни клетской, ни многоглавой деревянной церкви. Он только улучшил ту систему приемов, что получил в наследство от своих предков. Может быть, только создатели 22-главой Преображенской церкви на Кижском погосте могут быть выделены из этого неизвестного ряда за чрезвычайно оригинальный и самостоятельный подход, особый талант. Но можно сказать, что их постройки - это большие произведения безличного или всеобщего народного творческого духа,

создающего шедевры безотносительно к таланту их непосредственных исполнителей.

Для России дерево - это самый дешевый и, следовательно, народный материал; камень же, пригодный для строительства - более дорог, и, следовательно, более аристократичен. Конечно, когда-то были и княжеские терема из дерева, а сейчас уже многие колхозники свои дома из кирпича ставят. Давно погибли такие "чудеса" светского деревянного зодчества, как царский дворец в Коломенском или хоромы Строгановых в Сольвычегодске, остались лишь крестьянские церкви и избы, резко контрастирующие с каменной роскошью господского и городского зодчества, зачастую неоправданно вычурного и варварски безвкусного. Вкус же народа в этих темно-серых бревенчатых силуэтах, в этих небольших главах в осиновом лемехе на островерхих крышах - безукоризнен. Даже скромный набор украшений кажется совершенно необходимым. Их творцы - люди земли, рыбаки и охотники, уже по своему положению не могли быть бездельниками и господами, и в расточительстве их не упрекнешь, созданное ими было жизненно необходимо для них же самих. Глядя на многочисленные часовни и церковки в брошенных онежских деревнях, мне часто вспоминалась одна мужицкая фраза из пришивинской повести: "нам без часовни или церкви никак нельзя". И дело тут вовсе не в религиозных иллюзиях или в дремучем невежестве, а в том, что не единым хлебом жив человек.

Перед отпуском мы заново прочитали повести Пришивина, особенно те, в которых он рассказывает о своих странствиях по Заонежью, Двине и Пинеге, на Соловках и в Белом море. Когда-то его воображение поразила жизнь раскольников, скрывающихся в северных лесах, в "стране непуганых птиц", жизнь людей, идейно не принимающих существующего "мира", его порядков, людей, бунтующих против "мира" со всей своей исступленной натурой. Мне не забыть приведенных им слов из старинного описания жития знаменитого основателя раскольнической пустыни -

Выгорецкого общежития - Андрея Мышецкого. Юноша, сын почетного гражданина города Повенца, вместе со своим другом Иваном зимой бежит в лес: "Оставляет отца, презирает дом и вся настояща, яко не суца, уничтожает... Лыжи вместо коня, нережи вместо воза, сам себе бывает и подвода, и извозчик, и вождь, и водимый...". Эти строки потрясают... Бежать в зимний карельский лес без ничего, чтобы начать "богородное и самоозлобленное житие" - слова-то какие!

С огромным интересом следишь за историей возникновения и развития этого "беспоповского Иерусалима", за деятельностью Мышецкого, устраивающего "новый быт" этой монастырской коммуны так, чтобы "он не походил на старый". Новые пашины, строительство дорог, обучение детей - эти утописты могли делать дело, хотя исторически и были обречены и, в конце концов, погибли... "Однако было же время, когда этот суровый край встретился с равным, могучим и гордым противником. Восьмиконечный, врубленный в дерево крест, полузаросшие мхом кладбища, полуразрушенные часовни, предания о местах самосожжения - вот все, что осталось от того времени борьбы и жизни в этом краю... в краю первых, одушевленных религиозной идеей, борцов-раскольников".

Все, что было в народе искреннего, энергичного, недовольного своим существованием, уходило с родных мест. Мужики, озабоченные земными заботами, уходили хозяйствовать на новые земли - на Юг, Север, Восток. Люди же, испорченные образованием, воспламененные мыслью о справедливой и чистой жизни для всех, мечтающие об очищении от "мирской скверны" - погони за богатством, наживы, власти, грезящие жизнью, основанной на братской любви в слиянии с природой и "всеми божьими тварями", т.е. всем комплексом мечтаний о "золотом веке" первобытного коммунизма (который, наверное, еще долго будет терзать человечество) - такие уходили в леса. Пришвин взял на себя большой труд - узнать те светлые, потаенные мечты об

идеальной жизни, которые, наверное, в молодости каждому кружили голову, узнать их в религиозных бреднях монахов-пустынников. Мы называем их бреднями, но кто знает, как отнесутся будущие потомки к нашим собственным идеалам молодости? Кто поручится, что это будет только восхищение и любование молодым энтузиазмом и наивностью? Скорее, наоборот, глубоко разобравшись в социальной механике общества, познав причины и истоки человеческих побуждений, они занесут в одну рубрику и фанатизм молодого монаха-пустынника XV-го века, и романтическую убежденность в "светлом будущем" молодого человека XX-го века. Они не будут осуждать ненаучность одних верований и восхвалять "истинность" или "научность" убеждений других. Только объективный анализ. А может быть... Кто поручится за то, что будущим людям не будут свойственны искания и заблуждения молодости, вера в идеал и желание перевернуть жизнь? Кто поручится за то, что настанет момент, когда наука полностью овладеет знанием всех общественных пружин, знанием почти абсолютным, и никакая вера или убежденность априори не смогут существовать?

Конечно, мы знали, что сейчас на Севере не осталось никого из описанных Пришивиным раскольников: ни "поморцев", создающих свою "беспоповскую коммуну", ни "федосеевцев", отвергающих власть государства принципиально как врага "братской любви", ни "странников Евфимия", упрекавших Петра I за то, что тот "ввел перепись, разделил людей на разные чины, размежевал реки, земли и усадьбы, завещал каждому наблюдать свою часть, не дав другому ничего...", ни бегунов, доказывавших, что само слово "мое" - от дьявола, что Бог все сотворил общим для всех, и принципиально отказывавшихся от личной собственности... Мы знали, что давно уже умерла вся идейная борьба этих сект, как с официальной религией, так и друг с другом (по крайней мере, умерла официально и легально), что от этих бунтарей остались сейчас лишь

разваливающиеся срубы в лесу, да покрытые мхом шатры и главы деревенских часовен. И все же хотелось побывать в тех местах, где происходили такие бурные диспуты вроде упомянутой у Пришвина "беседы": "Вот недавно в Каргополе беседа была: привезли полтораста пудов книг от нас и полтораста - от них". А вдруг...

В нашей жизни целина была первой романтикой, той романтикой, которая сникла быстро и насовсем, сникла под влиянием обычной совхозной прозы, производственной неразберихи и той грубой беззастенчивости, с какой энтузиазм тысяч ребят использовался для исправления собственных организационных ошибок. Тогда мы поняли, что романтика может быть только в самостоятельной жизни. И эту романтику мы нашли в самостоятельном, "диком" туризме. Идя по болотной тайге, перетаскивая байдарку на речных порогах, ужасаясь волнам и сопротивляясь ветру на озерных плесах, замерзая в мокром спальнике и греясь у костра - этой романтики выше головы, ею захлебываешься... И, встречая на своем пути забытую часовню или охотничью избушку, нельзя не помнить об их хозяевах, ведущих образ жизни весьма сходный с твоим теперешним, сегодняшним образом жизни... Только они романтики не на месяц, а на все годы своей жизни. Но почему-то мысли о романтике возникают у меня при взгляде именно на культовой здание, на часовню или церквушку... Жизнь простых охотников типа Дерсу Узала, конечно, имеет свои привлекательные стороны, но она стоит все же вне связи с остальным человечеством, она - природно естественна и близка к неосмысленному существованию любой природной твари ради "хлеба насущного"... Такая жизнь не может всерьез импонировать мне, не могущему представить своей основной деятельности без города, без связи с огромным миром, с людьми... А вот дух пустынников может восхищать, их стремления можно понять. Они жили в лесу не ради себя, а для Бога, и не для достижения собственного рая на небе, а ради отмоления грешников, спасения людей и всего человечества, ради

великого "святого" подвига. Связь с миром здесь идет прямо через Бога; она, конечно, иллюзорна и неверна, и, тем не менее, даже, несмотря на эту иллюзорность, оказывается весьма действенной. Услышав о подвигах святого, сюда приходили люди, страждущие поучения, и разносили слово его и духовную власть его далеко по морю человеческому. Так, добываясь иллюзорного прощения Богом человечества, пустынноики получали вполне осязаемые, реальные результаты.

Глядя на охотничьи избушки и часовни, начинаешь понимать и то, что романтика - не в самостоятельности, не только в борьбе с природой, борьбе трудной и суровой, - дело еще и в общественной значимости твоих усилий, всей твоей жизни. Как жизнь охотника в тайге ради собственного брюха, так и туристический поход только ради собственного удовольствия или для развития собственной личности, не имеют того романтического ореола, которого иногда жаждет любая душа. Бесцельностью своих походов, мучительными вопросами "А зачем?" страдают многие туристы. Их не удовлетворяет сознание пользы, которую они приносят на своей основной работе. Это работа принудительная, ради денег, а не по вдохновению и призванию. В то же время, их самостоятельная деятельность, их походы, их настоящее самовыражение как личности, выглядят бесполезными, следовательно, неромантическими, и это сознание собственной ненужности мучает... Его не заглушить никакими попытками связать свой поход побочными утилитарными целями: "чтением лекций", помощью геологам и т.д. - обычно достигаемые результаты слишком ничтожны, чтобы принести хоть какое-нибудь удовлетворение... Я же пытаюсь заглушить "это" диафильмами и этим дневником, иногда нарочно поддаваясь иллюзии их нужности.

(Описание байдарочного похода 20.06.67 - 5.07 67 г.
см. выше)

6 июля. В Порог прибыли катером за 2,5 часа по Онеге. В 2 часа дня рабочий поезд отвозит нас на станцию Вонгуда, где мы, наконец-то, сдаем байдарку в багажное самостоятельное путешествие до Москвы. Теперь мы - полностью пешеходные туристы, имеем всего лишь два рюкзака.

Тем же рабочим поездом в 4 часа, благо, времени до нашего мурманского поезда было навалом (12 часов), отправились в деревню Гора, где нас на берегу Онеги ожидала деревянная Троицкая церковь (1725). Стоит она на противоположном берегу, уже в деревне Подпорожье. Как же она все-таки выглядит на своем высоком холме! Издалека видно это девятиглавое диво. В ней чувствуется влияние каменных храмов - три апсиды, над ними карниз и огромнейшая двойная бочка. Церковь обшита тесом, а главы - зубчатым лемехом.

Переправились к ней через Онегу. Онега здесь удивительна - широко разлилась после перекатов и даже камышом посередине поросла. Не привыкли мы к такой. Обратно шли по берегу Онеги, хотели посмотреть на Онежский порог, который вроде бы 12 или 20 метров сброса имеет. Ожидали увидеть что-то грандиозное, а увидели простые спокойные перекаты, легко проходимые на байдарке, но, конечно, недоступные для катера... Так и не найдя грандиозного зрелища, ушли от реки к железной дороге и по шпалам дошли до реки опять, но уже до Порога. Через мост нас не пустил серьезный дядя с ружьем. Пришлось искать лодку в деревне. На людей нам везет - попалась сразу же девушка-гидролог, которая легко согласилась нас перевезти. Греб, конечно, Витя, но ведь ей обратно самой надо. А такой хрупкой кажется. Но это, наверное, только внешность - просто тяжелый труд не убил в ней женственности...

Ночевали "роскошно" - одни в пустом вагоне. Вокзал Вонгуды на ремонте, и залом ожидания совместно с билетной кассой служил пустой вагон. Здесь проходит только два дальних поезда, поэтому спали мы очень хорошо. И только

утром нас разбудил топот бегущей очереди (подошел местный поезд). Помедли мы лишь одну секунду, и можно было оказаться в хвосте длиннющей очереди...

До самой Кеми ехали просторно. Грустно было проезжать мимо Малошуйки, и только из окна, далеко в просветах между лесом, видеть шатер церкви. Останавливаться здесь можно только на сутки (единственный поезд). От попутчиков узнали, что в Шуерацком слезать не стоит, церковей там уже нет - сгорели. Было очень жаль - по книге Шуерацкое считалось очень примечательным собранием деревянных культовых зданий...

В Кемь прибыли в первом часу дня. Через полтора часа автобусом попали в Рабочеостровск (12 километров), порт Кеми, откуда через три часа пароход "Лермонтов" повезет туристов на Соловки. Он ходит туда два раза в сутки. Столовая и баня. Наконец-то. Осчастливленная, облегченная, с руками, которые я все же отодрала собственными ногтями.

От Кеми у меня осталось впечатление большого современного города, вроде Коломны. Такие же суровые и паршивенькие блочные дома, только здесь часто прорывается суровый северный мотив огромными черными скалами-камнями, выпирающими везде, даже посередине города. И Рабочеостровск - этот удивительный город, стоящий фактически на опилках собственного лесопильного комбината, город, где широкие улицы (4 машины в ряд) замощены сплошь шестидесятками. И запомнится пьянь: в самом разном виде - от бывшего "красногвардейца" на вокзале и "друга Гены" уже на Соловках, пьяного охранника в Рабочеостровске, выпрашивающего рубль на опохмелку... Пьяные в автобусе, пьяные на улице в обнимку - право, их слишком много.

Соловки удивили грандиозностью Кремля. Огромные валуны уложены довольно ровно друг на друга, образуя стены и башни (пустоты заложены мелким камнем и кирпичом). Валуны позеленели от времени, прямо пахнут древностью. Постройки за стенами - довольно запущенные, храмы

обезглавлены и покрыты тесом вместо маковок. Кирпичи вываливаются повсюду, как кровоточины на теле гиганта, который еще довольно крепок, и чтобы разрушить его, надо много стараться. Старались. Взрвали колокольню, чтобы расширить плац для строевой подготовки в период хозяйничанья здесь северного флота, закладывали переходы и пробивали новые. До 1962 года остров был закрытой территорией...

В постройках явно видна целесообразность, отсутствие почти полное украшений на соборах. Красота, наверное, учитывалась в последнюю очередь. Разве что церкви строились целиком из кирпича, а во всех остальных постройках, где можно, применялся камень. Стены внутри старались сделать гладкими, поэтому наружная стена часто торчит углами камней. Мы назвали такой стиль "монашеским".

Раньше мы никогда не видели таких построек из валунов с кирпичом вперемежку. На Соловках таких зданий много. Так построены и стены, и храмы, и кельи, и хозяйственные постройки. Говорят, что в соловецких стенах чувствуется влияние Скандинавии, хотя из документов точно известно, что строили их русские мастера. Но, что удивительней всего - уже после посещения Соловков, на Псковщине, издавна славящейся своими каменщиками, мы снова встретились с этим "монашеским" стилем построек - камень был переложен кирпичом. Хотя, конечно, валуны здесь гораздо более скромных размеров и обтесаны с наружной стороны. Не большие ли связи у соловецких построек со Псковом, чем со Скандинавией? А, может, Скандинавия повлияла на то, и на другое? В ходе этих "квазиученых" рассуждений мне стало смешно: насколько же сильно сидит в каждом из нас желание доказать "русскую самобытность" всего, даже таких уникальных для России построек, как стены Соловецкого монастыря! Насколько же привычным стало для нас отгораживаться от всякого европейского влияния, отмежевываться от "западной цивилизации".

В относительной сохранности стоят колокольни и надвратная Преображенская церковь. Церковь над Святыми воротами. Ворота раскрашены пестро, есть даже резьба по дереву. Пестрота, наверное, поздняя. Да, красота здесь другая. Мой глаз к такой не привык, мне такой аскетизм не по душе. Кремль воспринимается как громада, как древность, как история - все издали. Внутри же ходить тяжело. Не просыпается в тебе восхищение, не видишь искусства, только практицизм... Но мое отношение можно назвать просто испорченным - воспитанным на других образцах.

Мне же, напротив, не казалось, что дело в экономии денег или в особом аскетизме. Глядя на любые соловецкие постройки, чувствуешь, что труда и, значит, денег, на эти громадины не жалели. Строили с размахом, грубо и величественно, на удивление всем паломникам. Постройки же в глубине острова, например, Савватиевский скит, выглядят даже красиво в зелено-озерном окружении. Но сам монастырь...

Искусствоведы находят какие-то достоинства в этих зданиях, но я остаюсь глухим к их уговорам. Конечно, вид Соловецкого кремля с моря - необычен и великолепен. Нагромождение белых объемов зданий стремится вверх, а снизу подчеркнута серо-коричневой валунистой лентой стен - оно кажется сказочным замком в Белом море... Но внутри - видишь, что эти здания только велики, только громадны. Возможно, на меня так подействовала обшарпанность кирпичных стен, возможно - обезглавленные барабаны церквей, покрытые тупыми времяяками, возможно - отвратительный запах сырости и "тлена" помещений бывших келий, возможно, частые кучи мусора в укромных местах, оставшихся, видимо, от тех времен, когда монастырь был большой флотской казармой.

Все это может быть, и все же, думается, что будь он даже действующим, и все здесь было бы по-другому: и маковки блестели золотом, а стены - свежей краской, и воздух наполнен запахом цветов и колокольным благозвучием,

будь я поражен даже монастырским великолепием, это б ни в коей мере не родило бы чувство уважения славных людей из прошлого, качества которых могли быть недостижимыми для нас, не родилась бы та гордость за предков, которая и тебя как-то возвышает, делает сильнее. Наверное, все это - сплошное самовнушение, но я не могу избавиться от ощущения присутствия в этих зданиях разжиревших попов.

У нас была встреча с таким действующим монастырем. Это было в городе Печоры Псковской области... Мы были ошеломлены открывшимся нам внутри великолепием. Конечно, здесь сыграло свою роль и необычайно живописное расположение монастыря на двух склонах гигантского оврага, но главное - это стены соборов, ярко и обильно политые белой, желтой и красной краской; это масса бросающихся в глаза икон и фресок на наружных стенах, это огромные синие главы с большими золотыми звездами, это масса "позолоченных" деталей; это также чистота дорожек и уютных домиков, стеклянные террасы которых обвиты зеленью вьюнов, это масса цветов и их запах, это колокола через каждые 15 минут и мужское пение в храме. Варварская роскошь и благополучие! Только после встречи с Печорами мы смогли понять, как мог воздействовать вид монастыря на воображение какого-либо мужика или бабы, пришедших на богомолье из глухой деревни. Они воспринимали это не иначе, как воплощение рая на земле... Своими глазами видели, своими руками щупали, на себе ощущали доброту и кротость "святых отцов" этого земного рая... И вера их в рай небесный не могла не укрепиться.

Хвастливая красота благополучной жизни удивила и заставила многое понять, понять многие причины религиозной власти церкви над простыми людьми. "Вера отцов" и красота обрядов - вот что и сейчас держит во власти церкви даже неверующих людей (например, в католических странах).

Сложно выразить свое чувство при встрече с такой "красотой". Тогда я называл ее варварской, аляповатой, но,

думается, так говорить неточно. Лучше сказать - она казалась чем-то поддельной, фальшивой, даже - нарочито яркой и дисгармонирующей с окружающим миром. Понимание это приходило не сразу, только при виде спящих толстых монахов в рясах, и седых, и молодых, при виде пришедших для благословения женщин с детьми, молодых парней в монашеской одежде. Кто-то из туристов спросил у одного послушника: "Почему Вы оказались в монастыре?". В ответ последовало: "А Вы спросите у инженера, почему он на завод пошел". Довольно прозрачный ответ: каждый имеет свою профессию, один - на заводе, другой - на эстраде, третий - улаживает слух верующих молитвой, укрепляя веру и размеры подаяний. Как мало в этом циничном признании подлинной веры, той, пусть наивной, невежественной веры, которая делает героев из первых пустынников, которая давала им силу вынести великие тяготы и создавать большие города. Вера ушла, оставив вместо мужества и стойкости одну скучную заботу об источнике дохода и вынужденную фальшь религиозной пропаганды.

В другом старом городе Псковщины - Порхове - мне пришлось разговаривать с одним молодым священником. Это был парень обычного вида и в обычной одежде, только борода его выделяла. Он сидел на лавочке перед часовней, и сам навязался на беседу. Наверное, ему было скучно среди своих прихожан, и вот он устроил себе возможность "культурного разговора". Он явно принадлежал к разряду сельской интеллигенции (Порхов похож на большое районное село). Мы разговаривали о многом - о том, как местные власти грубо и неумно чинят препятствия, что, вместо лояльного перевоспитания верующих и действенной атеистической пропаганды в духе В.И.Ленина, местное начальство предпочитает грубые запреты и администрирование: грозятся закрыть не только эту единственную оставшуюся церковь, но и на самом кладбище сделать увеселительный парк, и что как это неправильно - разрушать все подряд; наоборот - старину надо сохранять и подправлять, о том,

что сейчас просто упала вера, и не потому, что атеизм стал усиливаться, а просто потому, что народ слаб стал, здесь - особенно, а вот где-то - так верующие до сих пор в святые праздники в поле не выйдут, и как вообще здесь трудно, тут руки опускаются, вот верующие хотели храм расширить - да он не захотел - чего уж деньги зря тратить... С трудом я прекратил разговор, распрощавшись с религиозным пропагандистом, с равнодушным и апатией к собственному делу, так похожего на своего антирелигиозного коллегу пропагандиста ради галочки и зарплаты. Может быть, мне попался один из самых недобросовестных представителей священнической профессии. Может быть, другие стараются гораздо больше: и церковь расширяют, и хор организуют, и позолоту на храм наведут, и сборы увеличат - но все равно это останется чистейшим карьеризмом молодых циников, для веры и подвижничества они стали слишком образованны и рационалистичны

Вот почему не люблю я поздней церковной архитектуры.

Кремль мы осмотрели вечером в день приезда. Он был почему-то закрыт, но через жилые "кельи" московских студентов, работающих здесь от МГУ на реставрации, нам удалось пройти на его территорию. После осмотра, взвалив рюкзаки, отправились на стоянку за лодочной станцией на озере Большой Перт. На завтра намечался день водный. Но со следующего дня начались утренние дожди, и с каждым днем они длились все дольше и дольше. Подвели нас уверения справочников о неизменно хорошей погоде, стоящей над чудесными островами, об удивительном климате Соловков... Не вылазили из палатки, пережидали дождь. Потом пришлось бежать в Кремль, на турбазу - платить за лодку (вечером эти три километра пришлось бежать одному Вите - доплачивать). Закупили продукты и в хорошем настроении отчалили.

Каналы, конечно, интересные. Монахи сделали питьевую систему из 70 озер (всего их на Соловецком острове более 300) и судоходную систему из 12 озер. Дно и стенки

выложили валунами и бревнами. Чаще всего каналы так узки, что грести двумя веслами нельзя. Видно, у них были и лодки поуже, и весла покороче. Каналы столь узки, что деревья смыкаются над ними, и получается тенистая аллея. К несчастью, мы только в середине пути выяснили, что мы имеем разные намерения: Витя хочет непременно дойти до последнего Большого Красного озера, до деревни Исаково, а я - немного поездить по системе и вернуться. Витина настойчивость ввела меня в уныние так, что вся поездка перестала интересовать. Долго крутились на Большом Красном озере в поисках Исакова между его островов, пока у каких-то туристов-рыболовов не выяснили, что Исаково осталось позади и в стороне... При возвращении столкнулись с проблемой нахождения входов в каналы - не зная, найти их довольно сложно. В одном из озер к нам подсадили "друга Гену", который не захотел почему-то плыть с компанией дальше, или компания уж очень хотела от него избавиться. Во всяком случае, оказался он превеликим занудой - все время рвался грести. Вначале он греб раз по десять энергично, а потом отдыхал. Эти остановки съедали все его сильные рывки. Он торопился на вечерний "Лермонтов", поскольку мы сами торопились (немного просрочили), то эта его неровность прямо-таки выводила меня из себя. Вдобавок ко всему, мы долго не могли найти один из каналов, ведущих к базе, свернули в другую сторону озера и влезли в канал, ведущий не туда. "Друг Гена" опоздал на пароход. Это второй раз после входа в Емзу случай, когда не хватило уверенности дойти до конца и понесло от "избытка сил" в другую сторону озера. Но все же пришел благополучный конец нашему плаванию... А после ужина, уже в десятом часу вечера, нас понесло на гору Секирную встречать рассвет. Уж очень расписывала книга замечательный вид с этой высшей точки острова, особенно в часы белой ночи, в лучах низкого красного солнца. Залезли на гору уже в первом часу ночи. Солнца нет, но есть красный закат. Красиво, а не то... Быстренько поставили палатку и заснули, договорились встать через пару часов на рассвете. Не

захотели ангелы небесные показать нам рассвет с горы Секирной, заволокли небо, залили нас дождем. Вылезли мы из палатки только после дождя, часов в 11 утра, тем более что нас обнаружил смотритель маяка и велел убираться из этой, оказавшейся запретной, зоны. Маяк на горе устроили монахи в барабане церкви (1862 год) и сами его обслуживали.

Мы убралась - а что нам еще там было делать? - рассвета не получилось, воды на горе нет, молока - тоже. Пошли дальше: через Савватиево по старой монастырской дороге на Новую Сосновку, дальше на Реболду, чтобы перебраться на второй по величине и значению остров - Анзер. Савватиевский скит заброшен, в прекрасных двухэтажных домах никто не живет, церковь необитаема и обезглавлена.

Весь остров является памятником уникального, сохранившегося почти в полной неприкосновенности монастырского хозяйства. Время за полвека ничего не смогло поделатъ с этими вечными постройками, а людей, деятельно помогающих времени в разрушении, оказалось здесь не так уж много. За три дня мы так и не смогли обойти все монастырские владения. А они огромны. Кроме самого монастыря, здесь было устроено множество отдельных монастырских поселков - скитов. Скиты были специализированы в основном по производственному признаку: одни ловили озерную рыбу, другие - морскую, третьи ловили тюленей, четвертые - вытапливали тюлений жир и т.д., а вот в бывшей Макарьевской пустыни (нынешний хутор Горка) монахи разводили цветы, сирень, овощи, держали парники, выводили северные сорта. На Муксалме (соседний остров) были устроены пастбища в огромных, сохранившихся и сейчас, коровниках содержался скот. Все эти скиты соединялись отличными по тем временам мощными камнем дорогами. До сих пор местами стоят на них полосатые верстовые столбы, напоминая о быллинных временах ямщиков и троек. Дорога же на Муксалму проходит по гигантским изломам километровой дамбы, сложенной из тех же гранитных валунов, что и стены

Кремля. Мы долго сидели на ней, наблюдая за морским течением в трех, еще по-старинному выложенных камнем, протоках через дамбу.

И все это до сих пор отлично сохранилось, хоть и не используется человеком (а может, именно поэтому). Стоят дома, живут дороги, даже бревна для сетей на Большом Красном озере торчат в изобилии. Люди приезжают сюда и удивляются размаху этого, отлично работавшего хозяйства, под полярным кругом обеспечивающего себя мясом и молоком, свежими овощами, не говоря уже о рыбе. Сейчас оно пришло почти в полный упадок. Люди живут на привозных продуктах, и лишь на Муксалме летом подрастают телята, завезенные на сезон одним карельским колхозом. Хозяйственный регресс налицо. И он не может быть объяснен только особым положением Соловков. Везде, по всему Северу, земледельческие деревни обезлюдивают, приходят в упадок, оставляя после себя лишь поселки заготовителей и разных "химиков".

А вот Новая Сосновка оказалась поселком из трех домов. В одном из них оказались пьяные водорослеловы, они-то и взялись подбросить нас морем до Реболды - по пути и на Анзер - за плату. Надо ли описывать мои переживания по поводу утраты 10 рублей. Жалко мне их было до невозможности, но на Анзер хотелось, по морю плыть на моторке я боялась, шел дождь и "поморы" были пьяненькие. Жуть, да и только. Но Витя оказался последовательным, и денег ему не было жаль, и все перечисленное отрицалось. Немного утешало, что все равно с туристов берут по два рубля в один конец, чтобы перебраться через 5-километровый пролив на Анзер (потом оказалось, что берут по рублю в два конца)...

Море вблизи, рядышком, оказалось удивительным. Ну, а Анзер запомнился ярко-ярко. Так что настроение поднялось. Небо было затянуто белой пеленой, и море взаправду казалось Белым. Вода в нем - нежно-зеленая, но сама морская гладь

неотличима от туманного белого северного неба. К тому же в прорывах пелены так нежно играл на облачках закат...

А "поморы" - сезонники Саша и Боря из Иванова, "боцман" Витя из Краснодара - занимали нас рассказами: вон там гагары базарят, но сейчас теряют перья и совсем не летают; вон там тюлени часто на солнышке греются, и что в тюлене есть вкусного, и как тюленьим жиром печку топят, и вообще про свою жизнь. Жизнь - хорошая, роскошная ("курорт"). Работают они немного, столько, чтобы мастер не очень сильно ругался. Они ловят водоросли различных сортов, что водятся на беломорском побережье, на мелководье: волосяная инфельция идет на мармелад, круглый фукс - для увеличения плодовитости кур, морская капуста-ламинария - в текстиль и пищу (раньше были конфеты "Здоровье" с морской капустой). В месяц этой работы можно выбить 300-500 рублей, но деньги их особенно не интересуют (пьют много), больше их привлекает охота на озерных и морских уток, рыбалка. А какие жирные большущие утки пролетают здесь дюжинами, и совсем рядом. Даже завидно стало. Но завидно самую малость... Водка скрашивает неприглядность их жизни: обросли, оборвались, пьют до полусознательного состояния. Пьяные, они жутко неприглядны. Наши деньги пропили сразу же. Боцман стал отвратительным. Вите понравился присоединившийся к нам в Реболде шофер - его тезка. Пьяный, он держался с достоинством и серьезно.

До сих пор не жалею, что мы потеряли в этот день фактически восемь рублей, потому что взамен мы получили одну из самых ярких наших встреч за весь отпуск, приоткрывшую нам быт северных сезонников.

Грязные и заросшие до предела, оборванные и пьяные до той же степени, они казались ожившими персонажами горьковского "На дне". Между прочим, они очень боялись попасться с туристами на глаза своему мастеру. Для мастера туристы здесь - основное зло: они готовы платить любые деньги за перевоз на Анзер или Зайчики (Заяцкие острова), а рабочие заламывают за свои лодки монопольные

цены. Получив эти "бешеные" деньги, напиваются и не работают. Запрет же мастера только способствует большему вздутию монопольных цен. Бедный мастер мучается, хотя турбаза исправно получает деньги за турпутевки, но не может решить проблему радикально: перевозить туристов катером турбазы. Ни катера, ни переправы сейчас нет, а эта переправа могла бы давать огромную прибыль, и значительно облегчила бы жизнь бедняг-туристов. Но пока турбазе начхать на все.

Кроме "боцмана", уже сравнительно пожилого и бессовестного пропойцы, это, в общем, неплохие ребята. Конечно, под влиянием "боцмана" они когда-нибудь окончательно сопьются, но сейчас в них еще живет какая-то человеческая мягкость и чистота. Им было очень неловко перед нами за эти деньги: за вымогательство, несколько раз в отсутствие "боцмана" они пробовали извиняться, ссылаясь на то, что все так делают... Какие-то они безвольные, бесхарактерные, как дети. Восторгаются Соловками - этим курортом, где можно все лето отдыхать, не очень утруждая себя работой. Сезонники как вид туристов - эта мысль мне еще в голову не приходила, но в ней есть рациональное зерно. Каждый слой населения, наверное, имеет своих представителей - охотников до перемены мест, но путешествуют они все разными способами. В этой классификации туризма самое нижнее место займет "страсть к бродяжничеству". С каким воодушевлением они уверяли, что непременно сходят с нами на гору Голгофу (высшая точка всего архипелага с красивым монастырем на ней)... Но вот куплены на радостях три бутылки и благополучно выпиты еще по пути к Анзеру. "Боцман" всучил мне руль своего карбаса и мотор, а сам поспешил к бутылке. Конечно, они никуда не пошли. Не для них были эти шестнадцать километров... Так, наверное, и уедут с Соловков, не побывав в заветном для них же самих месте.

И каким-то контрастом этим людям, впрочем, с другой стороны, - вполне их человеком, стал шофер Виктор.

Он был на Голгофе, он читал книги про Соловки, и многое знал. В разговоре с нами он тоже был пьян, и взгляд у него был тяжелым, но речь правильна и мысль разумна.

Твердость и характер выражались всем его обликом. Откуда он здесь взялся, этот рыцарь в грязном свитере и с гитарой. Пьет только на свои деньги, туристов возит бесплатно, товарищам помогает бескорыстно. Как можно было в этой обстановке, в развращающей тело и душу пьянке, и удручающей серости северной жизни сохранить собственное достоинство, "высокие" убеждения - непонятно и необъяснимо.

На Анзере два скита. Троицкий мужской - особенно хорош среди безлесья, рядом с губой (морским заливом), на фоне леса. С него начал свое путешествие по Соловкам Пришвин. Он был здесь в пору действующего монастыря, во время наплыва богомольцев, поэтому приходилось на вопрос: "По обещанию или по усердию прибыли на святые острова?" - отвечать - "По усердию, батюшка, по усердию исключительно».

В Сольвычегодске, у солевого источника, мы встретили троих пожилых женщин, которые, подобно нам, оказались приезжими, и ничего не знали о городе, как туристы. А потом мы их встретили у Введенского собора, где они кланялись иконам. Они оказались не туристами, а паломниками. Однако в голове осталась четкая параллель: туристы-паломники. Между этими двумя категориями людей - пропасть во времени, стилю, образованию и т.д. Но у них есть и что-то общее. И, может, это важнее различий. За многие века многие сотни тысяч людей исхаживали паломниками огромные расстояния до Мекки, Иерусалима, Афона, Соловков и т.д. На своем пути они посещали многие города и страны, встречались со многими людьми разных народов и языков, разных нравов, но везде они встречали уважение и участие. Почему? Откуда взялось в народе это уважение к внешне совершенно бесполезному труду? Весь гигантский труд многомесячного странствия, совершенно

зряиный в глазах современных людей, тогда считался высоким святым подвигом, ничуть не ниже многодневных постов, ношения вериг или постройки церкви на собственные средства. Паломники "по обещанию" или "по усердию", они могли бы выбрать другой, более удобный вид подвига во славу веры: бедные - пост или молитву, богатые - пожертвования на церковь, но ведь выбирали паломничество, используя религиозный предлог (конечно, бессознательно) для удовлетворения своей страсти к познанию других мест и истории своей веры. Возвращаясь домой, они служили самым достоверным источником информации о стране и мире, воспитывали в окружающих чувство огромного мира, чувство Родины. Бродяги, странники, паломники, - все переносчики информации, связующие народ в единое целое (один язык) - сумеют ли современные туристы выполнить их задачи? В наш век поток информации невозможно сравнить с положением, которое существовало несколько столетий назад. Печать и радио - вездесущи. Но ведь возросли и возможности дезинформации. Старая мудрость: лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать, приобретает сегодня еще больший смысл.

Восьмигранная церковь с рядом кокошников и орнаментом "солнышком". Таковую церковь раньше я не видела. А внутри были фрески, но теперь они перемалеваны на красные звезды и рабочих с мечами. Дома - поздние. Кельи просторны, с центральным отоплением. Женский скит был на горе Голгофе - довольно невелик по размерам (мало их было, что ли?). Сохранилась церковь с колокольней и три постройки. Интересны фрески в храме, особенно прекрасные девы на потолке - в хорошем состоянии. Вид с Голгофы на Анзер и Большой Соловецкий и на море вокруг - незабываем...

Эти 8+8 километров мы обегали за три часа. Вдрызг упившаяся компания из четырех человек ждала нас на берегу у костра. Еле-еле отчалили уже глубокой ночью, в самый отлив. Только во втором часу ночи у Реболды разбили палатку.

Утром 10 июля вышли из Реболды в монастырь. Правда, утром должна была пойти машина в том же направлении, но мне уж очень не хотелось увеличивать эту статью расходов (оказалось, что шофер возит бесплатно), и мы без Витиного желания потопали по дороге. Больше десяти верст прошли, осталось пять, когда нас догнала машина. Идти мне было хорошо, легко (особенно вначале). Потом, правда, эта прогулка вышла мне боком. До сих пор волдырь на подошве. Ведь в тот день мы прошли еще 10+10 и 3+3 километра. Надо ли описывать, как я шла последние 3+3 километра? - Чуть ли не с закрытыми глазами. На Большую Муксалму пошли, главным образом, из-за дамбы. Да, сооружение мощное. Труда бездна. Наверное, монахам и времени помолиться не было, заедала работа. А сам скит очень прост, без церкви, зато нас напоили молоком...

В 8 часов вечера мы покидали Соловки. На прощание прослушали кусочек экскурсии, которую пока водит сама директор музея - славная смущающаяся девушка, наверное, сразу после института. Труднейшую, но и почетную работу ей дали - возрождать такую махину! Работа не на один десяток лет.

Уже после возвращения домой мы прочли в "Известиях" очерк, посвященный этой женщине и ее работе. Конечно, она уже давно не выпускница, но за этот большой труд в глуши взялась сама. А главное, ведет его пока успешно. Глядя на нее, никогда так уважительно, не зная, не подумаешь. Внешность обманчива. Статья написана в восторженных тонах, но как не претит мне любая восторженность, здесь она - вполне уместна и заслуженна.

Нет цельного впечатления от Соловков, нет проникновения в древность, в их жизнь... Есть впечатление Белого моря, неприступной, суровой крепости, песчаных дорог, монастырских домов и перепутанных деревьев. Есть впечатление, что чуть приоткрылась завеса над соловецким миром, понятней стали чувства верующих, съезжавшихся туда на поклон. Есть на земле места, которые не только для тела, но

и для радости души... Все, Соловки, принимайте новых гостей, спасибо!

Обратно плыли на том же "Лермонтове", но почти в полном одиночестве. Огромный теплоход на 300 пассажиров вез всего 4 пассажиров в Кемь, да на Соловки он привез человек 20. Тем не менее, он ходит каждый день два раза. Бесхозяйственность поразительная, бессмысленная. И в то же время для переправы на Анзер нет ни одной официальной моторки. Как же надоедает это удручающее однообразие бесхозяйственности, где б ты ни был...

В Кемь приехали поздно, после 12 часов ночи. И в этакой темноте Витя снимал Успенскую церковь. Не сомневаюсь, что ничего не получится, я старался ее запомнить. Во-первых, она трехшатровая (четвертый шатер - над часовенкой). Три шатра - то-то раздолье глазу. Во-вторых, это была первая церковь онежского типа с крыльцом и причелинами. Все так славно - и подзор, и воротнички. Запомнилась мне она красавицей-нарядницей. Еще одна деталь: у обоих приделов выстроено по собственной апсиде - необычно...

Совсем сонные, с отяжелевшими ногами, мы побрели на вокзал. Ближайший поезд - в 5 часов утра. Уснули каменным сном. Витя, правда, за час до поезда встал, купил билеты и опять заснул. Так мы проспали поезд, который должен был бы привезти нас к пароходу в Медвежьегорске. Из жалости кассирша порекомендовала закомпостировать билеты на следующий поезд (в 7 часов) "Мурманск-Киев", забитый до невозможности. Ух, как были недовольны пассажиры, в чьем купе мы решились остановиться (здесь уже было 17 человек). Да, бранчливыми людей делают плохие условия. Но, когда условия улучшаются, они начинают жаловаться, что у соседей гораздо лучше. Все же, вероятно, не все. Существует минимум, который устраивает многих. В Медвежьегорске нам останавливаться теперь было бесполезно - следующий пароход будет лишь через два дня, поэтому лучше начать свой карельский маршрут с Петрозаводска. Мы хотели не только

побывать в знаменитом заповеднике "Кижы", но и сходить по маршруту, предложенному в журнале "Наука и жизнь" - по деревням Заонежья.

Без билетов доехали до Кондопоги (докупить билеты было невозможно) - пришлось рассчитывать на отсутствие контролеров в таком переполненном поезде. В третьем часу прибыли в Кондопогу, где стоит замечательная Успенская деревянная церковь (1774 год). Её высота 45 метров. Предел для такого рода церквей. Главное ее украшение - фронтонный пояс. Необычно, хотя и непонятно. Барабаны украшены резным тесом, бочка апсиды - подзором, полотенцами, фигурными досками. Навесные наличники. Очень украшают резные столбы крыльца... Но главное - четко врезается в память силуэт. Незабываемо!

Стоит она на самом берегу синего моря - безбрежного Онего. Вдалеке где-то видны корабли. Поближе - чайки. И солнце, теряющееся в трещинках черных кондопожских бревен.

Кондопога - вполне приличный город. В ней большой целлюлозно-бумажный комбинат, завод каменного литья. Комбинат - сердце города. Автобус почтительно подъезжает к его проходной, чтобы потом возвратиться на остановку обратно, не ленясь делать петлю.

В местной библиотеке Витя забыл объективы, так что пришлось ему выпрыгивать из автобуса на Петрозаводск (мы вспомнили о них только в пяти километрах от города). По пути собирались осмотреть деревню Шую, где, по книге сорокового года, должны были быть две церкви. Но... теперь их нет. Сожгли свои же, русские, во время войны, когда по приказу Сталина создавали рядом с железной дорогой зону пустыни.

Старичок, 76 лет, пра-авильный такой старичок, говорит, что были они красивые. Одна уже до войны была объявлена памятником архитектуры. Старичок очень интересно говорил насчет совхозного, барского и частного лугов.

Витя попутной машиной добрался-таки до Шуи, дальше автобусом доехали до Петрозаводска. Мы, правда, еще не гуляли по нему, но уже по нескольким улицам можно увидеть, что город - богатый, столичный.

12июля. Ночевали в зале ожидания пристани. 8-часовой рейс "Метеора", видно, самый популярный. Желающих уехать было больше, чем мест. Приятно плыть на этом самолетообразном судне - просторно, комфортабельно и быстро - полтора часа до Кижей.

К Кижам мы были настроены недоверчиво. Естественная реакция на их популярность. Думалось - приспособили их для иностранцев - валюту из экзотики выкачивать. Увидим что-то вроде русской матрешки.

Сначала - ничего. Любопытно. Красивая, верно. Но ведь столько раз виденная на картинках. Разве тут может что-нибудь удивить... Но чем ближе подходили к погосту, тем торжественнее и радостнее. И в ста метрах я уже счастливо улыбалась. Чудо! "Богачество"!! "Не было такого, и не будет"!!! Только очень щедрая душа могла сотворить для людей такой букет... И пошло-покатило мое настроение в гору, и пропал скептицизм. Внимательно, жадно смотрела на другие церкви. Соседняя с Преображенской - десятиглавая, которая раньше (по картинкам) казалась мне простушкой-нескладушкой, больше всего понравилась. "Цветок восьмилепестной".

Богатые иконостасы. Почему-то не запоминаются иконы. Только "Герман и Савватий" и барельефная "Христос и Мария". Значит, не впечатляют. Не понимаю...

Колокольня с шестью колоколами, простая и стройная. Большая, но не выпирает, чтобы внимание не отвлекалось от церквей. И тут же в музее-заповеднике стоит самая древняя деревянная церковь России - XIV век. Предельно проста, но ведь с каких времен! Часовня Михаила Архангела (XVIII век) стояла в поле, среди ржи - колокольня потому у нее невысокая. Красива она двойным скатом крыши с причелинами и зеленым подзором, и стройным шатром, и

сдвоенными оконцами... Вторая же часовня из дер.Кавгоры, что стояла среди холмов, имеет высоченную колокольню, а над основным зданием - лишь один крест, даже без маковки.

Еще более интересны для нас оказались бытовые постройки. Мельница - "столбовка-восьмикрылка". Три крестьянских дома. Один "брусом": впереди жилые постройки, сзади хозяйственные - обычный дом, только что большой и украшен. Два же других дома - "кошелем" - удивительны. От венца крыши идет второй длинный и пологий скат. Он укрывает самую просторную часть дома - хозяйственные сараи. Все есть в этом доме, как в крестьянском кошеле берестовом. Зимой крестьянин выходил из дома лишь за водой. Только треть дома занимали жилые комнаты. Жили в них около 20 человек - рядовая северная семья. Единственная койка, на которой никто не спал, а лишь хранили одеяла. Самовары - признак достатка, воронцы, стол в простенке, божий правый угол, лавки вдоль стен. Самое яркое пятно в избе - цветастая накидка на люльке. Черный "лакированный" потолок в избах, где печь топилась по черному. В огонь бросали яичную скорлупу - сажу склеивать, чтобы потолок не мазался. Под потолком смолили сети, дым на голову не опускался, избы были сухие и без клопов. Так что крестьянин очень неохотно отказывался от печи "по черному". Рядом - горница - комната для гостей или летняя. Даже скатерть на столе лежит. Шкаф из карельской березы, которая сегодня растет только в заповедниках - так повырублена. В одной из комнат дома Ошевнева устроена выставка декоративного искусства. Роскошные и простые сарафаны, кокошники, резьба по дереву, портреты карельских сказителей. Федосеева - ей Некрасов посвятил главу в "Русских женщинах".

Роскошь наружного убранства дома. Видно, любили красоту и любили покрасоваться перед людьми... Барочные наличники, резные балконы, ставни, полотенца, причелины, галереи, крыльцо особенно. Ведь по крыльцу и по количеству самоваров судили о богатстве хозяина.

Симпатичен двухэтажный небольшой амбар с балконом и концами причелин в виде человечков... А чуть подалее, в деревне Васильеве, стоит не привозная, а здешняя часовенка Успения (XVIII век). Простые колокольня и маковка позеленевшие, но стоят они на своем месте, от самого рождения, увязаны со всем озером, и потому особенно любимы художниками. При нас двое работало...

Ох, и хорошо в Кижях. Пароход наш вовремя не пришел, и мы с удовольствием расположились на скамейке у Преображенской церкви. Ласкала, ласкала ее глазами, потом пошла еще и с другими часовнями, домами, наедине поговорить. (Туристы уже исчезли). Приятные это были беседы.

В Кижях много иностранцев, и вообще много туристов. Здесь причаливают огромные трехпалубники с Волго-Балта, с которых высыпают тысячи "товарищей туристов". Однако этот народ почти не мешает восприятию заповедника, наоборот, даже создает какую-то празднично-столичную атмосферу. Остров достаточно просторен, чтобы расположить все памятники без тесноты и в продуманной связи с землей и озером. Люди здесь теряются, делаются незаметными. Экспонаты гигантски превосходят их, и делают их присутствие не страшным.

Приятно, что экскурсоводами работают здесь энтузиасты, сами влюбленные в Кижю, и в дерево. Обслуживание иностранцев для них служит удовлетворением национального тщеславия, обслуживание теплоходных туристов - скучная обязанность. Ведь среди этих людей очень много равнодушных. Большинство из них таскают с собой фотоаппараты лишь для того, чтобы снять друг друга на новом необычном фоне. Экскурсоводы в шутку говорят, что их наибольшие симпатии принадлежат диким туристам-бродягам москвичам и ленинградцам.

Из Кижей уехали "Ракетой" в деревню Великая Губа (хотели начать с Типиниц, да вот нужный теплоход не пришел), Хоть и был вечер, но решили пройти три километра

до Яндом-озера и там заночевать, но... сбились. Дорога привела нас к озеру, но длинным путем, и не в ту точку. Узнав в деревне у старушки, как дойти до погоста "Яндом-озера", решили дойти до основной дороги (бывшей почтовой), чтобы утром иметь полную ясность и... заблудились второй раз. Это было куда более неприятно. Тропа пропала в темноте, в высокой траве. Пошли по какой-то наметке. Но тут прозвучал неожиданный дикий крик, похожий на человеческий, душераздирающий вопль. Повторился второй, третий, четвертый раз. Как раз по предполагаемому пути. Жутью наполнилась я до самого верха и отказалась идти по этой дороге.

Я пытался уговорить, что, наверное, так страшно кричать может только какая-нибудь птица, но никакие уговоры не действовали. Только недавно Лиля прочла у Пришивина, что зайцы могут кричать жуткими человеческими страшными голосами. Пришивину она поверила.

Стали искать другую, более безопасную тропу. Залезли в темноте в болото, с трудом выбрались на тропинку, но привела она нас не к мосту через реку Яндому, а к разрушенной мельнице, много ниже моста. Перешли реку и, усталые и сердитые (я), заснули.

Утром **13 июля** при новом солнце жизнь показалась лучше. Дорога нашлась быстро. Бросив рюкзаки, легко дошли до Яндомского погоста. Вблизи деревни стоит часовня - совсем, бедная, одряхлела, а в самой деревне - два красивых шатра Варваринской церкви с колокольной (1656 год). Колокольная выше церкви. Вертикаль! Очень необычны крылечки между колокольной и церковью. Чем дальше, тем более задумчивой кажется эта пара... Смотрели иконы, но опять почти ничего не поняла.

Смотреть "редкие иконы северного письма" внутри церкви нас пригласила молодая женщина. Она рассказывала о том времени, когда церковь была действующей, и какая она была красивой в пору ее детства. После войны священника куда-то убрали, и церковь запустела - только недавно ее

реставрировали. Очень сокрушалась об исчезновении главной местной святыни - живого креста, выросшего в лесу в виде сосны причудливой крестообразной формы. Я понял так, что церковь была сперва построена так, что этот крест находился внутри ее, а сейчас вот нет его.

Мне этот разговор напомнил другую церквушку - "без единого гвоздя" - в деревне Ушково, увиденную пять лет тому назад во время лыжного похода по Карельскому краю, в глуши кемского бассейна. Святыня, охраняемая лишь почтительностью местного населения, она стояла шатром на одиноком острове среди заснеженного озера. Перед иконостасом висели куски тканей и деньги - самые разные, монетами и бумажками... Но пьяницы остерегаются таскаться сюда за деньгами на выпивку, они слышали, что до добра это не доведет - уже исчезали подобные "охотники" в тайге без следа. О такой суровой морали хорошо сказано у Пришивина - "закон сузема" (сузем - девственный лес). Но вот с более крупными "любопытными" население ничего поделатъ не в состоянии. Рассказывали, что приезжала какая-то "экспедиция ученых" и забрала всю золотую утварь, и денег выгребла на несколько тысяч. Жители до сих пор уверены, что это был чистый грабеж.

В другой деревне мы ночевали у двух старушек старообрядческого толка, смотрели их старославянские книги, в которых понять ничего невозможно. Настроены они были к нам тоже не очень дружелюбно. Мои надежды встретиться с пришивинскими староверами "нечаянно" в большой мере основывались на воспоминаниях того года.

За полтора часа дошли до Усть-Яндомы и еще через полтора часа - до Типиниц (9 километров). Здесь тоже стоит двухшатровая Вознесенская церковь (1781 год). Колокольня (1836 год) куда стройнее громоздкой церкви, у которой при огромном шатре непропорционально маленькая главка. Над бочкой апсиды зачем-то две маковки. От ограды осталось одно только крыльцо... Из Типиниц уже не так бодро дошли до

Усть-Яндымы. Хорошо, что дождь прошел и колдобины на дороге небольшие. Витя легко по ним идет в своих шлепанцах.

В Усть-Яндыме часовня. Но какая! Она нас расположила к себе с первой же минуты. Такая задумчивость в небольшом стройном шатре звонницы, такая нарядность в воротах и крыльце: причелины, воротники, резные столбики на колокольне, славная лемеховая главка. Часовня ограждена камнем, и вообще находится в хорошем состоянии, но главное ее достоинство - окружение елей-великанов. Это они превратили часовню в уголок грусти и красоты.

В Каргополе мы слушали пение местного церковного хора. Сплошные старушечьи голоса - до чего же они тонкие и дребезжащие, до чего жалобные и слезливые. Среди старух стоял лишь один дед, да несколько вертящихся от любопытства девчонок-малюток... В московских храмах это религиозное вымирание не так заметно, как здесь.

14июля. Последний день на Онеге. Семнадцать километров до Верхней Губы вдоль озера шли не спеша, к "Ракете" в 15 часов 30 минут. По дороге осматривали в деревнях маленькие часовни и церквушки - в Сибове, Березках - их здесь много. И когда плыли обратно в Петрозаводск, фотографировали по берегам не посещенные "объекты". Везде не побываешь...

Три часа болтались по Петрозаводску. С удовольствием походили по этому городу. Есть одна действующая церковь, но она поздняя, и маковки у нее некрасиво приплюснуты. Зато много интересных зданий - современных. Понравился особенно театр - умным, несколько абстрактным рисунком на стенах. Тракторный завод "Онежец" специализирован на трелевочниках.

В Петрозаводске окончилось наше путешествие по Северу.

Сценарий диафильма «Русское деревянное зодчество (Кижь)»

Пояснение. В диафильм "Кижь" мы включили все свои кадры деревянных церквей, в том числе и свезенных в городские музеи для сохранения. К моменту написания сценария «Кижь» в сердце накопилось много любви и горечи от частой гибели деревянных храмов, как от гибели одушевленных существ. Именно здесь я впервые решился на прямое одушевление старых зданий, на отождествление гибели храма и гибели человека. У меня тогда за душой не было личного опыта соприкосновения со смертью, кроме как похорон Славы Цепелева, погибшего на Ушбе. Я много раз пытался справиться с описанием этой муки - но ничего не выходило. Наверное, я просто ошибся, и не способен на развернутое описание, а здесь вот, в общей теме гибели человеческих храмов - это горе выплеснулось.

Но не только чувство виновато в столь "рискованных параллелях". Я верил и верю в истинность таких утверждений, в них - моя материалистическая вера...

Да, кстати. Диафильм кончается осмеянием плановых туристов, от которых страшно устают экскурсоводы. И все же этот выпад несправедлив. Любое любопытство, даже примитивное, заслуживает уважения. Диафильм сейчас не переделаешь - слишком много мороки. Да и не стоит: тогда я был таким. А сейчас я с удовольствием воспользуюсь случаем и отрекусь от последней части фильма.

1. Русское деревянное зодчество ("Кижь")

2. Как античная скульптура Древней Греции является вершиной мировой скульптуры, как готические храмы Европы являются вершиной каменной церковной архитектуры,

3-4. так деревянные русские церкви есть и навсегда останутся непревзойденной вершиной мирового деревянного зодчества.

5. Потому, может быть, такое действие производят эти гигантские создания, что на каждом вершке их задержалась теплая, всегда немного дрожащая рука, отраженный свет глаз строителя.

6, 7.

8. Вначале был туризм

9-9а-10.

11. Сначала в памяти оставались лишь путевке эпизоды.

12. Но постепенно взгляд стал объемней, стал чувствовать красоту природы.

12а. А потом стала замечаться также и неяркая красота русских изб с кружевной резьбой старого дерева.

13-15.

16. Искусствоведы находят в резьбе по дереву массу смысла,

17. они объясняют мотивы сказочных драконов, языческих солнц и многое другое.

18. Но, впитывая в себя эти сведения, чувствуешь еще больший голод по знанию.

19-19а. Эта логика ведет к тому, что туристы начинают сами искать встреч с потемневшими от дождей деревянными кружевами.

20. А встречи могут быть даже в городе. В московской усадьбе Кусково увлеченные деревом могут пройти мимо знаменитых каменных скульптур.

21. Но расцвести взглядом при виде деревянного царского домика.

21а. И даже в Загорском музее наибольшее удовольствие им доставит зал деревянного творчества.

22. А сколько таких музеев есть еще: в Абрамцево, в Коломенском...

23. где недалеко от архангельского домика Петра I стоит башня Карельского монастыря.

24. У других интерес к дереву зародится, например, с поездки в Суздаль и встречи с солоухинской Никольской

церковью из села Глотова. Такая встреча - как любовь с первого взгляда, как открытие.

25. Считается, что деревянные церкви - лучшее, что создал русский народ.

26. Разве это островерхое чудо в Ипатьевском монастыре не убеждает? Перед такой церковью хочется как-то выпрямиться, чтобы быть ей под стать.

27. Присмотритесь, из каких простых объемов она состоит. Это же всего лишь три деревянных сруба, трапезная, сама церковь и апсида, да еще галерея. Это ведь самая обычная клетская церковь - самая древняя и простая форма и, тем не менее, самая выразительная. Но как выбрал мастер эти объемы, какой крышей покрыл, какого взлета жаждала его душа - вот что удивительно.

28. Церковь на столбах, потому что место, где она стояла до перевозки, было низкое, затопляемое по весне.

29. А получился какой эффект? Как будто она поднялась на цыпочки, как большая птица, еще миг - и взлетит. Да, нам бы понять и разбудить в себе те чувства, что владели мастерами-строителями, сберечь и передать детям.

30. В Костромском музее деревянного зодчества можно увидеть и деревенские бани, и избы, и даже хозяйственные постройки, вроде этого ветряка. Еще недавно Север России был страной дерева, где все, от богатых хором до двигателей, было из дерева.

31. Лес определял быт: хоронил от недуга, давал пищу - и мясом, и ягодой, давал деньги - шкурами зверей, давал деревья для всяких построек и поделок. Он был всемогущ - он карал и миловал. В нем жили лешие и ведьмы, которые заводили человека в болото и насылали на безоружного хищных зверей. Жизнь в лесу даже для наших современников - это совсем не то, что для нас поехать в лес на воскресенье, или даже в отпуск. Это среда. И с лесом нередко приходилось воевать, отнимая трудом жестоким клочки земли для посевов.

32. Но вернемся в Кострому, в музей деревянного зодчества.

33. Рядом с обычным деревенским домом стоит церквушка пятиглавка. Выбери сам, что тебе больше нравится.

34. Кому что, а вот мальчишке больше нравишься ты, дядя-фотограф, с такими красивыми стеклами и блестящими винтиками на аппарате. Но так уж будет, что ты, дядя-фотограф, исчезнешь из мальчишечьей памяти через двадцать минут,

35.а эта лемеховая гроздь наверняка сыграет немалую роль в воспитании его эстетического вкуса, представлений о красоте и искусстве. И окажется, что плотник, живший 200 лет назад, повлияет на мальчишку больше, чем многие нынешние дяди, вместе взятые.

36. Мало деревянных церквей сохранилось вблизи Москвы. У Ростова на реке Ишне стоит Богословская церковь. Такие церкви называются ярусными, и все они поздние.

37. Утеряна одухотворенность у этих церквей. И даже красивые воротники у главок и над всеми ярусами, как в этой церкви в Мелихове, близ усадьбы Чехова, не спасают.

38. В искусствоведческих книгах, которых, конечно, не минуют люди, зараженные страстью к познанию русского дерева, вы увидите, что наиболее сильные симпатии отданы шатровым храмам. Вблизи Москвы их нет, и вам невольно придется их изучать по синим картинкам старых книг.

39. Шатровый храм - венец достижения в смысле практического удобства и красоты. Он мог быть огромным и по высоте, и по вместительности, свободно пропускал к своему подножию приделы, был более устойчив при осадке здания и при сопротивлении северным ветрам.

40. Дерево недолговечно, и чтобы сбереечь стены сруба от дождевой воды, придумали павалы, а силуэт от этого только выиграл. Никто не знает, когда появились бочонки над апсидой. Может, это видоизмененные закомары. Но они стали лучшим украшением деревянных церквей.

41. Вот какое сложное сооружение - ворота, крыльцо, шатровая колокольня, трапезная и сама церковь.

42. Но, чтобы увидеть деревянный шатер в натуре, своими глазами, придется брать отпуск и ехать далеко от Москвы, по крайней мере, не ближе Вологды. Шатер этой церкви, что стоит в Прилуцком монастыре близ города, весь в лемехе, этих осиновых дощечках, потемневших от времени.

42а. На кадре не видно, а тогда, в солнечных лучах, лемех взаправду блеснул, как старое серебро. Жаль, что храмом можно любоваться только издали, так как в монастыре идет реставрация.

43. А эта церковь стоит близ Новгорода. Конечно, она перенесена на несоответствующее ей голое место, где ее высота, острроверхость, призванные обозначать в глухих лесах для всех добрых людей божье место, сейчас выглядят ненужной долговязостью.

44. А как она выглядела, окруженная деревьями, можно себе представить даже по ее соседке - клетской церкви. Даже эти редкие сосны выявляют и ее высоту, и стройность.

45. Чутье северных мастеров - где срубить дерево, где заложить погост - было безукоризненным.

46. И нет никакой надежды, что сейчас или в будущем кто-то сможет это сделать лучше, ибо бессмысленно ожидать, что в будущем человек станет ближе к природе, вернее чувствовать и понимать сердцем жизнь дерева и леса, чем создатели деревянных сказов.

47. Туда, где они еще стоят в естестве, потянет вас, на Север, в Карелию или на Печору, Онегу, Двину, в край бурных рек и белых озер,

48. край, где нетронутая природа в немногих, совсем немногих местах одухотворена единственной вертикалью старой деревянной церкви...

49. в край заброшенных деревень и дряхлеющих погостов.

50. Вы пойдете от одной карельской деревни до другой,

51. что смотрят пустыми окнами на вечно живое озеро.

53. Вы пойдете от одного погоста к другому, что стоят всегда на некотором удалении от деревни, и чтобы мертвых не тревожить, да и от пожаров подальше.

53а. Ваши эстетические чувства будут, наконец-то, полностью удовлетворены этим сочетанием вековых елей и островерхого шатра на берегу серого Онего.

54-55.

56. А если вы попадете на реку Онегу, то встретитесь с совсем необычными церквями. Церкви такого типа, кубоватые или ковчеговые, появились после запрещения шатровых, когда понадобилось разместить пять глав.

57. В селе Гора стоит даже девятиглавка.

58. И в Бережне-Дуброве тоже девять глав. Маленькие маковки здесь стоят на бочонках,

59. и получилась этакая роскошная гроздь маковок.

60. Но на Севере вам придется испытать не только радость, но и грусть темного дерева, погибающего в суровом краю.

61. И не дай вам Бог не откликнуться сердцем на эту печаль погибающего дерева. Каждая из церквушек - это не только труд народа, это выражение его души, всего лучшего и светлого в ней, и радости жизни, и величия скорби. Как мало их осталось, даже в сравнении с сорок третьим годом. Надо спешить.

62. Пока еще стоит показанный в начале фильма храм в Кондопоге, или вот эта Успенская церковь в Кеми.

63. Но вот в Шуерацкое или в Шую можно уже не ездить. Поздно.

54. Сколько их погибло, и просто от серости, от старости и неухода, и от руки невежественных потомков, и...

65. от грозных, всеуничтожающих пожаров.

66-69

70. Горечь гибели человеческих душ в этих деревянных зданиях трудно понять людям, не успевшим хоть раз соприкоснуться со смертью во всей ее простоте и ужасающей

бессмысленности. И, наверное, понять смерть могут лишь люди, пережившие гибель близкого товарища, как свою.

71. Лишь эту муку, это бессилие - ни помочь, ни спасти, ни предостеречь, ни отсоветовать, ни исправить - все бесполезно, мертво, безжизненно - в самом начале.

72. Тебе не забыть первые дни после гибели Славы, когда не только сердце, но и ум отказывались понимать, верить... Невозможно вытравить из памяти черные дни, когда он прилетел в Москву, и как в ящике из белых досок ехал в родное Перхушково, и как охнула мать, и вид отца, и тяжесть гроба в пути, и орава приторно сочувствующих, и вязкая глина, и сухая неподвижность немой Гали.

73. А потом... эта нервная разрядка на Воре и Угре,

74.эта истерия внезапного смеха, попеременно с заумьем словесного бреда, Ушба, плывущая Угрой.

75. Это начинающееся сумасшествие, бороться с которым можно было лишь тяжелой греблей по семьдесят километров в день.

76. Кресты... А ведь каждый из них - тоже погибший человек, тоже горе родных, тоже тяжесть памяти и просветленность забывающего сердца.

77. Кресты, кресты, а над ними, общей свечой погибшим, главным крестом для всех человек, общей грустью и общей радостью, да, радостью жизни, той, что идет, идет через тернии и страдания к звездам, - стоит храм божий.

78. Но не верим мы ни в небо, ни в Божью благодать, ни в вечное спасение. Нет Бога. И лишь природа может понять тоску жизни перед смертью.

79.Только ей подстать одежда траурного заката, ибо она умирает ежегодно.

80. И она совсем даже равнодушна к людям. Она сурова, это правда. И совсем не сентиментальна. Но только она способна исцелить и утешить.

81. Она, эта природа, очеловеченная предками, грустит о быстротекущей жизни, величии смерти и легкости забвенья.

82,84,85.

86. Разве дерево не живет? Разве оно не дышит, не борется за место под солнцем, как эта береза в борьбе с елями?

87. И разве листва не умирает каждой осенью, чтобы возродиться весной?

88-89.

90. Ты верь весне! Ее промчится гений, /Опять теплом и жизнею дыша.

Для ясных дней, для новых откровений /Переболит скорбящая душа.

91. А разве человеческое творчество не живет, не опирается на заботу народа, на его любовь и память, как дерево уходит корнями в землю? И разве это воплощение народного духа обречено только на уничтожение? И не ждет их возрождение?

92. "Ты верь весне..."

93-94.

95. Но только тот, кто любит землю, кто понимает жизнь растений...

96. кто способен радоваться своим друзьям-животным, кто закален в огне страданий,

97 наверное, лишь тому раскроется красота народной души, запечатленная в темном силуэте деревянных строений.

98. Конечно, можно ходить по земле, обходиться без свиданий с лесом и реками, не задумываться о жизни и смерти, не знать быта растений и животных, в конце концов, можно ничего не знать и не делать...

99. а купить путевку на туристский теплоход Волго-Балта и приехать сразу на Кижы. О, Кижы, очаровательное местечко, и для интересующихся оно может быть весьма полезным.

100. Вместе с другими экскурсантами вы прослушаете часовую лекцию и узнаете много всякой всячины

101. и о кижском восстании олонецких крестьян под руководством Клина Соболева,

102. и о крестьянском быте, целиком базирующемся на дереве, как первом материале. Осмотрите амбары, жилые комнаты, деревянные грабли и берестяные лукошки.

103. Поймете, какой дом выстроен кошелом, какой глаголем, а какой брусом.

104. Между прочим, любой экскурсовод обязательно обратит ваше внимание на эстетический вид этого амбара

105. и на высокий КПД деревянной мельницы.

106. Здесь легко можно заставить себя разобраться в типах церквей и часовен. Усвоить, что высокие строились среди холмистой местности,

108. а для поля было вполне достаточно низкой часовни.

108а. Тут можно даже сфотографироваться на фоне этих экзотических избушек.

И даже пройти внутри их, с трудом подавляя зевоту при виде темных икон, знаменитых икон работы мастеров карельской школы.

109. В конце концов, при желании можно вообще запомнить несколько разделов путеводителя и чувствовать себя знатоком и эрудитом. И все же не увидеть души дерева, не понять труда художника и не почувствовать настоящей радости. Можно!

110. Так не надо - ездить в Кижы. Ну, зачем тратить зря время и деньги.

111. От слепоты и равнодушия они нас не излечат, а путеводитель можно и дома прочесть. Не будем мучить экскурсоводов.

112. Оставим Кижы - людям с сердцем, вмещающим все страдания и радости, с глазами, жадно открытыми перед красотой родной земли.

113-123.

Сценарий диафильма «Соловки»

Пояснение. Прежде чем поехать на Соловки, мы встретились с другим северным монастырем - в Кож-Озере. Когда-то он был огромным и даже соперничал с Соловецким, но сейчас полностью обезлюдел, оставив после себя только кирпичные здания и рассказы жителей на Онеге о прежнем крепком монастырском хозяйстве и о последующей трансформации его сначала в хилую коммуны, потом в колхоз, вплоть до поголовного выселения с когда-то богатых мест. Не прогресс, а очевидный регресс...

В Соловках же меня задело за живое совсем иное: история о том, как этот величественный монастырь был основан бескорыстными аскетами и подвижниками, а вырос в богатейшее хозяйство, а потом и в тюрьму для противников самодержавия. И такое создалось впечатление, что жертвенность и коммунистическое бескорыстие старцев-основателей под силу лишь одиночкам, а тысячи последователей обязательно низводят их идеалы до мещанского благополучия сытой жизни, или, что еще хуже - до безобразий семейной коммуны и колхозов. Не могут быть все Сергиями. Коммунизм для всех - недоступен и способен утверждаться только силой, т.е. превращаться в огромное зло. Эта простая истина коснулась меня именно в то лето, на Соловках. Вот почему я теперь - за обыкновенное счастье, за "мещанскую жизнь" и капиталистическое хозяйство. Но, правда, эти резкие формулировки пришли позднее.

Тогда мы еще не знали Самиздата и всей послереволюционной истории Соловков, но и таинственных слухов о Соловецких лагерях особого назначения хватало для создания в диафильме совершенно особого настроения страха и недоумения: почему столь прекрасное место, столь памятное духовными подвигами старцев-основателей, превратилось в лагерь уничтожения.

В конце диафильма я поместил длинное-длинное белое стихотворение Луи Арагона, в котором речь шла о "земле", которая "предает" своих лучших сынов-коммунистов, обрекает их дело на неудачу. И, тем не менее, "сыновья" продолжают любить неблагодарную "землю". Утешение Арагон находит только в аналогии: как для получения вина необходимо давить ногами драгоценные гроздья винограда, так и земля-народ давит их - для чего? - наверное, для своего будущего... Жертва жизни подвижников-коммунистов, отвергаемая большинством современников, получает при этом какое-то сверхъестественное, сверхприродное оправдание и смысл... И, как ни странно, я его всегда принимал, хотя вместе с тем уже оправдывал и "предательство земли", ибо видел - от пламенных идеалов в будущем появлялось не вино счастья, а похмелье тюрем и лагерей. Вот как во мне все это совмещалось! В 1967 году революционер-фанатик и обыватель-циник мне казались единственно возможными альтернативами в поведении, и, в то же время, равно опасными и отвратительными. Тип обывателя-труженика еще не вырос в моих глазах, и казался просто недалеким, недоразвитым типом циника: стоит ему только призадуматься над тщетой своих усилий, и не избежать разочарования и цинизма, а возможности его развития в сторону протестантизма я не видел... Молодость еще тянула меня к революционному бунтарству, хотя разум уже основательно поработал над развенчанием экстремистских идеалов.

Поэтому, не имея своего ответа на поставленную Соловками тему, я с облегчением схватился за муки современных западных коммунистов (оказавшихся в столь трагическом раздвоении между разумом и чувством верности идеалам молодости) "Что-то хорошее все же получается из наших мук и крови" - эта беспомощная вера русских народников прошлого века еще живет в стихах Арагона, еще находит отклик в душах современной молодежи.

Когда же (уже после 1968 года) я с ней окончательно расстался, то послушался Лилиного настояния и стер

стихотворение Луи Арагона с магнитофонной пленки, где были записаны "Соловки", избавив диафильм от главного противоречия в тексте. Правда, Лиля приводила, главным образом, доводы эстетического порядка: длинный и непонятный стих разрушал впечатление от самих Соловков, от их природы, истории и современности... Он также затруднял понимание и без того трудной темы: как именно аскетизм основателей связан с вчерашними лагерями и сегодняшним поголовным пьянством соловецких сезонников, этим послереволюционным похмельем.

1. Диафильм "Соловки".

2. Костер огнем багровым дышит.

Висят, как три летучих мыши,

На черной жерди котелки

И вкусно звякают половники.

3. Приплыли новые паломники

За красотой на Соловки.

Глядят в раздумии ребята,

Как в озеро кусок заката

Упал и подпалил сосну,

А в чем же смысл встающей ночи,

Где острова плывут как кочи,

В покой стеклянный, в тишину.

Средь моря только горсть России,

Но полземли - в любой росинке

На лбу покатом валуна.

4. Соловки стали Россией пятьсот лет назад, и с тех пор ни на секунду не переставали быть ее частью. Да только ли частью? Они запали в душу нашего народа, как место особое - для одних - святое, для других - страшное.

5. Два часа Белого моря, и встает над ним узкая полоса зеленого леса с маяком на холме, что зовется Секирной.

6. И, кто знает, может, и вам захочется заговорить горьковскими словами:

7. "Словами трудно изобразить гармоническое неуловимое сочетание прозрачных нежных красок Севера, так

резко различных с густыми, хвастливо яркими тонами юга...
Над морем -

8. ...густо зеленые холмы, тепло одетые лесом; и на фоне холмов - Кремль монастыря... как постройка сказочных богатырей...".

9. Соловки - это, прежде всего, монастырь, Кремль, подобного которому нет в России.

10. Как будто складывали эти гигантские стены, многотонные камни, легендарные циклопы...

11. Но монастырь - это еще не все. Соловецкие острова - это уникальная по своей мягкости и красоте природа, необычная для сурового Северного края и неожиданная среди студеного Белого моря.

12. Жителям Среднерусских лесных равнин она покажется совсем обычной, а, может, и невзрачной. Но вспомните тогда, как шли сюда в давние времена люди с разных концов Белого моря: - от суровых архангельских болот и каменистых рек с приморской тундрой, - от чахлых низкорослых лесов Карелии, - или вообще от ледяных тундр Кольского полуострова -

14. И, попадая сюда, они не могли не воспрянуть духом. Ну, разве не святые это места. Богом избранные для праведников?

15. Но когда-то Соловки были безлюдной землей... И освоение ее, как ни странно, начали пустынноики, их дух аскетизма и подвига.

16. Вот на этом месте, в Савватиеве, где ныне пустуют монастырские хоромы, пятьсот лет назад стояла низкорослая келья Савватия и Германа. Сюда они бежали от мирской суеты уже освоенных монастырей.

17. Поморы, перевозившие их с материка, смеялись и не верили, что на этих островах можно выжить. И действительно, через шесть лет, не выдержав скудного житья, голода и холода, островитяне вернулись на материк, к Выгу. Савватий через год умер.

18. Но скоро нашелся продолжатель. Инок Зосима - стал первым настоятелем Соловецкого монастыря. Это его дух лег первым главным камнем в соловецкие стены.

19. Соловки - это памятник героизму первых пустынников, их мученичеству ради веры, их бесстрашию первопоселенцев в борьбе с природой, их чистоте и бескорыстию.

20. Взобравшись на гору Секирную, к маяку, который более ста лет назад был устроен монахами в специально выстроенной церкви

21. лучше всего можно увидеть соловецкий мир. Наблюдая, как быстро сменяются красная и короткая летняя ночь

22. на светлый день, можно размышлять о борьбе природы и человеческого духа.

23. Соловки - это гимн труду объединенных людей. Помните, как в "Таинственном острове" Жюль Верна четыре энтузиаста с помощью лишь своих рук и разума преобразовали дикий остров. Но если у Жюль Верна - фантазия, то огромное сложное хозяйство Соловецкого монастыря - реальность зримая.

23. Если вы приедете на турбазу, то поселят вас в монастырских кельях, и вы будете ходить по монастырскому двору и пить воду из искусственной питьевой речки, созданной монахами на этом острове без рек.

25-25а. И бродить вы будете по старым монастырским дорогам, на которых до сих пор еще остались полосатые верстовые столбы, вызывающие ассоциации с временами ямщиков и троек.

26. По этим удобным и красивым дорогам вы будете доходить до скитов, ныне по большинству пустующих, а когда-то выполнявших роль производственных бригад мощной монастырской коммуны.

27. Если в скиту Исакова монахи ловили пресноводную рыбу, то в Нижней Сосновке они брали морскую рыбу и тюленя. Сейчас все это разваливается,

никому не нужны эти крепкие, сложенные из глыб, посоловецки, стены, хоть и рыбачат здесь бригады сезонников.

28. Если в скиту Реболде работал монастырский завод по выплавке тюленьего жира, то в Макарьевской пустыни выращивали цветы и овощи.

29. А на Муксалме содержали огромные монастырские стада. Вся еда у монахов, кроме муки, была своя. Не то, что сейчас, когда все привозное.

30. В житиях Зосимы так и писалось: "Землю копали и деревья на постройки монастырские готовили, также множество дров рубили и воду из моря черпали, и соль варили, и продавали ее купцам и брали от них всякое орудие, потребное монастырю. Творили и так от своих потов и трудов кормились".

31. Даже самый экзотичный Соловецкий аттракцион - катание на лодке по озерам - обязан строительному искусству монахов. Двенадцать озер были соединены ими судоходными каналами, а еще семьдесят - питьевыми, для сбора излишка воды.

32. Таинственно молчаливые каналы! У них необычное свойство - здесь невозможно не думать об их строителях, не чувствовать их присутствие,

33. разрывая в прищуре соловецкого солнца туманные кольца истории...

34. На Соловках более 400 озер, со своими островами, а иногда и микроозерами. Для байдарочников эти сотни озер, разграниченных лишь несколькими метрами волоками, - настоящий лабиринт.

35. Из каждого так же трудно выйти,

36. как из того первобытного лабиринта, который задолго до христианства возник на Заячьих островах. Мы не смогли туда попасть и испытать сами первобытную магию, а только посмотрели с соловецкого берега и погрузили,

37. сидя у знаменитого переговорного камня.

38. Соловецкий мир! Ты остался памятником труду энтузиастов. Пусть они были верующими монахами, пусть они

не называли себя коммунарами, но они жили здесь ради идеи, в равенстве и братстве, хоть и христианского толка. Они пришли сюда сами по велению духа, особенно в начальный, самый трудный период жизни монастыря. И эта праведная жизнь вызывала восторг всей России.

39. Сюда на поклон и причастие шли самые активные люди нашей земли, чтобы, прикоснувшись к святыне, самому вдохновиться на жизненный подвиг. Здесь были Степан Разин перед восстанием, и Авраамий Палицкий после организации отпора польской интервенции.

40. Отсюда же вышел и преобразователь русской церкви в XVII-ом веке - будущий Патриарх Никон, своими новшествами сильно снизивший накал коммунарко-подвижнического фанатизма в России для государственной пользы.

41. И тогда Соловки объявили раскол, первыми встали грозными стенами против своего воспитанника.

42. Несколько лет они защищались от царских стрельцов, пока черная измена не погубила их и тайным ходом не впустила врага. После этого Соловки навсегда потеряли свою духовную самостоятельность. Кончился начальный, подвижнический период их жизни.

43. Соловки стали оплотом официальной религии и государственности, центром русской колонизации на Севере. Окрепнув хозяйством, монастырь потучнел, и стал одеваться роскошно.

44. На монастырском дворе на обозрение туристов выставлены два колокола.

45. На большом во весь бок вылито изображение монастырских зданий в пору их расцвета. Можно себе представить, как горели на солнце эти островерхие маковки.

46. Но, чтобы объемней увидеть монастырь сегодня, можно рискнуть и по шаткой лесенке взобраться на верх Прядильной башни.

47-48.

50. Монастырские здания громоздки и монументальны, как и подобает оплоту государства и религии. Обшарпанность, отсутствие позолоченных маковок только обнажает их суть.

52. Какая мрачная громада - Преображенский собор! Даже сейчас давит на психику. И как же он был силен раньше, когда наступал на паломника

53. и блеском маковок, и строгостью стен, строгими глазами икон и сладким пением монахов.

54. Паломники не знали о другой жизни монастыря. Подземелья его соборов были превращены в тюрьмы для заключенных с материка. Соловки - это не только память о творческой силе идеализма. Одновременно это памятник и предательству.

55. Это память о том, как монастырь обратил пламень веры монахов, фанатизм их христианского коммунизма на гнусное дело - охранение царского государства. Это память о том, как превратились чистые обители проповедников братства и любви в тюрьму для поборников свободы и демократии. Десятками лет томились здесь сподвижники Петра Первого и последний кошевой Запорожской Сечи, декабристы и демократы, революционеры и правдолюбцы - соль земли Русской. И только в 1903 году в дыхании революции монастырь избавился от этого кошмара.

57. Но не везло Соловкам. В сталинское время они снова стали синонимом тюрьмы. Организация с тягостным названием - Соловецкие лагеря особого назначения - в сокращении СЛОН - заполонила весь остров.

57а. Бедные Соловки! Чистая озерная, островная капля русской земли, так верно и полно отразившая в себе всю Родину, во что превратили тебя люди?

58. Но не будем чернить и без того черную историю. Не забудем упомянуть про наступившую в 1961 году эпоху открытых, свободных Соловков. Соловки сегодня - это поселки, отремонтированные дороги и автомобили на них.

59. Это туристы и строительный студенческий отряд МГУ, реставрирующий древние стены и строящий аэродром.

60. Это бригады по сбору водорослей: ламинарий, фукусов и анцефелий.

61. За водоросли платят хорошие деньги. Но деньги эти сезонникам не идут впрок. Водка живо их отбирает, оставляя взамен тяжелую голову и опустошенную душу, не говоря уж о виде.

62. Ничто этих парней не трогает: ни природа, ни море. Жирные морские утки, летающие здесь в изобилии, провожаются ленивым взглядом, как приевшаяся закуска.

63. Рыба, как приправа все к той же горькой, а гагары и тюлени, живущие на этих мелких островках, - лишь как предмет пьяного любопытства.

64. Содрав с туристов в пятьдорога за перевоз в пять километров - через пролив на второй по величине остров архипелага Анзер, - они постараются побыстрее купить на полученное три поллитра, и разопьют их тут же в море,

65. ...всуча тебе право везти их на Анзер. Вначале они будут вас уверять, что уже давно сами хотели посмотреть на глубину Анзера и взобраться на гору Голгофу - высшую точку всего архипелага. Но не верьте!

66. Они уже перевезли не одну группу туристов, и выпили не одну бутылку водки, но добраться сюда, в заповедный край чистой красоты и удивительный даже для тех, кто видел большой остров Соловков, - они не смогли и не смогут!

66а. Водка съела их силы и тягу к красоте. Им не под силу пройти и три километра до скита,

67. и еще пять - до Голгофы.

68. Они не смогут подняться до женского монастыря, расположенного на самой вершине, и хоть раз взглянуть не снизу,

69-69а. а сверху на просторы Анзера и на весь Соловецкий мир.

70. И пусть они живут здесь много месяцев, просторов этих им не увидеть, души Соловков не понять. Пьяная жизнь забрала у них страшно много, она украла у них Анзер.

71. Мы все не верим в бога. Эти парни тоже не верят, но у них, как сказал один старичок: "осталась в душе одна пустая пространства, чтоб было, куда водку заливать". Ушла вера. Так что же должно ее заменить? Новая вера? Этих парней трудно забыть и, перебирая соловецкие впечатления, мы не можем уйти от мысли, что и они определяют сегодняшние Соловки, что, только разрушив тюрьмы, отменив лагеря и запреты, расковав души людей, - полной правды и торжества человека не достигнешь.

72. Соловки - это наша земля, сменившая святое вдохновение первых старцев на лицемерие попов, земля, предавшая идеалы монастырской коммуны ради сытости официальных проповедников, заветы братской любви и терпимости на застенки для своих же лучших сынов.

73. Это - наша земля, сменившая пламень революции на вьюгу концлагерей и беспросветную пьянь нынешних парней. Это она, наша родная земля, все долгие годы меняла

74. пламя на стужу, добро на зло, свет на тьму. А, может, - она права, земля?

75. Острова Большой Соловецкий и Муксалма соединяются трехкилометровой дамбой, сложенной монахами из огромных валунов.

76. Сидя у арок дамбовых каналов и наблюдая за морским течением, вспомните эти строки Луи Арагона...

Сценарий диафильма «Онега»

Пояснение. Основным стержнем диафильма "Онега" стали наши поиски раскольников, вернее, понимание их духа.

Из учебников мы знали о русском расколе, как крайне реакционном и мракобесном течении внутри реакционного и мракобесного православия: они сопротивлялись любому прогрессу, в том числе и петровскому. Это отношение сказалось и в диафильме "Московские церкви", когда мы

показывали храмы московских раскольничьих общин и говорили, что современные раскольники чуть ли не законсервировали уклад жизни и нравы дониконовских времен. А на слайдах храмы раскольников выглядели модернистскими по форме. Мы удивились этому факту, отмечали его - и не осознавали.

Плывя байдаркой по Онеге, мы тоже удивлялись привычкам местных прихожан, наверняка, раскольников (или близких к ним) подновлять старинные свои бревенчатые храмы, закрывая их мещанистой тесовой обшивкой. Где же приверженность к старине и к древности?

Наше внимание к Северу, как главному месту расселения раскольников, привлекли книги М.Пришвина. В предреволюционную эпоху его крайне интересовала тайная деятельность различных религиозных сект, особенно таких радикальных, как бегуны, проповедующие общность имущества и отказ от всяческих принудительных обязанностей. Пришвину казалось, что в таких сектантских настроениях проявляется революционная настроенность русского народа, у которого приверженность к самодержавию и православию лишь на поверхности, а в глубине копится приверженность к революции и к коммунизму. Не один Пришвин чуял и искал эти симпатии. Связи с раскольниками имели пугачевцы, искали народовольцы, а потом и большевики. И надо сказать, они оказались правы - русский народ, действительно, в массе пошел за революционерами и коммунистами. Но вот, что касается сектантов, то всё оказалось сложнее, если даже не наоборот. От временного союза новая власть перешла к подавлению сектантской самостоятельности.

Но в 1967 году этого понимания еще не было. Я искал подтверждения реакционности и догматичности староверов или их коммунистичности (по Пришвину) - но не находил: виды встреченных нами церквей и домов говорили об ином. А контакты со староверами не случались... Осталось впечатление, что фильм - не получился.

1. Диафильм "Онега".

2-4.

5. Чтобы понять обаяние Северного края, надо настроиться. Только не читайте туристической литературы и путеводителей. Лучше послушайте доброго совета - прочтите ранние повести Пришвина, когда он был еще молодым и в одиночку путешествовал в краю непуганых птиц.

6. Пришвин откроет вам нечто большее, чем красота северных лесов и приемы мастеров - создателей деревянных храмов, - он откроет вам саму душу народа - творца этих шедевров и хозяина этой природы.

7. Ведь больше всего Михаила Михайловича интересовала жизнь раскольников, сохранявших в неприкосновенности веру и обычаи предков, которые приходили на эту землю и первым делом ставили часовню вот такого типа, а потом уж заводили уголья, расчищали поля, прокладывали дороги. Изучив историю беспоповских коммун в Карелии, вникая в тонкости церковных учений и разбирая спор раскольников о вере, Пришвин не только сам увидел, но и сумел показать своим читателям

8. как в этих невзрачных срубах билась духовная жизнь замечательного народа, как в этих жарких спорах, казалось бы, на самые отвлеченные церковные темы, сталкивались чистые сердца, мятежные души, выковывались упорные, стойкие характеры людей, покоривших и освоивших огромный и дикий Северный край.

9. Пришвин писал: "Конечно, я отлично понимал, что движение революции ничего общего не имеет с движением сектантов-бегунов, но законы истории не всегда совпадают с законами сердца. Мне очень хотелось найти в лесу какого-нибудь бегуна, постараться самому раствориться в его вере, с тем, чтобы темному человеку попробовать открыть новый свет, помочь ему не тратить своего духа на продвижение тела по грешной земле, захваченной будто бы антихристом".

10. Возможно, что именно после прочтения книг Пришвина вы совсем другими глазами взглянете на Северный

мир и, возможно, даже под влиянием пришвинских очерков вас потянет приехать в край непуганых птиц.

10а. На Севере много интересных маршрутов, но если вы выберете свой путь по реке Онеге,

11. то начать вам придется со станции Няндомы Архангельской железной дороги,

12. откуда автобус за три с лишним часа доставит вас в город Каргополь.

13. Каргополь - один из древнейших городов Союза - стоит на реке Онеге, в четырех километрах от ее истока на озере Лача. Мы не были на этом озере, но вы побывайте обязательно. Говорят, очень красивое, и много деревянных церквушек по берегам.

14. Сам Каргополь вас, настроившихся на деревянный Север, может и разочаровать. В нем сейчас восемь каменных храмов. А раньше было еще больше.

15. Может, вы спросите: зачем так много? Не спрашивайте, - они были нужны нашим предкам, эти роскошные храмы с тяжелыми главами и пышным убранством стен.

16-18.

19. В каждом из этих храмов - краеведческий музей, где вам расскажут о местных ремеслах, и о традиционной каргопольской торговле - ведь по Онеге шел важный путь России к Белому морю, и о том, как в Каргополе утопили в Онеге ослепленного Болотникова, одного из самых благородных людей России.

20. Но о том, что Каргополь был одним из центров раскольников, вы в музее не узнаете. Вспомните у Пришвина рассказ одного из раскольников о диспуте: "Вот в Каргополе была у нас беседа - так от них полтора пуда книг привезли, и от нас полтора пуда".

21. Храмы Каргопольские тоже ничего вам не расскажут. Разве по их классическим портикам не видно, что строили их царские чиновники или дворяне?

22. А эти тяжелые срубы-кубы с грибовидными головами - купцы и мещане.

23. И такие они все одинаковые, что, кажется, сохранись они все, а не восемь, город не стал бы от этого ни богаче, ни разнообразнее, а сохранил бы по-прежнему

24. сонно-благополучный и дремучий облик до синевы дебелого мещанина

25. резко контрастирующего с деревенскими церквями русского Севера.

26. Вокруг Каргополя много таких сел с деревянными шатрами на погостах.

27. Мы сделали только две пешеходные экскурсии из города, и потому увидели лишь небольшую часть глухого, ныне дремотного края. Но всего ведь не увидишь. Думается, даже, если весь отпуск посвятить окрестностям Каргополя, останется в них еще много неувиденного.

26-29.

30. Но если город - лишь начало пути по Онеге

31. то байдарка - лучший вид транспорта. Правда, нас пугали онежскими порогами, убедив проехать часть дороги автобусом, но вы не слушайте таких советов -

32. онежские пороги совсем не страшные. Смело спускайтесь вниз, и вы увидите по берегам много интересного.

33. Конечно, вы не пропустите старинного села Архангела, получившего свое название от когда-то стоявшего здесь Михаило-Архангельского монастыря.

34. Сейчас от него остались лишь два храма, оба деревянные, но оба покрыты железом и тесом. Кубоватое строение и многочисленные маковки говорят об отходе от древних и суровых в своей простоте и сдержанности клетских и шатровых церквей.

35. Это было возможно в XIX-XX-ом веках. В это время не так уж много осталось в этих местах святых пустынников, мрачных раскольников.

36. С юга приходили священники официальной церкви, и теперь уже они становились наставниками. Вместо сурового

аскетизма и морали религиозной коммуны - церковная терпимость и смирение перед властью имущими, вместо бревенчатых клетей и шатров, срубленных прямо в тайге из кондовой сосны - гладкость и красивость промышленного теса.

37. Эта девятиглавая церковь Николы Чудотворца стоит еще дальше по течению Онеги, в селе Бережна Дуброва. Рассматривая ее, мы прочли у карниза такую надпись:

38. "Сей пречистый храм обшит тесом и выкрашен, а внутри украшен иконостасами в лето 1888. От благодарных к памяти своих предков и славе имени бережнодубровских прихожан усердием своим и средствами в память двухсотлетнего юбилея храма 1678-1878 годов".

39. И, может быть, для вас эта надпись тоже послужит поворотным пунктом, как и для нас? Как-то сразу изменилось отношение к тесовой обшивке. Ведь только ради сохранения храма и любви к славе своих предков, из уважения к их памяти - закрывали храм тесом, а вовсе не ради красивости. Другого же способа сохранить храм не было.

40. Покидали мы Бережну Дуброву с чувством какой-то вины перед ее прихожанами. Каждое время имеет свои вкусы и идеалы. Так зачем винить тех, кто перестраивал старые храмы на свой лад? Винить за то, что они - такие, какие были - не пустынноики, не землепроходцы, не герои? За то, что они гораздо ближе к нам, потомкам-горожанам, чем к суровым нашим предкам?

41. На берегах Онеги вы очень часто будете встречать небольшие полуразрушенные часовни, но не надо думать, что это и есть исконные срубы первых раскольников.

42. Нисколько! Это обычные часовни, что строились до революции в любой северной деревне, не имевшей своей церкви. Помните, у Пришвина, слова мужика: "Нам без часовни никак нельзя"?

43. Как бы ни были темны мужики, они чувствовали настоятельную необходимость каждое воскресенье собираться вместе, чтобы послушать слова божеских книг, делая из них

свои глубоко личные выводы. Священник сюда приезжал только на большие праздники, чтобы окрестить младенцев, гуртом отпеть умерших и причастить всех остальных. А в другое время молитвы читал избираемый народом грамотный мужик.

44. Ну, а как же раскольники, как пустынники, на встречу с которыми так настроили нас повести Пришвина? Ну, что вы - здесь, на обжитой Онеге, не только их самих трудно найти, даже срубов их разрушенных мы не увидели. И если у вас это желание сильно, и вы не сумеете с ним совладать, то поддайтесь искушению

45. и сверните с проторенной онежской дороги, и по ее притокам заберитесь в глухие места архангельской тайги.

46. Пройти туда на байдарке или пешком совсем непросто. Заброшенные тропы или порожистые и заваленные реки - выбирайте, что вам лучше.

46. Но если вы выберете путь по рекам на байдарке, как шли в старину первые землепроходцы, то приготовьтесь к большому и нудному труду - надо будет тратить много сил

49. чтобы выгребать вверх по течению, чтобы идти по берегу и за бечеву вытаскивать байдарку через перекаты, чтобы обносить завалы и многое другое.

50. И научитесь бояться порогов, которые, если, не дай Бог, вы на них попадете, могут положить конец не только вашему путешествию, но и всему имуществу. Бойтесь порогов!

51. Но, если вы пройдете этот путь, то попадете в безлюдный край.

52. Край глухих озер, на каждом из которых царствует лишь одна пара лебедей.

53. Это край темного сурового леса и чистой нетронутой природы.

54. Но есть ли тут раскольники? В какой части дремучего леса они прячутся? На этот вопрос трудно ответить с уверенностью. Мы не встречали здесь пустынников, но, может, потому, что не искали их специально.

55. Нередко мы встречали в лесу зарастающие и сгнивающие срубы, но совсем неясно, от кого они остались - от первых ли поселенцев

56. или это следы обезлюдивания северных деревень. Мы видели на Севере много покинутых деревень из великанов-домов, погибающих без хозяев.

57. Но это - совсем другое явление, хотя, может, не менее печальное, чем вымирание раскольничьих общин.

58. Может, и вы не найдете ни самих раскольников, ни следов их деятельности, но все равно не будете разочарованно считать поездку бесполезной.

59. Ведь главное - природа - осталась той же самой, что и сотни лет назад, когда здесь пробирался самый первый русский пустынный. Природа - главный друг и противник, больше всего влиявший на душу тех людей, которые строили деревянные церкви, ставшие одним из выражений гения русского народа.

60. Но, если вы не пожелаете углубиться в дебри бурных притоков, то продолжайте путь вниз по Онеге.

61. Она сама по себе великолепная река, и может дать массу впечатлений любому человеку.

62-63.

64. Нам эти левитановские цвета были в некотором роде откровением. Раньше этого не замечали. Теперь, наверное, на художественной выставке мы будем более внимательны к пейзажу.

65. Остановитесь на ночлег где-нибудь на пустынном острове, и утро подарит вам свои тона и полутона.

66-68.

69. Но не всегда Онега безмятежная, спокойная и удобно быстрая.

70. Долгое время плывущие рядом в вами отдельные бревна вдруг останавливаются. Такие запони искусственные, они служат для сортировки и регулирования молевого сплава. Бревна сбиваются в такой толстый мостик, что по нему

нередко можно переходить Онегу как по настилу. Длина запяни нередко достигает километра.

71. Для байдарочников единственный выход - обнос лодки и вещей по берегу.

72. Но не мрачайте. Ведь вам может встретиться такой нарядный дом; а может быть, выйдет словоохотливый хозяин и попросит сфотографировать его.

73. Да, эти общительные люди никак не похожи на раскольников.

74. И снова ласковая, широкая Онега, то серая во время дождя,

75. то синяя в безоблачный день.

76. Пока не увидите устья одного из самых крупных притоков Онеги - Кожи.

77. Сделайте тогда экскурсию, поднимитесь на три километра по спокойной Коже до Макарьевского погоста - не пожалеете!

78. Здесь шатер Крестовоздвиженской церкви

79. соседствует с пятиглавием кубоватой Климентовской церкви.

80. А между ними небольшая колокольня с петровским шпилем.

81. Вид с нее на извив Кожи, наверное, может ввести человека в ту красоту рубленого дерева и северной природы, которая окружала наших суровых предков.

82. От Усть-Кожи совсем недалеко до последнего порога и до устья Онеги.

83. Мы долго искали этот самый порог, но, кроме небольших перекатов, на которых застревают бревна молевого сплава, ничего не нашли.

84. Зато на высоком берегу у деревни Подпорожье стоит в неприкосновенности Троицкая девятиглавая церковь.

85. Она необычна, мало похожа на своих предшественниц, но она, несомненно, все из того же семейства онежских кубоватых деревянных церквей.

86. И, наверное, вы вместе с нами уже совсем не будете негодовать на тес или отсутствие строгости в силуэте, на многокупольную пышность. Вы будете просто любоваться таким дивом и радоваться. Наверное, так оно и будет.

87. Широко разлилась Онега. Вид ее синей глади способен еще увеличить ваше торжественное настроение.

88. А там, дальше по течению, совсем недалеко от города Онеги, что стоит при впадении реки в море

89. - Белое море, по которому купцы раньше ходили в Архангельск, а паломники - на святые Соловки.

90. Мы не дошли до конца Онеги. Распрощавшись с Троицкой церковью, мы простились с Онегой, унося в себе воспоминания о прекрасном русском Севере!

91-95.

Приложение. «О сектантах». Сегодня этот простенький туристский фильм дорог мне самостоятельным открытием смягченного облика северных раскольников: вместо традиционных шатровых древних церквей мы увидели грузные кубоватые здания, вместо фанатической приверженности к бревенчатому чистому срубу - узрели тесовую обшивку церквей - и не оскорбились этим "мещанством", а постарались понять бережно-дубравских прихожан и полюбить их за усердие и домовитость.

Нет, северные христиане оказались совсем не консерваторами в своей внутренней жизни, а их приверженность к специфическим догматам своей веры только охраняла их независимость от притязаний официально господствующей религии, обеспечивала им свободу для культурного и хозяйственного прогресса.

В диафильме еще нет ответа о причинах столь странного исчезновения среди потомков раскольников фанатиков и консерваторов, о причинах их превращения в зажиточных крестьян. Лишь вскользь брошено предположение о том, что раскольники уставали от преследования, переходили в православие, и тогда-то, на покое – богатели. Но это-то и неверно. Богатели именно протестанты, упрямо

державшиеся своего диссидентства, своей духовной свободы. Конечно, на берегах Онеги перед революцией, может, и правда жило много прихожан официальной церкви, но в целом число раскольников по стране и масса их капиталов - не уменьшалась, а росла.

Додуматься до такого парадоксального тезиса (староверы = прогрессисты), переворачивающего прежние мои представления, мне помогли книги, в первую очередь "Протестантская этика и дух капитализма" М. Вебера. Другая, почти забытая книга - Капелюш "Религия раннего христианства и капитализма", напечатанная в 1930 году под девизом "Союз воинствующих безбожников" - много дала сведений об эволюции (духовной и хозяйственной) английского пуританизма, французского кальвинизма, немецкого лютеранства и, что еще важнее - русского раскольниковства. Эти книги объяснили мне причины быстрой и самодовлеющей эволюции любого сектантства от фанатической приверженности к "старой вере" и почти коммунистических идеалов общежития - к капиталистическому прогрессу.

Успех первоначальных протестантских сект Капелюш связывает с преобладанием в их вероучениях жесткой концепции "предопределения". Что это значит? Разрешая знаменитую религиозную проблему: Бог всемогущ или всеблаг - в такой постановке: предопределено ли изначально человеку быть злым и гореть в аду, или же добрым и попасть в рай, все древние и смягченные религии склоняются к ответу, что Бог сам ограничил свою волю, и человек свободен и может выбирать между добром и злом. А вот ранний протестантизм в противовес и в укор одряхлевшим католичеству, православию и гуманизму учит о полном предопределении, и потому одерживал победы. Оказывается, эта логичная концепция вызывала у своих приверженцев огромную веру, что именно они - правы, и поступают верно, согласно Божьему внушению. Такая вера вызывала громадную общественную активность, уверенность в успешности всех

своих начинаний. А вот гуманистическая либеральная концепция свободы выбора человеком перед добром и злом оставляет его в одиночестве перед огромным и неизвестным миром, где конечную моральную оценку своих действий точно выверить и понять очень трудно, почти невозможно - а потому лучше вообще ничего не делать и уступить место "бешеным фанатикам" без боя, или бежать от суетного мира. Отшельничество, монашество, бездеятельность - это все плоды концепции свободы воли.

Кальвинисты же знали другое: каждому человеку предуготовлены его поступки, его характер и его судьба. Каждый из них верил, что творит волю Божию, и только старается угадать и выполнить ее поточнее. С точки зрения этой доктрины все занятия и профессии нужны и богоугодны, лишь бы человек правильно угадал в себе Божье призвание и исполнял его наилучшим образом. Свою волю человек начинал творить как Божью, хотя думал про себя, как о послушном орудии Божиим, как о Винтике, но очень активном и творческом, потому что на деле он служил самому себе.

Вот в каких условиях и религиозных понятиях воспитывались современные капиталисты, люди "дела", деятели великой западноевропейской капиталистической цивилизации, преобразившей мир. Такую веру им дал фанатический протестантизм.

И, говоря об эволюции раннего протестантизма, я имею в виду концепцию предопределения, которая так и осталась основой капиталистической самоуверенности, а приверженность к унаследованным от средневекового католичества догмам несправедности денежных операций, взимания процента и прочие коммунистические предрассудки - они-то и были изжиты в ходе свободной хозяйственной деятельности и опыта.

Такой верой и свободой, по-видимому, обладали и секты русских раскольников (насколько это было возможно внутри самодержавного государства), но в революционный час Россию увлек иной реформационный порыв: с протестом

против старого православия выступило не "первоначальное христианство", а новое, и гораздо более радикальное вероучение - марксистско-ленинский коммунизм. Пришвин и другие писатели были правы, находя сходство между сектантами и революционерами. И ошибались они только в оценке сил этих сторон. Не исконное народное сектанство вобрало в себя западный экзотический марксизм, а наоборот, именно марксизм, интеллигентный марксизм стал всеобщей новой верой русского народа.

И именно в догмате о предопределении существует большое внутреннее сродство марксизма с ранним протестантизмом. Учение экономического материализма, учение о конечной победе рабочей власти и коммунизма как раз и стали наукообразной заменой концепции предопределения, основой фанатической веры революционеров в свою конечную победу и правоту. Ту же роль играет и учение о "свободе как осознанной необходимости".

Но если это так, и коммунизм, действительно, может сыграть для России роль протестантизма по отношению к отвергнутым самодержавию и православию, то у России - блестящее капиталистическое и даже либерально-демократическое будущее. Тогда и вправду, мировой исторический опыт свидетельствует, что рождение России, как самостоятельной капиталистической страны, уже состоялось. Оно состоялось в результате разрушительного иконоборческого огня революции 1917-1953 годов. Ужасающие разрушения и жертвы этих страшных лет приобретают великое историческое оправдание.

Это и есть основной вывод, к которому я пришел в результате знакомства с христианским и коммунистическим учениями, размышлений, начало которым положено в диафильмах о русских церквях и монастырях. Русскому коммунизму предстоит трансформация и смягчение, а не гибель. Его философские и эстетические основы - здоровые, и способны к смягчению и развитию так же, как способны были

к развитию западные протестанты и русские раскольники. Главное, чтобы была у них вера в свои силы и развитие. И пока есть эта коммунистическая вера, пока она еще не умерла в молодых поколениях под грузом самодержавного гниения, до тех пор сохраняется перед Россией и перспектива капиталистического, свободного развития. Как это ни странно, но будет вера и активность - будут и реформы, будет обеспечена и мирная эволюция - самое большое счастье, которое мы можем желать России. Сегодня коммунизм, как вера, должен быть очищен от пережитков русского самодержавия и от азиатчины, и тем самым он сможет открыть дорогу свободному развитию.

Сценарий диафильма «Вологодчина»

Пояснение. "Вологодчина" ("По Сухоне") последний из наших северных диафильмов 1967 года (хотя и первый по своему маршруту) - назван так по именам рек, по которым мы плыли пароходом на Северо-Восток, великим старинным путем русских землепроходцев и торговцев. В этом диафильме много слайдов церквей, но по духу это - не церковный фильм. Он, скорее, о самой северной земле, о Вологодчине и, конечно, о самой Вологде, едва не сделанной Иваном Грозным северной столицей. Этот город нас поразило тогда своей свежестью и провинциализмом.

Через восемь лет мы вернулись в Вологду и поразились, как сильно изменился этот деревянный город-село - дорожек по траве уже не видно, вместо деревянных домов много больше стало бетонных коробок, но, правда, бабы еще ходят полоскать белье на Вологду. Снова нас не пустили в Прилуцкий монастырь: как обосновался там с войны военно-медицинский склад, так и не пускает диких туристов, держит оборону... Так что учреждения и люди за прошедшие годы почти не изменились, а вот прежнего города - считай, уже не осталось. Разве только на наших слайдах-памяти. И мы поняли, что надо спешить...

И не так ли будет со всей Вологодчиной и со всей "светлой и украсно-украшенной землею Русской"? Ведь сегодня рушат перестройками не меньше, а, наверное, даже больше, чем в годы революционной разрухи. Конечно, я понимаю, что новое строительство неизбежно и теснит старое. Но если бы оно выросло в должной мере гармонично из самого города, из его традиций, если бы его производили сами жители, корнями связанные с родной почвой, - не было бы такого убийства. Но строят варяги, какие-то единые стройцентры, по единым шаблонным проектам.

Главное впечатление от встреченных нами на том пути церквей - их особый северный стиль, созданный, видимо, в XVII-XVIII-ом веке. Московское барокко северные мастера

сделали более простым, тонким и суровым. Как будто московская роскошь ручной работы была здесь заменена отточенным изыском приемов мануфактурного поточного труда. Как будто в изменении архитектурных профилей и стилей можно увидеть преддверие русского капитализма: первоначальный аскетизм и трезвость.

Во всяком случае, Сухона была первой водной дорогой московского государства и на развитый Запад - через Архангельск, и на колонизируемый Восток - в Сибирь через Урал и Мангазею. Оба пути вели Россию к хозяйственному развитию, хоть и разными способами.

Сибирь могла осваиваться лишь свободными, предприимчивыми людьми: казаками, купцами, сектантами, она вызывала в них потребность, но сама не могла дать ни новой техники, ни новой технологии. Метрополии она могла дать только естественные богатства, которые сами по себе могли быть использованы и во благо, и во вред. России они пошли скорее во вред, ибо помогали богатеть и укрепляться застоюному деспотизму...

Путь на Запад тоже мог привести к развитию при творческом усвоении европейских плодов просвещения. Однако ввоз их готовыми и годными к употреблению опять же мог идти на пользу и укрепление деспотизма. Это сочетание: огромные земли и богатства на Востоке, готовая развитая техника освоения на Западе и деспотичная власть самой России и обусловила ее самодержавный путь развития, сделали его чуть ли не географической неизбежностью.

Грозному не удалось переместить столицу в Вологду или в Архангельск. Петр это намерение выполнил более кардинально. Забыт был северный путь на Запад и северный путь казачьего освоения Сибири - захирел Великий Устюг, этот северный предшественник Петербурга (кстати, его в XVIII-ом веке перепланировал петербургский архитектор - потому-то в нем и чувствуется столичный дух) - укрепилась абсолютная власть Москвы и Петербурга.

И только много позже, когда Россия стала европейской державой, а догнать Европу так и не смогла ("как ни догоняй кнутом, а на подражательстве и исполнительстве все равно не перегонишь") - стало ясно, что первый путь - путь самостоятельного свободного развития, хоть и не так быстр, но более основателен, более верен...

1. "По Сухоне"

2-6.

7. Дорога на Кириллов выматывает любого, но она же дает и первые впечатления о Вологодском крае.

8. А какая это земля вблизи, вам расскажут попутчики - местные колхозники. Они вам порасскажут об этой минеральной смеси из камней, сучьев и подзола.

9. Вы услышите, что совсем недавно здесь пахали только на лошадях, потому что тракторы ломались на камнях. И что только после огромного труда расчистки на эти поля можно выпускать технику. А главное - вы услышите их бесконечные жалобы на обезлюдивание вологодской деревни.

10. Хватит говорить о дороге. Вспомним утро на Сиверском озере и нашу палатку напротив свершившегося чуда - Кирилло-Белозерского монастыря, ставшего из воды как во сне, не в сказке, а взаправду.

10а. Была заря. И луг сверкал росой./И медлило теченье.

И, пробуждаясь, было все вокруг /Исполнено особого значенья.

11. А помнишь Ферапонтов монастырь? И Бородавское озеро с мельницей на дальнем берегу?

12. До свидания, Кириллов! До свидания, белые башни, тяжелые храмы, живая история зданий!

13. Она - не старье, старина: /Иконы, попоны, церквушки...

Она - это тоже страна, /А родина - не игрушки!

14. Мы отплываем от тебя на восток, чтобы по Сухоне попасть дальше и проплыть всю Вологодчину: от Кириллова до далекого Устюга.

15. - "Здравствуй, земля Северная, мясомолочная Вологодчина! Что-то ты нам покажешь за тыщу километров водных дорог?" Шлюзы Двинской системы? Церкви на зеленых берегах? И бесконечное Кубенское озеро?

16. Оно огромно, это Кубенское озеро. И кажется, что теплоход стоит неподвижно относительно неподвижных берегов. И много пройдет часов, прежде чем

17. уже за полночь приблизится Усть-Кубинка со своими буксирами и плотовозами.

18. Но мы не будем спать. Мы дождемся всплытия в темных водах славного Спаса на Камне. Когда-то, лет семьсот назад, плыл, как и мы, в Великий Устюг, белозерский князь Глеб Василькович. Но случилась буря, и только маленький каменный остров спас судно от верной гибели. С тех пор и стоит здесь монастырь, заложенный князем в благодарность за спасение, и ставший прообразом пушкинского острова Буяна.

19. В море остров был крутой, /Не привальный, не жилой.

Он лежал в пустой равнине, /Рос на нем дубок единый.

19а.А теперь стоит на нем /Новый город со дворцом. С златоглавыми церквями, /Теремами и садами. А сидит в нем князь Гвидон. /Он прислал тебе поклон.

20. А на утро: здравствуй, Вологда! Здравствуй, столица Северного края, прихотью Ивана Грозного едва-едва не ставшая столицей русского государства.

21. Да, здравствуй, Вологда, провинциальный центр одной из захудалых русских областей, где в самом центре города, перед Кремлем, бабы полощут белье, где асфальтовые улицы тонут в зеленых тропинках, новостройки - в массе деревянных домов, а электрические столбы - среди поленниц дров на зиму.

23-24. Здравствуй, город, где по улицам вместо собак водят медведей.

25. А на деревянных избах всюду вывески: "Дом коммунистического быта", вызывающие отчаянное

любопытство у приезжих насчет деталей осуществленного коммунизма.

25. Вологда - удивительно мягкий и красивый город. Может, городской центр вам покажется обычным, с его сутолокой и движением машин. Но чуть подальше вы будете очарованы тишиной чистых дорожек, неторопливостью прохожих и ритмом деревянных домов с возносящимися над ними храмами. Вологда может напомнить москвичам старую деревянную Москву, лежащую под тенью сорока сороков церквей.

28. Деревянные дома здесь - не обычные избы, а настоящие городские строения. Каждое из них - оригинально.

29. Вот этому двухэтажному особняку противостоит мрачная бревенчатая громада со средневековыми окнами.

30. Или изящная балюстрада соседнего дома, которой, кажется, больше место в Средней Азии, чем здесь, под бледным небом Севера.

31. Город весь утопает в зелени парков, прудов и чистого воздуха.

32. А какое удовольствие может доставить зареченская панорама! Ритм повторяющихся церквей и их отражение в водах Вологды.

33-34.

35. Милые вологодские церквушки! Милые своей обыкновенностью, черным цветом пяти глав,

36. даже обшарпанностью давно не штукатуреных стен. Когда-то вы цвели на солнце, искрились золотом

37. и яркими красками. Весело было смотреть на вас.

38. Сейчас же вы постарели, потускнели, навеваете грусть об ушедшем времени. Но самой заброшенностью своей, самым угасанием вы будите в людях чувство живой истории родины.

39-40.

41. В древнем центре города, на бывшей Ленивой площадке, стоит памятник 800-летию Вологды. Сколько ей лет на самом деле, никто не знает, ведь так уж повелось на Руси,

что годом основания города считается тот год, когда появлялась в нем важная личность, что и отмечалось в летописи. Так, в 1147 году князь Юрий Долгорукий пировал на Боровицком холме. И в том же 1147 году чудотворец Герасим пришел в Вологду.

42. С Ленивой площадки хорошо виден более поздний центр города - Кремль, обозначенный пятикупольем Софийского собора.

43.

44. Строить кремль и собор начал Иван Грозный. И до сих пор вологодцы верят, что царь Иван хотел сделать их город столицей Руси. Может, и правда.

44а. Огромен, больше Успенского в Москве, собор Софии. Да и имя при закладке он носил - Успения, и лишь при освящении был переименован.

45. Скоро он помолодевшим выйдет из строительных лесов, но и сейчас, стоя перед этой белой, немногословной громадой, мысленно сняв леса, можно наслаждаться его силой.

45а. И испытывать на себе его очистительное действие. Как и прославленные в легендах Новгородская и Киевская Софии, так и Вологодской Софии посвящена красивая легенда.

Что на славной реке Вологде! /Во Насоне было городе,
Где доселе было - /Грозный царь
Основать хотел престольный град.

46. Для свою ли для величества,
И для царского могущества.

Укрепил стеною град каменный /Со высокими со башнями,
С неприступными бойницами.

46а. Посреди града он церковь склал,
Церковь лепую, соборную,

Что во имя Божьей Матери, /Ее честного успения.

Образец он взял с московского /Со собору со Успенского...

46б. А как стали после свод сводить,

Туда царь сам не коснел ходить,
Надзирал он над наемники, /Чтобы божий крепче клали храм,
Не жалели б плинфы красныя /И той извести горючия.
Когда царь о том кручинился, /В храме новом похаживал.
Как из своду туповатова /Упадала плинфа красная,
Попадала ему в голову, /Во головушку, во буйную,
В мудру голову, во царскую.

47. Тут наш Грозный царь прогневался,
Взволновалась во всех жилах кровь,
Закипела молодецька грудь, /Ретиво сердце взъярилося,

48. Выходил из храма нового,
Он садился на добра коня,
Уезжал он в каменну Москву, /Насон-город проклинаячи...

48а. Уехал Грозный. Лишь после его смерти достроили собор, а Кремль - так и не завершили. Так и не стала Вологда столицей России, а все из-за плинфы...

49. Жемчужиной города является, конечно, Спасо-Прилуцкий монастырь. Основал обитель в 1371 году ученик и соратник Сергия Радонежского Дмитрий Прилуцкий. До чего же хорошо этот монастырь стоит! Он так неотделим от окружающего пейзажа, что трудно даже представить себе это место без него. Очертанием стен он вторит рельефу, как бы вырастая из земли-матери.

50. И лишь только мощные, мужественные и величавые башни, возвышаясь над округой, как бы противостоят природе, ее естественным формам, как порождение человеческих рук.

51. Когда смотришь на монастырские башни, вспоминается легенда "о белоризцах".

В 1450 году князь Дмитрий Шемяка "воевал Вологду многою ратью".

52. Вдруг в городе появились двое в белых одеждах. Таинственные незнакомцы, прошествовав через город, вышли за ворота и побили множество врагов. Ушел Шемяка. Кинулись вологодцы искать белоризцев, но нашли лишь два иссеченных тела.

53-54. С тех пор каждый год, в определенный день чувствуют горожане своих спасителей.

55. А не слишком ли долго мы говорим о Вологде? Пора вниз по Сухоне! Эта река - главный стержень Вологодского края. Минуя древнюю Тотьму, у Великого Устюга она становится Северной Двиной.

56. Увидеть Сухону - это, прежде всего, увидеть большую сплавную реку.

57. По реке идет беспорядочный молевой сплав. Теплоход то и дело подминает бревна под себя, сотрясаясь от непрерывных ударов.

58. Тут можно увидеть нашу лесопромышленность в действии. Багры сортировщиц и тракторы-треловочники. Плотовщиков 30-х годов и женский труд 60-х.

59. Конечно, такой тяжелый труд не для женщин! Но, как сказала одна из них: "Теперь у нас одноправие".

60. Но Сухона - это не только дорога, не только бревна. О Сухоне, с ее суровыми лесами и старинными деревьями на высоких берегах, поют песни и слагают стихи.

61. Она очень разная. Раздольная, светлая и чуть ленивая в своем верхнем течении

62. она становится быстрой, каменистой, и даже мрачноватой после Тотьмы, когда заливные вологодские луга сменяются густой архангельской тайгой.

63. А по берегам Сухоны как бы встает история. Вот на этом камне - обедал Петр Первый по пути в Архангельск. А еще раньше шли дружины мятежного князя Шемяки, и новгородские ушкуйники, и караваны землепроходцев.

64. И вся эта история подкрепляется видами печальных и заброшенных церквей... Да чего же в ней хорошего? Ведь это один из храмов в Тотьме, городе, который был с нами так холоден и неприветлив.

65. Даже необыкновенные своей токарной резьбой наличники окон не могли утешить нас в серой пелене сплошного дождя.

66. Ну, зачем же наговаривать на себя? Конечно, лил дождь, но ведь он не помешал нам увидеть Спасский монастырь

67. и порадоваться устремленным вверх пяти главам Богоявленского собора. Разве не ты удивлялся его обезглавленной колокольне, так напомнившей нам среднеазиатские башни? И вообще всему виду этой громады, как будто на пяти парусах стремящейся вперед сквозь взбаламученное море деревянных крыши?

68. Здесь мы столкнулись с тотминским типом храмов, перепевами московского барокко на суровый северный лад: вычурные крыши, тонкие барабаны с маленькими главками. Особый рисунок узора наличников.

69. Все это дало нам первое представление о северном зодчестве. Древняя Тотьма, происхождение которой теряется в истории, своими белыми храмами подготовила нас к восприятию Великого Устюга.

70. И снова в путь по Сухоне, навстречу нашей главной цели: единственному древнему городу, существующему в стране, сохранившему официальный титул "Великого".

71. Дмитрий Сухарев:

Обняв бревно, по Сухоне плыву,
Река несет хватисто и бодро.
И за спиной уже далече Вологда.
И белый Устюг брезжит сквозь листву.

72. Плывут со мною выпасы, луга,
Леса серебряно-зеленой плесенью,
И вдох просторнее, и воздух песенней,
И воля, словно в детстве, дорога.

73. По Сухоне пленительной плыву
И охаю, округой околдованный.
И, ласковыми волнами окованный,
Я окунаюсь в милую молву:

"Ступай-ка диковинкою тропую,

Дорогу-то размыла водополица.
Да скинь обувку, мурава не колется,
Не бойся, дитяtko, иди за мной".

74. Облитый синевою золотой,
Плыву с сосною срубленной об руку,
И церковь, вырезанная из облаков,
Кивает мне с обрыва головой:
"Был этот град и гулок и велик,
А ныне только имя града помнится,
Дороги поразмыла водополица,
Лишь диковинку уберег язык".

75. С бревном в обнимку к бревнам-топлякам
На дно реки нахмурившейся кану,
Иль над обрывом зелено восстану,
Как мачтовая конда - тверд и прям?
Не знаю. Но покуда я живу,
Покуда в глуби черные не рухнул,
Я слушаю заботливую Сухону,
Закрыв глаза, по Сухоне плыву.

76. "За темными дремучими лесами на величавом просторе красавицы Сухоны стоит город храмов - Устюг Великий. Бесконечно длинной красочной каймой тянутся вдоль набережной Устюга его храмы. Издали они сливаются в одну прихотливо узорчатую ленту, закрывающую собой остальные строения. И от этого невольно кажется, что это какой-то особый, таинственный, сказочный, священный город".

78. Эти давно забытые слова сказаны в 1919 году. Неудобные дороги еще долго не позволят Устюгу стать туристским центром, как, например, Суздалю, хотя он очень интересен.

79. Как и в Суздале, современность обошла Устюг и оставила нетронутым. Великий Устюг полностью сохранил устроенность торгово-промышленного города XVII-го века. Торговые ряды, двухэтажные дома-лавки, однотипные церкви.

80. Белые устюжские храмы! Город к ним хорошо относится, бережет. Но сил у него на реставрацию не хватает, только на побелку.

81. Конечно, город очень симпатичен. Неяркой краской домов, чистыми дорожками. И хоть тут много деревянных домов, а также немощеных улиц, это - не деревня.

82. Помнишь, как, попав сюда из Тотьмы, мы наслаждались воздухом северной столицы?

83. Мы любовались видом старинных особняков, каменных купеческих усадеб и нарядных домов.

84. А на главных улицах с их частыми автобусами и толпой людей в вечерние часы мы вообще забыли о захолустье. И у меня зародилось сравнение: "Это маленький северный Ленинград, только он сохранил свой облик с тех времен неприкосновенным".

85-90.

91. В Великом Устюге не запоминаются отдельные храмы, потому что они очень схожи друг с другом, ибо выстроены, в основном, в один и тот же XVII-ый век, когда город пережил бурный расцвет, после которого замер.

92. Город известен с XII-го века, но стоял он раньше в четырех километрах от нынешнего Устюга, на горе Гледень, при слиянии вод Сухоны и Юга. Сейчас здесь только старейший Гledenский монастырь, а раньше стоял торговый город.

93. Гербом этого города был старец, сливающий из кувшинов воды Сухоны и Юга - в Двину.

94. Этими реками шли в Устюг с трех сторон караваны купцов и землепроходцев. По Двине поднимались немецкие купцы, по Вычегде возвращались охотники за "рыбьим зубом", а по Югу шли русские люди на завоевание и покорение Сибири.

95. А по Сухоне Устюг держал связь со всей Россией. Эта река позволила ему стать главным внешним портом и перекрестком России. Но эта же река бывала и жестокой мачехой для города. Почти каждую весну в бурный разлив

Сухона ломала берега. Она сносила причалы и целые улицы. И потому устюжане вынуждены были уйти с Гледень-горы вверх по Сухоне.

96. Михайло-Архангельский монастырь на новом месте встал позже Гледенского, переняв его роль центра города.

97-98. Монастырская надвратная церковь особенно впечатляет грандиозностью своих проездных арок.

99. Но особенно красив центральный комплекс храмов, что выходит на набережную Сухоны. Можно влюбиться в этого северного собрата Ивана Великого и перенести эту приязнь на весь Устюг.

100. Прокофьевский собор, до недавнего времени - единственный действующий собор города. Прокофий - главный устюжский святой. Сейчас же здесь устроен музей-планетарий.

101. Но упорные старушки продолжают ходить туда, по билетам, за пятак, молятся на иконы и фрески, входя в грех споров с гуляющими здесь же атеистами. И почему-то атеисты смущаются, как будто стесняются своей победы, как будто кто-то поселил их против воли в дом, из которого еще не ушли старые хозяева.

102. Вера еще не умерла, не умерли люди, для которых этот храм составлял основу жизни.

102а. Лучший храм Устюга - Вознесенская церковь, знаменитая своим пышным декором и живописным беспорядком композиции. Построена она в 1648 году, т.е.

103. опять в тот самый век, что и большая часть города.

104. Но почему только в XVII-ый век? Однако вспомним, что в это время была открыта и завоевана огромная часть света - Сибирь.

105. Завоевание Сибири - вот что породило Великий Устюг, дало ему богатство на постройку храмов и домов, позволило вырастить отважных землепроходцев и снарядить их в далекие экспедиции.

106. Устюжанин Хабаров открыл Приамурье, Атласов - Камчатку, а Семен Дежнев впервые проплыл между суровыми берегами Чукотки и Аляски.

107. По голубым дорогам родных рек они уходили далеко на Восток в погоне за даровыми богатствами - драгоценным мехом сибирских зверей и моржовым клыком северных морей. Они основывали остроги и городки, составляли карты и присоединяли новые земли, собирали для царя ясак, корчевали землю под пашни и устраивали "заводы". А силы для этого давал Великий Устюг. Он вырос на сибирские деньги, и его храмы - это фактически памятники, оставленные после себя русскими землепроходцами, открывателями и смельчаками.

107а. Но как только Россия нашла другой, более удобный путь в Сибирь через Средний и Южный Урал, а на Запад - через Петербург, значение Устюга резко падает. И он как бы засыпает. Но свою роль он выполнил. Сибирь была завоевана его сынами.

108. История приписала все заслуги открытия Сибири государевым служилым людям. Официальная история забудет, что экспедиция вокруг Чукотки была организована и возглавлена устюжским приказчиком Алексеем Поповым, но сборщика царского ясака - Семена Дежнева - она не забывает.

109. Да что там говорить, даже самый первый поход на Урал отряда Ермака был снаряжен купцами Строгановыми, имевшими свою резиденцию в Сольвычегодске.

100. Этот город стоит на реке Вычегде, в ста километрах от Великого Устюга, и сюда легко добраться пароходом.

111. К сожалению, наша сольвычегодская пленка не удалась, и об истинном облике города мы можем лишь вспоминать, а вам остается догадываться.

112. Сольвычегодск - небольшой городок, он даже не районный центр. Когда-то он звался Звенигородом, наверное, от первопоселенцев с украинского Юга. Но потом, когда поблизости началась добыча соли, он стал называться Солью

Вычегодской. До сих пор из этой деревянной башни вытекает соляная река, составляющая славу нынешнего города-курорта.

113. Сольвычегодск сегодня - тихий и сонный городок с водами и грязями, с тополями и прогулочными дорожками.

114. Но когда-то это была резиденция купцов Строгановых, властно наложивших свою лапу на земли Пред-и Зауралья. Сами Строгановы вышли из народа, но вышли так цепко и напористо, что очень скоро от их демократической предприимчивости не осталось и следа. Не стало купцов Строгановых, но остались лишь изнеженные графы Строгановы. Сгорели в Усолье огромные деревянные хоромы Строгановых, остались лишь три каменных храма.

115. Из храмов вот этот - Спас-обыденный, не очень интересен, зато два других удивительны в этой глуши и заслуживают того, чтобы ради них приезжали издалека.

116. Благовещенский собор, построенный в годы расцвета, в годы экспедиций Ермака, был семейным храмом Строгановых. До сих пор стоит их склеп во дворе собора. Величественный и одновременно простой снаружи,

117. внутри он как бы берет реванш - настолько красочно и богато украшен он и расписан.

118. Места пустого не осталось.

119. Сам собор стоит на высоком берегу Вычегды и хранит в себе не только фрески Арефьева и Савина, не только золото икон и роскошь строгановских вышивок, но и страшную память о каменных мешках-тюрьмах, о тяжелой руке колонизаторов Сибири, о жестокости, которой сопровождается любое начинание, любое строительство в истории. Собор стоит на костях погибших, и отражает не только синь Вычегды, сколько траур по тем погибшим давно людям. Как будто он говорит: а вы хотели бы, чтобы красивое было без крови?...

120. Другой строгановский собор - собор бывшего Воскресенского монастыря.

121-122. Буйство резных деталей вместе с многоцветьем изразцов - как вакхическая песня богатству и роскоши.

123-124. В этом соборе мы были на воскресной службе. Прихожан немного осталось в маленьком городе, но почему-то эта маленькая группка людей, собравшихся в небольшом боковом приделе огромного храма, вызвала у нас чувство грусти по уходящему в прошлое времени, погружающемуся в темноту вымирания.

125. Мы покидали Сольвычегодск, покидали Вологодчину, нашу северную родину. Прежде мы ее совершенно не знали, а теперь вот увидели из края в край, от Кириллова до Сольвычегодска.

126. И стали нам понятны слова старой летописи: "О светло-светлая, украсно-украшенная Земля Русская. И многими красотами удивлена еси, озерами многими удивлена еси, реками, кладезями,

127. горами крутыми, холмами высокими, дубравами чистыми, полями дивными, города великими, селы дивными...".

128. Конечно, окно теплохода - это очень мало, неделя пути - очень быстро. Но дай нам время, и мы вернемся к тебе,

129.земля Северная.

3. Встреча с псковско-новгородской землёй, 1967 год

Окончание Путевого дневника-67

После путешествия по Северу у нас осталась неделя свободного времени, и мы не хотели ее терять, хотя были уже перегружены впечатлениями. Эта неделя позволила осуществить еще один "вояж" - в северо-западные русские земли, во владения Новгорода и Пскова. Иметь время и не осуществить давней мечты Лили мы не могли...

15 июля. В 6 часов утра прибыли в Волхов (станция до сих пор называется Волховстроем). Здесь уже давно растут на противоположных берегах Волхова два разных города (в книжном магазине в Волховстрой II поэтические сборники сразу разбираются, а в Волховстрой I лежат). Один город - старый, другой - более молодой, промышленный, деятельный.

Из Волхова 12 км автобусом до Старой Ладogi. Первая увиденная нами древняя крепость сильно встряхнула нас и как-то морально подготовила к Новгороду. Да к тому же Ст.Ладoga много древнее Новгорода, и до сих пор считают, что именно отсюда шли первые поселенцы Нового города - Новгорода.

Еще при подъезде открывается панорама Ст.Ладogi: ее крепость, два монастыря по краям, дальние церкви и курганы.

Первый - Никольский монастырь - красивая, особенно издали, группа. Все здания как бы собраны вокруг высокой каменной шатровой колокольни. Чуть ниже - Никольский собор и поздняя церковь, еще ниже - остроконечные башни огады.

Сама же крепость на берегах Волхова и Ладожки сильно разрушена и как бы заросла землей. И это впечатляет не меньше реставрированной башни. Мы обходили и облазили все, что было можно. Трепало ее много - какие только осады

не выдерживала! Восстановлена Воротовая башня - целый многоэтажный дом. Покрыта шатром вместе со сторожевой вышкой.

Крепость невелика. Внутри нее только две постройки - каменная ц. Георгия и деревянная ц. Дмитрия Солунского. Церковь Георгия стоит с 12-го века. После Переяславля это вторая в моей жизни церковь 12-го века. И уж смотрела я на нее во все глаза и во всех ракурсах.

И было радостно и тепло на нее смотреть. Как лепили ее, как старались, все ладони, наверное, истерли, но сделать ровной стенку, под линейку, не могли. Куб, покрытый по законам, единственная глава в старинном шлеме, 4 пилястры. Рисунок внутренних арок напоминает три лопасти. Барабан украшен бровками, в круглых маленьких окнах - слюда. Простой четырехугольный крест. Три апсиды в рост церкви. Все очень просто, по-древнему примитивно.

Ц.Дмитрия Солунского - клетского типа с нарядным крыльцом с бочкой. Необычный здесь лемех елочкой.

На крепость с белоснежным на солнце Георгием хорошо смотреть с другого берега Волхова и представлять себе, какой могучей неприступной заступницей была она для наших предков.

Мы увидели еще много русских крепостей - Новгород, Псков, Порхов, Изборск и Печоры. В Новгороде и Пскове они служат современными центрами города, стоят в окружении новых домов и автомобильного движения. То же самое можно сказать и о Печорах - ныне действующем монастыре. Порхов же, и особенно Изборск, как и Ст.Ладога, остались наполовину разрушенными и особенно удобны для мечтательного разглядывания следов жестоких битв и разрушительного времени. Реставраторы не стремятся восстанавливать все стены полностью, они ограничиваются лишь самыми характерными и выдающимися башнями и участками крепости, оставляя прочее в его романтически заброшенном и заросшем виде: "древностью веет от всех этих развалин" - слышит каждый турист свой "поэтический

внутренний голос" при взгляде на эти стены. По-моему, реставраторы правильно делают. Сейчас у крепости очень интересный вид - легко видно: и что было, и что осталось.

Конечно, больше всего впечатляет Изборск - железный город, вечный страж русских земель на бурных западных границах. При подъезде со стороны он кажется очень небольшим и невысоким, но при подходе поближе оказывается грозным укреплением на берегу глубокой долины небольшой реки. Стены как будто стоят над пропастью. Легко найти место для крепости в горах, но найти непрístupную "гору" на русской равнине - большое искусство.

В Ст.Ладоге есть женский Успенский монастырь. Успенская церковь в нем - точная копия ц.Георгия, только окна побольше. Много неплохих поздних построек. На горке за монастырем стоит пятиглавая ц.Иоанна Предтечи (17 в.), а на другом берегу Волхова - еще две.

Этот день в Старой Ладоге, начавшийся нудным дождиком, загорелся потом ярко-ярко. Запомнятся и волховские просторы, и курганы славянские по берегам, и русский перевозчик - "первый парень на деревне".

В Волхове приятно посидели в читальне до поезда. Сперва добрались местным - до Чудова, а потом - ленинградским до Новгорода.

Когда Витя выяснял у новгородцев, где можно поставить палатку, нас окликнули: "Вам негде ночевать? Поедмте к нам". Конечно, поехали. Галя и Леша были очень гостеприимными. Сон на белой простыне. Они очень гордятся Новгородом и никуда не хотят уезжать отсюда (их приглашали в Ленинград), там вся родня. Подарили изображение Новгорода. Как все же неожиданно попадаются славные люди!

Два дня мы были в Новгороде. И до сих пор полны им. Псков, большой и шумный, после Новгорода раздражал. Новгород же остался по размерам тем же, что и в средние века - великим городом, но вполне обходимым пешком. Вся большая промышленность строится в стороне, за пределами

самого города. Разрушенный в войну почти полностью, он сейчас действительно весь новый, кроме детинца и старинных храмов и монастырей. Сохранение древних зданий - здесь ощущается как основная гордость. Это видно, начиная с вокзала, эффектно выстроенного в старославянском ключе. А потом и остальное. Город во многом живет для туристов, вернее, перед их критическим взором чувствует необходимость подтянуться, почистится и поправиться. Под туристами здесь принимают в основном интуристов. Еще бы - самый древний город России

Новгород нас полонил. Город с иголки, разумно застраивается, чтобы памятники были хорошо видны. Начали с Кремля, со старушки Софии. Она - символ Новгорода. "Где София, ту и Новгород". Издалека, за городом видна ее основная золотая глава, ориентируя на центр города. Нечаянно наткнулись на экскурсовода, который образно рассказывал о ней, ему хотелось объяснить, что София - святыня новгородская. София шестиглавая. На среднем позолоченном куполе, на кресте, сидит «голубь-дух святой». Предание гласит, что пока голубь сидит там, Новгород жив будет. Другая легенда говорит, что пока Христос, изображенный на софийском куполе (внутри) пальцы не разжал, до тех пор в них крепко будет держаться свобода Новгорода.

Здание сложное, многопролетное. Много закомар. Наверное, просто не умели строить большие здания единым объемом. Ведь вон какой громадный собор в Вологде, а единым кубом выстроен.

Последняя походная неделя получилась не совсем удачной. Новгородский подъем в Пскове сменился взаимной раздражительностью и глубокой усталостью. На два дня раньше срока приехали мы в Москву, через неделю уже вполне оправились, но дневник Лиля так и не дописала. Да это и не нужно: ведь у нас еще есть одна форма сохранения накопленных в отпуске богатств: звуковые диафильмы, и то, что не вошло в дневник, войдет в диафильм.

Осознание истоков нашей истории и культуры через увиденную старину

Для судеб России играли громадную роль географическая близость и непосредственный пример Западной Европы. Но, как ни странно, определяющее влияние Запада на Россию не всегда было благотворным. Иногда оно приводило даже к укреплению в ней азиатского деспотизма. Как яхта зачастую использует силу ветра, чтобы идти против ветра, так и Россия могла использовать силу западных достижений для укрепления своего самодержавного строя и для военного натиска на сам Запад. Но разве ничего, кроме самодержавия не знала наша страна?!

Существование древних торговых республик Новгорода и Пскова выявляло изначальные демократические традиции в русском народе, т.е. позволяло отвергать его врождённую приверженность к азиатскому деспотизму. Сейчас мне кажется даже смешной вся эта теория о врожденной склонности любого народа к деспотизму или свободе - такие черты национального характера формируются в ходе истории, а не биологической эволюции. Но тогда, в 1967 году, было боязно: а вдруг и правда, мы - прирожденные рабы?

Страх за будущее и любопытство к новгородскому вольному прошлому были столь велики, что даже в сверхнасыщенное северное лето 1967 года мы все же решились поехать в Новгород и Псков, а, сверх того, побывали в Старой Ладогe, Изборске, Печорах, Порхове.

Последующая работа над источниками в библиотеке позволила свести сохранённые фотоплёнками виды крепостей и храмов в диафильм. Он получился большим (почти как «Московские церкви»), но не имел единой хронологической линии, потому что рассказывал о многих городах и затрагивал много тем. Смотреть его было трудно, почти невозможно. К тому же мои историко-философские размышления с трудом

сочетались с Лилиным разбором архитектурных особенностей новгород-псковских храмов.

Тогда мы разделились. Не мудрствуя лукаво, я просто переписал отдельно свои, в основном, куски, назвав их "Новгородские начала", Лилины куски в новом оформлении получили название "Новгород-псковская старина", а оставшиеся куски про Псков, Изборск и Печоры образовали "Псковские крепости". И хотя каждый из нас ценил прежде всего свое собственное детище, зрители охотнее всего смотрели третий, совместный диафильм. Все-таки вместе у нас получается лучше.

По сложившейся традиции, вначале показывали туристский, архитектурный фильм. Лилина придумка – рассматривание города в донные сохранившихся зданиях заморскими гостями времен Садко, должна была ввести зрителя прямо в атмосферу старого города. К сожалению, это очень трудный прием, требующий и времени для вживания в образ тех "заморских гостей", четкого отделения от современных деталей, даже незаурядного актерского мастерства, и в диафильме он остался лишь приемом. А может, "переносу в старые времена" помешала обнаженная пристрастность Лили, навязывание своих вкусов и мнений, что вызывало у зрителей естественную реакцию отталкивания. Этот недостаток – чрезмерная любовь и пристрастность описания – потом повторялась во многих наших фильмах, и мы до сих пор не знаем, как от него избавиться. Но многое зависит и от зрителя – если он имеет собственные твердые оценки, то искренность Лили, неподдельность ее любви трогает и располагает к оценке: "Хороший диафильм".

Гораздо труднее зрителю диафильма "Новгородские начала" – обилие исторических сведений и рассуждений его подавляет. Но у меня есть оправдание: вместить такую громадную тему в 40 минут текста очень трудно. Жертвовать же даже частностями догадок, нащупанных в ходе создания этого текста – не хотелось. Меня волновала лишь смысловая сторона, а доходчивость и форма диафильма казались не

важным, чуть ли не третьестепенным делом. Диафильм похож на лекцию? - Пусть будет лекция! Важно выразить содержание. Может, потом, когда суть его прояснится, появится и новая, лучшая форма. А сейчас я сознаю, что читать сценарий этого диафильма даже легче и удобнее, чем смотреть его.

В диафильме я выступаю ярким западником - доказываю не только определяющее западное влияние на нас, но что мы искони и были Западом - еще с варягов. Конечно, принадлежность Новгорода к семье европейских торговых городов-республик трудно отрицать. Со времени основания он был западными воротами в "страну славян", а в конце своего самостоятельного существования даже формально входил в торговый союз северо-европейской Ганзы. Конечно, республиканские порядки в Новгороде были очень далеки от совершенства, народ еще не выстрадал понимание значения своей свободы и необходимости ее охранения через представительные учреждения и твердые законы. В новгородском вече было гораздо больше анархического, чем парламентарного элемента. И все же эта республика жила и внутренне эволюционировала в сторону укрепления - в этом я уверен и не изменил своего мнения до сих пор.

Утверждение изначальности, еще от родового первобытия, русской демократии, неизбежно сопровождается вопросом: почему же она тогда погибла в России? Это - центральный вопрос диафильма. Его даже можно было бы назвать - "падение Новгорода".

Первой и главной причиной падения выдвигается военно-географический фактор - сильное внешнее давление на демократическое государство, которое и приводит или к его гибели, или к военно-деспотическому перерождению.

В большинстве древнерусских городов существовало вначале сильное вече, но довольно быстро его права были ограничены, а потом и уничтожены диктатурой князей. И только в Новгороде и в его братьях - Ст.Ладогe и Пскове, некоторое время верх одерживало именно вечевое правление.

Диафильм предлагает простое объяснение: там, где не было сильного внешнего давления степи и необходимости обороны, там вооруженная сила и политическая роль князей была небольшой, соразмерной с силой самих горожан, их необученного ополчения - там изначальные демократические традиции могли сохраняться и развиваться в сторону парламентской республики.

Пока военное давление с Востока на Русь было слабым, ограничиваясь лишь половецкой Степью, в раздробленных русских землях, в их стольных городах действовали и властные вече наряду с княжеской властью. Положение кардинально изменилось с появлением татар, с вхождением русских земель в состав гигантской монголо-китайской империи. Опираясь на угрозу татарского полона и разорения, князья захватывали власть у вече, а потом и земли соседних князей. Началась централизация России под властью татарского ставленника - московского князя, а вместе с тем окончательное упразднение вечевой демократии, упрочения царских, восточных порядков - копии пышного ханского двора на православной и византийской основе.

Новгород же географически был всегда отдален от восточной угрозы и походил в этом смысле на островную Англию. Только окружен он был не морем, а непролазными, кроме рек, лесными дебрями и болотами - недаром он один избежал Батыева погрома. Однако существовала еще и угроза с Запада и именно она сыграла роковую роль в повороте Новгорода в русло общерусского деспотизма. Именно угроза нападения шведов и немцев-крестоносцев заставила Новгород призвать к себе на княжение диктаторски настроенного Александра Невского, подчинившего незавоенный татарами город этим самым татарам и тем заложившего основу для подчинения его в будущем московскому деспотизму.

Рассказ об Александре Невском - кульминация диафильма и вызывает наибольший интерес у зрителей. Он обусловлен еще и непредумышленным моим спором с Лилей об оценке роли этого величайшего древнерусского полководца

и деятеля. В 1965 году, когда мы приехали на родину Александра Невского в Переславль-Залесский, у меня тоже господствовало только светлое представление о роли этого благородного героя, воспитанное фильмом Эйзенштейна и книгами Югова. Однако знакомство с иными историческими источниками, особенно о восточной политике Александра, неожиданно превратило его огромное обаяние в столь же большие минусы, ибо в решающий, поворотный момент русской истории он употребил все свое влияние на исполнение доброго в тактическом и злого в главном смысле дела - на успокоение России под властью татарских ханов. И тогда, и сейчас очень многие не соглашаются с этим выводом диафильма, утверждая, что решение Александра было единственно правильным решением, как с точки зрения мира для разоренной страны, так и в смысле защиты от крестоносцев. Обычно я уклонялся от споров, заявляя, что все зависит от точки зрения, что, кроме моей западнической и либеральной точки зрения, возможен и иной взгляд, по которому именно восточная политика Александра и закладка им русского самодержавия - наибольшая историческая заслуга.

Конечно, на отрыв России от Запада и самовключение в Азию повлиял не только Невский. Может, еще большую роль сыграл киевский великий князь Владимир Красно Солнышко, выбравший восточную ветвь христианства и византийскую культуру. Хотя и его решение, несомненно, не было простым человеческим произволом. Может, действительно, решающим был географический фактор, но, если люди и их решения все же влияют на ход истории, а я в этом непреложно уверен, то историческая роль Александра Невского - одного из самых благородных людей древней Руси и православного святого - глубоко отрицательна. Недаром его так почитали русские цари и строили храмы его имени почти во всех завоеванных ими крупных городах.

Еще большую вину за конечную гибель вечевой демократии диафильм возлагает на самих новгородцев, на

недальновидный эгоизм и равнодушие его высших либеральных кругов (бояр или "старшей братии") и на уравнилельно-коммунистические притязания и безответственность новгородских низов ("молодых людей"). Виновными в гибели новгородской свободы оказались и тогдашние "либералы", и тогдашние "коммунисты".

Борьба партий, особенно таких непримиримых, в период несомненной военной угрозы от Москвы в 15-м веке вредила обороноспособности республики, тем более что партия "молодых людей", т.е. низов, держала сторону московского самодержца, в который раз демонстрируя внутреннюю связь и приязнь между коммунизмом и самодержавием.

Упрека заслуживала и сама разобщенность русских республик - ведь когда Иван III завоевывал Новгород - помогал ему в этом никто иной, как младший новгородский брат - Псков. В этой близорукости - извечная беда демократических режимов.

Гибель Новгорода вызывала у меня такое сильное чувство сожаления, что я не мог удержаться от сентиментальности и трагического надлома в голосе. Неспешное наступление Москвы на вечевые свободы Новгорода и Пскова казалось чудовищной неотвратимостью. И именно тогда, в работе над диафильмом, я сформулировал для себя отрицательное отношение и ко всем последующим завоеваниям Москвы, ко всей ее объединяющей и все централизующей роли. Сознательное отвращение к русской завоевательной политике, особенно в Европе, стало как бы одной из программных линий наших диафильмов, посвященных сегодняшним национальным окраинам страны.

В этом я тоже не нахожу для себя единомышленников. Конечно, отрицательное отношение к захватам-присоединениям чужих народов близко многим. Но отрицательное отношение к объединению русских земель вокруг Москвы - это уж слишком...

Главная историческая заслуга Москвы, "святое дело объединения", за которое исторические учебники прощают московским князьям всяческие мерзости, вдруг приобрело в моих глазах лишь отрицательную ценность, потому что стало понятно, что только раздробленность огромной Руси уберегала ее от азиатского деспотизма, охраняла свободу хозяйственного и культурного развития. Так же, как раздробленность Европы на развалинах Римской империи сохранила ее свободы и помогла рождению современной цивилизации. И какая историческая несправедливость! - Переселение народов в Европу помогло раздроблению Римской империи, а позднейшее татарское нашествие породило деспотическую централизацию России. Я уверен, что, не будь Золотой Орды, на месте нынешней гигантской империи в Восточной Европе была бы (могла быть) причудливая чересполосица различных государств с богатейшей историей и культурой - наследницей европейских средневековых традиций, на русско-византийской почве! Даже если бы объединение произошло позднее, оно могло бы иметь совсем иную основу, например, литовскую, или сохранило бы развитые вечевые парламенты, как в Англии или Франции... Да, были у Руси иные альтернативы.

Третий диафильм "Псковские крепости" - туристский по своему внешнему характеру, но есть в нем и важный идейный момент, а именно - начало обсуждения взаимоотношений Запада и России. Ведь сам характер заснятых памятников - антизападных крепостей - вызывал необходимость такого обсуждения.

Поскольку в то время я был почти чистым западником, то борьба русских против "прогрессивного" Запада должна бы мною осуждаться как "реакционная" или "ошибочная". Однако диафильм избежал этой примитивной логики, даже, напротив, был сформулирован почти "патриотический" тезис: псковские крепости стояли на западной границе и именно от Запада охраняли и должны были охранять русские земли, вне зависимости от того, какие порядки царят в самих этих

землях. Изборск хорошо делал свое дело защиты, и его нельзя осуждать, им можно лишь гордиться.

Наверное, тогда это было лишь нелогичностью в моих убеждениях, на которую я был вынужден пойти, чтобы не осуждать последующих оборонительных войн с Западом - 1612, 1812, 1941 годов. Но думаю, что инстинкт меня не обманывал. Сейчас это отрицательное отношение к западным притязаниям получило более прочное обоснование.

От этого диафильма прямая дорога ведет по другую сторону старой русской границы - к нашим прибалтийским диафильмам 1969 года, в которых русская тема также звучит едва ли не в качестве основной. Именно здесь концентрировались главные усилия русской империи по западным захватам - от Нарвы Иваном Грозным до Кенигсберга в последнюю войну. Но это уже тема следующего раздела.

Сценарий диафильма «Новгород-псковская старина»

1. Вы еще не бывали в Новгороде? Не откладывайте надолго эту встречу, прочтите одну-другую книгу про его историю, обзаведитесь путеводителем и при первой же возможности отправляйтесь по новгородским ароматно-древним улицам на встречу с молчаливыми храмами. Немножко воображения, и пойдут рядом с вами другие гости города, ну, скажем, волжские купцы, а с ними вдруг и сам Садко с гусельками яровчатыми. Поет Садко - славит Господин Великий Новгород. И Вы - счастливый человек, Вам удалось сбежать на 6 веков назад. Сперва Вы, конечно, пойдете на поклон к Софии.

2. Построен храм по велению Ярослава Мудрого, правнука Рюрика. Строили его русские мастера по византийским образцам. София - это душа Новгорода, символ

его независимости. Недаром же в прежние времена говаривали: "Где София, ту и Новгород".

3. На кресте центрального купола сидит голубь - символ третьего лица Бога - Святого Духа. Извечно считали новгородцы, что покуда сидит на кресте голубь - будет жива новгородская земля и их вольность. У Софии позолочен центральный купол, и с любой точки города и далеко за городом взгляд невольно соскакивает на него, принося мысли о вечности. Еще бы! Ведь ей идет 92-ой десяток. Если считать, что поколение меняется через 20 лет, то ей поклонялось 45 поколений наших предков. Просто невероятно, из какой глубины донеслись до нас голоса предков! И как же можно остаться глухим и не постараться их понять?!

4. Он весь тугая соразмерность, /Соотношение высот, Асимметрия, тяжесть, верность, /И сводов медленный полет.

5. Собор грандиозен. Он расчленен внутри и снаружи на пять продольных нефов. Он сложен из грубо отесанных камней и раньше, когда не было штукатурки, излучал, наверное, силу несметную. А сейчас он как будто переполнен мудростью, что светит с его глав.

6. В Софии совсем мало сохранилось древних фресок. Святая Елена и ее сын Константин. Черты лиц по-античному крупные. На щеках - румянец, глаза - оживленные. Краски легкие и как бы прозрачные.

7-8. Западный портал Софии обременен тяжелым драгоценным украшением - Сигтунскими воротами, которые новгородцы привезли из удачного похода в шведскую землю.

9. А потом пойдут купцы на Торжище, где бьется жизнь во всем многоцветие, увлекает и завораживает любого. Здесь и наши купцы покажут свои диковинные товары, но это завтра, а сегодня они - гости города.

10. Раскрывай, город, свои богатства! На торговой площади стоит церковь Иоанна на Опоках. При церкви было крупное купеческое объединение. Здесь в специальном ларе хранились образцы мер и весов: безмены, гривенка рублевая, локоть ивановский.

11. Торговля была одним из главных источников новгородских богатств. Сам город возник на торговом пути "из варяг в греки", а потом дотошные купцы нашли много дорог и на Волгу, и на Север.

11а. Прошло время, появились сухопутные дороги, крепкой связью завязался Новгород с Западом.

12. Богатые заморские купцы были здесь желанными гостями. Они имели в городе дворы, склады и даже церкви. Церковь Параскевы Пятницы построена заморскими купцами.

13. Святая Параскева - покровительница торговли и базаров, поэтому ее особенно почитали в торговой республике Великом Новгороде. Она же покровительница влюбленных, устроительница свадеб. Параскева не терпит, чтобы работали по пятницам. Славная о ней сохранилась легенда. Город, где покоились мощи этой великомученицы, был осажден сарацинами. Христос прислал к ней двоих ангелов, чтобы увести ее, но святая решила погибнуть вместе с городом, если Христос его не защитит. Христос не осилил сарацинского царя,

13а. и когда последний захотел увести с собой мощи, то святая еще раз оказалась непреклонной - тридцать коней не смогли стронуть с места ее гробницу. "Что же, пусть город даст мне столько золота, сколько весит святая" - решил царь. Не сплеховала святая - навесила всего 15 монет.

14. Вид у церкви необычный, не новгородский, считают, что она родом из Смоленска. С трех сторон к зданию примкнули три притвора, крытые лемеховыми цилиндрами, а с восточной стороны прямоугольные абсиды. Так получился крест в плане. Нарядной церковь делают ступенчатые лопатки, перспективные

14а. арки и розовый цвет извести с толченым кирпичом.

15. Ну, а пока мы вспоминали Параскеву, купцы ушли с торговой площади. Как бы чего не упустить, догоним их, вон они стоят в конце улицы у церкви Федора Стратилата. Довольная улыбка на их лицах. До чего ж хорошо человеку

глядеть на такую церковь. Нисколько она не подавляет, не сеет страх. Она как ровня тебе, и все-то в ней понятно. Единым кубом-крепьшем выросла она из земли. Ребенком-пузырем с востока прижалась абсида. И завершается куб такой славной плавной линией, той трехлопастной аркой - от которой вся красота. И эта красота елеем мажет мне сердце.

16. Я не стану утверждать, что она единственная, что церкви других типов что-то не то, как говорила запальчиво еще недавно, признавая красоту и одухотворенность лишь в таких церквях, как Успенский собор в Кремле или Смоленский в Новодевичьем. Мои "принципы" были от незнания. Первая же церковь в Москве, построенная по Новгородскому типу, несказанно пришлась мне по душе.

17. Нет в моем арсенале еще слов, которые верно и полностью выразили бы радость при виде таких церквей.

Совсем бывает хорошо, если на барабан одет шлем, но и у таких глав своя прелесть - она прибавляет церкви стройности.

Новгородские мастера любили бросить на стенку простой, но милый узор. Посмотрите, как в церкви Иоанна Богослова друг за дружкой поднимаются вверх арки и арочки - круглые над входом, пятилопастные над группой окон и нишек, круглая над нишей, острая над верхним окном, и над ними главные арки фасада.

18. Искусницей-нарядницей стоит церковь Петра и Павла, ей мало трехъярусного фриза на барабане и крестов. Что ни фасад, то разный. Тут и ромашки кирпичные, и нишки всяких форм, и группа из трех окон и двух нишек с пятилопастной бровкой над ней.

19. И еще ее покрытие не из жести, как обычно, а из лемеха - осиновых дощечек, чем крыли испокон веков деревянные церкви.

20. Не все церкви сейчас имеют трехлопастное покрытие, нередко встречается так называемое восьмискатное. Но мы-то знаем, что это от лени подновителей, ведь подновлять сложную крышу куда трудней, чем возвести

вместо нее плоскую. Но даже в таком виде новгородские церкви остаются красивыми.

20а. Купцу, любующемуся богатым Новгородом, не приходил в голову вопрос, почему здесь и дома, и церкви, и люди так непохожи на встречающиеся в других русских городах. Нашему же любопытству мало насытить глаза, ему подавай ответы на "откуда?" и "почему?"

21. Ответ на вопрос - почему в Новгороде так много небольших церквей - прост. В городе было 5 концов-районов по интересам, чуть ли не автономных республик, потому что каждый конец владел большим клином земель, начинавшимся прямо от городской стены до границ новгородщины. Концу или улице не нужна была огромная церковь, не нужна была парадная многокупольность.

22. Не княжескую гордыню улаживать, а свой дух потешить строили уличане церковь. Были церкви как бы общественными клубами, где и священник-то был выборный, свой, где устраивались вече и братчины, хранились документы. Отсюда простота церкви - клуб одноглавый, отсюда красота не вычурная, внутренняя - красота силуэта и кирпичного рисунка.

23. А второй вопрос: сами ли Новгородцы такие церкви придумали или привезли из заморских стран - он посложней. Искусствоведы говорят, что в XII веке в Смоленске и Полоцке были церкви, покрытые по закомарам, с опущенными угловыми закомарами, такого же типа, как трехлопастное покрытие. Что же, истина дороже - не сами новгородцы придумали трехлопастную арку.

24. А украшения? В островерхих узких окнах, в двурядных аркатурных поясах видят специалисты влияние романской школы зодчества. И это примем. Пусть новгородцам останется немного: их бровки, хитрые кресты и ромашки. Надо ли огорчаться, что культуру нельзя разрезать на части, и каждый кусок будет самобытен? Зато именно в Новгороде прижились все эти формы и зданий церковных, и

их украшений. Новгородские строители вдохнули в них жизнь, а они прославили в веках их город.

25. Новгород - тот бесценный музей, где сохранились не только древние церкви, но и живопись. В Спасе Нередицы, Спасе на Ковалеве и Успенья в Болотове погибли в войну всемирно известные фрески. Спас Нередицы восстановили после войны, но фрески погибли безвозвратно, да и, по мнению старожилов, сама церковь теперь не та.

26. В уцелевших храмах фрески бережно охраняются. В церкви Федора Стратилата на Ручью фрески XIV в. в византийском стиле остались только под куполом. Благообразные старички со всех сторон смотрят на тебя в полумраке, как будто вопрошая - веруешь?

27. В 1374 г. на Ильиной улице была поставлена церковь Спаса-Преображения - самая нарядная постройка Новгорода. Надо ли говорить, как она мне нравится! И вот эта церковь была еще и расписана внутри

27а. Феофаном Греком. Его рука тверда, фигуры святых и ангелов налиты сильным духом, мятежные, динамичные. Никакого смирения - и это святые...

28. После гибели новгородской вольницы с конца XV - начала XVI в. строительство в городе переходит в руки московских купцов, переселенных Иваном III, и самого Ивана III. В Москве еще не выработался свой стиль, вкус у московских купцов был посредственный, так что их постройки не безупречны.

29. Церковь Жен-мироносиц выстроена в 1510 г. купцом Сырковым. Это церковь-склад. Из трех этажей два были складские. Деловой человек был купец Сырков. Да и Иван Грозный хранил здесь свои сокровища, когда Москве угрожали татары. У церкви интересное покрытие - вся крыша в лемехе, на торцах щипцов причелины, и на абсидах воротники, и глава лемеховая. Получилось какое-то наложение деревянного стиля на каменное. Осталось ощущение, что солидная дама оделась в девичьи наряды.

30. Тот же грех у трапезной церкви Духова монастыря. Она большая, украшена килевидными и пятиугольными впадинами. Ей бы под стать было одноглавие на спокойном покрытии. А тут эти мелкие щипцы, да еще и деревянные. И, что интересно, сама по себе группка из 5-ти глав и многочисленных щипцов неплохая, хотя и не выдерживает сравнения с классическими кокошниковыми покрытиями, каких было много в Москве в это время. Но кокошники всегда были к лицу только маленьким церквям.

31. Все более поздние церкви и вовсе потеряли местные черты. Еще одна церковь Федора Стратилата, но XVII века. Ее богатство - стройное пятиглавие и широкий изразцовый фриз на большом барабане.

32. Или вот эта Покровская церковь в Кремле. Такие храмы строились в Москве в изобилии в XVIII веке. Ничего-то новгородского в ней не осталось.

33-34. Купцам, с кем мы начали путешествие по городу, не довелось видеть поздних церквей. Они увезли с собой как символ вольного города воспоминание об его богатстве и простых понятных церквях. Пусть и у вас останутся в памяти такие храмы, храмы расцвета в городе - республике торговли, свободы и искусства.

35. А теперь наш путь в Псков-город, младший брат Новгорода. В нынешнем Пскове, большом промышленном городе, трудно уйти в старину. Псков всегда был, на удивление иностранцам, большим городом.

36. Но тогда из-за прясел стен густым лесом высились главы церквей, причем были они покрыты поливной керамикой. Вот блестели на солнце! Жгучей золота!

37. А сами стены, покрытые желтоватой обмазкой, прятались среди зелени.

38. Теперь они прячутся среди многоэтажных домов. Псковичи были на редкость экономными людьми. Именно скупость в затратах привела к удивительному богатству архитектурных форм.

39. Чтобы предельно удешевить постройки, пришлось изобрести бесстолпные храмы, а барабан ставить на ступенчато пересекающиеся арки, опирающиеся прямо на стену. И если в Пскове такие постройки были вызваны лишь

39а. практицизмом, то в Московской земле, где требовалась другая выразительность, они привели к ступенчатым закомарам и к чуду XVI в. - шатровым храмам.

40. Столь искусны были псковские мастера, что их охотно привечали в других землях. И там их постройки были целесообразны, но по желанию заказчика могли быть убраны в невиданные наряды.

41. А в родном городе их мастерство сказывалось в сложности композиции. У церквей обязательно были пристройки, приделы, галереи, погреба. Так наиболее дешевым способом увеличивалась площадь, и в то же время создавалась богатая композиция.

42. Церковь Василия на горке. В свое время она была покрыта по закомарам и считалась одной из лучших. Посмотрите, как к ней прицепились приделы, и вся группа вместе с абсидами как-то по-особому мила.

43. А у кончанской церкви Николы с Усохи малюсенький придел усложнил и украсил всю композицию. Сами церкви, как и новгородские, одноглавые кубы. Вот покрытие только у них всегда было пощипцовое. Практично.

44. Скат над скатом, стена над стеной - церковь Спаса нерукотворного в Запсковье. Псковские церкви были зачастую обнесены каменной изгородью с воротами, красивыми, прочными.

45. А за воротами крылечко. Солидно стоят псковские крылечки на толстенных ножках. Нас удивляла форма ножек, кстати, у звонниц тоже такие на ярусе звона - квадратное основание переходит в круг, а потом опять квадратное завершение. Предельно просто, а в целом храм очень выигрывает от существования крыльца.

46. Все Псковские церкви имеют не меньше 3-х абсид - средняя побольше, как бы постарше, а две меньших

пригрелись рядышком. Любимое украшение - валики по абсидам. И обязательные ряды из квадратных и треугольных впадинок.

47. На барабане рядов было много больше, чем в Новгороде. Вот как на церкви Варлаама Хутынского. Прямоугольные, треугольные нишки, потом глубокие полукруглые с бровками и два ряда изразцов.

48. А посмотрите, какое оригинальное сооружение - церковь Богородицы в Углу. Здесь две равноправные церкви Покрова и Рождества Богородицы. И на двух сильных плечах стоит маленькая звонница. Церковь стоит под защитой Покровской башни - боевой башни среднего города.

49. Псковские церкви сложены из местного известняка. Когда в центральной Руси научились обжигать кирпичи - все постройки стали делать из кирпича, хоть он и был поначалу дорог. Не так в Пскове. Уже умели обжигать кирпич, но построили лишь несколько церквей, и опять перешли на известняк - даровой материал.

50. Мы приехали сюда, уже много наслышанные о Псковских звонницах, придающих своеобразие городу. И правда, молва не преувеличивала. Звонница - слово-то какое звучащее. Мне так и представляется, как пропел колокол, небольшой, средний, пропел и звук затихает, и получилось слово "звон-ница".

51-52. Они очень разные и большие, четырехпролетные и маленькие, уютные, прямо звоннички.

53. Практичные псковичи даже поэтичную звонницу приземлили. Ее основание использовали как стенку для склада. У самой большой звонницы в Пскове построили самый большой склад.

54. Звонницы, если они небольшие, ставились на притворе. На притворе поднимались столбы яруса звона, а сверху крыша обычно деревянная, самой разной формы. Маленькие звонницы нам приятней.

55. Большие грузноваты и упрямо лезут в глаза, стараясь отвлечь на себя внимание, что должно принадлежать храму.

56. Интересно посмотреть, как звонницы превращались в колокольницы. Для устойчивости появлялись сзади столбы, ну, а шатром сам Бог велел крыть.

57-58. Потом столбы стали рядом по кругу, получилась та колокольня, какую строила вся Россия весь XVII век.

59. Оба древнейших псковских монастыря Мирожский и Снетогорский удивляют скромностью своих построек. По одному собору и одной церкви. Вроде ничего особенного - но сюда едут паломники ради знаменитых псковских фресок.

60. Это монастырь на Снетой горе, с которой хорошо виден ставший раскидистым и дымным гигант Псков. В монастырский собор нас не пустили, ссылаясь на аварийное состояние фресок, на которых, как мы читали, пророки, апостолы, святители как бы написаны с натуры с крестьян и ремесленников. Даже псковские священники, которых русский митрополит непрестанно и гневно обличал в обмирщении, и те косились на создателей вольных фресок.

61. Мирожский монастырь. За стенами этого самого старого на псковской земле монастыря учились зодчие и живописцы, писались летописи и переписывались такие книги, как "Слово о полку Игореве".

62. Несколько веков назад монастырь был единственным укрепленным пунктом незащищаемого Завеличья, и не счесть сколько раз отряды западных рыцарей нападали, осаждали и грабили его. И все же он выжил и сохранил свой древний Спасо-Преображенский собор, простоявший

63. 800 лет. Это здание было построено по византийским образцам, но при перестройках зодчие превратили собор в типичную псковскую церковь.

64. Старушка-смотритель открыла нам двери и впустила в средневековой фресковый рай.

65. В узкие окна барабана било солнце, и мы потом удивлялись, что пленка не смогла разглядеть стены, сплошь расписанные фигурами святых и сценами их святой жизни. В светящемся от солнца воздухе фигуры торжествовали и радовались своей победе над временем. Старушка сказала: "Вот фрески 12-го, а эти - 14-го века" - и мы в один голос: "Как? Не может быть!.. Ведь они синие, ведь они как новые..." - настолько стали привычны древние потемневшие росписи в краснокирпичном тоне.

66. Потом пришло понимание: конечно, этого не может быть, собор неоднократно горел, разрушался, перестраивался. Просто этот эффект - результат умелой реставрации.

67. В городе, как и везде, есть разновременные постройки. Церковь Иоанна Предтечи стоит на крутом берегу реки Великой с XII века. Она издавна служила усыпальницей княгинь. Это единственная церковь в Пскове, имеющая покрытие по закомарам.

68. В Кроме, псковском кремле, стоит Троицкий собор. Это такая же святыня для Пскова, как София для Новгорода. Но он не устоял перед временем. Его много раз перестраивали, последний раз в XVII в.

69. Здесь и закончим наш путь - приятный путь от Софийского собора к Троицкому.

Сценарий диафильма «Новгородские начала»

1-2. "Откуда есть пошла русская земля, и кто в Киеве нача первее княжить, и откуда русская земля стала есть?" Не напоминает ли Вам это вопросы человека, начинающего жить? Не слышите ли в них мудрую наивность ребенка, осмысливающего мир?: "Мама, откуда взялась земля, а я откуда?" - Да, конечно, это лепет огромного ребенка, имя которого - народившаяся русская нация.

3. Слова эти - первая фраза первой русской книги "Повести временных лет". "Так откуда же пошла русская земля? Летопись отвечает наивно и просто - "от варягов".

4. "В году 862-ом изгнали словене варягов за море и не дали им дани и начали сами собой владеть. И не было в них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать сами с собой и сказали сами себе "Поищем князя, который бы владел нами и судил по праву".

5. И пошли они за море, к варягам, к руси, и сказали руси - чужь, словене, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, а порядка на ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И собрались трое братьев своими родами и пришли к словенам".

6. Этот холм в Изборске - так и зовется - Труворово городище. Место отличное для крепости.

7. Здесь сейчас лишь церковка с милой псковской звонницей. А было шумное славянское поселение, куда и прибыл в 862-ом году рус Трувор.

8. Рядом с городищем - огромный загадочный крест и плиты с непонятными значками. Крест люди тоже зовут труворовым.

9. Историческая наука предпочитает не верить старой легенде о трех братьях. Еще бы - ведь нельзя всерьез принимать, что при зарождении русского государства пришлось обращаться к варягам для установления в ней

западных порядков. Но, может, Вас тоже не пугает западная версия наших летописных Баянов?

10. Итак, Рюрик пришел в Ладогу, Старую Ладогу! Вот она, первая резиденция первого русского князя! Широко раскинулась она теперь по берегу Волхова от Никольского монастыря до легендарного холма - могилы князя Олега, но не такой была Ладога тысячу лет назад.

11. А вот какой! Такой же маленькой, но с грозными стенами! Конечно, каменные стены были возведены попозже. В 1114 году Павел - посадник ладожский "заложил град камен Ладогу", а при Рюрике стены были деревянными. Крепость с трех сторон окружена водой Волховым и речкой Ладожкой.

12-13. Стены из известковых плит выдержали многочисленные осады, всегда оставаясь непреступными.

14-15. В центре крепости - собор св.Георгия. На него похож и другой собор Старой Ладоги, Успенский. Про них хочется говорить тепло и нежно - еще бы! На их боках как будто остались следы рук строителей. Так и видится, как мастер положит камень на камень, потом отпрянет, внимательно посмотрит: ровно ли, ладно ли, подвинет уголок, постучит, еще посмотрит: "Вот теперь ладно, вот теперь любо". И так камень за камнем, пока не решит, что хватит, что пора крыть крышу.

16. Да, маленькая Старая Ладога не была столицей окружающих ее славянских племен. Это было лишь гнездо князя, хищника. Вот и все.

17. Нация еще спала! И пройдет еще много лет, прежде чем она пробудится мыслью - вопросом летописца Нестора: "Откуда взялась Русская земля?" Для возникновения этого вопроса нужна была настоящая столица, центр экономики и культуры всей страны. Нужны были ремесленники и купцы, священники и монахи. Нужна была русская интеллигенция. И такая атмосфера столицы впервые появилась в Новгороде.

18. В глухих лесах, в Приладожье студеном,
Где древняя раскинулась земля,
Сиял он гордо золотом червленим,

Над Волховом встающего Кремля.
К нему сходились, словно сестры, реки
Сквозь темные болота и леса,
Товар заморский из варягов в греки
Несли в ладьях тугие паруса.
Как богатырь в урочище пустынном
Стоял он твердо, Родины оплот,
И этот город в песнях Господином
Великим Новгородом звал народ.
Над башнями, над белою Софией
В годину бед, сквозь вражьих стрел дожди
Здесь вечевое сердце всей России
Набатом пело в каменной груди.

19. Новгород! Его нельзя не полюбить, им нельзя не гордиться. Это трудно передать, это надо почувствовать, а почувствовать можно, только побывав в старейшей русской столице. Люди годами мечтают о встрече с "вечевым сердцем всей России", в своих белокаменных зданиях зримо и весомо сохранившего весь аромат далекой жизни и культуры, облик новгородского начала русской демократии. И люди приезжают и ходят по городу, боясь прикоснуться к древним стенам новгородских святынь, боясь разрушить идущие от них откровения.

20. Начинают все с Кремля. Центром города до сих пор является древний Детинец - Кремль. Детинец - от слова "дети" - дружинники новгородские. Отсюда уходили дружины в дальние походы, здесь хранились и военные трофеи, и новгородская казна, и запасы оружия.

21. Самая высокая башня детинца - Кокуй. Это странное название пошло от голландского слова "коке" - смотрит, когда она стала дозорной вышкой.

22-23. И сейчас любому предоставлена возможность взобраться на верхний этаж Кокуя и увидеть панораму города...

24. Великий город! Ты нам роднее многих, хоть мы видим тебя впервые. Родина русской свободы! Вечный образец того, как надо жить достойно.

25. Это ты, Новгород, впервые в России выдвинул формулу народа, отказывающего правителю в своем доверии: "Иди, князь, от нас. Будь ты сам по себе, а мы сами по себе".

26. Так покажи, Великий Город, как ты жил сам по своей воле. Помоги потомкам своим, запутавшимся в собственных желаниях и представлениях. Спустимся вниз, пройдемся по древним улицам. Здесь мало что осталось - лишь тридцать христианских храмов, да стены детинца сохранились от Господина Великого Новгорода!

27. И начнем мы, конечно, с церкви Власия. Она ближе всех расположена к Детинцу, и принадлежит к самому распространенному типу новгородских храмов 13-15 веков. Где, как ни при осмотре таких зданий, можно понять жизнь Вольного Города. Простой небольшой куб с традиционным в Новгороде трехлопастным покрытием как бы вжимается в землю, и лишь одну главу с крестом - этим извечным символом души русских верующих, возносит к высоким облакам. В ней все целесообразно, все необходимо - и узкие бойницы в барабане, и полукружья покрытий. А из украшений - здесь только строчка бегунца на барабане.

28. На других храмах этих строчек побольше, как на церкви Дмитрия Солунского. Но все равно - они никогда не поразят наше воображение пышностью, как белокаменная резьба владимирских храмов, или более позднее узорчье московских церквей.

29. Нет, новгородские храмы - иные, они выстроены для народа и по его вкусам. Украшения на них - как наличники и причелины на крестьянских домах - просто, доступно мужицкому инструменту, и в то же время по особенному нарядно, волнующе трогательно.

30. Красота этих зданий ненавязчива, не бросается резко в глаза. Кажется, что она сродни красоте самого русского человека, его душевной скромности. Того человека,

который всегда строил свой дом так, чтобы и себе, и людям было на него смотреть хорошо, а потом строил и общий дом - храм божий. Душа этих людей проста и свободна, и, несмотря на религию, была повернута к житейскому миру, освобождена от честолюбивых княжеских химер - и это великолепное сочетание самостоятельности и душевной щедрости, инициативы и любви к труду своему - породило прекраснейшую страницу каменной летописи нашей Родины - новгородские храмы.

31-32.

33. Нам с вами, задавленным привычкой к дисциплине промышленного труда, трудно, почти невозможно представить себе иную, свободную жизнь. Вместо четких представлений о будущем - у нас розовые мечтания, а вместо истинных знаний о прошлом - у нас лишь набор казенных штампов о черном средневековье в сравнении с радужным настоящим и будущим. Часто даже эти каменные свидетели не могут нам открыть глаза, расшевелить души. Да это и понятно.

34. Бродя по Новгороду, мы были пристрастны... На наших кадрах вы не увидите людей, что ходят сейчас около древних зданий. Не увидите, потому, что тогда они нам мешали. Казалось, что они спешат и равнодушны не только к прошлому, но и к своей собственной жизни и что они никогда не пожелают, даже в мыслях, представить себя жителями свободного города.

35. Граждане вольного города были ремесленники и купцы - люди свободного предпринимательства с полностью развязанной инициативой в своих рискованных странствиях. Эти люди были всегда наиболее подвижной и революционной частью общества. Они перевернули, в конце концов, феодальный строй, сперва на Западе, а потом и во всем мире на свой, революционный, буржуазный манер, и вытащили человечество из деспотизма княжеского засилья к бесконечному взлету технической цивилизации.

36. Многие могут рассказать новгородские храмы заинтересованному человеку. Расскажут они и о том, как постепенно изгнанные из Детинца князья строят крепости по границам города - мощные монастыри: Антониев и Юрьев.

37. Собор Антониева монастыря совершенно не похож на любой из кончанских храмов Новгорода. Даже в позднейшей переделке, он выглядит тяжело и величественно, как это и полагалось защитнику и выразителю единоличной княжеской власти.

38. И эту же идею выражал Георгиевский собор в Юрьевом монастыре. Он был построен в подражание новгородской Софии, и был еще выше, как бы желая перенять ее славу и власть над городом. Но где там! Уже вошла София глубоко в душу каждого новгородца, и Георгиевскому собору - холодноватому атлету - не было там места. Но надежды князей если не силой, то постройками величественных храмов привлечь на свою сторону новгородцев, остались тщетными.

39. Так и остались стражи-монастыри на границе города стоять символами безуспешной борьбы князей-диктаторов за власть в условиях вечевой демократии. Видимо, и в правду, разум и добрая воля предприимчивых и свободных людей сами по себе сильнее алчности и хитрости единоличной власти.

40-40а. Сильнее - но при одном условии - отсутствии внешнего вмешательства.

41. До сих пор стоит на берегу Ильмень-озера близ Юрьева монастыря скит на Перыни. Так обозначила народная память это место именем Перуновым - бога-громовержца. Археологи раскопали здесь языческое святилище, в котором стоял когда-то деревянный идол в драгоценных камнях, с серебряной головой и золотыми усами.

42. Сюда сходились идолопоклонники
Здесь на холме стоял их бог Перун...
Он по преданью был золотоусым,
И жреческое око стерегло,

Чтоб с кораблей, что мимо шли из Руссы,
К его ногам кидали серебро...

43. А потом по слову христианского священника
бросали новгородцы в воду бога своего Перуна.

44. Рассказывают еще, что плыл Перун по Волхову
мимо города и проклял он изменивших ему новгородцев,
кинул на мост свою палицу, усмехнувшись в золотые усы:
"Деритесь за нее, детушки, и меня вспоминайте". С тех пор
испортилось новгородское вече. Часто дерутся на нем жители
города, междоусобицей ослабляя свою вольность и
подготавливая момент ее падения.

45. Как и сам бог Перун, вече было таким же
племенным пережитком, и должно было исчезнуть при
феодализме. И все же оно одержало победу над княжеской
властью и превратило недавних полудикарей в город-
республику, стоящую в одном ряду со всеми европейскими
городами и не уступавшую им ни по богатству, ни по
развитию.

46. А вот эта вечевая площадь на Ярославском
дворище. Здесь бурлили страсти, смещались посадники и
владыки, расправлялись с боярами и несогласными,
принимали послов и готовились к войне. Сейчас же здесь
тихо. До сих пор называют башню над проездными воротами
торга - вечевой, хотя настоящая вечевая башня давно
разрушена, в самый первый момент покорения Новгорода
московским царем.

47. Время пролетело, слава прожита,
Вече онемело, сила отнята.

Город воли дикой, город буйных сил,

Новгород Великий тихо опочил.

Слава отшумела, время протекло,

Площадь опустела, вече отошло...

Порешили дело. Все кругом молчит.

Только Волхов смело о былом шумит.

48. Под этими сводами, выстроенными немецкими и
новгородскими мастерами, собирался в Детинце Совет

Господ. Именно здесь он заседал уже в последние годы новгородской независимости, когда решал окончательно вопрос о судьбе изначальной русской демократии, когда на границах Новгорода появилось вместо раздробленных русских княжеств одно всесильное царство Москвы, когда вместо стаи мелких хищников на его вольность стал зариться один, но сильный зверь.

49-50. Это был закат русской демократии. Трагичные годы - и не только для Новгорода, но и для всей России. Гибло вольное начало, воцарялось - рабское. Трагедия гибели первых русских городов-республик, решившихся жить правилами мира, разума и собственной выгоды в жестокие времена фанатизма и княжеского хищничества и составляет тему нашего рассказа.

51. 1240-ые годы были особенно тяжелыми. Русь разорили татары, а с Запада собрался очередной крестовый поход Ливонского ордена: "Мы будем жить с вами в дружбе - признайте только папу" - в который раз твердили они.

52. Ливонцы захватили Изборск и Псков и угрожали Новгороду. И тогда Новгородское вече пригласило одного из самых прославленных полководцев древней Руси - Александра Невского.

53. Александр уничтожил немецкую крепость Копорье, взял штурмом Псков и освободил Изборск. На льду Чудского озера он разбил главные силы ордена.

54. Александр был непобедим! Он много воевал, и всегда с успехом. Уже при жизни о нем сочиняли легенды, и если он даже на современников русских и иностранных производил сильное впечатление исполинским умом и ростом, то сейчас, через века и легенды, для меня (я не решаюсь говорить это о других) он видится романтическим идеалом, полубогом, что ли. Ему я обязана, а может, справедливее сказать, скульптору его бюста, что стоит в Переславле-Залесском на Красной площади, вернее, им обоим, я обязана пробуждением интереса к древности, возникшего от удивления перед людьми, которые были для меня до тех пор

варварами, и вдруг они вырастили в своей среде Александра Невского.

55. Но его роль отнюдь не заключается в одном военном отпоре немецким крестоносцам. Нет! На его плечи судьба возложила гораздо большую задачу: ответить в критический для Руси час татарской неволи - "С кем вы пойдете?" Один раз Киевский князь Владимир ответил: "Не с Римом, а с Византией" - и вот теперь, и уже окончательно, Невский всей силой своего авторитета ответил: "Не с католическим Западом, а с татарским Востоком".

56. Знаменитая задача богатыря из русской былины: "Направо пойдешь - костей не соберешь, налево пойдешь - убитым будешь" была, наконец, решена. Но подчинение татарскому режиму систематического террора имело далекие последствия. Сравнительно скоро русский народ избавился от иноземного ига, но в наследство получил многовековую привычку к рабской покорности богоданному царю-батюшке.

57. В то время как сама Византия ищет союза с Западом и заключает с ним церковную унию, в то время как, взывая о помощи к русским братьям, бьется в одиночку с татарами галицкий князь Даниил Романович, в то время как папа шлет послов Невскому с предложением о дружбе и военной помощи против татар в обмен на признание, Александр как будто зачарован татарскими успехами. Его восхищает и сила этой простой организации, и мощь этих закаленных и выносливых воинов. Он, с детства насмотревшийся на русские междоусобицы, на новгородские смуты, ненавидит эту вольность, так мешающую четкой военной организации и победе... И делает выбор!

58. Он отказывает в союзе папе и едет на поклон и утверждение - сперва к Батью, а потом в далекий Каракорум, к монгольскому императору. Едет, уже зная, как в подобной поездке был убит его отец. Прославленный полководец русский заявил разорителю Руси - хану Батью: "Я поклоняюсь тебе, потому что ты царь". С тех пор триста лет русские князья называли татарского хана своим царем, считая, что не

"подобает на Руси жить, хану не поклонившись", и лишь Иван Грозный присвоил себе этот татарский титул.

59. Новгород не был покорен татарами. Весенняя распутица новгородских болот их остановила. Но вот Батый шлет послание: "Все покорились мне, ты ли один будешь противиться моей воле". И по воле подчинившегося татарам Александра, единственного человека, способного тогда объединить все русские силы, Господин Великий Новгород покоряется.

60. В прекрасный вольный город являются ханские численники для "пересчета голов новгородских", облагаемых данью. Но тут Новгород взбунтовался: "Брать с Новгорода налоги, да еще считать людей как скот" - это было невыносимо. Лучше умереть - так они решили. Замещавший Александра сын его Василий тоже не выдержал, принял сторону новгородцев и отказался подчиниться отцу.

61. Но вот разгневанный Александр появляется в городе. Все притихает. Он возвращает в Суздаль бежавшего Василия, а новгородцев казнит: посадника Александра совсем, а его товарищей по-разному: "Одному носа урезаша, а оному очи вынимаша, кто Василия на зло повел". Под неусыпным покровительством Невского новгородцы были переписаны и обложены налогом. Так был сделан первый и основной удар по новгородской независимости. Пройдут годы, и дело, начатое Невским - централизация земли русской под деспотической властью царя, сперва татарского, а потом московского - и уничтожение вольности Новгорода будет выполнено его потомком - Иваном III, и с ужасающим, чисто восточным блеском, завершено Иваном Грозным.

62. Таков Александр! Великий воин и патриот земли русской, не допустивший ни одного поражения в войнах с Западом, но без колебания растоптавший перед татарами свою княжескую гордость и воинское достоинство в угоду интересам Родины и счастьем народа так, как он их понимал, в угоду своей приверженности сильной деспотической власти.

Легендарный герой, объявленный после смерти святым, встал у истока появления

62а. в мире великой деспотии, прямой наследницы империи Чингиз-хана, в течение веков давившей на буржуазный революционный Запад. Он сыграл одну из самых реакционных ролей в мире, какая только возможна была для человека того времени.

63. А, скорее всего, сами новгородцы - больше виноваты! Ведь после смерти Александровой прошло более века, прежде чем народившаяся Москва нанесла первые удары татарам, и ни разу за эту долгую ночь Новгород не сделал попытки заступиться за себя и своих братьев - встать во главе русского ополчения. А было же время, когда они силой заставили Ярослава Мудрого идти воевать Киев, крепить землю русскую.

64. А теперь - вроде и тот же город, и церкви те же, и люди те же, и даже большим стал Господин Великий Новгород, разбогател, разросся, стенами новыми обзавелся, но внутренне - сильно изменился. Отец русских городов стал равнодушен к судьбе детей своих, не желал тратить ни денег, ни сил, ни спокойствия своего залесского, заболотного, ради защиты их.

65. Был он вроде главы на этом храме, только видимость главы, фикция. За чечевичную похлебку собственного спокойствия уступил свое первородство Москве, позволил малолетке Москве набраться татарского духа, расправиться сперва с татарскими воспитателями, а потом уж и с этим старым болтуном о свободе и вольности.

66. Всполошный звон вечевого колокола! Как часто он созывал вече совсем в неурочное время, и не для решения важных государственных дел.

67. А по воле вожakov молодых людей, решивших, что пришла пора спустить шкуры с богатеев, пожечь их хоромы, пограбить товары, пожрать вина и одеться поприличнее.

68. И все чаще власть ускользала от народа, как будто вечевой колокол поднимался на самый верх высокой звонницы, подальше от черного люда. И не будем говорить, что это несправедливо и нехорошо. Экономике и войнам начхать на человеческие представления о равенстве и братстве, и они жестоко наказывают тех, кто позволяет себя увлечь уравнильным коммунизмом.

69. В Новгороде не остались, а вот в Пскове еще сохранились жилые палаты купцов и других богатых людей тех времен. У этих построек только окна и двери, да и то не всегда, пытаются улыбнуться миру своими украшениями. Какая-то вымученная улыбка, как вымучена, наверное, была жизнь их хозяев, постоянно ожидающих грабежа.

70. А этот дом - Поганкины палаты. Настоящая крепость, способная выдержать длительную осаду. Тяжелые своды над комнатами и подвалами, тайные переходы внутри двухметровых стен, десятки окон-амбразур, закрытые железными ставнями и решетками, ниши и тайники - все тщательно продумано.

71. Да, черни трудно было сюда прорваться и захватить купеческие богатства. Купцы-"кровопийцы" могли здесь спокойно переждать время, пока уляжется народный гнев, пока вожаки сами не передерутся и тем самым не дадут возможность подавить бунт.

Были ли хозяева этих и подобных этим палат - действительно, кровопийцами?

72. О да, конечно же! Подобно своим западным коллегам, они жульничали, скряжничали, заставляли черных людей работать до упаду, т.е. производили то самое первоначальное накопление капитала, которое, по Марксу, одно может породить техническую цивилизацию, которое и начало ее на Западе. Но для этого надобно много работать, много копить, и еще нужно спокойствие, чтобы не было уравнильных грабежей, чтоб не зависеть от сумасбродств князей-расточителей, и нужна еще толстосумам власть, чтоб жестоко расправляться с мечтателями о равенстве и братстве.

73. На Шолони-реке, что течет из Псковской земли и впадает в Ильмень озеро южнее Новгорода, стоит город Порхов, а в нем - старинная крепость.

74. Поставлена крепость в защиту Новгорода еще князем Александром Невским в 1239 году. Тогда она была деревянной, но в 14-ом веке оделась камнем.

75. Ничего нет в ней особенного. Она похожа на другие русские крепости, только менее романтична. Стены из того же местного камня-плитняка, толщина вот только у них огромна - вверху более трех метров.

76. И внутри крепости стоит только один куб ничем не примечательной церкви - одноглавки с поздней колокольней.

77. И сама история крепости совсем не богата - всего 4 осады, вернее - 4 успешно отбитых нападений, а затем - забвение в глубине Российской империи.

78. Но нам Прохоровская крепость напоминает о другом: о великой, решающей битве, разыгравшейся в этих местах в 1471 году на реке Шелони между московским войском и новгородским ополчением.

79. Вместе с москвичами на Шелонь явились и псковские отряды. Как говорит скорбно новгородская летопись: "Начали псковичи луповать своим братом старшим Новым Городом... взбуяшася псковичи в нестройне уме, наша братца мнимая, по нашим грехам задашася за князя московского..."

80. И все равно, новгородцев было больше, чем сборных московских отрядов, и вооружены они были лучше, и бились вроде за правое дело, за вольность родного города - и все же они были позорно разбиты на реке Шелони.

81. Причина была одна - нежелание воевать простых людей. Много новгородцев дезертировало, уходило к "великому и справедливому" московскому князю, собирателю земли русской, от новгородских толстосумов, задумавших, мол, изменить святой Руси.

82. Это было как тяжкий сон, как кошмар наяву: великий город деморализовался, обессилел, оружие выпадало

из рук, разум отказывался понимать, а сердце кровоточило... Вольный Новгород погибал, и не в силах купеческой верхушке было спасти его. Народ перестал ценить свободу, которая вынуждала его работать на купцов. Он выпускал ее из рук в призрачной надежде на сытость и спокойствие при московском князе.

83. В 1478 году пробил последний час, закатилось солнышко. Войска Ивана подступили к городу... Окружила рать московская, /Охватила славный Новгород, Словно петля душегубная, /Шею к смерти присужденного. Туже, туже петля страшная, /Ближе гибель неминучая, И не выдержали жители /И на милость государеву, Отдались они сердешные...

85. Да, город не мог долго сопротивляться. Горько сетует летописец на тогдашнюю пятую колонну в городе, на новгородцев, в самом начале осады забивших железом 5 пушек: "Како не вострепета, зло мысля на Великий Новгород, не мзды ли ради продаеши врагам Новгород, о упадышча?"

86. Эти "упадышча" добились своего: стали царскими холопами из вольных людей. Москвичи вече упразднили, вечевой колокол в Москву свезли, патриотическую верхушку города - частью казнили, а частью - выслали.

87. Пробил последний час естественной, идущей из глубины веков русской демократии. Оборвалась равноправная связь русского народа с Европой. Пал последний могучий противник отатарившейся Москвы, последний оплот русской раздробленности, свободы мысли и церковных ересей, культуры и искусства.

88. Конечно, упадышча были довольны: и спокойно стало, и святой Руси слава прибыла. А некоторые издержки самодержавия они терпели. Ужасающие погромы опричников Ивана Грозного, когда хватали всех без разбора, когда кровь лилась рекой, они перетряслись страхом и замолили. И еще долго будут каждый царский пинок благодарить во славу святой Руси и веры православной.

89. Не менее позорной была участь другого "упадышча" Пскова-города, надеявшегося добровольной покорностью вымолить у московского царя сохранение своей старины и вольности.

90. Последний из приглашенных со стороны в Псков князей, Александр Чарторыйский, присягнул вече, но не захотел целовать крест Василию II и его детям, и так объяснился народу: "Не слуга де яз великому князю. Не боуди целования Ваше на мое и мое на Ваше. Коли не учнут псковичи соколом вороны имать, ино тогда-де и меня, Чарторыйского, вспомянете", и попрощался на вече: "Я де вам не князь" и уехал в Литву. Теперь князья приглашались только из Москвы, и вели они себя, чем дальше, тем больше не как выборные народа, а как царские наместники.

91. Если Новгород только с боя сдал свою вольность, то Псков по собственному желанию, незаметно вполз в трясины восточного самодержавия. Придет время, спохватятся псковичи, да поздно. Уже нет среди них соколов, остались одни покорные вороны. И согнуться они перед Москвой, забудут и вече, и братчины, и храмы свои кончанские переделают на московский лад.

92. Псковские вороны стали было жаловаться, и великий князь московский вроде бы услышал их и сказал: "Копитесь вы, жалобные люди, на крещение господне, и аз вам всем управу подаю". Но как скопились эти искатели справедливости у царя-батюшки, так и были схвачены, а Пскову послано: "Чтоб у вас вечья не было да и колокол вечной сняли, а здесь быти двум наместникам". В 1510 году сняли последний вечевой колокол в России. Самодержавие Москвы утвердилось повсюду.

93. Теперь даже в Старой Ладоге вырастают московские монастыри и храмы, везде официально торжественные. Исчезает простая красота демократического зодчества. Вперед выдвигается тяжелая поступь гигантского централизованного государства.

94. На долгие века Россия стала постоянной угрозой буржуазному Западу, русским медведем, готовым вцепиться в любое революционное движение. Она грозила якобинской Франции и уничтожила итальянские республики, она подавила в крови три польских и одну венгерскую революции, не говоря уж о своих "смутьянах". Не долго она оставалась повосточному пышной. При Петре I Россия приняла европейский вид: сбрила бороды, и даже в Пскове стала строить церкви с классическими портиками. Но татарскому самодержавию она не изменила и суть западной цивилизации не усвоила. Дикие рывки одним махом догнать западный мир, переняв его технику, сменялись долгими периодами реакции против собственной мысли и культуры.

95. Но не умер русский Запад, не умер вольный дух древнего Новгорода.

96. Новгородский вечевой набат ожил в "Колоколе" Герцена, разбудившем народовольцев, которые передали свое вдохновение революционерам 17-го года. Сколько русских людей, смотря на новгородскую и псковскую старину, начинали верить, что кроме восточных корней - в России и западное вольное начало.

97. Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! Пришлец из чуждых стран
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной

98. Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженью
И столько гордых душ увлек в свое паденье.
"Скажи мне, Волхов, ужели их больше нет?
Ужели Волхов твой - не Волхов прежних лет?"

99-100. Есть в Новгороде, в Детинце, памятник, поставленный еще в прошлом веке, в честь тысячелетия России. В фигурах самых знаменитых людей России скульптор Микешин отобразил всю русскую историю. Совершенно прозрачно придав всему творению форму

вечевого колокола, он ответил на вопрос, что было главным в русском народе, "откуда началась русская земля".

101-102. Каждая нация имеет свои склонности и характер, и от них - свою судьбу. И потому у каждой нации остается свой путь в будущее. Стоя на берегу Ильмень-озера, мы тоже спрашиваем: "Мать-Родина, какая ты все же - с востока или с запада? Откуда началась ты, Земля Русская?"

Приложение: Обсуждение зрителями диафильма "Новгородские начала" 18.3.1976

Вопрос: Справедливо ли обвинение новгородской верхушки в измене России и православию (переговоры с польским королем Казимиром)?

Ответ: Переговоры новгородских бояр с Казимиром совсем не означали измены России и православию. Ведь в то время Литва была почти самостоятельным государством, по преимуществу, русским и православным. Фактически это было западнорусское государство, и лишь по мере отхода русских земель к Москве оно все больше подпадало под влияние Польши и католицизма. Правда, эти переговоры можно считать изменой Москве, но Новгород тогда и не считал себя с Москвой единым целым.

Вопрос: В д/ф высказано двойственное отношение к Александру Невскому. А какое из них Вы считаете истинным?

Ответ: Двойственность в д/ф происходит из различия, противоречия отношений двух авторов в момент записи, правда, до этого момента восторженное отношение к Невскому было свойственно и мне, а теперь и у Лили отношение стало более сдержанным. Так что эти два отношения можно рассматривать и как два последовательных момента в отношении одного человека демократических убеждений - по мере знакомства с деятельностью Невского в более полном объеме. Как мне кажется и сегодня, Невский был благородным и бескорыстным человеком. Его

тактическая политика оправдалась: подчинившись татарам, он установил мир в русской земле и дал отпор посягательствам Запада. Но стратегически его линия была губительна, ибо привела к азиатской централизации за счет ликвидации прав и свобод русских людей. Невский не ценил новгородской "старины" (т.е. традиционных законов и прав вече), она не была для него безусловной святыней. Такая этическая и юридическая неразвитость русских людей того времени вообще, и Невского в частности, и привела к воцарению тактически выгодного деспотизма.

Вопрос: Вы говорите, что роль Москвы в объединении России реакционна, но разве существовал иной путь?

Ответ: Думаю, что иные варианты развития, конечно, существовали. Ведь будущее принципиально вариантно. Монголы прошли Россию и были остановлены в самой Европе и силой самой Европы, а могли быть остановлены и в России - конечно, жертвами и долгой борьбой - но на основе военного отпора, а не подчинения и внутреннего перерождения по восточному деспотическому образцу, как это произошло в конце концов. Объединение русских земель могло произойти и на литовской основе, как это вначале и происходило. Но Москва "перетягала" русские земли на восточную сторону. Если бы этого не произошло, то, возможно, Киев остался бы русской столицей, а вместо чистого православия у нас, со временем, возобладала бы уния - как в Константинополе, а потом - на Западной Украине. России осталась бы в орбите европейской культуры...

Вопрос: Вы говорили о бунтах в Новгороде и Пскове, как одной из важных причин их гибели. Часто ли бывали такие бунты?

Ответ: Статистики я не знаю, но думаю, что очень часто. Практически все чрезвычайные созывы вече имели своим предшественником бунт, и, наоборот - не пришедшее к согласию вече кончалось дракой, а то и погромом, неотличимым от бунта.

Новгородская демократия была очень несовершенной, близкой к анархии. Лишь постепенно нарождались выборные правительственные органы, без которых невозможно внутреннее спокойствие и внешняя безопасность. Анархические же бунты такое развитие прерывали, делали Новгород слабым, неспособным к военному сопротивлению.

Вопрос: И все же плюсы и минусы демократии? - Ведь централизация земель вокруг Москвы дала нам победу над татарами и внутренний мир?

Ответ: Да, конечно, Вы правы. Даже будучи приверженцем демократии и свободы, нельзя забывать, что, наряду с известными преимуществами, она несет и большие неудобства: необходимость личной ответственности и разумения, трат на самооборону, опасность усиления конкуренции и уголовных преступлений и т.п. ...

Выступление-оценка: Очень многое в диафильме не понравилось. Слишком много этических оценок и приближений к современности. Такое осовременивание приводит к искажению исторической реальности и передержкам фактов.

Например: новгородцы не могли идти на союз с Западом (т.е. практически - Орденом) против татар, потому что иначе погибла бы русская православная культура. Невский это хорошо понимал. Кроме того, сопротивление татарам в то время было немыслимым, и Невский принял прекрасное политическое решение.

Деспотизм же в России установил не Невский, а Иван III, и уже не с помощью татар, а опираясь на собственные силы. Польза же от покорения Новгорода татарам - несомненна: целые поколения русских людей после этого жили мирно. Даже с точки зрения экономического рационализма такое решение было правильным и выгодным. Лучше откупаться данью, чем подвергаться разорению.

Так же неверно освещена история Пскова. Псков также боролся за свои интересы, и с этой точки зрения поступал правильно. И вообще противопоставление западной вольности

и восточного деспотизма вряд ли имеет смысл. На Западе был распространен абсолютизм. А после работ Гумилева невозможно только отрицательно относиться к Степи и Восток

Сценарий диафильма «Псковские крепости»

1. "...А о Плескове-граде от бытописания не обретаётся вспомянутым, от кого создан быть и которыми людьми."

2. Псков стоял на самой границе с Западом, и эта география определила и его торговые успехи, и его военные тяготы. Он был почти точной копией Новгорода - то же вече, и та же выборность князя и священников, то же стремление к независимости и демократичность духовенства.

3. Сейчас это огромный промышленный город. В нем трудно ходить, трудно углубляться в прошлое.

4. Уж лучше смотреть на эти диапозитивы, где псковская старина запечатлелась без всякой бензиновой гари и сутолоки людей и машин. Сейчас мы не будем вам подробно рассказывать о каждом из увиденных памятников прошлого.

5-6. Просто покажем несколько страниц из летописи псковского зодчества.

7. По необычным деталям, украшениям, звонницам, многочисленности приделов и пристроек вы сразу почувствуете всю самобытность псковской школы зодчества.

8. Но по простоте и приземистости, по безыскусственности украшений - вы опять же поймете, что, как и в Новгороде, это все те же самые общественные клубы под религиозной вывеской,

9. что это тот же продукт вечевой демократии.

9а, 10

11. В центре города стоит древний Кром при впадении реки Псковы в реку Великую.

12. Вокруг Крома было много иных укреплений. И сейчас во многих местных городах современные улицы прорезают

13. обветшалые и поросшие травой плитняковые стены - 4 оборонительных пояса общей длиной в 10 км имел древний Псков.

14. Первым кольцом в 13 веке стараниями псковского князя, приглашенного из Литвы, выросли стены Довмонта города.

15. А в начале 14 века стена посадника Бориса охватила все жизненные центры города, завершив создание одной мощной трех кольцевой крепости, окруженной водами Псковы и Великой, а с третьей стороны - рвом.

16. И, наконец, уже стараниями московских князей, долго игравших роль покровителей города, было поставлено последнее, самое боевое полукольцо стен. Эти стены помогли городу выдержать одну из самых грандиозных осад за всю историю - осаду войсками польского короля Батория в годы Ливонской войны.

17. Число нападавших было в пять раз больше защитников, и, тем не менее, полгода сплошных штурмов, подкопов, взрывов стен, нападений ничего не дали

18. Баторий отступил, вынужденный подписать мир с царем Иваном Грозным.

В который раз разбивались западные отряды в войнах с Россией, и вовсе не из-за многочисленности "казацких полчищ" русского самодержца. Нет! Разбивались они только об этот патриотизм русских городов, проявлявших чудеса самопожертвования при каждом нашествии.

19. За обороной Пскова, в память которой стоит у городской стены этот памятник, можно вспомнить оборону Троицка и Смоленска, пожар Москвы и защиту Севастополя, не говоря уже о последней войне.

20. "И почему он постоянно лез в нашу землю, этот Запад?" - всегда спрашиваем мы. - "Почему эта передовая, культурная часть света шла всегда с мечом на нас, вместо

того, чтобы совместно бороться с азиатскими кочевниками и готовить фундамент технической цивилизации?"

21. Что толку спрашивать это у псковских стен? Не только они, даже их защитники не смогли бы ответить.

22. Но надо вспомнить, что нападения были обоюдны, и что Западу от России досталось не меньше, если не больше.

23. Австрия и Германия, Италия и Франция, Польша и Венгрия не раз видели русские войска. Так что давайте вспоминать историю в ее полном объёме.

24. Так было и у Пскова. Город всегда испытывал неприязнь к Западу, и особенно к своим соседям - ливонским немцам. По большей части эта война шла постоянно в виде мелких стычек, где не поймешь, кто прав и кто виноват. Вот, например, как описывает псковская летопись, в рассказе Ключевского, начало военных действия после короткого перерыва:

25. "Поехали псковичи на пограничную обидную землю, предмет давнего спора с немцами. Приехав, покосили здесь сено и стали ловить рыбу по старине. А попавшуюся им в руки чудь повесили.

26. Но скоро поганая латына, не веруя в крестное целование, на то обидное место враспloch напала, сожгла церковь и с нею 9 голов псковичей. В след за удалявшимися врагами погнались псковичи с князем и посадниками и, вторгнувшись во вражескую землю, также полегли много людей обоего пола: месть мстили за те неповинные головы" - добавляет летопись.

27. Для защиты в этих стычках псковичи не только постоянно перестраивают стены своего города, они улучшают оборону своего главного форпоста и защитника - крепость Изборск, что стоит в 30 км западнее Пскова. С первого взгляда Изборск, стоящий на обычной русской равнине, вовсе не кажется неприступным, и только, подойдя поближе, обнаруживаешь, что

28. крепость на горе Жеравей господствует над всей округой.

29. В Изборске трудно иронизировать над никчемностью трех споров, которые омрачали отношения Пскова с Западом - то ли из-за "обидной земли", то ли из-за того, что "латына погана". Каковы бы ни были причины, битвы были упорны и жестоки, ярость нападающих - безмерна, мужество обороняющихся - беспредельно.

31. Только за 14 век было восемь крупных осад, и ни разу крепость не была взята.

Говоря словами торжествующей летописи: "Немцы много безумнии трудившися, но не успеха ничтоже".

32. Один раз Ливонский орден в своем очередном походе на Псков, крестовом, или мстя "за чудь повешенную", оставил Изборск нетронутым в своем тылу. Но изборяне поспешили на помощь Пскову, и общими силами разбили рыцарей. С тех пор немцы никогда не оставляли Изборск у себя в тылу, а направляли на него свой первый удар.

33. Такова цена за беспредельную верность Русской земле. Если Псков мечтал об отделении от Новгорода и Москвы, то Изборск всегда был лишь частью Псковщины и Руси, и гордился этим. Даже немногие сохранившиеся до сих пор церковные здания живо напоминают об этом.

34 Это - единственно уцелевший храм в крепости - Никольский собор.

35. А внизу, у стен крепости, стоит церковь Сергия со своей так знакомой нам псковской звонницей.

36. И единственная, действующая сейчас в Изборске, церковь Рождества Богородицы в бывшем женском монастыре. Видите, такая же псковская звонница выглядывает из-за крыши притвора.

37. А вот и знакомая по многочисленным картинам и этюдам художников часовня у Талавской башни. Можно понять, почему ее так полюбили художники. Такая милая своей простотой, такая небольшая одноголовка, такая русская своей белизною над зеленым склоном. Ее существование вызывает в душе какое-то непрошеное щемящее чувство.

38. Как мрачный воин приобретает достоинство защитой слабых и обиженных, женщин и детей, так и Изборские стены облагораживаются стоящей в их защитной тени маленькой русской часовней.

39. Сами стены и башни только суровы и практичны! Им не до роскоши украшений, которыми так грешат стены московских монастырей и Кремля. Тут не до жиру! И только на самой высокой башне - Вышке - в 19 м, проглядывают сквозь изуродованный камень два креста причудливой формы и строчка псковского орнамента поребриком.

40. Такие же кресты выложены на западной, примыкающей к Вышке стене! Это не было украшением! Нет! Это было лишь боевым знаменем, символом сопротивления католическим псам-рыцарям маленького города-героя, одушевленного фанатической верой в Родину, Русь и православие.

41. Город жил в борьбе, он сражался, не рассуждая, и его невозможно упрекнуть, им можно лишь гордиться... Эти захабы, куда, как в ловушку, попадали непрошенные гости, поднимавшиеся к крепостным воротам.

42. Эти бойницы на башне Луковке, обращенные внутрь крепости - последнее прибежище изборских защитников в случае захвата города. Эти бойницы, как последняя пуля в стволе - для себя.

43. Под ними погреб с боеприпасами, сверху - чистое небо с райским блаженством, а вокруг - торжествующие враги. И все же - пусть здравствует святая Русь и вера православная! Да умоется кровью "латына погана".

44. Город сражался! Вглядываясь в узкие бойницы на приближение очередного врага, изборяне не много задумывались над вопросами большой русской политики. Они стояли на западной границе, и потому именно от Запада защищали и Псков, и Новгород, и Москву, и все русские земли.

45. Вопрос: раздроблена ли Родина или единая, республиканская ли, как Псков и Новгород, или

великокняжеская, как Киев и Москва, прозападная или татарская - не тяготил ее защитников.

46. Железный Изборск! Славный воин! Конечно, ты сражался против немецких псов-рыцарей, литовских и польских католиков "за Русь святую и веру православную". Но не в этой святости и православии кроется секрет твоего мужества и стойкости.

47. Секрет твой можно найти только в коротком слове "Русь", что стоит первым в этой формуле. Россия - эти просторы, на которых живут и трудятся братья одних предков и языка, то, что и сейчас составляет основу чувства Родины у каждого человека - вот что единственное могло сделать этот город железным.

48. Западной Изборска стоит еще одна русская крепость - Печоры.

49. Она была поставлена на смену Изборску по приказу Московского царя при Псковско-Печорском монастыре.

50. Монастырь здесь возник из-за особых свойств песчаного грунта. В склонах оврага монахи отрывали пещеры, в которых сохраняли нетленными мощи умерших.

51. Здесь и сейчас действует мужской монастырь с обилием золота и варварской роскошью ярких красок.

52. После Загорска, это второй действующий монастырь, увиденный нами.

53. Только в Печорах намного меньше народа, и он производит впечатление тихого, райского уголка, где живут и молятся какие-то блаженные души, а не обычные толстые монахи.

54. Здания и церкви разбросаны по внутренним склонам оврага необычно живописно.

55-62.

63. Но, кроме церквей и икон, в Печорах хорошо сохранились боевые стены.

64. Ведь после своего возникновения Печорская крепость стала главным западным стражем русских земель, и

именно по ней наносятся самые первые и сильные удары, но за всю долгую историю почти непрерывных осад и нападений Печоры были только один раз, на сутки, захвачены шведами. Практически, это была неприступная крепость.

65. Этому трудно поверить, глядя на ее месторасположение. Что может быть нелепей, чем расположить крепость в овраге.

66. Мы привыкли к высокой горе, как единственному, подходящему для крепости месту, но неприступность Печорской крепости опровергает наши шаблонные представления о том, что было в тогдашней войне хорошо, а что плохо. Да мало ли у нас таких ложных представлений, которые могут разрушиться только при встрече с живущим еще свидетелем тех веков...

67. Нас особенно восхищали у крепости эти стены-крылья, широко раскинутые вверх. Они как бы стремятся вырвать из оврага огромное тело двадцатиметровой Башни Верхних Решеток.

68. Где бы ни была расположена русская крепость - на горе ли, как Изборск, или в речной долине, как Псков, или совсем в овраге, как Печоры, - она яростно сражалась против западных отрядов,

69. стояла насмерть за "Русь святую и веру", и потому была непобедимой.

70-70б.

4. Приобщение к альпинизму, 1968 год

Сценарий диафильма «Джан-туган»

По виду это обычный туристский любительский фильм – рассказ о пребывании в альплагере, о скальных и снежных занятиях, величественных вершинах, горных красотах. По своей сути и задумке – это антитуристский фильм. Он вышучивает «отдых» и бахвальство. Вот что я писал в те годы для заводской стенгазеты:

«Наверное, людей привлекает и отталкивает в альпинизме прежде благородство риска. Действительно, гибнут в горах довольно часто. В 1962 году погиб мой товарищ по студенческой группе Женя Горохов. В 1965 году погиб на Ушбе другой товарищ – Слава Цепелев. В 1968 году я сам был наблюдателем восхождения, когда погибли три человека.

Очень много людей приезжают в альплагерь, но после первого же сезона перестают ездить. Этот риск им кажется ненужным, «глупым», хотя я уверен, каждого из них гложет тайная зависть к тем, другим, кто не испугался, а нашел в себе силу и мужество раз за разом идти на смертельный риск единоборства с горами, невзирая на все обывательские рассуждения о ненужности риска и опасностей... «А жить вообще зачем? Чтоб только есть и спать?»

Конечно, как и в других видах спорта, в альпинизме достаточно много здоровых и веселых молодцов, которые сезон за сезоном набирают восхождения и разряды, добиваясь вожделенного звания «мастера». Но приходит такой решительный момент, когда в критической ситуации к ним приходит страх – и тогда надо иметь очень много ума, воли и мужества, чтобы, заглянув в глаза смерти, преодолеть себя, и остаться в горах.

Такой естественный отбор происходит со всеми, кто занимается большим альпинизмом. И потому здесь так много

хороших, высокообразованных и интеллектуальных людей, с каким-то философическим отношением к миру и человеку...»

Но я подозреваю, что эта главная тема в диафильме была выражена неудачно, неумело, и реакция зрителей это подтверждала. Но в качестве исходной точки темы «Горы и смерть» он кажется мне необходимым.

1.-14. «Джан-Туган»

15. Июнь 1968 года. В альплагерь едет первая смена.

16. Большинство из нас еще не было близко с альпинизмом, и потому появление по курсу автобуса первых снежных вершин вызывает взрыв оживления.

17. Воодушевлено гремит хоровая песня, вызывая мечты о горных приключениях... Конечно, будущее окажется совсем иным, но пока мы самозабвенно орем знаменитую песню Высоцкого.

18-23. [Текст песни Высоцкого (см. в конце д/ф). На кадрах «отдыхающих новичков», легких занятий, он должен бы звучать не трагически, а иронично. Ироничный тон продолжается и дальше, на повествовании о горных занятиях].
24-25.

26. Альплагерь «Джан-Туган». Здесь оглушающе гремит музыка, здесь весело и много смеются, вкусно кормят и крепко спят.

27. Здесь свежий горный воздух и ледяная вода,

28. запах сосны и краски альпийских цветов.

29. Здесь все красиво, может, даже чересчур, если вспомнить ту автобусную песню...

30-31.

32. Большинство из нас попало в «оздоровители» и никуда не ходило. Остальным же разрешили сходить на несколько простых вершин по безопасным маршрутам и под строгим наблюдением инструкторов.

33. А как же романтика? Та, что звучала в песне? - - Она досталась лишь этим товарищам (инструкторам), хоть они и не пели той песни.

34. Зато у нас были занятия с 10 утра до 3-х и лекции после обеда.
- 35-36. Скальные занятия...
- 37-42. Подъем на ледник Кашка-таш – ледовые занятия.
43. Снежные занятия. Инструктор Шутин, не помню уж за что, выговаривает своей группе «значкистов».
44. Ох, и скучно же Вадиму Михайловичу на этих склонах.
45. Он даже отвернулся от своих радостно прыгающих «котят».
- 46-49. Сломали ледоруб, устали и возвращаемся назад – домой в лагерь.
- [С кадра 50. текст читает Лиля, уже серьезно-элегическим тоном. Ведь речь идет о снежных вершинах, а к ним нельзя относиться несерьезно. Звучат стихи Лермонтова, навевая грусть и мистику. И мелкими букашками кажемся мы сами, ползающие по лицу молчаливых гигантов...]
50. Жизнь в горах, если даже ты всего-навсего значкист или просто турист, - по-особому волнует. Уж очень необычная здесь природа!
51. Утренние контрасты света и тени настолько глубоки, что даже фото не в силах их передать.
- 52... Светает...
- Еще у ног Кавказа тишина.
Молчит табун, река журчит одна,
53. Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый, по речкам и шатрам
Разлился блеск и светит тут и там...
54. Сам лагерь расположен в сосновом лесу ущелья Адыл-Су.
- 55-56. Вьется мошкара, зреет смородина, хвойный настой в воздухе.
57. Можно подумать даже, что ты в Подмосковье, если бы не стояли вверху – стоит только поднять голову – сами снежные горы, недоступные начинающим альпинистам.
- 58-62.

63. Природа не любит, чтобы нарушалось ее правило: лед
наверху, жизнь внизу.
64. Но люди ей противоречат и идут наверх.
65. Там, на вершине, перед ними открывается вся снежная
страна...
Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто, ни слава царств, ни их позор...
66. О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал, ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным...
67. Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день,
На западе светило видит взор,
И на востоке близкой ночи тень,
68. Внизу туман, уступы и кусты...
Кругом все горы чудной красоты.
Как после бури облака стоят
И странные верхи в лучах горят...
69. Вечерние горы теряют свою резкость, становятся мягкими
и даже ласковыми.
70. Они как бы устали от бурь и борьбы и просят у людей мира
и покоя.
- 71-73. «Горные вершины спят во тьме ночной,
Тихие долины полны свежей мглой... (и дальше)
[Рассказ о самих восхождениях я начинал с самого простого и
легкого к более трудным, где был даже срыв нашей Эли и
неудача соседней группы. В душе нарастает горечь,
достигающая кульминации при взгляде на Ушбу – место
гибели Славы...]
74. ...Но нам день новый не несет отдыха и покоя.
Закончились занятия и начались восхождения.

75. Первое, тренировочное восхождение на Виа-Тау мы сделали в своем ущелье, расположив палатки под громадной тенью Джан-Тугана, крестного отца нашего лагеря.

76. Последний вечер перед восхождением и окрестные прогулки...

77-101.

102. А через несколько дней мы уже были в новом районе – ущелье Ирик-и-Чата – двух рек, что начинаются с двух соседних ледников Эльбруса...

103. Эльбрус... Он на целый километр выше самых высоких здешних вершин. Эльбрус не просто велик, он огромен, и как бы подавляет всю округу,

104 делая ее и вправду Приэльбрусьем.

105-110.

111. Таким был Эльбрус ранним утром, когда мы вышли на траверс вершин «Кзген-баши», «Советский воин» и Восточный Ирик-Чата.

112. 6 часов утра, а мы уже выходим к перемычке

113. А дальше скалы, гребни, лед и камни, ...перекличка связок, холод в пронизывающем ветре солнечного утра и волнение от высоты.

114-118.

119. Вот на таких наклонных плитах не прошла маршрут наша Эля. Сорвалась с уступа, пролетела три метра и повисла на перилах, ударившись спиной о стенку.

120. Все мы здорово тогда перепугались... Все, кроме Эли: «Ну надо же было выбрать такой бестолковым путь» - сказала она, как только встала на ноги...

121. А ведь это несложные вершины – всего-навсего «двочки». Но уже здесь случаются срывы. Уже здесь возможны удары от еще добродушных гор.

122-130.

131. Вечером мы спустились вниз, вон к тем далеким горам, у подножья которых стоит наш родной лагерь...

132-133. Спускались в лагерь, уже забыв, конечно, о досадном происшествии с Элей и надеясь, что нам разрешат еще одно

внеплановое восхождение.Его не разрешили, и потому самым ярким в нашей памяти осталось восхождение на Когутай-баши.

134. Природа его долины нас очаровала...

135-137.

138. Сам Когутай кажется низкорослым в сравнении с соседней вершиной Донгуз-Оруна, но у нас он отнял немало сил за 11 часов восхождения, а некоторых даже обескуражил. Настолько неожиданным было случившееся, что из 14 человек на вершину поднялось только 7.

139-148.

149. Все началось вот на этой стенке, которую надо было пройти по веревке, навешенной инструкторами – как на занятиях. Но уже первый из нас поднимался почти полчаса вместо двух минут.

150. Сначала мы смеялись, ожидая своей очереди, но потом, когда пришлось лезть самим, веселье сменилось растерянностью. А двоих из соседней группы пришлось просто втаскивать.

151. И пошло восхождение вперекос. Вторая группа все больше отставала и выводила первых из графика. В конечном счете, инструктора сняли вторую группу с маршрута,

152. приказав спуститься с когутайского гребня на снежное плато./p>

153. Нам же повезло больше – мы дошли до вершины.

154. Тут, на вершине Когутая, мы впервые начали понимать, как случаются неудачи в горах, как горы могут стать суровыми к людям. Вдруг, неожиданно, но в сущности и всегда только по вине самих людей. Из-за того, что двое оказались слабыми, остальные ребята испытали горечь поражения на такой легкой вершине. А что было бы на трудных?..

155. С Когутая хорошо видна Ушба, одна из самых мрачных и опасных вершин Кавказа, которая отняла так много человеческих жизней.

156. После гибели Славы я не могу спокойно смотреть на это двурогое создание, как будто Ушба угрожает мне лично. Хотя и знаю, что она ни в чем не виновата, что виноваты люди...

157-158. Горы ставят людей в суровые условия борьбы и обнажают их истинные свойства – черную или светлую суть. И даже более того: они делают просто хороших людей людьми большими и смелыми. Вот за этим-то и идут люди в горы...

159. Группа инструкторов идет в ущелье Шхельды на траверс Чатына – 5б категории трудности...

160-165. «Немецкие ночевки»...

166-167. Перевал «Ложный Чатын»...

168. Виден район Бизенги...

169-170. Наша стоянка наблюдателей...

171. Чатын, где погиб Мышляев и с ним, и где сегодня снова погибли три человека...

[Далее песни Высоцкого, но уже в трагическом тоне и в его исполнении].

172. «... Кто здесь не бывал, кто не рисковал,

Тот сам себя не испытал,

Пусть даже внизу он звезды хватал с небес

Внизу не встретишь, как ни тянись,

За всю свою счастливую жизнь

Десятой доли таких красот и чудес...

174. Нет траурных роз и траурных лент,

И не поход на монумент

Тот камень, что покой тебе подарил.

175. Как вечным огнем сверкает днем

Вершина изумрудным льдом,

Которую ты так и не покорил.

176. И пусть говорят, да, пусть говорят...

Но нет, никто не гибнет зря.

Так лучше, чем от водки и от простуд.

177. Другие придут, сменив уют,

На риск и непомерный труд

Пройдут тобой не пройденный маршрут...»

178-180

181. «Сколько слов и надежд,

Сколько песен и тем

Горы будят у нас

И зовут нас остаться.

182. Но спускаемся мы

Кто на год, кто совсем,

Потому, что всегда

Мы должны возвращаться

183. Так оставьте ненужные споры.

Я себе уже все доказал:

Лучше гор могут быть только горы,

На который еще не бывал...

184. «До свидания, горы!»

Будем альпинистами дома!

(Попытка рассказа)

После окончания смены в альплагере и выдачи удостоверения третьеразрядника, я собирался осуществить в несколько дней давно желанный переход через Главный Кавказский хребет в Сванетию (Лиля там уже бывала), но поддался на настоятельные уговоры пойти наблюдателем восхождения самих инструкторов, которое они собирались сделать в разрыве альпинистских смен.

Их четверка состояла из бывалых мастеров, давних знакомых, прекрасных и близких мне по духу людей. На занятиях мы даже успевали обсуждать волнующие всех проблемы, а кто-то из них умудрился здесь же в лагере перепечатать меморандум Сахарова. С такими людьми хотелось стать еще ближе, а главное – увидеть их в настоящей альпинистской работе, в общении со смертельным риском. И я променял Сванетию на наблюдательскую позицию.

Делать наблюдателям нечего, и потому именно там, на «Ложном Чатыне», я начал сочинять рассказ. Давно мне говорили: попробуй писать, у тебя должно получаться. Я в это не верил, но сейчас решил все же попробовать. Условия ведь исключительные: тишина, солнце, почти никаких обязанностей, вдохновляющие виды и наблюдение за смелыми людьми. А главное, не оставляющая душу проблема: как набраться смелости, чтобы выйти на смертельный риск, на борьбу ... не здесь, не в горах, а там, в Москве, в начинающемся демократическом движении.

Попытка решить эту проблему на альпинистском материале и стала главным мотивом моего рассказа, но она же стала и основной причиной его неудачи.

Почему для меня была важна проблема выбора? Ведь, казалось, я свой выбор уже сделал: с марта подписывал все обращения, которые мне предлагали... Но так только казалось. Чувством я понимал всю невозможность, немыслимость начавшейся борьбы, неизбежность нашего поражения, если... если не произойдет чуда, если «подписантами» не станут все!

Вот оно что: бросившись в стремнины движения в защиту прав, я сразу стал оглядываться на стоящих спокойно на берегу: «А вы-то почему остались?» За полгода я многим рассказывал о подписантстве и показывал обращения, но никто из друзей и знакомых не выразил желание поставить свою подпись. Никто! Но почему?

Неужели все события 68-го действуют так возбуждающе только на нас, неужели только мы одни – смелые? Или, может, мы и вправду ненормальные? Однако большинство из нас никогда не знало психиатров, а люди вокруг нас – совсем не были трусами. Особенно альпинисты. Пример альпинистов, равнодушных к подписантству, меня особенно заедал. Не новичков, конечно, а вот таких, как идущая по Чатыну четверка мастеров. Ведь это люди безусловно мужественные, безусловно порядочные, безусловно сочувствующие защите прав человека – они-то почему не бросаются в наш поток? Они-то почему остаются на

спокойном берегу? Конечно, можно было утешать себя, что люди не сразу могут решиться, что они должны еще подумать. Но интуиция подсказывала: в такой поток, как наш, бросаются сразу или не бросаются вовсе.

Так почему люди не вступают в движение защиты прав?

«Из-за непонимания или из-за трусости» - других объяснений у меня тогда не было. Но к знакомым мне альпинистам ни одно из этих объяснений не годилось, и потому мне казалось: стоит им только объяснить, что бояться «движения за права человека» не надо, что риск от участия в нем гораздо меньше, чем риск от альпинизма, а общественной пользы – гораздо больше, как они сразу же пойдут «подписывать протесты против нарушений прав человека»...

Я ничего тогда не понимал. Не понимал, что страх страху рознь. Что одно дело – рисковать своей жизнью при общественном одобрении, «родного коллектива» и признанных идеалов, а совсем другое дело – рисковать благополучием и жизнью – против коллектива, против воли и одобрения знакомых и близких людей. Что так называемое гражданское мужество – это совсем другое качество, едва ли не противоположное воинскому героизму или альпинистской смелости. Сейчас я могу только предположить, что для укрепления такого рода «мужества» нужен предварительный опыт независимой от коллектива жизни, опыт отрыва от коллектива. Что-то подобное тому, что мы с Лилей испытывали в самостоятельных походах в Фанах или по Северу... Однако у большинства наших друзей, у большинства советских людей нет опыта самостоятельной жизни, опыта жизни вне коллектива, опыта одиночества. Поэтому так малочисленно и слабо оказалось наше движение в защиту прав...

Ну, а там, на Ложном Чатыне, я сочинял рассказ с назидательной и ложной целью: показать, что достойный человек должен рисковать жизнью и что, если человек это поймет и преодолет свой страх в горах, он ту же смелость

проявит и дома, в городе, в делах общественных. Ложность основной идеи повлекла за собой ложность изображения событий в рассказе. Сейчас мне самому трудно его читать.

Восхождение на Чатын в те дни обернулось трагедией, в соседней группе погиб альпинист от сдвинутого камня, пришли спасатели, наша четверка выпустила красную ракету беды и прервала свой маршрут, потом началась дикая непогода - (снег летом) – и через несколько дней мучительного выжидания мы были сняты с наблюдения спасателями и вернулись. Тогда же на Чатыне погибли еще двое – связка спасателей.

Помню, как пришли мы в лагерь, мокрые и заросшие, и я сразу пошел успокаивать сына командира нашей четверки – двенадцатилетнего мальчишку. Он был тихий и ждал отца, а я бормотал какое-то утешение: хоть папка и сидит на Чатыне в непогоду, но скоро вернется солнце, и он спустится вниз.

Слава богу, все так и получилось. Все четверо вернулись с маршрута живыми, хоть и раздосадованными от неудачи. В Москве мы только перезванивались, а потом и вообще забыли друг о друге. В последние годы у них было еще одно громкое восхождение в Фанских горах, о котором писала даже «Правда», а еще через несколько лет командир той четверки все-таки погиб... Горе-таки настигло тихого мальчика, которого я утешал летом 68-года.

Так и погиб этот замечательный альпинист, погиб, не решившись на гражданское мужество. Так разве в смелости тут дело?

Но мне не хотелось тогда рассказывать самую альпинистскую трагедию. Мне хотелось сочинить назидательную историю о том, как «пижон», отказавшийся в городе от подписи под протестом, сталкивается в горах со смертельным риском и перерождается, преодолевает страх. И вот, описывая наше сидение на Ложном Чатыне, я для страха убрал присутствие других групп, до предела драматизировал наш спуск вниз и искажил до неузнаваемости свои отношения с напарником Саней, до ходульной схемы: черное-белое.

Ниже я буду приводить лишь правдивые куски рассказа, связывая их пересказом кусков тенденциозных, следовательно, лживых. Начинается рассказ описанием ощущений основного персонажа – Виктора-пизона (мне было неудобно выбирать иное имя), уже третий день наблюдающего за четверкой на маршруте и брюзжащего по поводу их медлительности:

«По разумению Виктора вершина вообще должна браться за один день, не считая подходов. Этот вывод логически вытекал из его опыта новоиспеченного третьеразрядника. Все вершины, на которых он побывал, брались в два приема: подход до верхних ночевок, а в утро следующего дня само восхождение. Километровый перепад высоты, длинные гребневые траверсы – все выполнялось в считанные часы под раздраженные окрики скучающего инструктора: «Живее, быстрее, не тянуть резину!» Тот же Вадим, что копается сейчас на черном гребне, еще неделю назад умудрился прогнать их отделение в одно утро по двум двоечным маршрутам сразу, не дав как следует очухаться даже на вершинах. Конечно, то были нетрудные вершины, а вот эта черная стена, постоянно громыхающая лавинами снега и камней – «пятерка-б»...

Впрочем, в глубине души он знал свою неправоту. Ни одна пятерка не делается за утро, ведь там каждый шаг требует большого труда. Главное время уходит на нудную и кропотливую работу по обеспечению безопасности группы, главные силы – в вынужденном ожидании партнеров. Успех такого маршрута как раз и зависит от методичности и осторожности участников даже в невыносимых условиях.

Виктор просто брюзжал, сидя в импровизированном каменном кресле. Он был сыт и тепло одет. Ведь хоть и шпарит горное солнце, но и ледовые сбросы нижнего ущелья тоже дают себя знать резким пронизывающим ветром. Чуть пониже, в скалах, на кем-то до них сложенном из камней уступе, пристроилась их палатка-серебрянка, с провизией и одеждой, пуховыми мешками и сладями, взятыми сюда

просто так, для баловства. Разжигая примус, возится у палатки его напарник Саня, второкурсник, еще очень молодой и потому наивный парень. Но с обедом он управляется неплохо.

А вокруг – раскинулся Главный Кавказ. Отлично просматриваются знаменитые пятитысячники Бизенги. Правее, в далеких облаках, теснятся горы Сванетии. А левее, прямо на уровне Виктора, громоздятся многочисленные «Тау» и «Баши», под 4 км каждый, разделенные снежными косыми полями и хаосом разломов в ледопадах. На все это великолепие камня и льда, остро врезанное в синее глубокое небо, Виктор мог смотреть часами, упиваясь сознанием своей высоты. Он мог делать это с полным правом, ибо и в самом деле живет сейчас очень высоко, над облаками. На далекие и лишь по догадке зеленые хребты Сванетии он мог вообще не обращать внимание.

Стоит только захотеть, можно взять ледоруб, обувь «трикони» и за 15 минут подняться на Главный Кавказский хребет и быть там хоть целый день. Как хорошо жить здесь, смотреть на сказочные ледопады и кружащих над скалами черных птиц».

Далее следуют хвастливые размышления Виктора о своем альпинистском превосходстве в сравнении с обывателями-горожанами. Он даже напевает песню Высоцкого. Однако тщеславное удовлетворение подтачивает, с одной стороны, стыдные воспоминания о собственной нерешительности в городе, а с другой стороны – созерцание близкого и мрачного Чатына, тягостно недоступного для него лично. Чатын создает у него комплекс неполноценности.

Поскольку я описывал не самого себя или своего знакомого, а непонятного и плохо придуманного человека, то в результате получалась лишь неубедительная схема вместо человеческого характера. Если бы я внимательно списал с себя самого трусость или пижонство, то может, лжи не было бы видно. Но нет, я сначала приписал своему герою непонятное и презираемое мною «пижонство» и высокомерие, и тут же

начал пришивать ему трусливое благоразумие, хотя осознание последнего пижонам как раз не свойственно.

Далее следует описание Сани-напарника. От реального Сани в нем остались лишь внешние приметы: молодость, разговорчивость и наивность. Сам же образ «простого и потому цельного» парня настолько банален, что мне до сих пор удивительно, как я мог сочинить нечто подобное. Здесь правдиво лишь описание их обеда:

«Ложка в последний раз поболталась в кипящей кастрюле и вытащила очередную пробу варева. Они сэкономили крупу и манку, и потому своей ложкой Саня смог выловить лишь несколько разбухших мучных ниток. Предполагалось, что вся гуща располагалась в самом низу кастрюли. Однако выловленного оказалось достаточно, чтобы объявить: «Готово!»

Теперь уже две ложки со сдержанной торопливостью замелькали над кастрюлькой. Литр горячей воды с горстью лапши в ней заправлялся полбанкой тушенки, которая и меняла все дело. Два совсем разных человека над кастрюлей становились очень похожими – молча и с редкой бережливостью несли свои полные ложки, соблюдая строгую очередность и подставляя под них один из трех обеденных хлебцев. В эти минуты Виктора почему-то покидала ирония, и к обеденному ритуалу он относился не менее истово, чем его приятель... Только новое сипение примуса, занятого теперь огромной кастрюлей с будущим чаем, приятно занимало мысли, не отвлекая от главной еды... Чай они пили волю, хотя без сахара и хлеба он многое терял в своей привлекательности. Даже пустой, но горячий чай оказывает замечательное действие, навевая миролюбие и дрему.

С ущелья снова стал тянуться туман. Виктор и не заметил, как скрылось солнце за синим слоем туч с юга. Он просто ощутил усилившийся холод. С супом уже было покончено, а теперь следует медленно и немного затягивая время подготовиться к комфортабельному чаепитию: надеть пуховку, шапочку, залезть в палатку, а там – в

спальный мешок, но так, чтобы плечи оставались наружи. Лечь на живот, подмостив под локти собственные кеды, подвинуть к себе ближний камень, положить на него единственный номер «Техника-молодежи» неизвестного года издания и «насладиться». Кружка для чая уже вытащена, четыре куска сахара лежат рядом на хлебце. Потом Саня принесет заваренный чай и ...»

Затем идут воспоминания Виктора о городских друзьях, сплошь «анекдотчиках и критиканах». В узком кругу «своих» они щеголяли безудержностью отрицания и радикализмом убеждений, на работе же умели прятать свой опасный юмор, заменяя их благонамеренными фразами в разговорах с «мещанами-коллегами» и «начальниками-дубинами», (чтобы не «дразнить гусей из парткома»)… Трусость и цинизм – вот, на мой тогдашний взгляд, главный мотив поведения демократов на словах в отличие от «спокойной смелости и цельной убежденности», которые, как мне казалось, присущи «демократам на деле», т.е. подписантам. Я был не прав. Этих людей разделяли и разделяют не психические или этические отличия, а целые эпохи, просто они принадлежат к разным типам общества. Даже тогда реальная жизнь давала мне много примеров анекдотчиков и всеотрицателей среди подписантов и наоборот, - цельных и мужественных людей среди неподписантов. Хотя бы эта четверка на Чатыне…

Однако экстремистская предубежденность толкала меня на ложное объяснение непонятого мне поведения людей и на то, чтобы впихивать свои впечатления от того года в неправдоподобный в целом рассказ. Эти впечатления сейчас приходится просто выуживать из текста:

«Виктора привели в один дом, где было интересное чтение. Там царила непривычная для него обстановка: незнакомые и все время куда-то спешащие парни, курящие девчонки, сутолока народа в маленькой холостяцкой квартире, треск приемника, ловащего «западные голоса», приглушенные споры и шелест передаваемых друг другу

«самиздатовской литературы». В этом было что-то от давних революционных сходов, но еще больше от стилизационистов, к которым Виктор питал инстинктивное отвращение еще с поры своего комсомольского детства. Может быть, на него произвели слишком большое впечатление бородатые парни и курящие девицы, но ходил он туда с определенно гнетущим чувством, как будто продавал душу дьяволу. И предчувствие его не обмануло.

Он никогда не забудет одного тягостного разговора: было очень неприятно смотреть в глаза той девушки с письмом-обращением в Верховный Совет и отказываться от подписи. Как же ему хотелось тогда поддаться общему настроению и подмахнуть машинописные листки! Но рассудок возобладал над минутной слабостью и он сказал: «Подумаю» вместо душевного: «Конечно». Больше ему не предлагали. Да и он перестал навещать ту квартиру и постарался забыть неприятный инцидент».

В этом описании наврано лишь про отказ от подписи. В той обстановке он означал именно отказ от коллектива той «маленькой квартиры» и психологически был более труден, чем простое «подмахнуть». Просто удивительно, как я тогда не видел этого противоречия.

Далее в рассказе следовало описание «простого альпиниста» Сани с точки зрения презирающего его интеллигентного Виктора. Неудовольствие последнего вызывает с одной стороны нелюбовь Сани к критическому трепу (Саня оказался человеком «дремучей веры и официальных предрассудков»), а с другой стороны Виктор убежден, что в городе Саня не побоялся бы подписать любой протест против нарушения справедливости, поскольку «недалек» и не понимает всей опасности таких поступков (и их «бессмысленность»). Виктор же достаточно умен, чтобы понимать: пользы от подписантства защищаемым людям никакой, а самоубийственного вреда много.

Во всем этом видна лишь вера в «альпинистов», т.е. в простых людей, людей действия. Интеллектуализм,

рефлексия, сомнение в целесообразности действий казались мне тогда лишь хитрыми уловками, оправданием собственной трусости. Другое дело – люди действия. Стоит им понять «правду подписантов», и они сразу же начнут действовать, поддерживать. Им надо только «все объяснить и показать». Это была вера в действенность пропаганды, взаправдашний рецидив революционного народничества.

Мне еще предстояло убедиться самому, как мало действительна честная самостоятельная пропаганда. Конечно, я не вел пропаганды, но довольно часто разговаривал со знакомыми, имеющими отличные от моих взгляды, и ни разу, никого, мне не удалось убедить в своей правоте. Вместе с тем я убедился во вредности самого принципа пропаганды, т.е. вдалбливания в головы людей любых, даже самых правильных идей и убеждений. Следует полагаться лишь на их естественное и ненасильственное распространение. Все же остальное – экстремизм.

Но вернемся к нашим горам.

«Парящая чаем кастрюля стояла перед палаткой, и в нее можно было лазить кружкой сколько угодно раз. Ибо каждый раз они не могли допить до конца и выливали оставшуюся воду за палатку. Погода испортилась окончательно, сырой туман полз снизу и через палатку переваливал в соседнее ущелье. В таком холоде пуховка и чай Виктору были особенно приятны. Потоптавшись у входа и убрав примус, Саня тоже соблазнился палаточным уютом и залез внутрь.

Они пили чай до тех пор, пока оставшаяся на дне жижа не остыла окончательно. Хлебали чай, как и суп, - молча и сосредоточенно. Как будто они оба упорно что-то обдумывали... Они лежали рядом в своих синих пуховках и надвинутых на брови вязаных шапочках. и были здорово похожи друг на друга. Оба глотали коричневую воду и каждый экономил свои четыре куска сахара. Плотный туман снизу, быстро надвинувший темь вечера, сделал эту похожесть еще более полной. Они стали неразличимы, но

одинаковое бытие совсем не сделало одинаковым их сознание».

Дальше я пытался выкарабкаться из логического противоречия: пижон Виктор презирует простых горожан с позиции своего альпинистского положения, но, в то же время, боится серьезных вершин вроде Чатына. Наверное, такие противоречия в ощущениях возможны, но поскольку я не списывал их с натуры, а выкарабкивался из наперед заданной ложной конструкции, то преднамеренно искажал свои собственные ощущения (ведь я тоже был Виктор, тоже не шел по Чатыну, и тоже гордился своим положением наблюдателя—но совсем по-другому, чем описывал).

«Сейчас они равнодушно смотрели на сгущающийся туман и были способны лишь отметить, что вчера он появился намного позже, был слабее, к ночи совсем рассеялся. Несложная мысль: «Кажется, погода портится» никак не связывалась с возможностью трагедии наверху. О красной ракете несчастья они не думали, а только о том, что за ночь туман рассеется, солнце снова согреет воздух и скалы, и скудная чатынская травка в редких расщелинах расправит свои стебельки.

Но нет, так бывает не всегда. Погода может портиться надолго, принося страдания людям, и потому случаются несчастья, и потому берут с собой альпинисты красные ракеты...

Двое в палатке еще не знали, что пройдет лишь трое суток и для них настанет момент, о котором они боялись даже подумать, который уверенно исключали из своего возможного будущего, даже когда вполуха слушали наставления руководителя уходящей четверки. Двое в палатке не предполагали, что «невозможная» красная ракета станет такой простой и чудовищной реальностью, окрасившей вдруг палатку в тревожный цвет беды.

...Они не сразу осмыслили все значение произошедшего. Казалось, три дня такой непогоды атрофировало у них не только способность к передвижению, но и вообще к

восприятию чего-то иного, кроме тихого шуршания снега, уверенно погребаящего мир. Они были раздавлены этими днями не только морально, но как бы и физически... Туман ночью превратился в дождь, сначала тихий, потом сильный – с грозой и градом. Дождь вперемешку с градом шел непрерывно целые сутки. Виктор еще никогда не видел такого слоя града. С палатки его приходилось счищать руками, но все равно он наваливался сугробами, таял и лужами проникал в палатку. Остальные дни шел тот же снег, обильный и упорный. Мир погрузился в белесую мглу. Их скального острова на перевале уже не существовало – он был завален свежим полуметровым слоем снега. Ни черных камней, ни зеленого мха с редкими цветочками в трещинах, ни ступеней и зацепок для рук, ни каменного кресла – ничего теперь не существовало; была лишь бугристая поверхность предательского снега. Любой шаг теперь мог привести к срыву снежного пласта под ногой и... скольжению вниз.

Мир сузился до пятачка перед палаткой, где надо было умудряться и снегу для кастрюли набрать, и нужду справить. Остальной мир перестал существовать: он был невидим в белесой мгле и даже неслышим. Прежние частые камнепады как будто утонули в пухлом снегу. Этот мокрый снег быстро облеплял одежду и таял на ней: они стремительно теряли сухость своих вещей. Великолепная легкость курток и мешков сменилась сырой тяжестью мокрого пуха. Основной заботой в эти дни стало сохранение своей сухости: наружу вылезали не более раза в сутки, под себя, в лужу талой воды намостили все имеющиеся тряпки, включая штормовки и брюки, не распрямлялись в палатке часами, боясь касаться ее мокрых полотнищ...

Они почти не разговаривали, боясь затронуть болезную тему: когда же все это закончится? Впервые горы предстали перед ними в столь зверском обличи. Уже не верилось, казалось нереальным, что здесь могло светить солнце, что они здесь жили как боги, в тепле и сухости, свободно лазили по скалам, греясь в голубом воздухе и даже надевая темные

очки от слепящего солнца. Горы, которые всегда были такими яркими и ясными, которые если хмурились облаками, то ненадолго, понарошку, сейчас эти горы исчезли, растворились в белесой гадости, как будто их вообще не стало. Одна только их палатка еще как-то держится на снежном бугре в центре этого прокисшего космоса. Старого многокрасочного мира не стало... А уж наблюдения за Чатыном – тем более. Да и какой смысл соблюдать время связи и в назначенное время всматриваться в туман, если вокруг вообще ничего и никого нет, кроме их палатки? Они боялись говорить и о четверке. Что с ними сейчас? Может, там наверху, погода все же лучше и группа идет вперед? Но как же они тогда увидят их на вершине и поймут, что можно уходить с перевала вниз? Да и как теперь они будут уходить отсюда по такому ненадежному снегу? С одной лишь веревкой? Все известные скальные выступы занесены снегом, крюков у них нет, нормальной страховки не организуешь – а без этого идти нельзя, губельно.

Но, наверное, у четверки погода еще хуже, идти они не могут и тоже, наверное, пережидают непогоду... Скоро кончается и контрольный срок, и все припасы... Господи, когда же кончится эта беспросветная тягомотина: ни встать, ни сесть, ни повернуться? Когда же можно будет снова подняться человеком идущим, прыгающим, действующим, смеющимся?

В трудностях непогоды пижон Виктор, конечно, стал превращаться в раздраженного хлюпика, впадая в «угрюмое оцепенение» и «безнадежное» ожидание, что кто-то придет и снимет их с перевала. Он ругает себя за согласие стать наблюдателем в этом гиблом месте, но лишь малая часть этих слов мне близка самому:

«Подделом тебе, не пижонь. А то нашелся «горный орел», глядящий сверху вниз на «шумный чад городских машин». Чтобы он теперь не сделал, чтобы очутиться в городе, свободно идти тротуаром в легкой и сухой городской одежде, следя одним глазом за автомобильным потоком. Как

хочется выпрямиться, раздвинуть руки, разбросать промозглую тьму палатки, заносимой снегом. Но руки умнее головы и лишь бережно стряхивают снег с единственного здесь убежища.

Виктор, казалось, даже распух от этих мыслей. Угрюмость его как бы сгустилась и слилась с черной небритостью и бессвязными философствованиями в какую-то дикую дремучесть. Что-то в нем надламывалось, лишая сил и уверенности. А ведь положение их еще было далеко от критического: еда была, до больших заморозков не доходило, бензина было достаточно. Держаться можно было вполне.

...Сначала он не хотел выглядывать из палатки вслед за Саней, когда тот слышал слабые крики. Потом, когда они усилились, повторяясь через определенные интервалы, он все же высунулся наружу, и этого было достаточно, чтобы увидеть красный трепет в тумане. Ракета, видимо, была направлена прямо в их сторону, как будто стремилась доставить сигнал через туман... А потом, как бы разгоняя все сомнения в реальности увиденного, там, наверху, дали новую ракету, И как ни странно, внизу ее увидели – слабый красный огонек с дымным шлейфом. Видимо, и в этой беспроектной мгле встречались просветы».

После красной ракеты Саня решает идти вниз, сообщить о беде, т.е. выполнить свой долг наблюдателя, презрев риск спуска с перевала в такую погоду. Отупевший Виктор подчиняется, не понимая опасности.

«Собирались споро и без суеты. Кряхтя, натягивали мокрые брюки и скользкие ботинки, запихивали в рюкзаки тяжелые спальники, весь инвентарь. В этой возне Виктор как будто возвращался к жизни от кошмарного сна. Действие разгоняло кровь по дрожащему от холода телу и воспринималось организмом как наслаждение. Растревоженный красным светом, он совсем не думал об опасностях предстоящего пути и был способен ощутить только облегчение от того, что они выходят вниз и, кажется, наступает конец этой белой пытке.

Не прошло и часа, как, распустив веревку-тридцатку, они покинули свою стоянку – единственное темное место в этом мире. Сняли палатку, и вот уже темный квадрат под ней на глазах заносится снегом, как бы разрывая их последнюю связь с надежной землей.

Правда, наверх к самому перевалу они поднялись довольно удачно, хоть и медленно. Саня впереди нащупывал в снегу надежные ступени. Иногда они не получались, и тогда сугроб мягкого снега, набирая скорость, срывался прямо на Виктора. Стали подниматься, траверсируя склон влево, так, чтобы снег скатывался мимо. Прежние 15 минут хода теперь растянулись на час – зато у Сани не было ни одного серьезного срыва. Да и не должно было быть здесь срыва, когда практически нет страховки – рыхлый снег ледоруб не удержит.

Когда они вылезли на безопасно ровную полосу перевала, то даже не вспомнили, что это перевал, и сразу пошли к спуску, который лишь постепенно становился пропастью. И вот тут за первым перегибом вниз Виктор, наконец, опомнился и ужаснулся: «Что мы делаем?» Наверное, это случилось потому, что он не мог теперь задирать голову вверх на переднего Саньку, а вынужден был глядеть вниз, откуда они неделю назад поднимались вместе с мастерами, ругавшими эти сплошные «сопливые места» - крутые ледовые стенки с островками разрушающихся скал и живых камней. Тогда они шли в основном по скалам, вырубая ступени на ледовых переходах. Со свистом летели вниз куски льда и глыбы камней, сдвинутых первой связкой. Где сейчас эти ступени, где скальные уступы, за которые можно заложить страховочный конец веревки? Где они в этом проклятом снегу?»

Именно здесь, на опасном спуске, и должна была, по моему замыслу, разыгаться всеразрешающая драма. Виктор отказывается идти на смертельный риск, Саня изумляется его трусости и эгоизму. Вот образчик Саниной патетики: «Как можно говорить о своей безопасности, когда с вершины дали

красную ракету? Да разве ему докажешь, ее свет давно уже погас в этом подонке. Он весь побелел от страха...» - (Я с удовольствием отмечаю «красивость внутренней речи выдуманного мною человека, чтобы отметить – они подчеркивают и усугубляют фальшь всей этой сцены). В конце концов, Саня отвязывается от напарника и уходит вниз один – на возможную гибель, но безусловно правым.

Но эти минуты медленного ухода Сани в благородную пропасть производят в душе Виктора переворот: ему и жалко напарника, и стыдно за свою трусость, и здесь, и в городе при отказе от подписи («И какая разница, будет ли от той бумаги польза или нет... Дело не в ней, а в моей совести. Я просто трус, трус, умеющий оправдывать себя, но не умеющий жить смело и достойно»). Он догадывается, что всю оставшуюся жизнь будет мучиться угрызениями совести («видеть каждую ночь, как Санька уходит в небытие») и присоединяется к напарнику.

Сейчас я изменю принятому правилу опускать все, что с нами не происходило на деле, потому что хотя столь драматичного спуска с Ложного Чатына не было (мы уходили с киевскими мастерами и безопасность была обеспечена превосходно), но в общем такой спуск мог иметь место (где-то и с кем-то), в нем нет тенденциозной фальши.

«Они сорвались при переходе первого же ледяного склона. Так что Виктор был прав, считая этот спуск безнадежным: во льду ногой через снег ступени не выбьешь, а счищать снег со льда и рубить ступени ледорубом – не получалось. Поэтому и пошел Саня по склону как по обычному снегу, надеясь, что он удержится на камнях, не сползет... Виктор был сдернут сразу же: оба заскользили вниз. Без всяких мыслей о смерти, о жизни, о небе. Им хотелось только ругаться, но ругаться было некогда: они старательно самоадерживались, как их учили, ледорубом и ногами, но ничего не помогало в этой каше снега в небольшой лавине с живыми телами в центре... И вдруг рывок. Веревка, зацепившись за скальный островок, выдернула их из лавины,

заспешившей в страшный низ. Неделию назад такими камнями был усеян весь ледовый склон, а теперь казалось чудом, что веревка смогла уйти под снег и найти там спасительную зацепку. Очухавшись немного, они не кричали от радости, не благодарили веревку-спасительницу, а постарались поскорее выбраться на соседние снежные бугры-скалы. Катились, видимо, довольно долго, что здорово сократило их путь. Но еще не раз им приходилось идти по предательским склонам бывшего льда, и лишь случай их хранил...»

Благополучно спустившись, на нижних ночевках Виктор и Саня встречают спасателей, уже извещенных какой-то другой группой. Значит, они опоздали со своей информацией, и их риск был не нужным. Но для перерожденного Виктора это не важно. Главное – они выполнили свой долг... «ходили рядом со смертью и знают цену жизни: этой ценой можно сделать невозможное» и т.п. Заканчивается же рассказ следующей типично революционно-романтической декларацией, ради которой он и затевался:

«Нельзя быть человеком без настоящей жизни, т.е. без жизни, полной борьбы и риска. Романтические фразы, бывшие для него раньше лишь предметом насмешек, неожиданно вдруг обернулись собственной реальностью... А как здорово быть вот таким: преодолевшим свой страх, способным делом подкреплять свои слова, действием – свои убеждения, идеалы, черт возьми. Да разве нет у него идеалов? Разве его жизнь в городе не заполнена большими мыслями и идеями?»

Этот человек вдруг почувствовал себя освобожденным от унижительного страха за себя, за разумность своих поступков. Вдруг не стало паутины логических рассуждений, за которые он платил страшную цену своего фактического превращения в винтик механизма, раба «разумных отношений». И это сделало его сильным и свободным. Такое превращение никак не отразилось на нем внешне. Правда, люди, знавшие его прежде, может, удивились теперь его сдержанности и простоте. Но здешние люди были

далеки от желания заниматься психологическими наблюдениями. Виктор был просто одним из тех двоих, кто в эту чертову погоду на собственных задах с Ложного Чатына спустились...»

На этом фактическом лозунге: «Вступайте в ряды...» следовало бы закончить описания этого единственного для меня литературного и одновременно пропагандистского опыта. Но так велико было мое желание повлиять на читателей, убедить их, что я не отказался еще от одного дополнительного эпизода, поместив его за эпилогом: Виктор встречается среди спасателей одного из подписантов, сталкивается с его глазами: («Весь мир для него сузился в этих глазах. Глаза, полные недоумения: «А ты как здесь оказался. Как ты смеешь быть здесь?»»).

Вот такой невольной ложью (ибо тогда я еще надеялся совместить облик диссидента и альпиниста) заканчивался весь мой опус, превращая его в разновидность известного плаката, на котором суровый и заранее отметающий все возражения человек тычет в тебя огромным пальцем: «А ты вступил в ряды демократического движения?»

И сейчас, удивляясь своим тогдашним чувствам и «творениям», я в оправдание могу только предположить, что не один я такой был в тот год. Мало того, мне кажется, что такая экстремистская логика развития присуща любому человеку, отделяющемуся от коллектива. Экстремизм – это как болезнь возмужания.

Человеку, лишь недавно отъединившемуся, свойственно еще цепляться за прежних товарищей. Ему голо, неприветливо, неуютно без них, хочется вернуть их – но уже на базе своих новых убеждений. В лучшем случае он пробует воздействовать на свое окружение проповедью и убеждением, похуже – пропагандой, в худшем случае – насилием и принуждением.

В лучшем случае отделившийся человек изживает свою экстремистскую болезнь, приучаясь к терпимости и идейному сосуществованию с другими людьми, в худшем

случае экстремистски настроенные люди соединяются и образуют новое, еще более прочное единство-коллектив, а задача развития независимой личности вновь откладывается, отодвигается в далекую перспективу.

Не только для меня, но думаю, и для движения «в защиту прав человека» судьбой было уготовано испытать лишь самую легкую форму экстремистской болезни.

5. Встреча с Прибалтикой, 1969 год

О маршруте и прибалтийских диафильмах

Июньская двухнедельная поездка к друзьям в Каунас, а потом по всей Прибалтике была нашим первым совместным выездом после перерыва с 1968 года (рождение Гали), и в то же время первым выездом в "Европу", потому что Литва - это католическая страна, а Таллин, Рига, Калининград - старинные немецкие города. Так мы впервые поехали в свою внутреннюю "заграницу". Мы хотели увидеть не только старинную архитектуру, но и как живут (вернее, жили) на Западе, и потому содержание прибалтийских диафильмов построено на прямом продолжении темы отношений России и Запада, только с преимущественным упором на мнения и интересы этого самого ближнего к России "Запада".

Лиля не вела тогда путевого дневника, но маршрут в целом помнится и сейчас:

- поездом до Вильнюса, потом гостевание у Витаса и Аушры в Каунасе (по дню на каждый город);
- потом пеший и автобусный маршрут по Литве - Тракай, Аукштадтварис, Бирштонас, Неман, Раудоне, Вилькия и др.;
- два дня в быв.Кенигсберге и Зеленоградске на берегу Балтики у начала Куршской косы;
- день у дюн на Куршской косе, у поселка Нида;
- два дня в Клайпеде и Паланге;
- день в Лиепая и день в Риге;
- день в Сигулде и Цесисе;
- два дня в Таллине;
- и, наконец, на обратном пути домой через Ленинград - Нарва.

Однако диафильмы расположились совсем в иной последовательности, начинаясь с Таллина и Нарвы, с Эстонии.

В диафильме "Эстония" нет цельности, в нем очевидно резкое трехчастное деление: 1) вступительный рассказ Лили о

нашей любви к старинным зданиям на примере посещения Борисоглебского монастыря на Ярославщине; 2) основной экскурсионной рассказ Лили о хождении по Таллину с традиционным зачином: "Входим в город, осматриваемся, вдумываемся..." (мне, правда, никогда не приходилось "вдумываться", а лишь бегать в поисках лучшего ракурса) и, наконец, третья, моя часть - история противостояния ливонского города Нарвы и русского Иван-города, история взятия русскими Нарвы и Таллина от Грозного до Петра I.

Рассказ о Нарве я считаю одной из немногих своих диафильмовских удач - уж слишком выразительно смотрят друг на друга крепости-соперники: нарвский замок Германа и русский Иван-город! Какой точный символ отношений Запада и России. Однако от выводов из этой истории, сформулированных в диафильме, я вынужден был отказаться. В нем я противопоставлял светлого Петра черному Ивану, приписывая первому реформы как уроки после первых нарвских неудач, а второму - лишь грабительский разгул после первых нарвских побед. Отношение к Грозному у меня не изменилось, но пересмотрена оценка петровских "реформ". Заключительная фраза диафильма - "позор ивановских побед и честь петровских поражений" - звучала красиво и четко, но сейчас я бы ее не произнес... О действительной роли Петра I, этого удачливого и потому, может, еще более страшного деспота, я достаточно полно высказался в диафильме "Ленинград" (1977г.).

Второй диафильм "Латвию", скроенная из неравноценных кусков про сигулдинские и цесисский замки и про торговые Ригу и Лиепая. Основным его стержнем стал рассказ о рыцарстве, начиная с романтического отношения Лили к этому красивому понятию, через обильное цитирование рыцарской "Ливонской хроники" о жестокостях и войнах рыцарей с местными племенами, и кончая отрицательной оценкой рыцарских потомков - от остзейских баронов до латышских стрелков - "рыцарей революции". В этом диафильме я как бы рассчитываюсь со своим

собственным революционным романтизмом и понуждаю себя к приязни к бюргерской, буржуазной конструктивной жизни - на слайдах Риги, главным образом. Я понуждаю себя к этому, и получается плохо, а моя проба перейти к обсуждению проблем современного протеста на примере попытки самоожжения рижанина И.Рипса - вообще неудачна.

Третий, основной в прибалтийской серии, длинный-длинный (в 2-х частях) и тяжелый диафильм "Литва". Это понятно - ведь мы ехали, прежде всего, к литовским друзьям и получили у них и много литературы, и огромный заряд любви к этой небольшой стране с такой большой историей и культурой. История Литвы очень связана с историей Западной Руси и стала как бы началом нашей серии украинских диафильмов - еще более длинных и еще более тяжелых (ведь мы с Лилей имеем украинское происхождение...)

Неудача д/ф "Литва" - от чрезмерной любви к стране и связанной с этим перегруженности стихами и чувствами. Лиля горела таким же "литовским энтузиазмом", и потому не смогла достаточно эффективно меня сдерживать. А, впрочем, самим литовцам смотреть этот фильм совсем не тяжело, они даже говорили: "Как жаль, что так быстро кончилось..." Но, конечно, это особые зрители.

Во всяком случае, плохо или хорошо, но мы показали в этом фильме любовь литовцев к своей маленькой стране, их гордость и муки за ее несвободу при русском самодержавии. Если бы мы, русские, могли так нежно, скромно и гордо любить свою Родину! Но, видно, такая любовь невозможна для такой огромной страны, господствующей над иными народностями. К законной национальной гордости у нас подмешивается, почти неизбежно, великодержавный шовинизм, и все портит.

Мы любовались и впитывали в себя Литву, и при этом постоянно соотносили ее с собственным домом. Вот, если бы... Так диафильм получил двойную хронологическую ось: параллельно с рождением и развитием литовской нации идет история ее взаимоотношений с русскими, идет русская

история упущенных возможностей и на деле реализованной действительности.

Литовская нация родилась в XIII веке в борьбе прибалтийских племен с захватчиками, когда к традиционным посягательствам русских князей с востока присоединился немецкий духовный орден, обосновавшийся вначале в Риге, а потом "огнем и мечом" распространивший по Прибалтике веру Христову. В этой кровавой "купели" часть прибалтийцев довольно быстро подчинилась ордену и осела вокруг Риги - латышами, отрехшись от язычества и самостоятельности. Другая же часть, упорно отстаивавшая языческую веру предков и их традиции силой оружия и дремучестью лесов, выработалась в воинственных литовцев во главе со знаменитым основателем литовского государства Миндаугасом, а потом - Гедемином, распространивших власть Храброй Литвы от Балтийского моря до Черного, до самого Крыма и Москвы... Но это было, было, было...

И, наконец, диафильм - "Умирающий Кенигсберг"¹ о нынешней столице "русской" области (даже звучит как насмешка) - прямо обращен к современности, к решению тяжелейшего вопроса наших отношений с Западом: правильно ли было забирать у немцев их землю, даже если они, несомненно, виноваты в ужасах второй мировой войны? - Мой личный ответ однозначен, хотя я и понимаю его сегодняшнюю нереалистичность.

С тех пор прошло много времени, у власти в ФРГ встало правительство Вилли Брандта, официально отказавшееся от всяких притязаний на Кенигсберг. Так что

¹ Сценарий диафильма напечатан в т.2 Собрания «Жизнь и поражения советского инакомыслящего», а посмотреть его можно, как и все наши диафильмы, с нашего сайта www.sokirko.info/region.html

тяжелые раздумья и предсказания нашего диафильма оказались как бы неверными, не осуществившимися. Но, тем не менее, наши знакомые смотрят его все с тем же неослабным интересом. И они, и мы чувствуем: каким бы мирными и "нереваншистскими" ни были бы правительства в Германии, но проблема наших захватов чужих земель и проблема китайской угрозы остаются самыми насущными и тяжелыми внешнеполитическими проблемами нашего национального существования.

Ни один из наших диафильмов не имеет такой обнаженной публицистичности и пристрастности. И ни один из них не смотрится с таким напряженным вниманием. Тема отношений с Западом трогает почти всех.

Сценарий диафильма «Эстония»

1. Люди едут и едут в Таллин и, наверное, не меньше, чем в Суздаль. Разные люди.

2. Для одних поездка - способ развеяться, встряхнуться, для других повод небрежно ответить знакомым на вопрос - где был на праздники? - в Таллине, для третьих - впитать ресторанный экзотизм, для четвертых - встретиться с городом-заповедником, для пятых - вслушаться в чужую историю, чтоб понять историю своей страны. Как говорится - "Кто любит попа, кто попадю, а кто попову дочку".

2а. Ну и что ж в этом плохого - торговля и транспорт процветают. Туристы разъезжаются удовлетворенные. И нет сил изменить этот порядок, хочется хоть высказать свое несогласие и с теми, кто следует моде на древность, и с теми, кто ездит развеяться, и с теми, кто ездит за питейной экзотикой.

2б. Я б не стала навязывать им своего взгляда на древности, если б не чувствовала отвращения к потребительскому к ним отношению, если б не болела за их

сохранность, если б не ощутила на себе их влияние на формирование гражданственности и не видела, как этого чувства еще мало в других, а главное, как мало желания его в себе пробудить.

3. Бродя по Подмоскovie, мы не раз встречали церквушки - сохраненные и разрушенные, маленькие и большие. Но воспринимались они, в основном, как вертикаль, как ориентир.

4. Не знаю, можно ли назвать озарением то чувство, которое я испытала в Борисоглебском монастыре, увидев его звонницу. Правда, и почитала немного перед этим о церквях, и присматриваться к ним стала.

5. Но та звонница, как крестная мать. Впервые дрогнуло и затеплилось сердце при виде каменного строения, и огромный мир новых ощущений, как одна из граней счастья, ослепил глаза.

6. А все дело было в том, что я, как показалось, уловила замысел мастера, и тоненькая ниточка понимания протянулась между нами. Он выразил в этой звоннице свои критерии красоты.

7. И я их приняла, они мне созвучны. Не потому ли, что он русский, мой соотечественник. Не о моих ли современниках думал он, ставя звонницу, и основательно, на века, и наделив ее женственностью?

8. Я уезжала из монастыря Бориса и Глеба счастливейшим человеком. Ведь открытие нового мира совершается не каждый день. И покатилося все, как снежный ком. Соприкосновение с древностью стало потребностью. Мне хотелось видеть, читать, запоминать, понимать, обобщать. А границы познаваемого мира отодвигались все дальше.

9. Мне стало мало просто любоваться силуэтом, пропорциями, деталями отделки, меня стали интересовать мои предки, как люди. Я хочу на их примере, на богатой истории моего народа разобраться в извечном вопросе, "что такое хорошо, что такое плохо". Мне нужно подтверждение правильности собственной линии жизни. Могут спросить,

почему не ищешь нужное тебе подтверждение в современной жизни. Жизнь современников меня очень волнует, и примеров для подражания немало. Но правы ли они, мои современники, правильные ли пути чертят для моей страны? Не принесут ли их действия вред да горе? Без анализа истории на эти вопросы не ответить. Вполне достаточно книг по истории, возражают мне.

10. Кому как, а мне нужно видеть своими глазами. Мне нужно найти красоту здания, оценить ее, дать местечко в своем сердце, сделать его чуть-чуть родным, и тогда мне становятся небезразличными и люди, что его строили, и те, что его сберегли, время, в которое они жили, беды, выпавшие на их долю. А потому так легко находит отзвук во мне все, что потом читается об увиденном здании, городе, о далеких предках, что они, эти новые здания, нанизываются на зрительные впечатления, как на стерженек. У меня теперь много-много приятных мест - знакомых по стране. Таким близким местом стал и Таллин.

11. Таллин нас интересовал как город западный. Хотелось знать - даром или нет слово "Таллин" в переводе "датский город". Остро хотелось видеть, чем их "западная" культура отлична от нашей.

12. Немного волнуясь, мы подошли к воротам Нижнего города. Волнение это - отголосок волнения первооткрывателей. В этот момент и мы впервые открывали (для себя, правда) новый город. Откроется ли, сможем ли ощутить его своеобразие, его прелести? Уважительно обращаемся к городской стене с приветствием.

13. Входим. Медленно бредем по улицам, готовые обрадоваться любой, даже самой маленькой, своеобразной детали.

14. Ближайшая цель - притягательное острие церкви Олевисте.

15. С первых же шагов нас встречает средневековые в виде этих высоченных островерхих крыш на 3-4 этажа.

16. А изумрудный шпиль церкви Олевисте лучше смотреть издали. Так становится понятным его назначение - главная вертикаль города.

17. А вблизи впечатление - ненужной, гнетущей громадности. Может, постройка этой колокольни также связана с драмами ее строителей, как тот шпиль, помните?

18. Во всяком случае, не вспомнить о людях, сотворивших почти невозможное, нельзя.

19. Кто город вытесал из скал, висящих

Над берегом в лесных зеленых чащах?

И в крепость грозный Тоомпеа утес

Кто превратил? Каменотес.

Рукой согрел он каждую морщинку

В камнях, трудясь и в зной, и в стужу

Он отдал городу всю душу.

Здесь он рожден, здесь встретил он кончину.

20. Пускай пройдут столетия, пусть волнами

Грохочет море Балтики, но тот

Кто создал город, жив и вечно с нами

Он каменную нам оставил песню эту...

21. Таллинцы не могут пожаловаться на однообразие своей истории. Едва народившись, эстонский город Kalevanlinna (город Калева) был захвачен датчанами в 1219 году. А потом время от времени им владели то немцы, то датчане, то шведы, владели,

22. укрепляя и расширяя. Но рассвет Таллина начался со времени вступления его в Ганзейский союз.

23. В XIII-XIV веках он окончательно оформляется как европейский город.

24. Мы не в состоянии выделить эстонское, немецкое или датское в этих постройках. По-видимому, эстонское лучше видно в национальных обычаях, одежде, искусстве. А такие готические зданья были как бы интернациональны в Европе... и красная черепица,

25. и ступенчатый фронтон.

26. Таллин нисколько не отставал от развитых западных городов и в хозяйственном отношении. Искусные деревообработчики были в городе. Городские власти поощряли цеха ремесленников, и, конечно, купеческие союзы.

27. Это здание Большой гильдии - клуб купцов, а позже и дворян. Членам этого клуба предоставлялась честь воевать не в толпе пехотинцев, а верхом на конях. Радующая глаз торжественная простота здания говорит о хорошем вкусе заказчиков.

28. А напротив - здание братства черноголовых. Я испытывала невольный ужас перед этим братством, пока не выяснилось, что черную голову имел мавр Маврикий, покровитель торговцев, и его голову вставили себе в герб эти молодые купцы, организовав свое братство холостяков. Фасад здания говорит сам за себя, что он сын времени Возрождения.

29. Все конфликты, что возникали между ремесленниками, торговцами и простыми людьми, и государственные дела разрешались здесь, в здании ратуши.

30. Здание - сама крепость - узкие некогда окна, зубчатый верх стены с бойницами, высокая сторожевая башня.

31. Но прошли лихие времена, и башня украсилась изысканным барочным шпилем, куда со старого, простенького шпиля не забыли пересадить защитника города - старого Тоомаса.

32. Старый Тоомас известен за пределами Эстонии куда больше, чем ее герб. По-видимому, у всякого взрослого человека он ласкает детские струны души.

33. Очень было приятно узнать, что в здании ратуши и сейчас ратуша, только называется она горсовет. Почему так приятно видеть, что национальные ценности берегут?

34. Потому, наверно, что за этим чувствуется уважение людей к себе, как нации. А это красиво. И еще потому, что горько видеть, что в моей земле людей разучили гордиться национальными святынями. И прежде, чем они вновь научатся, времени пройдет немало.

35. Эстонский народ принимал элементы чужой культуры, если они не противоречили основам его культуры. Но когда, не считаясь ни с чем, в центре древнего, освященного легендами, Вышгорода властно стал громадный, слепленный из неисчислимого количества деталей собор Александра Невского, то эстонцы хорошо почувствовали, что это не чужая культура соседнего великого народа протянула руку дружбы, а наместник русского тирана бесцеремонно оскорбил их святыню.

36. И, как противопоставление этому варвару, небольшая скульптура Линды, супруги богатыря Калева, сидящая в окружении мощных лип, воздающих ей почести. Кого же еще чтить эстонцам, как не Линду? Ведь

Все камни сложила рукою своей, /Труд матери не был печален,

И Вышгород вырос из этих камней /Твое основание Таллин.

37. Я не сразу поняла, почему Линда - обыкновенная, небольшая женщина, ведь сложить такой холм по плечу лишь богатырше. Но потом поняла, что Линда у Вейценберга - это олицетворение скорби, большой скорби, вместившей и свою беду - смерть любимого супруга, и беды многих ее соотечественников. Русификация Эстонии ведь тоже беда немалая.

38. Ведь это в Екатерининское время на территории замка Тоомаса построили губернское управление, снеся мешающие здания. По счастью, этим ограничились.

39-40. И еще остались в Вышгороде уютные уголки.

41. Домский собор - хранилище веры таллинцев - главный собор, огромный мавзолей над могилами самых почитаемых граждан города.

42. Мы были удивлены, увидев внутри собора белые стены, на которых лишь вычурные фамильные гербы

43. похороненных. Подходящее место для воспитания национальной гордости.

44. Башня Длинный Герман - на удивление высокая башня. Но это не излишество. С нее далеко было видно, что придавало таллинцам уверенность, что враги не застанут их врасплох.

45. Вообще-то город был хорошо защищен и крепостной

46. стеной со множеством башен, и рвом перед ней.

47. А битв прошумело у его стен немало - и с немцами, и с датчанами, и со шведами, и с русскими. Русским он очень был нужен для выхода к морю. Но на их пути стояла эстонская Нарва.

48. Пограничная крепость и крупный торговый город Нарва возникла еще в 1224 году на правом берегу реки Нарвы, потом, когда ее сожгли нарвогородцы, переместилась на левый берег.

49. Старая Нарва исчезла почти полностью во время последней войны. Сейчас развалины убрали, и осталось

50. только одно здание ратуши.

51. Сиротливо глядит этот дом на новые кварталы. Она, действительно, только памятник о том, что было когда-то в Нарве, обозначение географического центра старого города.

52. Главным звеном в обороне берега Нарвы служил замок Германа с мощной центральной водяной и высокой сторожевой башнями.

53. Но очень скоро после постройки сторожевая башня оказалась ненужной. Враг появился рядом.

54. Объединив русские земли, Иван III стал крепить границы своих земель и готовить силы к наступлению на запад. И вот, по его повелению, напротив замка Германа строится русская крепость Иван-город в 1492 году.

55. Строили ее под вражеским взглядом в небывало короткие сроки. Всего за три месяца псковские мастера воздвигли на крутом холме мощные стены.

56. С 10 боевыми башнями, укрытыми под их защитой храмами и теремами.

57. Из этих бойниц прекрасно просматривался весь город вокруг старой ратуши и простреливался замок Германа.

58. Здесь можно было готовиться и копить силы для штурма Нарвы. И не столько Нарвы, сколько всей Ливонии и богатого города Таллина. Но осуществлять эти планы пришлось только следующему Ивану - Грозному.

59. В 1558 году Иван-город принял первые русские войска. Напрасно собирался ливонский сейм и срочно гнал послов русскому царю с согласием на его первые условия, напрасно отказывался от самостоятельности внешней политики и униженно гарантировал полную свободу русской торговле.

60. Царь, сославшись на то, что, мол, из Нарвы стреляли по русским и чинили тем обиды его людям, повелел взять город.

61. Повеление было исполнено. В русскую казну прибавилось теперь ежемесячно 70000 руб. от Нарвы. По взятии этого ключа от Прибалтики царь потребовал рабской покорности от всей Ливонии. Не добившись того миром, попробовал силу.

62. "Много городов сдалось, в них селили русских и строили русские церкви, в битвах избивали ливонцев". Но взять Таллин Ивану не удалось, зато он геройски сжег монастырь Бригитты в 7 км от города.

63. Как повествует современный путеводитель: "От трехнефной монастырской церкви, одной из самой большой в Эстонии, остались лишь наружные стены из тесаного плитняка".

64-65.

66. Грабежи и разорение, угон в рабство и продажу татарам несла эта война и немцам, и эстонцам, ибо царь не делал между ними различия - все для него были неверными. И потому часто жители предпочитали взрываться на воздух, чем доставаться живыми русским татарам.

67. Тринадцать недель продолжалась осада Таллина - но мужество осажденных, подвоз морем снарядов и припасов

из Швеции, заставили снять осаду. Таллин и Рига были спасены.

68. Датский по названию, немецкий по духу, Таллин теперь стал шведским по власти - но что с того? Главное, он остался в Европе и не испытал на себе ярости восточного деспота.

69. Теперь вплоть до Петра I шведские короли перестраивали и украшали город, основывали школы и храмы, покровительствовали торговле и наукам.

70. В 1700 году русская армия стала под стенами Нарвы. И хотя во главе ее был единственный европеец той России - сам Петр, вся 40-тысячная армия стояла еще на уровне Ливонской войны.

71. Несколько недель они стреляли из царь-пушек по этим стенам. Толку не было - не умели попадать. Кончился порох - царь уехал за новым. И в это время к осажденной Нарве пришла шведская помощь.

72. Жители Нарвы видели, как при одном виде усталых колонн 8-тысячного шведского войска 40 тысяч русских бросили укрепления, убили своих командиров и в панике бежали.

73. Тогда Нарва торжествовала! Она еще не знала, что ее стенам судьба уготовила стать не только защитой от восточных варваров, но и их преобразовательницей. Поражение под Нарвой стало концом старой русской армии и началом всех петровских реформ, вырвавших Россию из азиатской спячки.

74. Через четыре года реформ на берегах Нарвы снова появились 30 тысяч новых обученных русских grenадеров. Четыре месяца осады - и Нарва пала, возвестив этим русскую участь всей Прибалтики.

75. Стоят на берегу реки две крепости, два смертных врага - Герман и Иван, стоят друг против друга, нацелившись грозными башнями.

76. Какой символ нашей трагичной истории!

77. Мы знаем, что Иван победил, в конце концов, Германа, но победил не сразу, не одной силой, а только переняв германские знания и искусство, только встав на путь европейской цивилизации.

78. В 1710 году вслед за Ригой Петру сдался Таллин. Русские войска впервые вступили на узкие улицы датского города. Они не грабили, не жгли, не убивали, не продавали татарам в рабство. Они даже обеспечивали сохранение прав магистрата и безопасность торговли и ремесел.

79. И хотя впоследствии преемники Петра изменяли его заповедям и сильно угнетали прибалтийские народы, все же ливонцы сохранили свою развитую культуру, став одной из передовых и революционных частей русской империи, одним из внутренних источников ее развития.

80. Русские вошли сюда как ученики, победившие учителя. И сегодня мы приезжаем в Таллин не только окунуться в атмосферу старого датско-немецкого города, не только в историю Европы, но и в свою, русскую историю, историю своих падений и своей учебы, историю позора ивановских побед и чести петровских поражений.

81. В этих войнах русская культура впитала в себя все лучшее от культуры Таллина и всей Европы, и сегодня в этом городе мы узнаем черты и своего учителя, и своего прадеда.

82-85.

Сценарий диафильма «Латвия»

1-3.

4. Пройдет еще несколько часов, и серое латвийское

5. утро уступит синему дню. Мы свернем свою палатку и пойдем бродить по склонам Сигулды.

6-7.

8. Здесь Гауя течет меж обрывистых берегов, полных старых развалин, пещер и романтических легенд.

9. Мы побывали только в одной пещере Гутмана. Здесь толпы экскурсантов. И всем рассказывают историю Турайдской Розы.

10. На ее могиле всегда цветы.

11. Жила очень давно в Турайдском замке девушка Майя. И очень полюбила она молодого садовника из Сигулдинского замка. А встретались они у родника в пещере Гутмана.

12. Но однажды эта пещера стала для Майи западней, куда заманили ее подложной запиской два насильника. Свою честь Майя спасла лишь ценой жизни. Она убедила суеверных злодеев в заговоренности своего платка и уговорила испытать его чудодейственную силу ударом меча.

13. С тех пор и стала пещера Гутмана местом паломничества влюбленных и поэтов. Она вся исписана, есть надписи несколько вековой давности.

14. Удивительно, что здесь они не оскорбляют, они сами реликвии истории.

15. Легенды и предания Латвии! Как много прекрасного таится в этой земле:

Латвия! Горы твои и долины

Дух окрыляют свободный в груди,

Словно дубы, высоки здесь мужчины,

Девушки - нежные липы в цвету.

Сигулда - это не только поэтическая душа, это и ее память. Здесь начиналась история латышей. От века здесь жили их предки - племена ливов и лэтов. Жили незаметно для мира и истории не делали. Пока не появились в их землях рыцари.

16. Рыцарство! В Союзе, наверно, нет больше уголка, так тесно связанного с памятью об этих людях. Здесь на расстоянии часа ходьбы видны друг другу развалины трех рыцарских замков.

17. Древнейший из них Турайда - резиденция епископа.

18. Сейчас, прилизанный реставрацией, он равнодушно распахнут перед любым посетителем.

19. От Кримулдинского замка чуть ниже по Гауе остались лишь обомшелые камни развалин. Они уже мало заметны в траве, эти камни. Латышская земля готова стереть с себя память об инородном, и снова вернуться в первобытно-зеленое состояние. Но время для этого прошло.

20. Дети этой природы, жившие до прихода псов-рыцарей одной жизнью со своей землей, теперь ей противоречат, берегут память о немцах, считают замки своей славой и звание рыцаря звучит в их устах лучшей похвалой. Ушли немцы-рыцари, но лэтты и ливы стали латышами.

21. На противоположном берегу стоит главный, Сигулдинский замок, резиденция магистра Ордена, приют рыцарства в будни стычек и в праздники побед и турниров.

22. Он не реставрирован, этот могучий замок. Так и застыл поэтическими развалинами. Почему понятия - рыцарь, король, принц, вера - поэтичны, прекрасны, благородны?

23. И как бы сберегая сказку, хранят женские души мечту, если не о принце, это уж вправду сказочно, то о рыцаре. Рыцарь наших мечтаний не закован в латы, не увенчан роскошным шлемом, не восседает на Росинанте. Это не надо. Пусть будет белая рубашка, а под ней благородное и мужественное сердце. Такими мы хотим видеть наших мужчин. И с тех давних времен не устаем напоминать им об этом. И такими они становятся, чтобы снискать нашу любовь.

24. Благородство и мужество! Вот что повествует хроника Генриха Латыша о битве на Гемерете. Увидев, что все эстонское войско несется на них, Арнольд, брат-рыцарь, подняв знамя, сказал: "Плотнее, братья-тевтоны! Посмотрим, нельзя ли сразиться с ними. Мы не должны бежать, чтобы не покрыть позором свой народ". И ударили на тех, но убили многих из них, и пал Бертольд, сын Каупо, а также Ванэ, зять его, смелый и доблестный воин, а некоторые братья-рыцари были тяжело ранены. Тут тевтоны, видя свою

малочисленность, ибо было их 20, сжались теснее и, сражаясь с врагами, прямым путем отступили к Койве.

25. О любви к прекрасной даме, о верности и силе, о простодушии и чести рыцарей не устают напоминать нам готические камни. Сказки говорят, что можно оживить умерших, стоит только подумать о них. Подумаем, и туман забвения рассеется, и вот уже юный рыцарь въезжает в ворота Сигулдинского замка.

26. Не просто было стать рыцарем даже сыну рыцаря. Мальчишка семи лет навсегда лишился материнского тепла и становился оруженосцем. К 17 годам он прекрасно держался в седле и был обучен военному делу. А затем в один из великих праздников его посвящали в рыцари. Ритуал, мало меняющийся из века в век, в душе каждого посвящаемого вызывал бурю чувств - это была одна из главных жизненных вершин.

27. По ритуалу, посвящаемый сперва мылся, чтобы иметь в будущем право никогда больше этого не делать.

28. Потом торжественно, с перерывами, вручалось оружие - одевался меч на пояс, подвязывались золотые шпоры. Потом облачение кольчуги и, получив удар ребром руки по шее, свеженький рыцарь принимал присягу.

29. А клялся он:

- любить Родину;
- охранять церковь и Евангелие и, если нужно, умереть за веру;
- бороться против зла и защищать добро;
- быть чистым душой и нравом;
- защищать правду и держать рыцарское слово;
- быть мужественным в битве и посещать турниры только ради воинских упражнений;
- и, наконец, - такова уж примета времени, "ежедневно слушать натошак обедню" - это уже вроде наших политинформаций.

Каков кодекс? А? А ведь похож он очень, да думаем, что исполнялся он тогда много истовей.

30. Но преодолеем обаяние легенд. Вот облик ливонского рыцаря из учебника истории. Псы-рыцари, так звали этих людей покоренные народы. И это тоже правда, жестокая правда.

31. Цесис (или Венден по немецки) - следующий город вверх по Гауе - главная военная база Ливонского ордена. Его замок разрушен меньше и, видимо, будет скоро реставрирован, так же как Новый замок.

32. Ну что ж, в добрый час. В этих степях уместно быть военному музею, рассказам о победах и грабежах, смертях и ужасах.

33. Когда-то в городском ныне парке стояли укрепления латышского племени вендов. Было оно слабым и зависело от соседей, потому и приняло союз с тевтонами, приняло от них крест и оружие против своих соседей. И вот в центре Латвии, рядом с Венденом, вознесся немецкий Цесисский замок.

34. С тех пор орден шел от успеха к успеху. Крепкие стены и подвалы годовых запасов надежно защищали рыцарей от случайностей, а отличное оружие, машины и хитрая дипломатия помогали покорять язычников руками самих язычников.

35. Долго не хотели креститься эстонцы. Послали в Ригу послов сказать, что мира хотят, но веры Христовой не примут, пока есть у эстов хоть один годовалый мальчик в локоть. Тогда тевтоны пошли войной на эстов вместе с русскими из Псковья и, говорит хроника: "Перебили они повсюду много народа и захватили у них женщин и детей и, обходя там кругом, разоряли и сжигали, что находилось". Но не смирились эсты. Натравили тогда литовцев, потом датчан, затем лэттов-латышей.

36. И говорит Хроника: "Лэтты всех эстов перебили, а, возвращаясь, встретили других лэттов, тоже туда шедших. Что оставили первые, взяли вторые, где те упустили, там наверстывали эти, кто спасся от первых, был убит вторыми, захватили много добычи и пленных и пошли назад. Всех

предали мечу - одних зажарили живыми, других предавали иной жестокой смерти... Ибо думали они воевать до тех пор, пока уцелевшие эсты не придут просить мира и крещения, либо истребить их совершенно".

37. И смутились язычники, и был у них великий плачь и вопль. Плакала Эстония о детях своих и не могла утешиться... И крестились эсты. Торжествует хроника: "Что не по силам было королям русским, то быстро и кротко совершила к славе своего имени пресвятая дева Мария руками рабов своих тевтонов".

36. Много приходилось трудиться братьям-рыцарям крестом и мечом на поприще веры. Но и в накладе они не оставались. Роскошью доспехов и оружия не было им равных. Золотыми звездами были усеяны залы Цесисского замка. Папа заранее все грехи отпускал воинам Христовым. Ну, а обет безбрачия - его легко было нести; ибо свидетельствует Хроника: "Пленных женщин и девушек брали себе - какой по две, по три и больше, часто другим продавали".

39. И, конечно же, на покоренных дань налагали, ибо велел папа: "Чтобы те, кто на войне и в других непрерывных трудах несут тяжесть дневных забот, получал и награду за труд свои - треть всех ливонских и будущих, не завоеванных еще земель; ибо, подвергаясь большим расходам, надо пользоваться и большими доходами".

40. Не так уж много было рыцарей - 4 тысячи в лучшие времена на всю Ливонию, и разбивали их не раз, при Сауле, при Грюнвальде, на Чудовом озере. Знаменитое Ледовое побоище стоило рыцарям целых 500 погибших и пленных.

41. Но все же устояли тевтоны, удержали господство над покоренными латышами и эстонцами. В бедности соломенных крыш держали их рыцари и дети их, остзейские бароны.

42-43. Ничто не колебало власти их традиций. Ни военные катастрофы и подчинение польскому сейму, шведскому королю, русскому царю. Ни смена религии - католичества на протестантство, православия на современный

атеизм. Ни смена костюмов, ни разрушение старых замков - рыцари-бароны, казалось, навеки сроднились с этой землей.

44. И когда грянул 17 год, Цесис и его замок стали местом рождения нового типа рыцарей и проповедников. Здесь, в Цесисе, формировались подразделения знаменитых латышских стрелков. Отсюда они шли в Россию, Москву, Кремль и Лубянку. Дзержинский и Берзинь, Фабрициус и красный Вайцетис. Железные рыцари революции! С маузером в руке и с красной звездой на шлеме они действовали решительно и беспощадно, хладнокровно и пламенно. "Чистые руки, горячие сердца, холодные головы". Несколько тысяч революционных рыцарей обратили лапотную Русь в свою веру, свое слово и дело.

45. Красив Цесисский замок.

46. Величественны его руины.

47-48. И грозные башни.

49. Но страшна и темна история его романтических хозяев,

50. верных и храбрых рыцарей, вероломных и жестоких меченосцев.

51. Реками крови прошла по земле их христианская кротость, морями слез - их верность славе девы Марии, рабством людей - их служение страдальцу Иисусу. Великим злом - их пламенная вера. Поистине правда: вера, обращенная в действие во имя свое - не может не стать злом.

52. Но есть и другая Латвия, не рыцарская, а торговая, не романтическая, а сытобюргерская. Она славилась и раньше не великолепием замков и храмов над соломенными крышами бедняков, а богатыми городскими кварталами и бойкими рынками, и лежит она не на Гауе, а на море.

53. Мы три дня провели здесь.

54. Купались и загорали в промежутках между прогулками по городу.

55. Лиепая

56. Сразу признаемся, мы ничего не знаем об этом городе. А можем лишь показать тихость ее старых особняков

57. и улиц, горделивое достоинство купеческой Либавы.

58-64.

65. Рига - огромна и шумлива, и мы ее тоже не знаем.

66. Отсюда, с Даугавы, виден ее центр - старый город, основанный еще в 1201 году епископом Альбертом.

67. Узкими переулками можно подойти к старому замку.

68-70.

71. В Риге много древних соборов. Вот Домский собор, где и сегодня звучит орган, говорят, один из лучших

72. по мелодичности и красоте звучания.

73-74.

75. Церковь покровителя города святого Петра когда-то славилась своим высочайшим деревянным шпилем. В последнюю войну он погиб вместе с ратушной площадью, а сейчас восстанавливается.

76-77.

78. Но гораздо интересней сами улочки старой Риги. Дух вольного, бюргерского торгового города, члена Ганзы, как бы законсервирован в этих старых домах, в этих средневековых складах.

79. Купцы пришли сюда раньше рыцарей и священников. И последних, с их проповедями, они всегда только терпели. А в 1221 году взбунтовались и избрали свой первый магистрат. Еще через 70 лет Рига открыто не подчинилась ордену. Долго продолжалась между ними борьба.

80. Орденский замок попеременно становился то

81. ненавистным оплотом рыцарей, то попадал в руки горожан.

82. А, в общем, город всегда жил по своим законам: работал, торговал, копил деньги. Лишние деньги - это лишние школы, лишние вклады в культуру, что видно

83. даже по архитектуре: аскетичность ранних построек сменяется роскошью более поздних.

84. Постройки всех стилей соседствуют в Риге, гордясь

85. друг перед другом своими звонкими, веселыми украшениями.

86. Мощью атлантов.

87. Изысканной линией шпилей.

88. Рига - антирыцарский город, воплощение трезвости и рассудка, труда и предприимчивости, любви к науке и страсти к свободе. Такой осталась она и ныне.

89. Сразу за старым городом на площади Свободы стоит удивительный для наших глаз монумент Свободе, поставленный еще в довоенные годы, когда три звезды

90. были символом республики. Много историй рассказывают о том, как сохранился этот памятник, но и сейчас для латышей он символизирует очень многое.

91. Недаром именно это подножье выбрал рижский студент Илья Рипс, чтоб вспыхнуть факелом на всю Россию. Его попытка стать рыцарем свободы не удалась - Рига и теперь не принимает рыцарства, даже во имя свободы. Она идет своим путем. И Рипс остался жив, как жива Рига, как жива земля Латвии.

92-94.

Сценарий диафильма «Литва»

1. Lietuva

2. Литовцев всего 3 миллиона, и живут они на площади,

3. меньшей Горьковской или Рязанской области. Но сравнение с областью здесь невозможно. Совсем другой масштаб культуры и народа.

4. Бродя по Литве, мы любовались не только ее городами и природой, но и внимательно всматривались в ее хозяев, людей, которые сделали эту небольшую землю такой прекрасной страной. Как было б хорошо, если б наши рязанцы, воронежцы или горьковчане так же любили каждый свою землю, служили ей и украшали, как могли. Жить на

родной земле, хранить могилы предков и их память, хозяйничать свободно в своей жизни, стараться для своих детей - что может быть прекрасней?

5. Прощаясь с Литвой, нам хотелось сказать: "Спасибо вам за ваш патриотизм литовский. Вы этим делаете благо для всех нас. Будьте счастливы!"

6. На Западе с угрюмых гор
Как паруса вздуваясь круто,
Шли грозовые облака, /И ты была стройна, легка,
Цвели глаза твоих озер, /А косы украшала рута.

7. Алел пожарами простор,
Метались искры как метели
И ты стояла поутру /На перепутье, на ветру,
Цвели глаза твоих озер /И волны рек твоих синели.

8. Не жаль коня мне - с этих пор
Я не жалел и жизни тоже
Грустил я о тебе одной, /Такой прекрасной и родной,
Цвели глаза твоих озер /И ты была всего дороже.

9. Потух от слез твой ясный взор,
Ты знала горе без исхода
Меня на битву проводи, /Спокойно вслед мне погляди
Глазами светлыми озер /Я принесу тебе свободу.

10. Издревле, с самых давних времен, жили здесь литовцы. Но потом, когда с запада от немцев пошли грозовые облака войны, лесные племена объединились в народ, а холмы и озера стали Родиной.

11. Вдоль Немана и других рек выростали оборонительные крепости типа Каунаса или вот этой крепости в Вилконе, что скрыта сегодня в липовом парке.

12. Сейчас на старом городище только поздний костел, но само городище осталось, как остался внизу и многопомявший Неман.

А от моря прусского /В край наш поналезли
Люди сплошь в железе, /Молятся кресту, /А еще костру.

13. Ой, леса дремучие, /Без конца, без края,
Чем позор гнетущий /Уж погибнуть лучше, /Вас обороняя.

14. А на городище Гедиминаса стоит только столб с именем знаменитого князя, да опять пришел лес. Конечно, он не так дремуч и труднопроходим, как

15. в те давние времена, когда прятал одетых в звериные шкуры литовцев.

16. Литовца лес всегда любил, как любят брата.

Давал ему покой, любил его стократно,

Зверей и птиц давал, плодами оделяя,

И падал на врагов, литовцам помогая.

В суровый день спасал от страхов в тьме ночной,

В печальный день давал душе его покой.

Со времен сотворения мира до XIII века лес служил литовцам единственной надежной защитой свободы и миролюбия.

17. Но с годами росли аппетиты соседей, пока они не вылились в опустошительные набеги и разорение.

Немцы с запада, русские - с востока.

Страшная сила обрушилась

На дремучие леса ятвяжские.

От Буга и Нарева до самого Немана

Как тучи шли враги со всех сторон,

И черный ужас над краем витал

В зареве пожаров бесчисленных

И вся земля превратилась в стон

18. И солнце над лесом обуглилось,

А небо затмилось полуденное.

Литовцы бежали от врага./ В чащах, в болотах прятались.

Но там их настигали /Вязали путами.

Иных тут же убивали, /Иных в рабство угоняли,

Где на них, как на волах /Тучной Волыни поле пахали.

Ой, Даниле, Даниле, худо кончеша,

Коли на литовцах землю пашеши.

19. Предсказание сбылось. Русская Волынь плохо кончила, попав со временем в подчинение литовцев. Но для этого пришлось бывшим охотникам и землепашцам взяться за оружие и навсегда подчиниться княжеской дисциплине,

пришлось строить замки и самим завоевывать другие народы. Таких замков, как в Раудоне, осталось немного на берегах Немана.

20. И не похож он на древнюю крепость, скорее это старый дворец, и если верить путеводителю, выстроенный в стиле Ренессанса.

21. От боевых же тех времен стоит только дуб Гедимины в пять обхватов.

22.

23. Синие плоскости ожерелья озер чистой воды, белые паруса яхт и мерные взмахи весельных байд вдоль зеленых берегов.

24. И, наконец, само ожившее из развалин и забытья средневековье.

25. Почти час мы потратили с вечера, чтобы найти ночлег у озера с хорошим видом на замок, и утром не жалели.

26. Эта крепость, огражденная водным заслоном озер, делится рвом с подъемным мостом на предзамок и верхний замок.

27. Удивительно, как приятно, когда детские представления подтверждаются. Непреступный рыцарский замок с подъемным мостом - вот он. И ты веришь в него, забывая, что он - дело рук реставраторов.

28. Взволнованное сердце делает глаз острее, а воображение объемней и ярче.

Как ты прекрасна, страна родная,

Земля, в которой спят герои,

Жила ты трудно, жила, страдая,

Ты нам дороже за это втрое.

29-30. Очень долго он был разрушен и никем не восстанавливался. Он походил на сегодняшние развалины замка на полуострове, и уже в прошлом веке вызывал щемящую грусть Майрониса.

31. Вот замок Тракайский в дремоте, во мхах,
Столетнею славой окружен.
Его именитых властителей прах /Истлел и покоится тут он.

32 Слушает ли ветер озерную гладь
Стихают ли сонные волны,
Крошатся размытые стены, и - глядь! –
Срывается камень безмолвный
А замок темней и тесней с каждым днем,
И чуткое сердце горюет о нем.
33. Но сколько столетий он прожил светло,
Но сколько он рыцарей славил!
Здесь Витаус храбрый садился в седло
И ратной дружиною правил.

Где грозная слава минувших побед?
Где наши преданья? - затерян их след.

34. Вы, мертвые стены, вы, черные рвы, /
И вы, безоружные башни,
Ответьте, о чем вспоминаете вы,
Что снится вам в дреме всегдашней?
Вернется ли прошлое, иль навсегда
Как юность, исчезло оно без следа?

35. Я часто у грустных развалин бродил,
Слезами туманились очи,
И сердце горело, пока я следил
За шествием сумрачной ночи.
И сердцу напрасно хотел я помочь,
Вокруг расстилалась безмолвная ночь.

36. Очень долго Тракай был главной резиденцией литовских князей. Отсюда Литва начинала походы против немцев, татар и русских, здесь была ее главная крепость.

37. В этих готических замках принимались послы и гости, решались дела войны и мира, устраивались пиры в честь побед и поминки героев.

36. Хозяева замка творили историю. И делали ее, видимо, правильно, ибо потомки их выжили свободным народом и чтят их память.

39. Тракай, как и вся оборона Литвы, зачастую у нас ассоциируется только с борьбой против немцев. Но это не так.

Вся история этой страны - это битва на два фронта: с немцами - на западе, и с татарами и русскими - на востоке.

40. В страшное время русско-татарской неволи князь небольшого, но мужественного и родственного славянам народа выступили первыми собирателями русских раздробленных земель. И не только собирателями, но и освободителями их от татарской неволи, ибо, в противовес Москве, действовали не под эгидой татарского хана, а с помощью Европы - против ханской воли.

41. Уже в 13-м веке первый литовский князь Миндаугас владел русскими городами и землями. При Гедеминасе, имевшем титул великого князя литовского, жмудского и русского, литовское княжество состояло на 2/3 из русских людей.

42. Альгирдас и Кестутис - те прямо разделили свои обязанности: Альгирдас воевал на востоке, освобождая от татар Чернигов и Волынь, Смоленск и Киев, Минск и Брянск, а Кестутис отвоевывал родные земли у немцев на западе.

43. Он же выстроил и Тракайскую крепость на полуострове. До сих пор Кестутис и его жена Бируте - любимейшие народные герои.

Не герои ль седой старины, /Бредя нашей древней славой,

Клича ждут, чтоб за счастье страны /Биться с недругом в схватке кровавой.

44. Но наивысшего расцвета литовское государство достигло при Витаутасе - самом знаменитом князе всей литовской истории, главным строителем Тракайского замка. И сегодня улицы его имени есть во многих литовских городах. Сын легендарного Кестутиса, выдержавший в молодости победоносную схватку с коварным Ягайлом, своим двоюродным братом и будущим польским королем, Витаутас разбил немцев в Грюнвальдской битве и на многие века освободил родину от германской угрозы.

45. Не красная калина, /Сочилась кровь в долине,
То сыновья Литвы /На зорьке ранним утром
Громили крестоносцев, Громили крестоносцев,/
Ложась в сырую землю

И матушки о них и сестры горевали, /Была отчизна рада

46. Была отчизна рада, /Что дети ее любят,
И ярости полны бесились крестоносцы,
Что нас не одолеть им.

Что нас не одолеть им, /Нет силы побороть нас,
Что лучше смерть в бою, /Чем кандалы в неволе.

47. Это было время не только расцвета литовской силы и могущества, но и время рождения нации и культуры, рождение единого народа. Тысячи лет жили литовцы в лесах, и вот под предводительством Витаутаса они вышли могущественным народом в окружении своих недовольных соседей.

48. Кроме замка, в Тракае есть другой, живой памятник тех давних времен - это караимы, переселенные Витаутасом из Крыма в один из его победоносных походов. Маленький осколок легендарных хазар, стертых с лица земли Святославом и другими русскими князьями, караимы сохранили иудейскую веру хазар и их высокую культуру, полученную еще от древних евреев. Литва грамотой Витаутаса гарантировала их права и свободу, и благодарный народ отплатил верностью своей второй родине. Они сохранили свой язык, письменность и веру, вырастили не одного известного ученого и деятеля культуры и помогали литовцам создавать собственную культуру.

49. Тракай - прошлое, которым гордится каждый литовец.

50. Над нами снова нависли беды.

Грозит нам гибелью недруг ныне.

Спасли отчизну когда-то деды,

А мы унижены и в унынье.

Исчезнут призраки лихолетья,

Воскреснут слава и счастье наше.
И снова будет земля в расцвете,
А солнце станет светлей и краше.

51. В центре нынешней столицы Литвы Вильнюсе, у слияния Нерис и Вильняле стоит всего лишь одна башня среди развалин древнего замка Гедиминаса.

52. И мы удивлялись, сколько туда приходит людей и особенно детей. Удивляло и их восторженно притихшее состояние, и внимательность к рассказам взрослых. Казалось, что школьники всей Литвы приходят сюда на свидание с историей своей страны.

53. Был я, был на горе Гедимина
С вышины смотрел на Литву.

Вся земля как ладонь исполина. /Край родной я узрел наяву.
На устах моих зреет слово, /С губ сорваться оно готово.

54. Пусть не я этот город своими руками
Строил - в мой он просится стих.

Я - наследник, его обомшелые камни
Прикрывают останки дедов моих.

И теперь я должен взглядеться / В оставленное мне наследство.

55. Деды поэта лежат здесь очень давно, еще с первобытных времен. Уже в 1323 г. князь Гедиминас сделал Вильнюс своей столицей. Вот как это произошло в пересказе Адама Мицкевича:

56. Однажды, Гедимин охотился в Панарах,

На шкуру он прилег в тени деревьев старых

И пеньем тешился искусного Лиздейки

И убаюкан был журчанием Вилейки

Железный волк ему явился в сновиденьях

И понял Гедимин ночное откровенье.

57. Он город основал в непроходимых чащах

Тот город волком стал среди зверей рычащих,

Так было вещим сном грядущее открыто

Железо и леса - с тех пор Литвы защита!

58. Три замка защищали честь города с железным волком в гербе. А рычащих зверей вокруг было довольно.

59. Вильнюс сначала формировался как русско-литовский город. Большинство подданных князя были русские, и русский язык стал первым государственным языком страны. От русских воспринимались и вера, и ремесла. Город, тогда еще небольшой, был обнесен крепостной стеной, от которой сегодня осталось лишь основание одной башни, на которой сегодня стоит колокольня кафедрального собора.

60. Больше никаких зданий тех времен не осталось. Разве что стоят православные церкви на месте более древних храмов, заложенных еще русскими супругами великих князей.

61. Литва выступила первой реальной силой, начавшей реконкиту - отвоевание русских земель (этой неотъемлемой части Европы) - от татарского востока. Однако битвы с татарами сменились войнами с московскими полками, верными сперва хану в Сарае, а потом царю в Москве. Русский народ предпочел объединиться вокруг татарских преемников в Москве, и этим судьба западной реконкиты была решена. Шаг за шагом, Москва отбирала назад западные земли, сперва русские, а потом и других народов.

62. Войны шли за войнами. XIV век - время неудачной борьбы Альгирдаса за влияние на Тверь, в XV - веке потеря независимых Новгорода и Пскова. А в начале XVI века - четыре продолжительных и неудачных войны с Москвой из-за земель на Угре и Оке. Потеря Чернигова, Смоленска, Бреста, Гомеля. Наступление Москвы шло медленно, но неотвратимо.

63. Над Вильнюсом, который уже давно вырос из литовско-русского укрепления в большой европейский город, нависала угроза порабощения. И нам понятно, почему Литва пошла в это время на объединение с Польшей. Литовские князья стали королями Польши и Литвы. С тех пор многие века Литва и Польша были вместе.

64. Общие войны против России сменились для обоих народов - царским гнетом.

Увлажнена твоя земля, мой край,
Горячей влагой крови, пота, слез,
Что впитывались в землю, словно дождь,

И вот когда бы поискать пришлось -
Нетронутого места не найдешь...

В дымящемся поту, за родом род,
В кровавой слезной пене пополам
С водой соленой выживал народ,
И только кровь сочилась по полям

65. И - уцелел. Веков повороты

Какой ни городили огород,
На перекрестке маленькой Европы
Мы начинали новой жизни ход.

66. Союз с Польшей предопределил судьбу народа и его культуры, а значит, и архитектуру тех зданий, которые и сегодня могут ввести туриста в атмосферу прошлых времен.

67. Литва перестает быть русской и православной, и становится западной и католической. А вместе с католичеством в страну пришли и первые книги, и смена русского алфавита на латинский, и вся передовая культура Европы, ремесленные цеха и водопровод, городское самоуправление и красивые костелы. Вильнюс стал готическим городом.

68. Старый Вильнюс - это узкие темные улицы с редкими окнами домов (за каждое окно на улицу магистрат требовал своей платы).

69. Это полуподвальные магазинчики с оригинальными

70. вывесками и старыми фонарями. Черепица крыш и

71. запутанные внутренние дворики.

72. Кривые переулки и неровные булыжники мостовой.

73. И, конечно, костелы - в перспективе улиц над крышами всех домов. Костелы - музеи и действующие,

74. у которых торгуют свечками, а прихожане молятся мадонне.

75. Видишь, вот Вильнюс, красуясь дворцами,
Дремлет на лоне холмов.

Вечер укроет его облаками, /Мглой непробудных снов.

76. Где твоя громкая слава былая?
Где твои предки и мощь молодая?
Где твои, Вильнюс, лучи,
Те, что светили отчизне, блистая,
В древней ночи?

77. Главной святыней города является бывший кафедральный собор. Заложенный еще в век основания города, он много раз перестраивался, пока не получил свой классический вид.

78. В подземельях собора надгробья литовских князей и польских королей. Драчуны и рыцари, они находили здесь, на родной земле, в семейном склепе, свое последнее пристанище.

79. Так было всегда, пока правила литовская династия королей и пока русский царь Алексей Михайлович не захватил Вильнюс в 17 веке и не подарил себе титул великого князя Литовского. Правда, очень скоро Алексея Михайловича выгнали из Вильнюса, но этот успех был только временным.

80. Сегодня собор стал картинной галереей города и концертным залом, где звучит органная музыка. И пусть от него отняли религиозные функции, душе литовца он все же дорог!

81. Литву также трудно представишь без костела, как Россию - без церкви. Высокие башни костелов

82. как будто говорят - вот место, где собираются литовцы в дни досуга, где они приобщаются к миру и богу, памяти предков, столетиями хранивших католическую веру.

Тот не литовец, кто отныне /

Покинет крест родной земли,

Потопчет древние святыни, /Что предки гордо возвели.

83. Яркие внешне, внутри костелы поражают вкусом и высокой художественной культурой убранства. Это настоящий художественный музей, музей, где все искусство - от богатства лепки

84. и динамичных картин на библейские темы

85 до устремленной в небо архитектуры - подчинено одной идее - возвышения человека до высокого и прекрасного олицетворения всего человечества, к богу. Эти храмы, полные света и красок, благоуханья бесчисленных пионов и жасмина совсем не так воздействуют на посетителя, как русские темные церкви.

86. Ты сидишь в храме и погружаешься в восторженное созерцание мира. Почему-то легко и грустно. Тебя не подавляют сумрачные лики святых, суровые ряды подвижников и мрачные картины неизбежного судного дня. Напротив, тебя окружает радостный, умный, кажется, даже немного светский и ироничный мир. Даже монах-доминиканец, о котором слышались столько ужасов, покойно и нежно держит на руках ребенка. Таково великое воздействие западноевропейского искусства - оно не давит, а поднимает человека - не подвижника, не фанатика, а обычного светского человека с его радостями и печальями.

Так солнечно! Сколько надежд впереди

Хочу лишь любовь воспеть я.

Весь мир бы я обнял, прижал бы /К груди /

И не разомкнул бы объятия.

87. Но что это? Ты вздрагиваешь от неожиданно громкой молитвы. Это какой-то упорный верующий за 10 копеек проник в музей и творит перед распятым обет-молитву. И ты вдруг понимаешь, насколько и сейчас глубока в людях потребность в такой иступленной вере и пламени подвижничества, если даже сотни лет воздействия светлого искусства католических храмов не перевоспитали некоторых из них, не сделали мягче и добрее.

88. Мы покидали этот собор бенедиктинского монастыря в Пожайлисе вблизи Каунаса, глубоко взволнованные своим первым знакомством с католическим храмом. Но и в дальнейшем наши первые впечатления гармонии и тихой радости только укрепились.

89. Деревянная красота Аукштадвариса.

90-91. И строгость поздней готики Бирштонаса.

92. Монументальность храма в Паланге.
93. И величавая двухбашенная готика Вилькии.

94. Как ты прекрасна, страна родная,

Земля, в которой спят герои,

95. Жила ты трудно, жила страдая,

Ты нам дороже за это втрое!

96. Леса, как рута по горным склонам,

Дубисы светлой волна живая

97. Бежит привольно в краю зеленом,

Простую песню нам напевая.

98. Течет спокойно там Неман темный

Средь мирных пастбищ в седые дали

Он словно полнится неземной

Глубокой думой сестрой печали.

99. Зато нам весело в том селеньи,

Что тишиною в полях объято.

Как звонко жаворонок в отдалении

Поет под вечер в лучах заката.

100. Как величавы твои костелы

В прозрачном небе, в сиянье утра

Горят не златом их престолы

А древней верой, простой и мудрой.

101. Как ты прекрасна, страна родная,

Земля, в которой спят герои.

Что встарь погибли, тебя спасая

И воспевая тебя порою!

102. Но вернемся в старый Вильнюс, который сохранил могилы многих литовских героев и богатые памятники прошлого.

103. Ансамбль из двух костелов Анны и бернардинцев. Эти здания - прекрасный памятник началу XVI века, когда Литва, потерпев неудачи в объединении русских земель, но еще полная сил и молодости, окончательно повернула к Западу.

104. Памятник тому времени, когда строился новый и прекрасный готический город, западный и по вере, и по стилю, строился на века,

105. органом вкладывая готику в душу народа.

106. Пока я видела готику только на картинках, отношение к ней было отрицательное. Она мне казалась порождением изломанных, мельтешащих душ. То ли дело суровая византийская простота - монументальность и строгость. Но годы шли, и рядом со спокойствием я все чаще замечала в людях оскорбительное равнодушие, а люди сложные, мятущиеся, приобретали в моих глазах все больше веса. Так что жизнь подготовила меня к принятию готики

107. и в дрожащей линии силуэта готического костела мне теперь видится очень нелегкий и длинный путь к свету истины, и чем ближе к ней, тем больший кусок неба и земли способен охватить глаз и понять ум.

108. Потому с таким соучастием скользит мой взгляд по изломанным плоскостям стен, забегает вверх и зовет за собой.

109-110. Но где там. Ноги прочно стоят на земле, и земные вечные заботы лишь на время дают волю истину ищущим мыслям. Ну и пусть не подняться мне на вершину, не успеть, и пусть приходится мне смотреть из-под руки на всех обогнавших и легко ступающих, я тоже иду, и это немало.

111. Другой шедевр Вильнюса - костел Петра и Павла - "жемчужина вильнюсского барокко".

112. Собор строился великим гетманом литовским Пацасом, как выражение вельможного богатства и роскоши. Но сегодня он воспринимается как гигантский естественный музей скульптуры того века. Две или три сотни мастеров под руководством итальянских скульпторов Перетти и Ралли много лет работали над интерьером храма.

113. Одних только человеческих изображений здесь более 2000. И связаны они не только библейскими темами,

114. но и эпизодами истории Литвы и Вильнюса, сценами из жизни людей.

115. Костел Петра и Павла - последний взлет архитектурной роскоши в Вильнюсе. Скоро денег и сил перестало хватать даже на оборону от России.

116. Двести лет назад Литву включили в состав Российской империи. Страна "Литва" перестала существовать - ее место заняла одна из многочисленных расейских провинций - Виленская губерния. Перестал существовать и литовский народ - он просто стал одной из разновидности русских "инородцев".

117. Там где Неман льется мимо /Прядей и высот,-
В кабале невыносимой /Стонет мой народ.

118. С песней колыбель качая, /Грустный взор клоня
Там невольню мать родная /Боль влила в меня.

119. Вспоминал там бор шумящий /Время, как литвин
В гнет не верил предстоящий /Знать не знал кручин.

120. Там руины крепостные /На холмах полей,
Там скорбит в часы ночные /Прах богатырей.

121. Там я в муках рос угрюмый, /Там в расцвете сил
Бедняков живые души /Горько полюбил.

Потому не затухая /И всегда свежа
Точет сердце боль глухая, /Как железо ржа.

122. Все эти мрачные годы самодержавного гнета были полны непрерывной борьбой Вильнюса и Литовского народа против русского владычества и его прислужников - местных феодалов. Народ, попавший в колониальную зависимость, обречен на страдание, но если этот народ имеет высокоразвитое национальное самосознание - его мучения еще более ужасные, а освободительная борьба еще упорней.

123. Эти улицы слышали поступь национальной гвардии Вильнюса в 1794 году, когда из всех народов Европы только литовцы и поляки откликнулись на призыв Великой французской революции: "Свобода, равенство, братство".

124. Где-то здесь, в городе, заседал тогдашний главный Совет Литвы - первый литовский ревком во главе с инженером Ясинским, организуя оборону против русских войск.

125. А через четверть века штабом революции стал Вильнюсский университет, старейший в нашей стране. Эти здания помнят брожение эпохи декабристов, помнят тайные общества филоматов и филаретов, помнят революцию 1830 г., за которую он поплатился своим закрытием.

126. Университет со своими многочисленными зданиями и запутанными двориками - ансамбль, где смешались стили и традиции разных эпох, основан иезуитами в 1579 г. Он быстро приобрел светскую окраску и стал главным культурным центром страны.

127. Здесь работали и преподавали многие известные ученые, от материалиста Лыщинского до знаменитого историка и революционного вождя Лелевеля. Здесь работали ставшие знаменитыми в Европе скульпторы и архитекторы, художники и композиторы. И весь этот цвет культуры задыхался в тисках николаевской реакции, ибо, если царь почти придушил культуру своего народа, то об "инородческой культуре и говорить нечего".

128. Эта невыносимая духота кончилась ударами набатного колокола университетского костела Ионаса, поднявшего Вильнюс в помощь Варшаве.

Ты как ношу носи опаленный стих / Не зачахнуть бы в слов изобильности.

Пусть по птичьи вспорхнут они в Вильнюсе
С колокольни святого Ионаса.

129. В ночь, когда снами трудными маешься,
От невысказанных задыхаешься!
Ты хоть раз загуди, заревая медь,
Будто молнией пораженная,
Чтобы городу древнему разуметь,
Чем встревожена медь стозвонная.

130. Подними ото сна стобашенный
Древний город, зарей окрашенный.
Раскатись над кровлями вольный зов
Колокольных, раздольных, опальных слов!

131. Это была смертельная борьба, ибо ставкой в ней была жизнь народа как нации. Здесь под городом дрались литовцы с царскими войсками. И проиграли битву. Да и что может сделать пусть мужественный, но маленький народ против миллионов покорных русских солдат, которые, казалось, чем больше их царь бил, тем сильнее его чтили и зверели против "мятежников".

132. Ничего не мог Вильнюс сделать, кроме как оплакивать своих героев, хранить о них память и копить силу ненависти. Придет время, проснется русский народ, откажется от покорности, тогда и пробьет час свободы для Литвы.

133. А пока Литве приходил конец. Царь радикально расправился с культурой бунтующего народа: всех бунтовщиков - на виселицу и в Сибирь, университет закрыл, ученых и художников разогнал по западным странам ("инороднических шелкоперов" Николай особенно не любил), а литовские книги и печать совсем запретил. Абсолютно! Чтобы и духа литовского не было.

134. Взамен же начали строить православные храмы, которые высятся здесь и поныне, не столько памятниками архитектуры, сколько ненавистными памятниками насильственной русификации.

Оковы тяжкие сковали, / Не хуже тысячи смертей
В казармы царские загнали / О милый край, твоих детей.

135. Тяжелая пята царева / Гоптала книгу, и в ночи.
Литовское душили слово / Насильники и палачи.

136. Литовцы еще раз попытались вырваться из национального рабства: только уже в союзе с белорусами они подняли восстание. Здесь, в Вильнюсе, действовало красное правительство.

137. Здесь оно провозглашало: свободу - людям, независимость - народам, землю - мужикам. И снова чудовище русской армии с головой Муравьева-вешателя задушило Красную республику.

138. Старый Вильнюс становился заштатным городом сонных обывателей, ибо царь обескровил литовский народ, погубив его лучших сынов.

139. По одним костелы могли только служить панихиду, другие томились в Сибири. Храбрые попадали в тюрьмы, талантливые бежали в Кенигсберг и Варшаву,

140. на Родине остались лишь слабые или подлые. И все же столица оживала. Силы маленького народа оказались неисчерпаемы, и на смену погибшим героям приходили его новые силы.

Пусть когда-нибудь ржавые цепи спадут,
И забрезжит заря нашим детям и внукам
Но какое они объяснение найдут
Нашей долгой борьбе, нашим мукам?

141. Ни росинки в полях, ни звезды в небесах
Воспаляются наши глаза голубые
Лишь у мертвых покой в их смеженных глазах
О страданиях они позабыли.

142 И от слез и стонаний отвыкнув навек
Подставляет ударам согбенные плечи
Истуканом как будто бы стал человек
Не проймут его смелые речи.

143. Стоит глубже вздохнуть столько чувства в груди
Неистраченной столько в ней силы осталось.
Неужели одна только смерть впереди?
Неужели такая усталость?
Кто поймет? Кто укажет удел тяжелей
Хватит жалоб! Оставим хоть честное имя,
Так мужайтесь же братья, споем веселей
В путь дорогу с мечтами своими.

144-145 Литовцы гордятся своими отцами и дедами и благодарны им. И то, что Вильнюс сегодня стал красивым и современным городом, где архитектурные богатства столетий органически сплетаются с архитектурой новых зданий - далось долгой борьбой и муками.

146. Я был бы рад, без дальних лишних слов
Увидеть край родной когда-нибудь
Из переулочков и тупиков /
Входящим на прямой великий путь!
Ты заслужил его своей судьбой
Тебя привел к нему твой тяжкий опыт
И будущее - солнце над тобой /
На перекрестке маленьком Европы.

147. Красив наш Вильнюс в любую погоду
И в час восхода, и в час заката

148. Не насмотреться на этот город /
С Гедиминасы горы покатою.

Его объемлет живой каймою / Холмов пологих венков зеленый

149. Лежит, как счастье, печаль покоя /

На каждой улочке затененной.

150. А меж холмов как любовь прекрасна /

Нерис раскинулась голубая

Журча так сладко струею ясной /

Как будто страждущих утешая.

Смотреть в глубины Нерис приятно /

Она улыбкой тебя встречает

И что-то шепчет тебе невнятно / И боль души твоей исцеляет.

151. Ковер из кровель и стройных башен /

Садов и парков парча живая

Чаруют летнего утра краше / Покой и радость в сердца вселяя.

152. Красив наш Вильнюс в любую погоду
Садится солнце иль солнце встало

153. Не насмотреться на этот город /

Таких прекрасных на свете мало.

154. Только неделю мы были в Литве и этого, конечно,
очень мало, чтобы узнать страну. Мы утешаемся, что увезли
оттуда свои первые впечатления, пусть поверхностные, но
зато самые сильные и незабываемые.

155. Пленка помогает помнить природу и городские
пейзажи, а вот людей, с которыми мы встречались, на ней
почти нет. Ведь неудобно снимать человека, с которым

разговариваешь, или который работает. Поэтому вам придется поверить на слово, что хоть мы и не знали языка, и объясняться с пожилыми литовцами приходилось через их детей-школьников, нам было очень хорошо.

156. Мы ходили не по азимуту, а проселочными дорогами и тропами, налегке, ночуя у озер и рек.

157. Мимо хуторов и деревушек, водяных мельниц.

158. И нигде не встречали недоброжелательности. Везде только добрый совет и помощь. Мы даже ни разу не натолкнулись на ту недоверчивость, о которой написано в словаре еще в прошлом веке: "Литовцы недоверчивы при первом знакомстве, необщительны, но только из осторожности. Черта эта вырабатывалась в литовцах исторически: уж очень часто им приходилось переходить из одного подчинения в другое, так что они перестали даже понимать, кому повиноваться и кого слушать, и ко всем стали относиться подозрительно. Но как только литовец увидит, что ему зла не желают, на его права не посягают, он становится самым радушным человеком, в особенности, если заговоришь с ним на литовском языке".

159-160.

161. О чарующей красоте литовских озер и леса, полей и речек жаль говорить прозой, пусть лучше звучат стихи Баранауса.

162. А запах, что сказать, - то теплых сосен соки,
То ветер чуть дохнет цветочным сном глубоким,
То клевер луговой ты чуешь - белый, красный,
Ромашку и чербец с неснятых трав атласных.

163. То мох с брусникою приплыли, вот уж рядом,
То дерево цветет - в бору запахло садом,
То дышит бор, как зверь, с дождем омытой шкурой,
Шлет запахи полей со щедростью нехмурой.

164. В ответ с полей, с лугов - в сосновых роц
полянах
Тот запах нив и трав, ты чувствуешь, как пьяный.

И ароматы все перемешались в чудо,
Вдыхаешь сладость их, не зная, что откуда.

165. Поля и лес, и луг здесь сговорились дружно,
Чтоб сделать эту смесь из лучших смол жемчужных.

Льют небу аромат в паневах леса гибких
Как будто здесь поет, смеется, плачет скрипка.

166. Все встали голоса в единый круг вплотную.
Их ведь не отличишь, а сердце все волнуяют.

167. И вот мы добрались до Немана, по-литовски
Нямунаса, главной водной артерии республики, живой и
упругой

168. реки - с высокими берегами и быстрым течением.

169. Деревенский парнишка переправил нас на другой
берег, явно гордясь своей помощью.

170. Отшагав еще несколько километров, мы
зачекали, чтобы на следующее утро отправиться в Каунас,
что стоит на Немане при впадении в него Нерис.

171. Мы намеренно оставили Каунас в конце нашего
путешествия. В Литве он занимает особое место.

172. Основанный одновременно с Вильнюсом, он
всегда был вторым городом. Но в период между двумя
мировыми войнами, когда Литва, получившая независимость,
не смогла удержать Вильнюс в борьбе с Польшей, Каунас стал
столицей, и сейчас он относится к Вильнюсу, как бывшая
столица к наследнику. Мы могли бы сказать, как Ленинград к
Москве, если б они не были так схожи возрастом и
архитектурой.

173-174. Конечно, здесь есть и прекрасные образцы
средневековой готики, как этот необычный дом Перкунаса, на
месте древне-литовского святого места Перунова.

175. Нетронутыми стоят древние костелы.

176. Город расположен на прибрежных холмах, как бы
лежит весь на разных уровнях, где зелень деревьев
подчеркивает

177-178. цвет старой черепицы.

179. Над древними улицами возносится башня ратуши. Никто не перекраивал этих улиц. Разрешена только

180. внутренняя перестройка зданий в старом городе. Ему повезло больше, чем многим городам. Каунас - западный и католический город, но это же определило и его уважение к культуре чужих народов.

181. И вот наряду с интересным типом православной церкви,

182. Каунасский парк украсила удивительно гармоничная мусульманская мечеть.

183. Это уважение к чужой культуре, готовность воспринять и сохранить все лучшее, терпимость к чужой вере - прекрасная гуманистическая традиция не только Литвы, но и всего Запада в целом, основанная на глубоком осознании своей силы и своего достоинства.

184. Но не столь архитектурой интересен Каунас, как своим национальным духом, который жив здесь больше, чем где-либо. И если Вильнюс - столица страны, то Каунас - ее душа. И если в Вильнюсе литовцы часто говорят по-русски, то в Каунасе, напротив, русские предпочитают говорить на литовском.

185. Конечно, как и везде, здесь сказалось влияние деформации сталинского периода, когда совершенно необоснованно замалчивались и прямо запрещались творения выдающихся писателей и художников, переименовывались улицы и изменялись экспозиции музеев. Казалось мелочью переименование улиц Свободы в проспект Сталина, или постыдная история с памятью национальных

186. героев Литвы летчиков Дарлуса и Гирена, которые еще в дочкаловский период на крошечном биплане перелетели из Америки в Европу, и погибли над Германией. Сегодня же им посвящены улицы и разделы музея, тогда как недавно само упоминание их имен казалось чуть ли не государственным преступлением.

187. В Каунасе же собраны картины Миколаса Чюрлениса - национальной гордости Литвы, композитора и

художника с мировым именем. На его могиле в Вильнюсе постоянно живые цветы. А ведь даже энциклопедия послесталинского издания в статье "Литва" не смогла написать о Чюрлениса ничего другого, кроме "мистико-декадентские течения, виднейшим представителем которых был художник (он же композитор) Чюрленис. Влияние декаденства и формалистического искусства буржуазного Запада проявилось особенно в период буржуазной диктатуры".

188. Замалчивалась и поэзия великого Майрониса, стихи которого, в основном, и звучат в этом диафильме. Он был ксендзом, настоятелем Каунасского кафедрального собора, и похоронен у его стен. Дети, проходящие в собор на первое причастие, проходят мимо надгробья Майрониса, как бы принимая его напутствия.

188а. Потомки в веках не забудут почтить/
Труды непреклонного брата,

Того, кто умел благородно любить /И правду отстаивал свято.

189. Того, кто страдал без унынья и слез /

В неволе, во тьме нестерпимой,

Кто цепи сорвал и свободу принес

Лишь стойкостью непобедимой.

190. Этими словами Майронис приветствовал свержение царизма и возрождение Литовского государства. Майронис был священником. И дай бог, чтоб таких священников, таких чистых и пламенных людей и поэтов было побольше.

Сними свой старый плащ, отчизна,

Врагом навязанный тебе

Пусть месть любви во имя жизни /Его испепелит в борьбе...

191. Майронис долго прожил в Каунасе. Он был ректором духовной академии, расположенной в самой древней части города рядом с замком.

192. Этот замок, современник легендарных литовских князей, как бы венчает город, стиснутый в клине рек Немана и Нерис, как наконечник венчает стрелу, направленную на Запад, против крестоносцев. Наверно, здесь часто бродил

Майронис, который с такой любовью и силой прославил литовскую старину и подвиги народа:

193. Кто смог бы расковать глубокий сон былого?
Живую жизнь вдохнуть в чреду веков остывших?
Кто, полный мудрости, в их даль проникнуть в силах,
Завесу приподнять, висящую сурово?

194. Былое словно гром нас поразив порою,
Чудесный аромат струит как дым кафельный,
Порою говорит замшелый ров могильный
Воображение волнуя молодое.

195. Вот старец немощный, душа полуживая
Его мне жалко: нам открыл бы он немало
Вот замок - в нем ветра гуляют, завывая,
О сколько там речей в столетях прозвучало.
Нам Неман бы сумел сказать о древнем крае
Он видел рыцарей железные забрала...

196. Майронис умер в 1932 году бунтарем и
недовольным. Соглашательская политика довоенных
правителей Литвы его глубоко не удовлетворяла.

197. И теперь, как солдат я в неравном бою
Безымянный повержен в родимом краю!
Ну а родина-мать, мною чтимая свято?
Она честь сыновей защищала когда-то!
Ныне ж нет и столицы и слава прошла!
Только партий болтающих в нем без числа.

196. Но его преемники испытали еще более горькую
судьбу. Улицы Каунаса помнят звук шагов скромной
преподавательницы литературы Каунасской гимназии
Соломеи Нерис.

199. Ее стихи, как этот литовский витраж - полны
грусти и нежности. Многих восхищал ее лирический талант,
созвучный Григу и Чюрленису, но сердце поэта не могло
только петь.

200. Оно не могло не откликнуться на страдания
народа. Как и многие, Соломея сближается с коммунистами и
приветствует создание советской Литвы.

Казалось, воля так близка

Там за кордоном, рядом с нами.

Мы на нее издалека /Смотрели жадными глазами.

Лучились там такие дали...

201. 1940 г. не только год создания советской Литвы и спасения, пусть не надолго, от гитлеровской угрозы, это не только год обретения Литвой своей древней столицы.

Одновременно это и год сталинской Литвы, когда культ личности, нанесший столько урона русской культуре, теперь нанес одним ударом урон культуре литовской. Можно только гадать, какими методами заставили Соломею Нерис стать первым прибалтийским поэтом, восславившим Сталина.

202. Нас греет Сталинское пламя,

Открыл ворота к солнцу он.

Земля с цветущими полями /Кладет ему земной поклон.

О нем везде легенды снова /Творит народная молва,

И славит Сталина родного /Освобожденная Литва.

Каким же шантажом к родным заставили ее написать кантату о Сталине, а потом читать ее в Москве с трибуны Верховного Совета при приеме Литвы в СССР:

Сводом мраморным дворец сияет

И звучит литовский мой язык,

Сталин сам словам его внимает

Сталин, как он мудр и как велик!

203. Прошли годы. Соломеи Нерис не стало в 1945 г., в году странных смертей многих писателей, когда сердца литовцев не выдерживали мучительных перипетий войны с националистами - лесными братьями.

Мгновенье: нажму на сталь однажды-

Душа взлетит, как ласточка во мгле,

И успокоюсь я, а там - неважно

Сожгут в костре, зароят ли в земле.

Что упадет слеза, вполне возможно,

Но вы не вздумайте трагедию играть.

Мы наглотались лжи и надышались ложью,

Так, может, смерть не научилась врать?

Сегодня прочно забыты стихи о Сталине, и осталась от поэта лишь огромная, чуть дрожащая и виноватая любовь к родной стране.

204. Маленький мой край - как золотая

Капелька густого янтаря.

Он блестит, в узорах расцветая,

Льется в песнях, радостью горя.

Янтарек с лучами золотыми, /Балтики прозрачную красу,

О Литва, твое родное имя /Солнцем крошечным в руках несущу.

205. Спокойное небо сегодня над маленькой страной.

Гордятся ею литовцы, не жалеют сил, чтобы сделать лучше и краше, чтут своих предков и обычаи, язык и культуру, и смело глядят в будущее.

206. Поднявшись на зеленую гору старым фуникулером, который уже сам стал историческим экспонатом от довоенной республики, каунасцы вглядываются в свой город, в свою древнюю и молодую страну и, вспоминая ужасное прошлое, вдохновляются призывом Майрониса:

207. За дело, братья! Счастье рядом!

По всей земле - любви восход!

Любовь сметает все преграды /Она растопит вечный лед!

Нас давят, заливают кровью, /Заковывают льдами грудь.

Мы возродим сердца любовью, /Богатырями выйдем в путь.

208. Тот не литовец, кто отныне

Покинет край родной земли,

Потопчет древние святыни, /Что предки гордо вознесли.

209. Тот не литовец, кто не любит

Родного кровного угла,

Без слез глядит, как юность губит

Свой светлый дом, свои дела.

Тот не литовец, кто боится /Нарушить безмятежность снов.

Кто подвигов, меча страшится, /Кто к бою нынче не готов.

210. Плечом к плечу, за труд, герои!

С наукой об руку, - в поход,

Плуг, книгу, лиру - в путь с собою

За честь Литвы, друзья, вперед!
В лучах труда /Взойдут года, /Отчизна молодая!
Смела, сильна тех дум волна, /Век новый предвещая!
211. Там, где Неман синее, Шашуне струится,
Там наша отчизна, родная Литва
Литовская речь там звенит над пшеницей
И песнь о Бируте доньше жива.
Разольются наши реки синим океаном,
Разнесутся наши песни по далеким странам.
212. Где зелень одела лесные опушки
И рута украсила косы сестер,
Где в тихом саду куковали кукушки,
Там встретят усадьбы прохожего взор
Где немолчный гомон леса, где кукушки, рута,
Там литовские усадьбы ждут меня как будто.
213. Восходят ли ранние вешние зори,
Ложатся ль под острой косою цветы
Иль зябнут колосья, но в счастье и в горе
Всех в мире прекраснее, родина, ты!
В злой печали или в счастье, ты всегда любима,
Как душа народа нами ты боготворима.
214. Сияет ли солнце, ненастна ль погода,
Ты праотцов наших родная страна.
Земля, орошенная потом народа,
Ты отклики в сердце рождаешь одна.
И весной и летом нет на свете лучше
Матери Литвы, желанной, нежной и могучей.

**Приложения: Выписки из обсуждений диафильмов
"Псковские крепости" и "Галлин" 1.4.76г., "Литва"
13.5.76г.**

Вопрос: Непонятна патетика "Псковских крепостей". В чем смысл недоуменного вопроса о причинах западной агрессии против Руси? Ведь они так понятны - религиозная

нетерпимость католиков к православию, стремление к колонизации "варварских земель", поиски торговых путей и т.п.

Ответ: В моем представлении, войны России с Западом очень огорчительны, поскольку они укрепляли деспотический строй в России. Но причины этих войн со стороны Запада - случайны и несущественны. Череда местных войн и нападений - это обычное состояние западных государств, не исключая, конечно, Новгорода и Пскова. Совсем иными были отношения западных государств и деспотической Московией, которые сводились, в главном, к обороне первых от медленного, методичного расширения Российской империи.

Вопрос: В чем проявилась прогрессивная роль Прибалтики в российском развитии? Есть ли этому доказательства?

Ответ: Прибалтика всегда считалась одной из самых культурных и промышленно развитых частей Российской империи. Здесь в первую очередь осуществлялись различные реформы, в том числе отмена крепостного права и др., даже революционное (а вернее, преобразовательное) движение здесь было сильнее, чем в других провинциях. Но, конечно, статистики я не знаю и говорю лишь на основе своих общих впечатлений.

Вопрос: В диафильме правление шведских королей противопоставляется русскому. В чем же были эти преимущества?

Ответ: Шведские короли были ограничены аристократическим парламентом, Иван Грозный - абсолютный восточный деспот. Отсюда все различия методов правления, т.е. между рабством и свободой (пусть в тогдашних рамках).

Выступление 1. "Таллин" мне понравился много больше. Если принять смысл этого диафильма, то можно сказать, что он сделан хорошо, особенно в части Борисоглебска. Но вот со смысловой стороны можно сделать много упреков в искажении истории, вызванных уже ранее отмеченным недостатком - этизацией истории. Почему Иван III готовился к нападению на Запад, а не к обороне? Почему правление

западных королей все время апологетируется? Если обучение стран происходит в войнах, то, значит, расширение России на Запад - прогрессивно? Если Петр сумел реформировать страну, то разве это обеляет его отрицательные личные качества?

Мое возражение: Может, Петр I и не хорош, но он лучше Грозного, как человек и деятель. Страну учат не победы, а поражения, поэтому для нас было бы полезно и прогрессивно не расширение на Запад, а неизменные, устойчивые границы. О преимуществах западного правления Прибалтикой я говорил только в сравнении с восточным, русским правлением: Иван III первым закончил объединение русских земель, и потому он же первым начал политику присоединения уже и нерусских земель - в поисках, якобы, выхода к морю.

Возвращаясь же к старому спору об историцизме, об извлечении из истории уроков на будущее, повторю: без такого заинтересованного разбирательства не мыслю своего интереса и к этим диафильмам, и к самой истории. Конечно, пристрастность может натолкнуть на невольную подгонку фактов в угоду той или иной идейной схеме, но с такими искажениями можно и нужно бороться дискуссиями, взаимопроверками и прочими научными средствами. Отказ же от исторических уроков (что на уровне массового сознания выражается в соблюдении неизменных традиций, в почитании национальных святынь и только) приведет или к бездеятельности, или к обратному - к желанию сконструировать общественную жизнь совершенно наново, по каким-то идеальным образцам, т.е. к отказу от эволюционного развития в пользу экстремизма.

Выступление 2. В "Псковских крепостях" чувствуется недоработанность, этот диафильм хочется править, и особенно наукообразный, неразговорный текст, перегруженный боковыми линиями, сливающимися, и потому ускользающими от восприятия. В этом отношении "Таллин" - лучше...

Выступление 3. Вы восхищаетесь таллинской архитектурой и возмущаетесь русским собором. По ведь собор Александра Невского очень хорошо вписывается в таллинский Вышгород. И сам по себе хорош... И вообще - как это русские могли угнетать? **Реплика 1-го выступавшего** Собор Александра Невского стоит, как бульдозер, в Вышгороде...

Выступление 4. В "Псковских крепостях" утверждается демократичность духовенства. Но о какой демократичности его может идти речь, когда церковь была несамостоятельной, когда она подчинялась всем: и церковной иерархии, и вече, и князю?

Далее. О нападающем Западе. Иван IV воевал со шведами ради интересов датского короля, ничего не достав самому. В чем же тут была русская корысть? С другой стороны, у Запада были важные причины давить на Россию: после Флорентийской унии отношение к православным стало как к закоренелым и враждебным схизматикам... Долгое время на Западе вообще считали Московию - частью Польши, и только в 1489 году рыцарь Гоппель побывал мимоходом в Москве и узнал о ее самостоятельности...

Историческое сознание (поступать, как поступали предки) - вещь очень растяжимая, например, когда впервые русского митрополита рукоположили не в Царьграде, а на Руси, то тоже ссылались на прежний обычай, хотя прежде такого не было вовсе... Хорошо или плохо?

Вопрос: Какое отличие русского типа колонизации от западного?

Ответ: Географические отличия: Запад колонизировал, в основном, заморские, отделенные от метрополии территории, а Россия (или, например, США или Китай, непосредственно прилегающую к метрополии, что более прочно связывало их в едином государстве).

Общеполитические различия: западные страны при колонизации соблюдали, прежде всего, эгоистические интересы своих граждан (метрополии), поэтому вступали в сильное противоречие с колонизируемыми туземцами, а

восточные, тоталитарные режимы, довольно равнодушные к интересам и своего, и чужих народов, могли быть менее пристрастными и потому относительно более "справедливыми" к колонизируемым народам. Здесь интересы метрополии и колоний - менее антагонистичны, и потому создаваемое объединение - более прочно.

Вопрос: Каков момент зарождения прибалтийских наций, особенно литовцев?

Ответ: Разделение прибалтийских племен лэтов, ливов и других произошло в ходе 12-го века, в процессе обороны от Тевтонского ордена. Это была почти гражданская война со сменой и борьбой религий - язычества и католицизма.

Покорившиеся немцам и принявшие от них христианство стали латышами. Защитившие же свою веру и независимость племена стали литовцами (история, аналогичная разделению англоязычных Канады и США в ходе революции 1787 года).

Произошел естественный разбор прибалтов на покорных латышей и "Храбрую Литву". А накопленное в битвах с немцами военное мастерство литовцы с успехом обратили против татар при объединении под своей властью Западной Руси...

Выступление. Во всех фильмах Вы меняете свою точку зрения и становитесь на позицию страны пребывания, даже если интересы этих народов противоречили друг другу, как это было у русских и литовцев...

Сценарий диафильма «Воспоминания о Ниде»

Из этого д/ф был исключен в 1969 году при записи на магнитофонную плёнку для облегчения восприятия следующий текст: «Неужели же жизнь может быть в такой механической простоте? Неужели жизнь можно объяснить подобной примитивной автоматикой? Все эти веточки, листочки, паучки и паутинки? Все эти сосны, зайцы, косули? Всю эту божью благодать? Неужели можно целесообразность свыше приравнять к бездушной куче песка с ее до отвращения простой механикой? На деле в нас говорят инстинкт высокомерия и остатки религиозного преклонения перед таинством собственной жизни. И это - страшно! Отрицая за самым старшим и потому самым простым нашим братом Дюной право на жизнь и ее право подчинения всех нас Природе, как Богу, мы тем самым отрицаем возможность познания себя самих и иной жизни, а, отрицая возможность познания, через сведение жизни якобы к простой механике, мы обрекаем себя на неизвестные опасности и тем на - будущую гибель».

1-14. (Музыка Гершвина «Голубая рапсодия»)

15. Когда-то вся Куршская коса была открытым песком, теперь она вся обсажена сосняком и обжита, а шоссе соединяют рыбацкие поселки,

16. главным из которых является Нида.

17. Что такое Нида?

Это ветра сонное ворчанье,

Запах моря, всплески ветра,

Крики оголтелых чаек.

18. Здесь нависли глыбы света,

Здесь любое сердце слышно...

19. В общем, Нида - это...

Это... надо видеть!... Лично! (Р.Рождественский)

20. Нида знаменита своими соснами и песком, красивым холодным морем и теплым заливом.

21. «Золотые дюны», «Янтарное побережье» и прочие - все больше лагерных и курортных корпусов поднимаются вокруг бедной некогда деревушки и меняют ее облик. Все больше сюда едут с тем, чтобы «убедиться лично», едут, несмотря на запрет общего туризма.

22. Море злится и качает

Белоснежные цветы.

Безразличны стаям чаек

Наши песни и мечты.

23. Ветер снова мне вод ноги

Гонит волны из пучин,

Он их учит петь в тревоге

Или плакать без причин.

24. И волна меня ласкает

И лепечет мне она,

И ласкает, и качает,

Воля, ветер и волна.

25. Море - праматерь мира. Вместе с землей оно родило все живое.

26. У моря же родились и дюны. Они возникали трудно и тяжело.

27. Миллионы лет тяжкие валы раз за разом дробят крупную породу и камни на земле, превращая все это в песок. Чтобы потом, промыв и взвесив горькой прозрачностью воды, любовно подбрасывать частички за частичкой на неподвижный берег, к телу любимого детища - Золотой Дюны.

28. Громадной желтой цепью на многие километры вдоль материнского тела моря изогнулась змея дюн, греется на солнышке, подставляет свои многочисленные горбы ершистому ветру. Она существует, а, может, и живет величаво и спокойно, как будто сознает всю несоизмеримость своего бытия с чужой, органической жизнью.

29. А в самом деле, эти холмы движущегося песка - интересное явление. Они движутся со скоростью до пятидесяти метров в год и сопротивляются любому, кто

нарушает их красивую геометрию. Они засыпают и поглощают все, что попадает к ним на пути.

30. Они ведут себя подобно грандиозным живым существам, и приходится даже уговаривать себя, что это - всего лишь песок и ничего больше.

31. Куча песка - ни больше ничего. Ведь если ходить по ней, то она тебя не укусит, и если даже бить ее ногами или копать в ней яму, то она даже не шелохнется. И как ни копай - внутри ты не найдешь ни сердца, ни крови, ни души - один песок. Везде один песок!

32. Какая же это жизнь?

33. Размышления Золотой Дюны

34. «Пусть их болтают. Главное, я - существую. Давай, лучше поскорей избавимся от следов непрошеного гостя, заметем их в две минуты, ну а с вырытой ямой придется повозиться несколько часов. Все равно это пустяки в сравнении с моими миллионами лет!»

35. «Эти туристские невежды нисколько мне не страшны. Постоят и уйдут. Плохо только, когда их много. Хоть каждый из них и болтает о своей неповторимой индивидуальности, все одним миром мазаны - как бараны, растаптывают мой красивый гребень».

36. «Ну, ничего, дождусь я, когда передерутся люди в войне, или просто им не до меня будет, тогда взломаю зеленые посадки, и уж тогда-то засыплю...».

37. «Старики в Ниде еще помнят, как в прошлом веке я раздавила их семь деревень. На самом деле такое сделать очень просто. Сперва я раскидывалась перед домами своим прямым фронтом, загибаясь краями перед каждым домом, - мол, уходите скорее! Конечно, людишки пытались сопротивляться, но чем больше они откапывались, тем выше и грознее я становилась».

38. И, наконец, выбрав подходящую погоду, с ветром и ненастьем, врасплох, под самое утро - навалилась на ненавистные дома, погребая их под собой вместе с хозяевами».

39. «И церкви их не спасали. От них оставался лишь крест над моим гребнем, чтоб не забывали они, где надо плакать».

40. «Да, те старики помнят разрушенные дороги и дома, чахлую зелень и песчаные вихри. Они и сейчас еще помнят все это и уважают мою силу...».

41. Не одно тысячелетие идет борьба человека с песком, и много раз она кончалась для человека тяжелой катастрофой. Древняя колыбель человечества - зеленые степи Северной Африки, где тысячи лет назад паслись бесчисленные стада первых кочевников, - целиком были захвачены песками в наказание за поправу слабой степной растительности и превращены в Сахару - самую большую на Земле резиденцию родных братьев песчаных дюн, пустынных барханов.

42. С тех самых гор век за веком барханы засыпали человеческие цивилизации на Востоке и в Средней Азии, мстя человеку за жадность и неразумность.

43. Сегодня человек уже в силах бороться со всем этим, а пески не могут вести борьбу с человеческой цивилизацией на равных, но при случае еще в состоянии больно хлопнуть зазевавшегося «царя природы», как это случилось прошлым летом в одном из городов Бразилии: жители в панике бежали, а сам город за несколько дней был засыпан до основания и разрушен.

44. Абэ Кобо «Женщина в песках»:

«И до тех пор, пока будут дуть ветры, течь реки, катить свои волны моря, из земли будут извлекаться все новые и новые массы песка и, подобно живому существу, они будут расползаться повсюду.

45. Песок не знает отдыха, незаметно, но упорно он захватывает и разрушает землю... Бесплодность песка, как она представляется обычно, объясняется не просто его сухостью, а непрерывным движением, которое не может перенести ничего живое

46. Как это похоже на унылую жизнь людей, изо дня в день цепляющихся друг за друга...».

47. Эти безнадежные строки родились в дюнах Японского моря, где до сих пор люди ведут безнадежную борьбу с песками, борьбу за свои дома и дороги, вновь и вновь отстаивая одни и те же клочки земли.

48. Ниде же ничего не угрожает: вся коса засажена травами и соснами. Эти посадки очень берегут. Ведь только из-за них запретили здесь дикий туризм.

49. И потому сегодня цепь Золотых Дюн в Ниде обречена на медленное умирание.

50. Ветер - это ее главная нянька и воспитатель, и он все так же тербит и ласкает ее, но это уже смертельные ласки.

51. Он никак не изменился, этот сильный ровный ветер. Все так же он гнет и ломает вековые сосны, но не может снести всю эту зеленую преграду между дюнами и материнских морем.

52. И потому остались дюны без поддержки. Не может море дать им нового песка. Нечего подхватить ветру, нечего погнать на гребень дюны, нечем растить ее и давать песок для наступления.

53. И потому с каждым годом дюны становятся все ниже и ниже, пока совсем не выродятся в ровное поле.

54. Потом оно зарастет травой и соснами, и дюны перестанут существовать, уйдут под землю.

55. Вернее, они просто уснут до лучших времен, до краха человеческого... Вы скажете, напрасные надежды? А разве вы знаете, что произойдет через миллион лет?

56. К концу подходит наш рассказ о жизни Золотой Дюны. Я знаю, вы скажете, что все это сказки, что хоть песок и серьезная штука, но о жизни его говорить - странно...

58. Ведь если Дюны - жизнь, то волны в море тоже вдруг станут живыми, одушевленными. А ветер, их поднимающий, предстанет животворящим духом. А так многое, что можно оживить.

- Ну, что ж. Вы правы...

59. Философское отступление.

Человечество идет вперед в познании мира. Но чем дальше, тем глубже океан - и больше неизвестного предстает перед человеком.

60. И никогда нам не понять этого неизвестного, если глаза не будут широко раскрыты, если удивлением не распахнутся навстречу самым необычным свойствам вещей. И если окажется, что дюны - это жизнь, то тем скорее мы поймем собственную жизнь...

61. Бродя у моря, нельзя не вспомнить признания великого Ньютона: «Передо мной - огромное море неизвестного, а я - как мальчик, собирающий на берегу его самые красивые камешки»... Море неизвестного сейчас стало безбрежным океаном. И Дюны - один из самых красивых камешков на океанском берегу.

62. Конечно, автоматика существования дюн проста и примитивна: ветер вздувает волны на песке и движет их по направлению своего движения. По пологому склону песчинки ветром возносятся вверх, чтобы потом, за перегибом гребня, упасть вниз, засыпав все вокруг.

63. И это все. И этот примитивный механизм дает дюнам все: форму, жизнь, возможность борьбы и уничтожения противника и самосохранение.

[Текст, исключенный при записи на магнитофон для облегчения.

Неужели же жизнь может быть в такой механической простоте? Неужели жизнь можно объяснить подобной примитивной автоматикой? Все эти веточки, листочки, паучки и паутинки? Все эти сосны, зайцев, косуль - всю эту божью благодать? Неужели можно целесообразность свыше - приравнять к бездушной куче с ее до отвращения простой механикой?

- Это в нас говорит инстинкт высокомерия, остатки религиозного преклонения перед таинством собственной жизни. И это - страшно! Отрицая за самым старшим и потому простым нашим братом право на жизнь, «мы тем самым отрицаем возможность познания себя самих и органической

жизни, а, отрицая возможность познания, занимаясь сведением жизни к механике, мы обрекаем себя на неизвестные опасности и будущую гибель...»

64. Живут еще дюны в заповеднике Ниды, охраняемые от туристов десятирублевым штрафом. Зачем они нужны? Кому нужна их жизнь?

65. А зачем живут люди? Не один человек, а все люди - зачем? Куда они так торопятся, зачем суют повсюду свой нос?

66. Нас родили общие мать и отец - земля и море. Родили разными и непохожими во всем. И дали каждому свой способ существования, для каждого - свой образ жизни и свою сферу обитания.

67. И все должны жить и длить свое существование - в новых людях и в новых дюнах.

68. Жить и драться когтями или песком, умом или упорством.

69. Абэ Кобо:

«Краем глаза он увидел блестящий золотом гребень дюны. Плавно поднимавшийся склон доходил до этой золотой линии и потом резко обрывался в тень. В таком построении пространства было что-то невыразимо напряженное. И мужчина даже содрогнулся от переполнившей его тоски по людям».

70. В чем же истинная сущность этой прелести? Может быть, она в физической гармонии и в той точности, которой обладает природа.

71. Нет, прелесть Дюны - в необычайном и остром аромате, движении и жизни, мощи и силы борьбы.

72. Она, как море - достойный противник и соратник. И потому так трудно с ней расстаться.

73. Конец.

6. Первые поездки в Закавказье

Об увиденном в Закавказье и рассказанном в диафильмах

В сентябре 1969 г. мы использовали вторую половину летнего отпуска и еще несколько дней, чтобы на три недели уехать в Армению. Это было наше второе путешествие за лето, а по настроению - вторая после Средней Азии 1966г. поездка за экзотикой, только теперь - в Закавказье, в советское преддверие Переднего Востока, в сказочно звучащую Армению. Но по пути нам были и Грузия, и азербайджанская Нахичевань, поэтому к трем армянским диафильмам мы впоследствии прибавили фильм про Грузию и "Посещение Нахичевани" (последний, правда, потом я полностью включил в большой фильм "Огни Баку").

На этот раз мы были не одни: до Севана - с Леней и Любой, а потом к нам присоединился наш Командор - Толя. Путевой дневник Лиля не вела, и потому я сейчас лишь назову главные пункты нашего пути.

В Орджоникидзе приехали утром и после осмотра большой мечети ("как в Каире") автобусами и попутными машинами передвигались по Военно-Грузинской дороге, останавливаясь у храмов на горках и у боевых башен в горных селениях. На открытой машине перевалили горы и после серпантина, уже в темноте, слезли в Азнаури и в чем-то заброшенном саду переночевали.

Утром после осмотра древнего монастыря-крепости Азнаури с ее богатой исторической памятью двинулись вниз к Мцхета с ее церковным комплексом Светицховели и монастырем Джвари на круче. Ночевали у дороги близ Тбилиси вместе с общительным шофером-грузином.

Два дня на осмотр Тбилиси и его музеев - и переезд в Армению, до пос. Куйбышева, откуда пешком отправились к монастырю Агарцин. Встреча с ним под вечер - незабываема.

А после ночи в сырых плодородных лесах Северной Армении -выход к соседнему Гошеванку, а потом - попутными машинами через курортный Дилижан и Семеновский перевал - на встречу с армянским морем Севаном, седым монастырем на полуострове и поджидавшим нас Толей на его каменной крыше.

Еще один день мы провели у Севана, главным образом, на мысе Норадуз, а потом двинулись к его восточной окраине в направлении внутренней Армении - Айодзору и дальше - Зангезуру. Ночевали в поле, у стога с сеном. Было хорошо. Потом ехали через Айодзор, останавливаясь у его храмов, минеральных источников и караван-сараяв.

После ночевки в персиковом саду у симпатичнейшего Мкртыча Мкртычяна мы покатали широкой долиной мимо бывших молоканских селений азербайджанско-армянского города Сисиана, полуразрушенного монастыря на Воротане и водопада Шаки.

Еще один день, и мы попадаем в самую восточную и отдаленную часть Армении Зангезур с ее экзотическими городами - пещерным и до сих пор жилым Хндзореском, а также с прямоугольно распланированным современным Горисом. Кажется, большей экзотики трудно было придумать.

Через два дня мы приехали в знаменитейший монастырь Татев с его развалинами после землетрясения 1925 года, чтобы наутро пешком перебраться в горнорудный Кафан, а оттуда - пешком же начать подъем через хребет Малого Кавказа в соседнюю Нахичевань. Наши пешие переходы были нетрудными, ибо в Армении с ее развитой сетью дорог трудно найти место для длинных пеших маршрутов (ведь не будешь идти по дороге с машинами?), и потому мы радовались возможности горного пешего перевала рядом с самой большой вершиной нынешней Армении - Капетждух (почти 4000 м).

Два дня были в Нахичевани (включая 21 сентября), под опекой местного КГБ (ведь мы ненароком забрались в приграничную и потому закрытую для посещения автономную

Нахичеванскую республику напротив Ирана), а ночью уехали в Ереван поездом с пограничниками в тамбурах.

Утренний вид громадного и розового от зари Арарата над долиной Аракса из окна поезда - также одно из главных богатств моей сегодняшней памяти. А потом был Ереван на два дня с вылазками в Гарни и Герард и, конечно, Эчмиадзин.

Потом - Аштарак и поездка машиной по пустынному Апаранскому шоссе на Север Армении, к железной дороге, по которой мы покидали ставшую близкой Армению. Ребята сразу уехали в Батуми, чтобы использовать оставшиеся дни на море, а мы с Лилей остановились перед выездом, чтобы увидеть Ахталу, Ахпат и Санаин - знаменитые монастыри - рассадники и хранители средневековой армянской культуры.

Этот последний день был пасмурным, но мы были вдвоем и многое смогли посмотреть, и потому были счастливы.

После Санаина Лиля уехала в Волгоград за детьми, а я все же отправился в Батуми, разыскал там ребят и вместе с ними еще приехал в Пицунду, ища солнца от Батумской непогоды, и зашел к товарищу студенческих времен в Гаграх, используя отведенное мне свободное время - до предела, до последнего дня, "отдыхая" - без устали. Но зато и резерва времени у меня не оставалось - в Москву я ехал с некомпостированным билетом, фактически зайцем. Ну, да все обошлось...

Над диафильмом "Грузия" я долго мучился, пытаюсь объединить его разномастные куски (Военно-Грузинская дорога, Мцхета, Тбилиси, Батуми и Пицунда), но так, чтобы не лезть в глубины грузинской истории, на разбор которой у меня не было ни знаний, ни времени. Ничего хорошего у меня не вышло. Плюс плохой звук, и д/ф "Грузия" стал одним из неудачных и непопулярных наших фильмов, оставив надежду на будущий реванш, на будущее более основательное знакомство с Грузией.

Диафильм "Армения -1969" - наш основной туристский фильм об Армении - вобрал в себя Севан, Айодзор

и Зангезур. У него нет сильного смыслового стержня, кроме нашего путешествия, отрывочных впечатлений и размышлений об увиденном. Попытка использования стихов Мандельштама из армянского цикла оказалась в целом неудачной. Мы редко показываем этот диафильм.

Совсем иное отношение у зрителей складывается к д/ф-му "Северо-армянские монастыри" (Ахпат, Санаин, Агарцин, Гошеванк). На слайдах этих четырех монастырей мы прочитали множество стихов средневековых армянских поэтов из книги роскошного дореволюционного издания под редакцией В. Брюсова, и как бы сами прониклись их мыслями и духом. И, не заглушая общую искусствоведческую тему, в диафильм вошла моя тема Армянского средневекового Ренессанса, как преддверия капиталистического расцвета, прерванного сначала монгольским завоеванием, а потом турецким давлением. И уж сверх всех этих тем - щемящие стихи Сильвы Капутикян о любви к своей небольшой и многострадальной стране, наверное, не меньшей, чем у литовцев к Литве. В фильме много недочетов и даже масса плохих кадров (советская пленка в пасмурный день!), но какая-то общая гармония смысловых тем и наших чувств его спасли и сделали любимым.

И, наконец, завершающий диафильм этой серии - "Арарат" - сделанный как бы под знаком утреннего впечатления от его розовой громады над долиной и судьбой армянского народа - весь посвящен многострадальной истории борьбы армян за национальное существование на стыке двух миров - Западного и Восточного.

Сделанный на слайдах только последних наших армянских дней - Еревана, Гарни, Гегарда, Звартноца, Аштарак, Эчмиадзина, он, тем не менее, имеет четкую хронологическую ось - от античных времен противоборства Рима и Парфии до современности и армянских счетов с турецким геноцидом. Нигде так остро не вставала перед нами проблема национальных отношений и существования, как в этом диафильме, и именно здесь я решился высказать

убеждение о том, что все народы имеют право жить на земле, которую считают своей родиной - но не отнимая такое же право у иных народов. Потом этот вывод был повторен и в наших крымских диафильмах по отношению к Крыму и даже к Палестине.

Большинство наших зрителей не принимает такой логики, столь резко противоречащей современным убеждениям о том, что народы должны жить каждый на своей национальной территории и потому как-нибудь, но разделить общую землю, однако история армян и их страданий - никого не может оставить равнодушным.

Своей поездкой 1969 года мы как бы исчерпали первое знакомство с Арменией, но едва задетой и не узнанной осталась Грузия и совсем незнакомым - многонациональный Дагестан. Бог даст, и мы следующим летом увидим эти две страны и завершим диафильмовское знакомство с Кавказом.

Сценарий диафильма «Грузия- 69 г.»

1. Военно-Грузинская дорога

2. 1969

3. Тбилиси

4 -5. Тбилиси, золотая чаша,

С горы Мтацминда мне видна

Крылом алмазным утро машет,

Чуть слышно дышит тишина...

6. На склоне горы - грузинский литературный пантеон. Храм-часовня св.Давида с кладбищем поэтов и певцов печальной Грузии.

7. "Ах, зачем, моя любовь пережила тебя!" - это сказано Ниной Чавчавадзе здесь, выбито в камне и продолжает звучать в воздухе, и легло стоном на все могилы вокруг.

8. Не странно ли: любовь грузинки к русскому поэту здесь, над Тбилиси, не проклята и не распята, а стала легендой, сокровищем народной души?.. Возможно, что здесь покоятся авторы стихов, которые мы прочтем сегодня.

9. Тбилиси, гнездо моей мысли,
Мтацминда, оплот мой надежный,
Прижми меня к каменной выси,
Расстаться с тобой невозможно...

10. Мосты над Курой изогнулись,
Семь раз изогнув тетиву,
В гористых расщелинах улиц
Так смутен налет синевы.

11. Отеческий кров моей мысли,
Вскормивший тревогу мою,
Послушай, бессонный Тбилиси,
Как я во весь голос пою.

12. Ходить по городу нам много не пришлось. Ведь в Грузии мы были только три дня - проездом Орджоникидзе-Тбилиси-Севан. И вот смотрите сами, что нам удалось захватить

13. на память от Тбилиси.

14. Старый Тбилиси

15-18.

19. Но в садах дойдет черешня, и веритским склоном

20. Женщина из бань поспешно проплывет пионом.

21-23.

24. Ты выходишь на берег тбилисской Куры,

Где балконы висят, как карнизы,

Стаи ласточек кружатся низко,

Ищут гнезд, где они родились.

25-26.

27. Как жаль, что мало здесь мы были и сегодня не хватает слов, чтобы занятно рассказать о древней столице Грузии... Но что мне очень хочется, так это подробного рассказа о дружелюбии грузин. Мы из России ожидали встретиться с другим - по слухам и по логике вещей.

28. Первый час пути рейсового автобуса Орджоникидзе-Тбилиси. Машина вскарабкивается куда-то наверх и вот... хозяева обносят пассажиров вином, едой и отличным тортом

в честь, бог знает, чьей-то свадьбы. Что это, в какой-то степени, случайность?

29. Однако даром пить-есть в эти дни нам приходилось не раз. Нас было четверо москвичей, ни слова не знающих по-грузински, поверхностных и торопливых. Так, чем же объяснить такое "везение"? - Врожденным гостеприимством грузин? - Наверное, так... Широкой и богатой жизнью?

30. Вот Мцхета. Закусочная у дороги. Мраморная стойка. И два старика-грузина -случайные наши сотрапезники, поняв, откуда мы, мгновенно делают нас гостями Грузии и угощают в духе лучших дипломатических приемов во славу русско-грузинской дружбы. И так было везде.

31. Милости просим. Простерши объятия

Каждый грузин пригласит Вас радушно.

Родина солнца открыта Вам, братья,

В праздничной яркости, в дымке воздушной.

32. Это - преддверие Крестового перевала. Одна за другой идут многометровые буквы лозунгов: "Да здравствует великий Сталин!", "Да здравствует непобедимый полководец и учитель Сталин!" и т.д.

33. В каждом трактире-забегаловке, в любой машине - на почетном месте висит икона сытого генералиссимуса, народного героя и полубога.

И это понятно - 30 лет грузинский сын был владельцем полумира. При нем грузины стали невольно и неофициально привилегированной нацией: засилие в органах, подбострастие других, снижение налогов для крестьян, высокие цены на цитрусовые и многое иное. Результаты сохранились до сих пор: изобилие еды, машины, двухэтажные особняки, счет только на рубли.

Инстинктивная любовь к русскому Ивану, который так верно служил Иосифу и всем грузинам, и не раз еще послужит...

34. Конечно, это догадки. Конечно, никто из нас не думал и не думает накладывать этот общий дух на всех хороших

людей, что мы встречали. Они, действительно, такие вот открытые и широкие в своем гостеприимстве.

...За баранкой сидит шофер Ираклий. Он подобрал нас вечером, шагающих из Мцхеты в Тбилиси. Совсем уже ночью, в палатке, выпив, он говорил так: "Я - простой шофер. Зарплата - 70 и столько же еще надбавок всяких... Но разве это деньги для моих четверых детей? - Так, на семечки, кино и встречи с друзьями... На что же мы живем? - Продукты получаем бесплатно из родной деревни, да заработок на машине в свободное время..." Вот вам портрет типичного грузина.

35. Он сам, по доброй воле, еще не зная нас совсем, повез как "гостей" за 20 км в сторону, чтобы показать знаменитый Джвари - помните тот монастырь, где Мцыри жил - "у вод Арагвы и Куры"?

36. Отсюда ночью древняя столица Мцхета сверкала сотнями огней и над нею гордый Ираклий размахивал руками и рассказывал и про Тamar-царицу, и про Давида-Строителя, и Теймураза, и Шота...

37. Стены Джвари подсвечены снизу прожектором и пляшущая тень Ираклия будила в нас фантазии костров, осад, пророчеств и убийств- всей бурной истории грузин.

38. Отлично видны отсюда древнейшие грузинские святыни - Мцхета, где первый царь Азо был посажен самим Александром Македонским, и крепость Армисцихе, где жил и похоронен его преемник из племени Картли - царь Фаснавад. Он создал грузинское письмо и сделал грузинский язык государственным.

39. С тех давних пор жива Картли-Грузия.

40. А прямо внизу, в углу двух рек стоит церковный центр современной Грузии - Светицховели,

41. и недалеко от него - монастырь "Самтавро".

42. Поставленный в 1020 году Светицховели и сегодня выглядит зачаровывающим и, безусловно, веришь легенде, что после окончания стройки царь отсек мастеру руки, чтобы не смел он больше нигде повторить такое чудо. С тех пор

храм не раз разрушался, перестраивался и многое за века потерял. Но и осталось немало.

43. Кто нам воздвиг нетленные твердыни,
Омытые кровавою росой,
Большие храмы в каменной гордыне
С тончайшей кружевной резьбой?

44. А Ваша мысль, что нежною лозою
Привитая, на камне зацвела
Ваш зов из мглы, мечтание святое,
Паренье поднебесного орла!

45. Пьянит нас Ваших роз благоуханье.
Как мед нам ваша каждая строка!
О мастера! Вы будите желанье
Народный клад нести через века.

46. Светицховели - не только резиденция грузинского
первосвященника, и не только архитектурный центр Мцхеты.

47. Здесь венчались грузинские цари на царство, а пол
храма устлан их могильными плитами с именами Багратионов
и Багратидов, царей и князей, священников и офицеров...

48. Наше пламя ветер гор колышет,
Тьму веков мы грудью рассекли.
В саркофаге полководец дышит,
Слышен звон меча из-под земли.

49. Мцхета, Мцхета, Грузии основа!

Славлю я приход ее весны,
Я по крови ей родня - и снова
Розы и знамена взнесены...
Мы - сыны минувших поколений,
В помыслах бесстрашны и чисты,
Как ветвисторogie олени
/Мы трубили с этой высоты.
Как след резца на камне
Уцелело в бурях бытие,
Мцхета нежной матерью была мне,
Да святится сон лозы ее!

50. Однако самый древний в Мцхете монастырь - Джвари. 590г. В Грузии это был первый крестово-купольный храм.

51. А до него грузинские христиане строили лишь церкви-базилики в древнеримском стиле - обыкновенный каменный сарай с крестом на крыше, как эта базилика в Сиони.

52. Впервые Джвари выявил архитектурно центральную идею христианства, когда вся группировка здания ведет вверх, выше к Богу. А по удачному выбору места и своей слитности с окружением он остается непрезойденным.

53. Утром купол Светицховели /Загорается от луча,
И Арагви летит в ущелье, /Озаряя и клокоча.

Все горит в заревом пожаре, /Пробуждается ото сна
Только в Джвари -/Неподвижность воплощена.

54. Он стоит возле неба где-то/И скалу, как орел, когтит.
Одного и того же цвета/Склон горы и замшелость плит.

55. Все мне кажется, лишь покличу:/"Не прикидывайся,
очнись!"

Гору схватит он, как добычу, /И над Мцхетой взовьется
ввысь!

56.

57. Казбеги

58. Очень похож на Джвари его прямой потомок - храм Гергети над селением Казбеги. Для нас же он был первым увиденным воочию грузинским одухотворенным древним камнем.

59. Храм пустует, но раз в год сюда приходят паломники - за утешением и исцелением.

60. Мы тоже долго поднимались дорогой паломников, правда, забыв при этом снять обувь.

61. Проступала внизу красная черепица прямоугольников Казбеги, раскрывались сумрачные горы, распахивалось белесое сентябрьское небо,

62. отступает нижний человеческий мир навстречу

63. миру высшему, миру Горнему.

64. Здесь, у ворот монастыря/Коснулась трепетно десница

Рука дрожащая моя.../И медленно молчанье длится
И откликается в ответ /На робкое прикосновение
Колокола минувших лет, /Молитвенное песнопенье!

65. Гладкотесаные блоки камня с редкой вязью узора и примитивными фигурами изображений говорят о самом начале национального творчества - X век или IX-й век. Сколько же надо было веры и испуга, пота и труда, чтобы возвести на такой высоте этот храм на века! И кажется, что именно здесь эти грузинские надписи должны раскрываться эпитафией "бедняге Николе":

66. Храм я строил там, где скалы дикие,
Где обрывист каменный подъем.
Помогал мне вол, бедняга Никола,
С белым пятнышком на лбу крутом.
Тес и щебень втаскивал он на гору,
Преданно трудился день-деньской...
Господи! ты работягу-Николу
В царствии небесном успокой!

67. Этот снимок сделан уже внизу, в Казбеги, когда мы забрали у хозяев дома свои рюкзаки, готовясь к продолжению пути вдоль Терека к Крестовому перевалу.

68. По мирным дорогам Грузии
Ты на каждом холме в восхищении
Остановишь внимательный взгляд -
Весь народ там в труде и движении -
Только древние крепости спят...

69. Да, их немало на этой, сегодня мирной дороге. Сей древнейший путь народов зовется Военно-Грузинской дорогой. И самым первым на ней встречает впечатлительного туриста из России - конечно же, лермонтовская легенда - замок Тамары, хотя его камни -самые подлинные.

70. Горы полнятся здесь крепостными развалинами и сторожевыми башнями, переглядывающимися друг с другом.

Пройти без боя этот путь северным захватчикам было невозможно!

71. Сторожевая башня Сиони

72-73.

74. На вершину Казбека смотрю из машины,

Что по горной дороге несется, кружа.

Мчит машина, кружа... Далеко до вершины,

Я смотрю на вершину - трепещет душа!

75. Кто я? - Слабая женщина? - Сил моих мало.

Где мне взять волю камня и храбрости медь?

76. Чтоб воспеть бурный Терек, ущелье Дарьяла

И высокую Куро достойно воспеть?

77. Близок Крестовый перевал - по обыкновению весь в серых тучах. Суровый пустынный пейзаж из травы и камня не предвещает нам теплого юга. И кажется, что холодная сырость с неба только дополняется

78. желтой сыростью нарзанных скал.

79. Здесь, у нарзана, перед Крестовым, скапливается много машин и туристов. Сейчас промозгло и ветрено, и все же мы полны радостной суетливости в ожидании встречи с теплой Грузией.

80. Вот он - Крестовый перевал! Внизу нас ждет Юг, тропики, пышная зелень и теплое море.

81. И чтобы доказать Вам, что надежды наши осуществились, посмотрите несколько кадров из неудачной в общем пленки о конце нашего отпуска.

82-90. Батуми

91. Пицунда - один из самых современных курортов Черноморья. Советская Ницца из семи корпусов.

92. Три из них занимают иностранцы по 15 руб. за номер в день, остальные - советские труженики всего по

93. 8 рублей в день.

94. Буржуи гуляют здесь в "огромном количестве".

95. Буржуи и ...прорвавшиеся в зону "дикие туристы".

96-100.

101 ... Ну, а пока над горами идет дождь, и мы после бессонной ночи в мокрой палатке после перевала, под пристальным взглядом любопытной свиньи, пробираемся к знаменитой средневековой крепости.

102. Как из засады вдруг перед нами

Возникла крепость Ананур

И преградила путь зубцами

Обрушившихся амбразур.

102а. Молчала мрачная твердыня

Ущелья древний аванпост

И плеск Арагви тепло-синий

И ночь в подковах крупных звезд.

103. Ананур - прославленная резиденция могущественных арагвинских эриставов. Здесь в доме своего дяди скрывался знаменитый Георгий Саакадзе в годы ссоры с грузинским царем. Здесь часто собирались грузины, чтобы драться с турками или персами. Ананур же стала и первой базой русских войск, прибывших в Грузию.

104. Ананур - свидетель русской колонизации

Первый русский генерал Тотлебен обосновался здесь по приглашению царя Ираклия II, но воевать начал, прежде всего, с самими грузинами и свергать самого Ираклия. Правда, неудачно, и потому Екатерина его сменила, говоря "ибо он более стыда, нежели похвалы в здешнем краю нашей нации сделал". А через год русские ушли без славы, только рассорив Грузию с мусульманским югом.

105. В 1793 г. надвинулась иранская громада "карать изменников". Тщетно умолял Ираклий русских о помощи. Новый генерал Гудович не торопился.

Ага-Магомет смял 7 тысяч героических грузин, разграбил и сжег Тбилиси. Здесь, в Ананури, провел Ираклий несколько горьких лет, собирая оставшиеся силы.

106. И только через три года, когда иранцев уже не было в Тбилиси, русские пришли в Ананур. И лишь в 1800 году русско-грузинское войско разбило ханские орды. В этом же году Россия разорвала договор с грузинским государством,

уничтожила его независимость, сделав Грузию имперской провинцией. Такова оказалась плата за помощь с Севера...

107. Вот это и есть Ананури.

Эта старая крепость добра и мудра.

О, какие от нас отвела она бури

И какие от нас отвратила ветра!

108. А пожары! А смерти!

Притронься рукою

К этим плитам -

Они загудят под рукою.

Да, отчизна моя не привыкла к покою.

Да, отчизне моей только снился покой.

Может, это и к лучшему -

Ибо смятенье

И унынье, и слабость неведомы ей.

Здесь под сводами бродят печальные тени

Заплативших отечеству кровью своей.

109. Тишина у ворот Ананури и стоек

Этот запах столетий, как запах вина.

Как седой летописец, как точный историк

Повествует о прошлом моем тишина.

110. А через день мы гуляли по Тбилиси, по его наклонным улицам с островерхими церквями. Мы ничего тогда не знали об истории и жизни этого народа. Мы не знали ни горечи его обид от "братской" помощи, ни гордости за Сталина. Такое понимается не сразу. Мы просто шатались с любопытствующими глазами.

111. Век за веком живя по заветам

Непокорности, вольности милой

Вечно дышишь ты вешним цветом

И великой жизненной силой.

112. Грузия,

Мечом опоясанная,

Величавая и прекрасная

Двадцать ратных столетий

Со славою

Меч ты держишь рукой своей правою.
113. 15 веков крепости Нарикала
114-117.
118. И блесит Кура далече/По стесненному руслу
Город хеттов встал на плечи,/Взгромоздил себе скалу.
119. Основатель Тбилиси Вахтанг
120. Стоит Метехи непреклонным рыцарем,
Грустит о прошлом, смотрит свысока.
Влюбленный Шота здесь перед царицею
Читает книгу... Внемлют ей века...
121. Храм Сиони
122-123.
124. Не мало древних городов /Земля давно в себе таит.
Но тысячу пятьсот годов, /Тбилиси на земле стоит.

Сценарий диафильма «Армения-69»

1. Армения
2. Сентябрь, 1969 г.
- 3-5. Севан
- 6-9. Айоцдзор
10. Зангезур
- 11, 12. Татев
13. Хндзореск
14. И все же мы устали от дорог и быстрой смены памятников. "Объект тысяча семьсот первый!" - провозглашает наш командор, и участники похода медленно бредут к объекту, понуждаемые железной уздой собственных претензий.
15. Лиля на короткое время проникалась духом истории, переносила себя вглубь веков. Ее любовь к познанию не боится наших насмешек и каждый раз выходит победителем из столкновения с нами - скептиками и маловерами.

16. Люба больше скользит по внешним обводам объекта, помогая самой собою оценить его красоту и соразмерность.

17. Ну, а трое парней вытаскивают свои 5 аппаратов и тратят очередные десятки кадров. Через полчаса - все! Готово... Исцелкавшиеся фотолюбители собираются скопом и, вырвав из мечтательности просто любителя, тащатся снова к шоссе,

18. где по мановению Лениной руки останавливается любая грузовая машина и превращается в быструю и бесплатную попутку к очередному объекту "тыща семьсот второму".

19. Армения - открытый музей Армения калейдоскопом пронеслась перед нашими глазами, утомляя тело и возбуждая зрение. Ну, а душу? Исчезла ли городская заторможенность и скепсис? Была ли радость узнавания нового и прекрасного? А проще говоря - было ли нам хорошо и интересно? Вот это мы сейчас попытаемся рассказать. И начнем, конечно, с главной красоты Армении -

19а. с Севана.

20. Шоссе Тбилиси-Ереван, взметнувшись на Семеновском перевале, сразу же распахнуло перед нами темную синь армянского моря.

20а. За голубым простором океана

Я грежу и тоскую об одном,

О синей чаше ясного Севана

С армянским древним сказочным вином.

20б, 20в. Люблю Севан любовью неизменной.

Когда во дни творения вселенной

Моря от гор Кавказа отошли, -

Севан остался нам в лазурной чаше.

И озеро я не сменяю наше

На все моря великие земли.

21. К Севанскому монастырю мы подошли вечером, когда тени гор уже темнили окраины моря. И мы торопились обогнать солнце.

22. Сегодня монастырский остров сделался полуостровом с пологими пляжами и домами отдыха и потерял пустынность и суровость, и потерял соответствие старым легендам.

23. Монастырь на острове был убежищем в дни нашествий. Но от Тамерлана не спасла бы и севанская вода. Только чудо.

24. До смерти перепугался Тамерлан, увидев,

Как посуху шел, по синей воде

Босой, в клобуке, псалмы бормоча,

Игумен скита, святитель Оган,

24а. Так испугался, что согласился народ отпустить,

Кого этот храм в пределы вместит.

25. И пленники шли волна за волной,

Скрываясь в тиши за белой стеной,

Валили валом в скитские врата.

Их счетом не счесть, а церковь пуста".

Куда же исчез плененный народ?

26. Усердно молясь Подателю сил,

Их всех в голубей Оган превратил

И выпустил их на волю в окно.

И голуби ввысь умчались давно.

27. Но близкое знакомство с монастырскими легендами нам предстоит завтра утром,

28. а сейчас мы спешим обнять Жилина. Наконец-то, он нас догнал, наконец-то, возглавит наш поход по сияющим просторам Армении навстречу страшному "Хндзореску".

29. Только тот восторг встречи, беззаветный энтузиазм сорвавшегося с цепи в отпуск лейтенанта, заставил его вскарабкаться на тысячелетнюю крышу и кричать на всю округу:

29а. "Долой военную хунту Подгородецкого!", упиваясь ответными криками снизу: "Да здравствует законная монархия Жилина!"

30. Анатолий Семенович Жилин! Родился, учился, учится, вступал, поступал, выбывал, работал, а сегодня служит.

31. Однако, необыкновенное сочетание таких качеств, как неуклонность в достижении цели и умение аккуратно вести счет денег; внимание к чужой психике и умение вовремя через нее переступить, а главное - выносливая терпеливость, с которой он несет крест общественных хлопот, - естественно, произвели из него туристского руководителя,

32. окруженного нашей всеобщей верой и любовью и даже в стране Хндзореска.

33. Утро на Севане

Ты помнишь ли Севан, хрустальный дом,

Высокогорную лазурную купель,

34. Где, как русалка в царстве водяном,

Живет армянская волшебная форель.

35, 36.

37. Сиунна - по-урартийски - "страна озерная". Здесь много остатков от урартийских времен - камни, крепости, надписи, могилы. Но еще больше здесь памятников и самих армян. Намогильные плиты... как страницы, на которых записана история Армении.

37а. А потом мы ездили и ходили по глиняным и песчаным берегам колыбели армянского народа.

37б. Здесь 3 тыс. лет назад господствовали урартийцы - предки армян. Ученые находят остатки крепостей, камни с клинописью, глиняные таблички.

38. Лазурь да глина, глина да лазурь!

Чего тебе еще?! Скорей глаза сощурь,

Как близорукий маг над перстнем бирюзовым,

Над книгой звонких глин, над книжною землей.

39. Но еще больше здесь памятников от самих армян.

40. Норадуз

41. "Что-то в этом есть" - сказали ребята после часового блуждания среди хачкаров и намогильных плит.

Словом "что-то" каждый выразил свои сложные неосознанные, как в недопроявленном снимке, ощущения. Допроявить ощущения, превратить их в чувства и мысли дело нелегкое, требующее напряжения и времени.

42. В стремительном ритме наших поездок времени хватает только на то, чтобы охватить "объект" зрением, чувствами и уложить в ячейку памяти. А уже дома, рассматривая диапозитив, воскресить наиболее острые тогдашние ощущения, облечь их в слова, как бы переводя из смутного призрака в материальный гипс.

43. Кладбище Норадуз совсем не тянет мертвостью, смертью, оно благоухает временем, вечностью! Каждый район камней имеет свое время, свой век, свою эпоху и потому свой облик. Каменные стены и плиты, хачкары, вросшие в землю, и хачкары на постаментах; рисунок простой и сложный, примитивно-языческий, или изощренно-христианский.

44. Вырезая фигуры умерших на камне, или,

45. как сегодня, - вырубая их из камня, оставшиеся на земле как бы предлагают им жить вечно, жить с друзьями и видеть мир живых.

46. А в этом уголке все предусмотрено для частых дружеских встреч - даже столик и сейф с вином.

47. Изображения пастухов, стрелков из лука сменились сегодня - автомобилями, ракетами и ружьями.

48. Ножницы на могильном камне портнихи нашего времени и кувалда кузнеца, умершего 13 веков назад - могла ли такая традиция сохраниться у народа, не уважающего превыше всего предков - и, главное - их труд?

49. Дивясь роскоши хачкаров,

49а. радуясь, когда удавалось понять рисунок могильных плит, мы и не заметили, как созрело наше удивление перед армянским народом, перед этой необычной культурой, сделавшей деревенское кладбище гимном жизни и труда, превратившей самую смерть в свою противоположность.

50. Вот в чем секрет бесстрашия армян перед смертью. Они, видно, знают, что останутся лично бессмертными здесь на земле, в камне.

51. И, может, интуитивное понимание этого факта и выразило наше тогдашнее восклицание: "В этом что-то есть!"

52. Философские камни лежат на берегу Севана!

53. На мысе Норадуза мы в последний раз купались в Армянском море. На Гегамских горах уже выпал первый снег и дул холодный ветер. Но Севан был теплым, и мы неслыханно наслаждались синей ласковой волной. Такая роскошь не часто выпадает в нашей жизни.

53а, 54.

55. На берегу Севана я стою,

Живой стихии голос узнаю,

И долго, радостный и молчаливый, Гляжу я на
взбегающие гривы.

55а. Пусть умереть в свой срок мне суждено.

Но вечным пусть останется оно -

Играющее шумно на просторе

Севанское лазоревое море.

56б.

57. Утром, после мягкой ночевки под звездным небом, мы покидали севанское плоскогорье.

58. Камо

59. Мартуни

60. До свидания, Севан

61. Наша машина постепенно поднималась к Айодзорскому перевалу, пересекая пастбища севанских степей и пшеничные поля с их осенней страдой.

61а. В горах миролюбивый жил народ,

Земле библейской мир и свет несущий,

Он камню душу отдавал и пот

И выжимал из камня хлеб насущный.

62. Геганские хребты радушны и покаты,

В некошеной траве играют табуны,

А по ночам звенят наперебой цикады,

И матова полынь от пыли и луны.

63. Айодзор. Отгороженный со всех сторон разноцветными хребтами, пропиленными глубокими реками, открытый лишь к Югу, Айодзор каменист и жарок. Здесь нет

пшеницы и сочных пастбищ, зато вкусен виноград и роскошны персики.

64. Здесь, на перевале, нас угощал очередной гид-шофер арбузами, лавашом и водкой, и жадно ловил слова нашего восхищения страной.

65. Потом водил к недавно реставрированному Караван-сараю 14 века, долго и уважительно стоял перед входом.

66. И только внутри, в полусвете от верхнего ордика, вел бесконечные рассказы о том, как здесь на перевале спасались люди и совсем давно, и не так давно - от турок, как защищала здесь детей и женщин горстка мужчин от тысяч врагов, и про внутренний колодец, и много других восторженных

67. историй, делающих этот древний каменный Сарай каким-то одухотворенным свидетелем героической жизни.

68. Взойди на крутые седые хребты,
Величием предков проникнешься ты.

В высокое синее небо взглядишь,
Спокойствием предков овеена высь.

69. Кипит и бушует в долине поток,
Той ярости, что, раскалясь добела,
Очаг негасимый для нас сберегла.

70. Бесконечные ленты армянских дорог. Они ведут нас вглубь Армении - любимой страны Брюсова и Мандельштама. Для нас эти поэты были как открыватели неизвестной страны. Первый - своими переводами поэтов древней книжной земли, второй - своим гениальным чутьем, что нашптало великому поэту стихи Армянского цикла.

71. Вспоминая Мандельштама

72. Ах, Эривань, Эривань! Или птица тебя рисовала,
Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала.

73. Ты красок себе пожелала,/И выхватил лапой своей
Рисующий лев из пенала/С полдюжины карандашей.

Страна москательных пожаров/И мертвых гончарных
равнин,

Ты рыжебородых сардаров/Терпела средь камней и глин.

75,76. И снова нас подкидывает очередная попутная машина,

77. и снова Жилин становится командором автопробега, злобствуя на страну, где трудно сделать шаг, чтобы не попасть на автотранспорт.

78. И снова очередные добровольные гиды заливают про крепости и винограды, заработки и армянок, монастыри и нарзанные ванны.

79. Нарзанные ванны

80, 80а.

81. И почему-то мне утро армянское снится.

Думал - возьму, посмотрю, как живет в Ереване синица,
Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки,

82. Из очага вынимает лавишные влажные шкурки.

83.Какая роскошь в нищенском селенье,

84.Волосяная музыка воды!

Что это? Пряжа? Звук? Предупрежденье?

Чур-чур меня! Далеко ль до беды!

85. И в лабиринте влажного распева

Такая душная стрекочет мгла,

Как будто в гости водяная дева

К часовщику подземному пришла.

86.Водопад Шаки, 29м

87. Ночевали мы высоко над дорогой, на полпути к развалинам Танаатванка, в персиковом саду,

88. в гостях у садовода Мкртыча Мкртычяна. Это он разбил и вырастил сад, сам, собственными руками, и сам же работает и охраняет его вдали от колхозного начальства.

89. Встреча с этим колхозником, таким необыкновенно милым и мудрым человеком, напрочь развеяла у нас все басни об армянах - поголовных ловкачах и проходимцах, все невежественные выдумки о трудолюбивом народе. "Кушайте, ребята, пожалуйста". И он нес и нес нам молоко, лаваша, помидоры, сыр. Смотрел на наши с аппетитом жующие физиономии и тихо радовался, вызывая у нас ответное тепло и благодарность. Ведь как точно подметил Ованес Туманян,

сказав, что как часто вражда и ненависть возникают из непонимания, недоразумения. Все доброе может обнаружиться только при добром, любовном отношении.

90. Скала. Она совсем гола,/Ни землянки на розовом камне.

Но мужик, горбоносей орла, /Тянет собственными руками
91. Лозу из камня. /Это - Армения!

92. Я был. Я видел. Я слышал речь.

Ни с чем не схожий клекот, ропот./Я слышал горных обвалов топот.

И я всегда буду беречь/На дне души /Эту Армению.

93. Танаатванк - 1279 г.

93а-93б. Его еще называют "черным монастырем" из-за темно-синих базальтовых стен; черным пятном выделяется он на фоне рыжих гор.

94,95. У памятника старины седой

С опущенной стою я головой.

96. Пускай в осколки купол разобьется,

Алмаз всегда алмазом остается.

97,98. Камни бывают разные,/Красные, обожженные,

Смутные, сизо-синие./Камни бывают добрые,

Властные и бессильные./Камни бывают тихие,

Словно плита могильная.

99. Рыжие, изначальные/Камни здесь пахнут древностью

И укоряют путника/В суетности и бренности.

100,101. Священное дерево

102, 103 Зангезур

104. Ночь Зангезура сердце мне тревожит.

Торжественного света плену

Раскинет млечный путь во всю длину

И до рассвета не сиять не может.

105. Да будет так, как я того хочу.

И друг ударит друга по плечу,

И свет звезды пронзит стекло стакана,

И старый Грин сойдет на братский пир,

И скажет нам, что изменился мир,

Что Зангезур получше Зурбагана.

106. Наконец-то мы добрались до Зангезура. Здесь, в высоких хребтах и глубоких ущельях

107. пройдет наш пешеходный маршрут. Но до него еще не близко.

108. "В центре Зангезура лежит Горис. После Еревана - лучший город Армении, - говорил нам главный инженер какого-то строительного треста, хозяин очередной попутки. - Горис еще до революции строил немец, потому он такой красивый и удобный".

108а,108б. Однако, старый Горис был не менее впечатляющим.

109. Раньше люди жили в окружающих город скалах. Они выбивали в песчанике пещеры и выводили окна и двери ряд над рядом, как гигантские соты.

110-113.

114. Старый Горис почти разрушен и сведен временем в дочеловеческое время, зато в 12 км от него есть другой, более сохранившийся обширный пещерный город и называется он

115. Хндзореск

Это слово было для нас как заклинание, пароль, символ армянской необычности и стимул дальнейшего движения.

116. И вот мы бродим по его покинутым переулкам.

117. Путь далекий, томленье и дрема.

День - расплавленной бронзой.

Это солнечный яд и истома,

Это песня о солнце.

117а. То меня через тысячелетья

Кличут предки - вещие маги -

К солнцу, древней лестницей вслед им

Движусь, полный отваги.

117б. Закипают седые глубины /Заклинаний забытых.

Оживают глухие руины /Городов позабытых.

118-121.

122. Мы не сразу разгадали, почему пещеры, к которым сравнительно легко можно было подойти, могли служить надежным убежищем.

123. Все дело в том, что пещеры двухэтажные. В случае опасности семья поднималась на второй этаж по веревочной лестнице, лестница убиралась.

124. Враг не мог подняться по отвесной стене, зато защитники могли почти безнаказанно с ним расправляться. И только

125. в самое последнее время Хндзореск поверил в безопасность мира и перебрался на ровное верхнее плато, да и то не весь.

126. Хндзореску - тысяча лет, а может, и больше. Может, он стоит здесь от сотворения мира. Может, был всегда.

127. Но главное для нас открытие было то, что он живет и сейчас. Часть пещер занята под склады, сараи и даже под жилье,

128. что вызывало страшное любопытство.

129. Так одеваются только зангезурцы. Впрочем, не только в одежде, но и в обычаях, характере жилищ Зангезур самобытен.

130. Защищенный высоким Зангезурским хребтом с запада и юга, а нагорьем Карабахом с севера и востока, Зангезур долгие века мог сопротивляться азиатским нашествиям и сохранять полунезависимость. Сюник - так звали государство этих пещерных городов.

131. Орущих камней государство - Армения, Армения.

Хриплые горы к оружию зовущая - Армения, Армения.

К трубам серебряным вечно летящая - Армения, Армения

Солнца персидского деньги щедро раздаривающая -

Армения, Армения!

132. Старики, живущие здесь, не столь древние, чтобы помнить события прошлого, но они охотно рассказывают о том, что помнят: о прежней жизни Хндзореска, о полях за 15 км отсюда, о войнах, вплоть до последней.

133. Бродить по развалинам покинутых жилищ всегда грустно. Нас же отягощало увиденное в Армении, знание ее многострадальной истории и героической, почти безнадежной, обороны.

134. Армения - открытый музей, потому что полна развалин вроде Хндзореска, полна прошлой жизни, прошлых страданий и странствий. Вместить в себя этот груз тысячелетий и не взмолиться от душевной усталости невозможно.

136. Историки, я больше не хочу
Рассказов о погибших городах.
Смотреть совой зловещею на прах,
Историки, я больше не хочу.
Я радуюсь полдnevному лучу
На ереванских розовых камнях.
Историки, я больше не хочу
Рассказов о погибших городах.

137. Но, преодолевая усталость, мы не теряли жадности и продолжали ездить и смотреть. Наша последняя остановка перед походом - Татевский монастырь. Очень опасная дорога! Страшно!

138. Склоны ущелья реки Воротана. 500-600-метровые.

139. "Чертов мост" через Воротан - одно из экзотических мест Армении. Грозная река стеснена многометровым каньоном,

140. стены которого мокнут нарзанами и шершавятся сталактитами солей.

141,142. В теплых нарзанных ваннах мы лечили ноги и слушали разговор реки с камнями.

143. Вверху парят могучие орлы,
Громадой крыльев воздух рассекая.

144. А Воротан в ущелье, полном мглы,
Гремит, из пасти пену извергая.

145. И с высоты, как снеговой обвал,
Сползают тучи, в бездне оседая,
Повиснув на зубцах отвесных скал,

Леса лиловой мглою заполняя.

145а. Воротан - главная река Зангезура, и понятно, что монастыри и старые города надо искать на ней.

146. Совсем недалеко от «Чертова моста» мы видели неизвестный монастырь. Яблоками из его одичавшего сада нас даже угощали.

147. А на плацу церквушка - древняя, разрушенная, одна из многих, стоит даже без памятной доски и следов туристов. И только свечки паломников говорят о святости места.

148, 149, 149а. Выше, в нескольких десятках километров по Воротану дремлет полуразрушенный Воротанаванк.

150. А еще выше - древний Сисиан, столица Сюника, со строгим княжеским храмом 6-го века,

151. устоявшим перед разрушительным временем.

152. И вот теперь мы поднимаемся на правый берег Воротана, к некогда крупнейшему средневековому университету страны - Татевскому монастырю.

153. Здесь под грушей, во дворе монастыря, мы ночевали, прямо между плитами, чтобы утром всласть насмотреться.

153а. Почему-то мы уже не испытывали привычной усталости экскурсантов. Мы все одинаково не скрывали своего восторга перед

154. великолепными останками цивилизации, достойной древней Греции и Рима. Воочию мы ощущали эту связь времен, эту живую почву древней Эллады, из которой выросло и

155. искусство средневековой Европы, и культура древней Армении.

156. Татев строили в X веке, в годы возникновения и развития княжества Сюник, и не только как величественный и пышный храм, но больше, - как город-крепость.

157. В дни войн он зрчками бойниц взирал.

Уступы оград росли все грозней.

Стоял монастырь - увесистый вал,

Гигантский оплот гонимых людей.

158. Поньше бессмертен стен полет,

Как в битве столетий копилась рать.
Стремится, как вихрь, качнув небосвод,
В ущелье слететь и врагов покарать.

159. И камни лежат в ущельях седых,
Как трупы врагов, холодным холмом,
Сраженные насмерть у ног твоих,
Мечом легендарным - предков мечом.

160. Как прадедов души снежно чисты.

Там голуби вьют миллионы гнезд.
Стоит монастырь, следит с высоты.

И вечности гул, и реянье звезд.

161. Монастырь простоял 12 веков и только 25 лет назад
землетрясение разрушило большинство зданий.

162-165.

166. Здесь в самые тяжелые времена Татевский
митрополит собирал лучших людей. Здесь шла интенсивная
духовная жизнь, что помогло уберечь нацию от гибели.

167. Как неожиданно было видеть огромные залы и
переходы татевских помещений после ставших уже
привычными малых объемов армянских церквей. Совсем
немного нужно воображения, чтобы увидеть, как повествует
летопись, что в одном отделении обучал музыке,
сладкозвучным мотивам первый учитель в этой области, а
учились у него многие из всех стран и городов.

168. В другом отделении обучали живописи и ее видам.

169. В третьем - христианским сочинениям и светским и
языческим наукам... Нет больше университета в Татеве.

170. Жизнь вместе с мыслью ушла отсюда. Тишина.

171. И только очень, очень тихо ведут свой рассказ камни
тем, кто подойдет их послушать.

172. Когда Бог делил землю, то в конце деления
обнаружил, что армянам ничего не осталось, кроме камней. И
тогда в придачу Бог дал армянам ум.

173. Армяне смогли по-умному распорядиться камнями,
сделав их друзьями, поверяя им думы и радости.

176. Печально, когда умирает родственник, но он был хорошим человеком, и весело водят хоровод девушки на могильном камне, радуясь, что, отмучившись на земле, он теперь в раю.

177. В старой Армении не было человека, который не знал бы Григория Просветителя, в пастушьем наряде, с посохом, бродившего по земле, внушая людям идеи христианства, еще в 4 веке. Привлекательные сами по себе, христианские идеи в делах сильных мира сего превращались в свою противоположность. И лишь простые люди сберегали в своих сердцах мир и добро христианской морали.

178. Я не уставала радоваться, находя эти бесхитростные кресты на стенах монастыря. Мне представлялся то старец; ушедший в свои мудрые мысли и очнувшийся возблагодарить Бога, вырезав ему крест;

179. то юноша, переполненный чувствами, лихорадочно вырезающий крест, прося Бога о помощи.

180. А в укромных уголках монастырских школ мне виделось, как неудачливые подростки, не выучившие уроки, царапают стыдливо малюсенькие крестики, прося о защите от наставника-учителя.

181. Из Татева мы уходили пешком и медленно, с каждым поворотом горной дороги, прощались. Ведь каждый понимал, что вряд ли кто-нибудь из нас приедет сюда снова и испытает снова всю гамму Татевских впечатлений.

182. Начало похода

183. Куда ты, горная тропа, ведешь меня?

В лиловом ущелье, где, звеня,

Под шум и грохот гроз,

Под ливнями в ночи,

Под белой молнией рождаются ручьи.

184-188, 188а. перевал через Бгомский хребет.

189. Хотел бы улететь я/В сиреневый простор,

Спуститься на рассвете /На пики синих гор.

190. На следующий день мы спускались в ущелье Каджарана. Внизу нас снова встречали

191. молочные фермы, сады, ангезурки, зангезурцы и старые крепости.

192. Развалины крепости Давид-Бека.

В 1722 г. Петр I после долгих просьб выступил, наконец, в защиту закавказского христианства. Грузины и армяне начали военные действия против турок. Но неожиданно Петр пересмотрел свои планы и, захватив персидское побережье Каспия, оставил своих союзников без помощи. Мечь турок была ужасной, разгром и резня - катастрофической, и только Зангезур сумел выстоять против мусульманского моря, не идя с ними ни на какие соглашения. Их вождь Давид-Бек наголову разбил турок, а впоследствии добился признания независимости Зангезура-Сюника.

193. Позади нас остались десятки армянских городов, дороги и попутки, столовые и гостиницы, фотопозерство и фотолюбительство, но вместе с ними позади осталась и наша чужестранность в этих горах, позади осталась и наша скучающе-пренебрежительная усмешка в монастырских развалинах, и настороженность к людям, и недоверие к восторгам путеводителя.

История Армении уже вошла к нам в душу, и наш поход и горы Зангезура вдруг стали ее продолжением.

194. В скалах стали чудиться развалины крепости, в синих просторах - библейские тысячелетия, во встречных садовых чабанах -

195-197. древние мудрецы и поэты.

198. Подъем к Зангезурскому хребту. Уже близок вечер, и мы ищем место стоянки.

198а. На этой порядочной высоте, где рядом снег, и нет уже ни деревьев, ни кустов для костра.

199. Утро нового перевального дня. Солнце еще не добралось до нашей палатки, а мы уже спешим к перевалу рядом с самой высокой вершиной Зангезура и всего Закавказья.

200. Капудджух 3996 м

201-203.

204.Перевал

205. Здесь, на границе Армянского Зангезура с Азербайджанским Нахичеванем,

206. мы и попрощались со страной тысячелетий.

Сценарий диафильма «Северо-Армянские монастыри»

1. Монастыри Армении

2. В стихах средневековых поэтов

3. В этом диафильме мы поведем рассказ о северной Армении - ее дождливых и лесистых районах Алаверды и Дилижан.

4. Первой остановкой, если ехать железной дорогой, может стать Ахтала с ее бесчисленными рудниками и старинной крепостью, в глубине которой виден храм. А в храме том такая огромная голубая Богородица, что сами собой подгибаются колени.

5. Крепостные стены Ахталы не единственные в ущелье Дебеды. Все здесь усеяно развалинами и пещерами, где, говорят, до сих пор хранятся книги и церковные сокровища. Ведь эта земля была последним прибежищем армян в годы нашествий. А местные рудники даже древней самих армян. Они были еще в допотопные урартинские времена.

6. Здесь добывалось серебро и железо, ковались деньги и оружие... Это была кузница Древнего мира. И понятно, что на нее многие зарились. Невозможно осмотреть все интересное в этих местах.

6а. Но вот 4 монастыря известны всему миру.

Армянские поэмы-города!

Здесь каждый камень - гениальной строчкой,

Здесь торжество священного труда,

Здесь капли пота на камнях, как точки.

7. Как ни странно, но средневековый город Ахпат в дни осады весь умещался за этими стенами.

8. В мирное время здесь жили монахи и их наставники, работали школы и академия - и все прекрасно умещалось в одном главном храме со всеми его приделами и пристройками. Таковы были масштабы культуры 13 века, исчислялись они десятками квадратных метров библиотек и десятками грамотных людей.

9. Как и большинство армянских монастырей, Ахпат строился в 10-12 веках, когда после арабских завоеваний наступил период относительной свободы и спокойствия. Страна расцветала и благоустраивалась. Народ как будто вспомнил культуру древнегреческой Армении, открыл заново мастерство гладкого теса каменных плит и резьбы и стал лихорадочно строить мосты, караван-сарай и храмы. 150, а, может, 500 зданий возведено в эту эпоху.

10,11. Все здания строились из больших туфовых или базальтовых блоков, вытесанных так точно, что не нуждались в известке. Веками стоят искусно перекрытые огромные залы. Ни одно из средневековых зданий не имеет таких длинных арок, по 13 метров, как в притворе церкви Мшана, где была монастырская школа. Здесь обучались сами строители.

12. В библиотеке монастыря хранились и переписывались сотни рукописных томов, залог энциклопедического образования и высокой творческой учености. Разве можно забыть, что много лет Ключарем Матенадарана и всего монастыря был великий поэт Саят-Нова.

13. Божий глас внемли и твори добро,
В житиях святых слово - серебро.
Святых целей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.
Сердце, пусть тебя скорби не гнетут!
Знай, что хлеб и соль люди честно чтут,
Но не будь смешным: возлюби свой труд,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

14. По утверждению Брюсова, в средневековых монастырях была создана едва ли не самая лучшая за всю историю Армении литература, при этом широчайшего диапазона.

15. Как обошлась судьба с поэтом, написавшим такие судьбы, мы не знаем, но послушайте! С той поры, как рожден на свет, мне спасенья в молитвах нет.

И пускай священник зовет - сворочу, не пойду во след,
А красавица поглядит - славословлю и шлю привет,
У колен ее - мой алтарь, я груди ее дал обет.

16. Больше всего в Ахпате нас поразила колокольня. Она стоит отдельно на каком-то полухолме, и своей беззащитностью, близостью к небу напомнила нам Покрова на Нерли. А мы ведь уже вошли в согласие с определением Мандельштама, что Армения "плечья осьмигранными дышит мужицких бычачьих церквей". И вдруг - ахпатская колокольня!

17. Много радости дают глазу ахпатские хачкары. Камнерезы сторицей воздавали умершим за их покровительство святым и книжным людям.

Мать ходила в горы по святым местам,
Я за ней ягненком плелся по пятам.

18. Целовал на стенах древние кресты,
Стертые узоры гробовой плиты.

И теперь я снова целовать готов
Нежные плетенья каменных крестов,
Память славных предков, их большой судьбы,
Руки, что владели волшебством резьбы.

19. Пристройки у монастырских стен обрушились, уничтожив память о богатом хозяйстве монастыря, который

20. сеял хлеб, разводил виноград, пчел, строил мосты и родники-водопроводы.

21. Мысль и работа наполняли жизнь и примирали со смертью.

Опустошил я горный скат,
Камнями защитил свой сад,

Собрал комочки для оград
И слышу: встань, покинь свой сад!

22. В точиле мнется виноград,
Вином меня утешит сад,
Хочу я пить в тиши прохлад,
И слышу: встань, покинь свой сад!

Увы! в цветах весенний яд,
Не дышит розами мой сад,
23. Распались камни колоннад.

Да! Мне пора покинуть сад.

24. Ахпатский монастырь имел друга-союзника. Санаин ему имя, что означает "этот древней него".

Птице перелететь с ахпатской колокольни на Санаинскую совсем близко покажется,

25. но нам, чтобы перебраться с одного рога горной подковы на другой, понадобилось 3 часа.

26. Санаин недаром гордится. Первые постройки здесь появились в 4-ом веке, но сохранились только поздние, времен вещего Олега.

27. Благодарственная дань строителям - финансиста, и есть за что. Построено много и все добротно и по-своему красиво.

28-31.

32. С приятнейшим чувством удовлетворения бродили мы по лабиринтам узких переходов,

33. тайников, каменным кельям и круглым лестницам.

34. Что ни поворот, то новый подарок, не виданный нигде ранее,

35. радующий мастерством, выдумкой.

36. Совсем счастливые от нового знакомства, мы с удовольствием поклонились праху щедрых покровителей Со=анаина, князей Долгоруких.

37. Захар Долгорукий был вассалом грузинского царя Давида-Строителя. Отвоевав у мусульман Северную Армению, он способствовал ее расцвету. Здесь, в Санаине, их фамильная усыпальница.

38. А это Санаинская школа.

39. Центральная галерея Санаина зовется академией Григория Магистроса. Да, невелик был университет почти тысячу лет назад. Но зато это был действительно университет, и студенты в черных монашеских одеяниях изучали не только христианскую идеологию, но и поэтику, не только библию, но и музыку, и живопись, не только философию, но и математику, медицину, педагогику и прочее.

40. Сам Григорий, его сын и его ученики много написали книг, которые обогатили не только Санаинский Матенадаран, но и всю Армению.

41. Армения со своими греко-византийскими традициями и тесными связями с Западом через Киликию первой начинает вспоминать эллинизм на новой национальной основе. Здесь, в этих монастырях, в этих школах-академиях по античному образцу начинается тот блестящий процесс подъема культуры и гуманизма, который через несколько веков вспыхнул в Италии Ренессансом.

42. Земля, словно мать, велика добротой,
Рождает все вещи, одну за другой,
И кормит, и поит, питает собой
И вновь она блещет своей красотой.

43. Мой дух ученье мудрецов как истину блюдет,
Но телом в плотском я плену, оно земным живет.
Меж двух огней моя свеча - и тот, и этот жжет,
Опоры мыслям нет моим, они идут вразброд.
Две воли царствуют во мне, я раб у двух господ.
Не остается невредим, кто пламя обоймет.

45. И в более поздние времена Санаин растил поэтов.

Саят-Нова: Не верь: меня легко свалить! Гранитна твердь
основ моих.

Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус ручьев
моих.

Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!

46. Поэзия и философия Санаинского университета как
бы сорвали печать догматизма и схоластики с мышления

людей и повернули их к жизни, природе, опыту. Не случайно среди богословских учеников Григория Магистроса появился такой поборник деловой науки и материализма, как Иоанн Софист, с презрением отвергший схоластику: "Без опыта твое мнение не может быть достоверным, только опыт достоверен и непоколебим".

47. Как ни странно, но эти кельи слышали такие его мысли, которые и сегодня через тысячу лет для многих звучат кощунственным откровением: "естественная добродетель - быть в мыслях правдивым, а слово должно быть свободным, оно не должно находиться под принуждением..."

48. Но, может, эта мысль была лишь случайным озарением в Средневековом Санаине, причудой любопытного ума? Нет, факты говорят, что это время было звездным часом страны, что Армения готовилась возглавить мир в прогрессе и культуре.

49. Ведь Санаин совсем не был одинок. Вокруг него кипела жизнь. Богатели города и замки, роскошествовали в культуре нархары. Набирали силу купцы, раскинувшие свои связи по всей Европе, России и Средиземноморью. Рациональные гуманистические мысли проникали в широкий народ, трансформируясь в коммунистические ереси и стихи

"Князей поставил ты, господь, /Чтобы терзать людскую плоть.

Кто в красную парчу одет, /А у кого рубашки нет.

Тому дозволено грешить, /А этому на все запрет..."

50. Не удивительно, что и мудрецам Армянских академий не импонировали уравниатели, и Григорий Магистрос, предвосхищая проповеди Лютера, заклинал: "Мы сожгли их дома и изгнали из наших пределов, чтобы не было от них вреда и гибели культуре".

51. Армения шла к капитализму, если бы не внешняя катастрофа - сокрушительное нашествие монголов. Развитие было остановлено.

52. Народ был отброшен снова во мрак жестокой борьбы за существование, когда не свободный разум, а только вера

могла поддерживать его в испытаниях, и монастыри вновь из светоча культуры и ересей стали источником веры и креста.

53. Тихо в Санаине. Как будто ушла смертная душа из бессмертного тела, обреченного на бессмысленную жизнь. Не ожить ему никогда. Но, не увидев его, мы не смогли бы вещественно ощутить высоту армянской средневековой культуры.

54. Дилижан- центр соседнего северного района Армении, где хранятся две жемчужинки - Агарцин и Нор-Гетик.

55. Нас было четверо, и Агарцинским ущельем мы начинали наше путешествие по Армении.

56. Вечерело, мы спешили, и, наконец,

57. Над гулом лесов, на темени гор

Стоит монастырь на страже веков,

Обломок легенд, сказаний шатер,

Он - вера и мощь угасших отцов.

Здесь в мирные дни, в саду за стеной,

Народ приносил на жертву ягнят,

И ладан взлетал душистой волной

И к ладану льнул цветов аромат.

58. Как прадедов души снежно чисты,

Там голуби выют миллионы гнезд,

Стоит монастырь, следит с высоты

И вечности гул, и реянье звезд.

59. Так нам Агарцин и показался - очень мирным, идилическим, просто райским местом: хоть оставайся здесь и живи новыми монахами.

60. Подвинь сюда наполненный сосуд,

Барашка пусть на блюде принесут,

В котле имлав, миндаль, гвоздика тут,

Мы пьем вино, мы славим миг услад,

Поможет бог, и все пойдет на лад.

61. Почему нас обуяла такая радость в забытом монастыре?

62. Откуда это "веселье души" на старом кладбище среди развалин, гробниц и впервые увиденных хачкаров - могильных камней с крестами.

63. Откуда это благоговейное любование соборами и желание понять цветущие здесь когда-то жизни?

64. Откуда это почтительное удивление перед изъеденным временем базальтом и туфом древних стен? Неужели дело только в очаровании неизвестным, далеким, что скрыто от нас тенью веков?

65. Моя душа была ясна со дня
Рождения, но вот пора настала,
Когда с волнением и болью я узнала:
Тысячелетья были до меня.

66. Неужели мы способны чтить эти камни и здания, как своих предков, как будто в камни вложены живые души строителей.

67. Как будто самое главное от них осталось в этих камнях и природе; чтить, не разделяя на нации, принимая, что созданная культура общечеловечна.

68. Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечет судьба,

Вверх, падает и вновь ему взнестись настанет череда,
Так плотник мастерит равно и колыбели и гроба;
Приходит сей, уходит тот, а он работает всегда.

69. Агарцин погружается в темноту, и мы уходим на ночевку вниз, совершенно переполненные.

70. На следующее утро мы пошагали к другой Дилижанской знаменитости - Нор-Гетику. Лес провожал нас почти до монастыря.

71. Армянский лес - полностью широколиственный, без единой иголки.

72. Кто и с какой целью вырезал по всему буковому лесу рисунки оленей, собак, надписи и прочие подделки? Скорей всего, это шутка современных потомков урартийцев.

73. Но главное наше внимание было нацелено на плодовую дармовщину: лесные яблоки, сливы, алыча, и

особенно груши. Немного перезревшие маленькие плоды груш имеют очень терпкий и хороший вкус. А ежевика?

74. По склону гор течет ручей,
Растет кустарник дикий,
В твоих глазах и хмель и чернь
Созревшей ежевики.

76. Высокогорный лес оваян синевою,
Там синею листвою шуршит орешник мой,
Его я узнаю еще издалека,
Ему стоять века,
Ему шуметь века.

75. Пускай ветров и гроз бушуют голоса,
Пусть воеет смерть, трубу вонзая в небеса,
Ему стоять века, шуметь, не зная сна,
Дыханием тепла земля опьянена,
И бродит по горам Армении весна.

77.Гошеванк

И вот, спустившись с перевала, мы увидели монастырь Нор-Гетик. Он стоит прямо в селении

78. Гош и часто называется Гошеванк.

79. Шли мы сюда ради этого хачкара, но монастырь предоставил нашему глазу зрелищ больше, чем мы ожидали.

80. Заложил монастырь в 1195 г., выстроил его главный собор и основал здешнюю академию выдающийся мыслитель средневековой Армении, писатель и поэт, философ и юрист Мхитар Гош.

81. Этот университетский комплекс, как и другие монастыри, состоит из многих зданий, соединенных галереями и ходами в единый каменный муравейник.

82. Мхитар Гош проповедовал: "Все люди равны. Человек по природе богом сотворен свободным, а служение господам произошло от нужды по земле и по воде". И он благословляет эту жизнь, благословляет тяжкий труд, делающий эту страну Арменией, страной одухотворенного камня и очеловеченной природы.

83, 84.

85. Умеют ли современные учителя объяснить детям, какое богатство они получили в наследство, учат ли их гордиться?

86.

87. Армянская страна, родная сторона,

Огромн белый свет, а я тебе верна.

Ты стародавний храм - над древнею скалой,

А небо над тобой, что купол голубой.

88. Голубкою бы стать под куполом твоим,

Чтоб тень его была мне кровом дорогим,

Куда б ни улететь - к тебе вернуться вновь,

Под купол голубой нести свою любовь.

Умру - меня твоя укроет тишина,

Армянская страна, родная сторона.

Сценарий диафильма «Арарат»

1. Быть может все, что видел я когда-то,

Простор полей, и Тихий океан,

И дней мятежных длинный караван,

Должно погаснуть, точно луч заката

Пред мраморной вершиной Арарата.

Быть может, я пришел к заветной цели,

И больше нет желаний никаких,

И я стою у общей колыбели

Моей судьбы и судеб мировых.

И все, что ум и сердце волновало,

Тревога, боль, смятение души, -

Вдруг отошло, и в мертвенной тиши,

2. Переливаясь радугой опала,

Одна вершина предо мной сверкала.

В гербе Армянской республики главенствует Араратская долина. Здесь самые плодородные земли Армении, здесь живет большинство народа, здесь столица Ереван и Эчмиадзин. А главное - здесь Арарат - Масис по-древнеармянски.

3. Ты снежный, на блещущий парус похож,
И в небе как белое знамя цветешь,
Слеза наша гордая, наша святыня,
Масис, ты в долине Аракса живешь
И в сердце армян ты живешь, как в долине.

2 тысячи лет Арарат был центром Армянской страны, но сегодня он у турок.

4. Я гляжу в тебя, Арарат,
Или это мне только снится?
Как снега твоих склонов горят!
Заграница ты и граница.
Не взойти на тебя мне вовек,
Не изведать высокой стужи.
Где истлел твой Ноев Ковчег,
Осмоленный внутри и снаружи?
Я гляжу в тебя, Арарат,
Ты вершина моя и граница.
И как смолоду очи горят,
И листается вспять страница.

5. Гарни

6. В этой деревне недалеко от Еревана лежат развалины древнейшего, еще языческого храма солнца.

7. Вначале мы были разочарованы унылым пустырем на месте древнего города.

8. Но, оказалось, что реставраторы рядом, среди деревьев поднимают храм из уцелевших каменных блоков.

9. Мы увидели готовым лишь основание маленького армянского акрополя, но уже сейчас по богатству составных частей легко можно представить величественность этого творения древнеримских зодчих.

10. И все же Гарни - армянский храм. Повелением армянского царя, руками армян-строителей во славу восточного бога солнца. Вот здесь стоял идол и приносились жертвы солнышку. Языческий восток!

11. Со времен древнего Гарни живет в Армении традиция - соединять восточную культуру с западной и даже служить, по выражению Брюсова, "аванпостом Европы в Азию". И эта связь не просто жила, а глубокой и трагической бороздой прошла по всей армянской истории.

12. Гарни не только храм, но и античная крепость.

13. Сюда римские легионы приходили с юга, из-за Арарата, чтобы или подчинить вновь себе Армению, или сразиться с очередным восточным царем. Битвы Греции и Персии, Рима и Парфии, Византии и Ирана, России и Турции.

Веками Армения росла между смертоносными тисками, но почти всегда принимала сторону Запада, хотя Восток был близок и грозен, а Запад часто неблагодарен и своекорыстен.

14. И все же, кто знает? Если б не было на этой земле акрополя Гарни и не приходили сюда жадные римляне и не бросали в народ семена эллинизма, не поощряли армянской независимости от Востока, разве возможна была бы трагичная и гордая Армения? Разве смог бы выстоять в общем персидском котле этот независимый народ?

15. Звартноц - 640 г.

16,17. Возможно, на этом камне высечен сам Нерсес-строитель, католикос, создавший Звартноц в годы, когда стране реально угрожало поглощение Персией, потеря независимости. Звартноц стал призывом развивать связи с Западом, хранить античное наследие древних столиц, там, на юге, за Араратом.

18. Здесь все дышит античностью.

19. Вот орлы - государственный символ власти и силы, оставленный древним Римом в наследство гербам и многих европейских стран, и Армении.

20. Храм поражал современников своими размерами и формой, а сейчас, после разрушительного землетрясения, поражает нас великолепием развалин.

21. Пускай в осколках купола Звартноца,
Алмаз всегда алмазом остается.

И мой народ, пришельцами распятый,
Звартноцем величавым был когда-то.

Но орды шли, одна другой лютей,

И вот на стыке горестных путей

Остался от него один осколок.

22. Поймешь ли боль веков, тебе чужую,

А мы живем, ее в крови храня,

Пусть на твоём наречьи расскажу я

Про эту боль - ты не поймешь меня.

22а,23. Армения, в основном, - каменистая бесплодная земля, она выжжена солнцем до унылости. Но здешние люди могут из этих почти безводных камней делать

24. чудо садов и благоустроенной жизни.

25. Мы видели это недавно. Но так же было и сотни лет назад среди войн и разорений. Чем объяснить это упорство? Гордостью? Привычкой ценить труд и знание? Предприимчивостью и умом? Культурой Запада и христианской верой?

В ладонях гор, расколотых

Стозвучным ломом времени,

Как яблоко из золота

Красуется Армения.

26. Перед азийской глубиью

Племен, объятых ленью,

Форпостом трудолюбия

Красуется Армения.

27.

28. Аштарак Типично армянский городок, который лишь постепенно перестраивает свои узкие улочки в современный город, и в то же время бережно сохраняет память храмов и хачкаров.

29. Рядом с городом село Шамирам, названное так в честь легендарной ассирийской царицы Семирамиды. И виден вдали Арарат, хранящий память о ее возлюбленном Ара Прекрасном - царе Армении, или, как говорили тогда, страны Наири. Эта красивая и как-то по-армянски грустная история завершилась в этих местах, где произошла битва оскорбленной царицы и Ары, отвергнувшего любовь чужестранки по воле и заветам народа Наири.

30. Здесь же, на окраине Аштарака, вознесла к небу свой купол церковь Мариам, созвучная имени царицы. Наверное, это лишь наша блажь - связать облик гордой ассирийки с армянским острым в небе храмом, но не вольны мы над собственным воображением.

31. И вот настанет ночь беды и наиритин страж
Из мглы внезапной твой Ара возникнет, как мираж,
И вновь в мучениях любви, смятенная тоской,
Беспомощная перед ним, ты выйдешь в смертный бой.

32. Чтоб он на роковую страсть не отвечал, смотри,
Тысячелетняя его восстанет Наири.

Он пораженья своего постигнет глубину.

Отступит войско, ты возьмешь цветущую страну.

Но ты его не победишь: он мертвый, весь в крови...

О, жертва страсти, Шамирам, как горек пыл любви!..

33. Как заявляет путеводитель, Аштарак набит древностями: церкви, крепость, древний мост, хачкары. Но главная из них - часовня Карм Равор с черепицей с 13-вековым стажем.

34-36.

37. А рядом типичное армянское кладбище, которому тоже не одна тысяча лет. Бесконечно разнообразие узоров и сюжетов на хачкарах, как, наверно, бесконечно разнообразны были люди, под ними покоящиеся.

38,39. Нас поразило это зрелище. Каменотес 20 века создает новый "крест-камень" - хачкар в память о каком-то из наших современников на новые столетия, продолжая вековые традиции и устои.

40. И передаст, конечно, своим детям, будущим гражданам 21 века. И то, что эта детвора так любит бегать и играть у старых камней, что здесь они растут, учатся, - тоже залог живучести культуры народа.

41-44.

45. Гегамские горы

46. Ущелье Гегард

47. Гегард возник в 4-13 столетиях и, если не считать нападения арабов, оставался неприступным убежищем в течение многих веков.

48. Армяне строят крепко. Не воздушен,

Не пышен облик зданий всех времен,

Давно б Гегард был войнами разрушен,

Когда б не в скалах высечен был он.

Армяне строят так, чтоб не сверкала,

Не привлекала красота врагов, -

Скрыт наш Гегард в суровых, грубых скалах,

И лишь внутри пленяет знатоков.

49-50. Внутри турист оказывается перед целым рядом последовательно соединенных храмов, вырубленных шахтным способом.

51. Такие храмы сооружались долго, десятилетиями. Два-три человека посвящали ему свою жизнь. Сперва один рубил узкую шахту, а другой вытаскивал наверх породу.

52. Потом, достигнув пола будущего храма, каменотесы начинали расширять его внизу, чтобы, дойдя до будущих стен, разукрасить стены львами и сталактитами, хачкарами и святыми надписями. И все это - безукоризненно точно, ибо скальный монолит не терпит исправлений.

53-54. Вся скала изрыта ходами, хотя снаружи они почти незаметны и труднодоступны. Сколько людей, детей, имущества, народного богатства, книг и святынь спаслось здесь в лютое время средних веков, когда мусульманский юг затопил всю страну испепеляющей ненавистью, грабежом и уничтожением.

55. По всей Армении, вплоть до синего Севана и далеко за ним, рыскали отряды турецких янычар "режь гяуров". Давно прошли времена могущества в этих местах Древнего Рима. Давно прошли времена равновесия сил Византии и Персии, раздела между ними Армении. Уже нет самой Византии, а турки разоряют Рим и Вену, но христианская Армения живет и сопротивляется.

56. И выживает вот в таких пещерах. Если доберутся и сюда, то отчаянная борьба в одиночку насмерть. Над жизнью живущих здесь постоянно висела опасность. В глазах - постоянно картины гибели близких, в ушах - вопли палачей.

Режь руки-ноги, круши, ломай!

Голову жги, живот терзай,

Ногти им рви, руки пали,

Голой спиной к огню подставляй,

В масло обрубки рук окунай!

Коль быстро убьешь - сам пропадешь,

Медленно головы им обдирай.

Кожу снимай, глаза выжигай!

Пускай глядят, как им ноги палят!

Как пальцы вырвут им - задрожат!

Ослабнут, авось, от мук, от ран,

Оставят Крест и примут Коран!

57. "Оставить крест" - больше ничего не требовалось от армян - в обмен на радужные перспективы службы у султана, роскоши и сладости восточной жизни. И, конечно, иные отрекались от креста и становились турками, насильниками и господами.

58. Но предки современных армян были другие - гордые, упрямые и независимые. Для них Крест был неотделим от Армении, ее языка, заветов.

59. Эчмиадзин

60. Главный кафедральный собор и главная святыня Армении. Постройка еще первого католикоса Георгия Просветителя - центр армян всего мира.

61. Эчмиадзин расположен в Араратской долине, рядом с этим библейским центром мироздания, священным не только для армян, но и для всех христиан и евреев, кто признает Библию и ее историю о всемирном потопе, Ноевом Ковчеге и первой пристани - Арарате, откуда пошли по земле обновленные люди.

Спала под снегами Европа,
А здесь уже знал человек
Звериную злобу потопа,
И разум, и Ноев ковчег.

62. Заботами верующих кафедрал много раз перестраивался и стал самым большим и изукрашенным храмом Армении.

63. Нигде мы не видели фресок, но Эчмиадзинский собор весь усеян растительным орнаментом.

64-65. В ризнице собора хранятся сокровища армянской церкви. Монах-экскурсовод с воодушевлением перечисляет: от индийских армян, от ванских, от английских, от бразильских и т.д. и т.п. Золото, серебро, бриллианты, парча, кресты, макеты, митры, ризы, ларцы и много-много древних книг.

66. Духовная академия

67. В средние и новые века Армения была разделена и унижена. Эчмиадзин оставался единственной реальной силой объединения. Церковь собирала деньги и учила детей в школах, писала и хранила армянскую литературу, создавала убежища, помогала неимущим и престарелым, церковь обладала огромным моральным авторитетом.

68. Вход в Эчмиадзин свободен любому. Цветы, чистота, зелень, ухоженность. Цветение и сладость воздуха. Стена памяти из хачкаров ведет торжественно и печально все ту же армянскую ноту. Много паломников. Свободно, уважительно разговаривают с ними священники Эчмиадзина. Впечатление полного контакта и взаимопонимания. Как оно было, видимо, и раньше.

70. На ступенях храма Рипсима старик, расстелив коврик, читает что-то свое особенное. Может - духовное, а может - про страну, историю. Наверное, для него это в порядке вещей: прийти и расположиться здесь в тени веков, как дома. Но для нас, благоговейно замолчавших, он стал еще одним примером особых отношений здесь к церкви и прошлому.

71. Этот дворец - свидетель бурной деятельности его хозяев. Здесь долгими веками вынашивались планы освобождения и копилась надежды. Отсюда посылали гонцов за помощью в Европу и Россию. Здесь помнят частые неудачи и редкую радость.

72. Отсюда поднимали армян в русское войско, благословляли весь народ на ратный подвиг и крестные муки. Но не принесла счастье армянам помощь русского царя. Русские захваты - не только армянских, но и мусульманских провинций, вроде Нахичевани и Батума, - вызвали у турок лютую ненависть, вызвали погромы и резню в начале прошлого века, а потом - в 1916-20 годах, когда погибли миллионы, когда погибла половина армянского народа.

73. Так турки обезопасили себя от русской угрозы, так они решили армянский вопрос. Страна за Араратом погибла для армян. Нет, не принесло счастья русское покровительство.

74. Церковь Рипсима. Храм построен в честь девушки, жившей на заре христианства в Армении. Она предпочла смерть ненавистной царской любви. Вскоре страна приняла христианство, и Рипсима вместе со своими убиенными подругами стала одной из почитаемых святых.

75. Вижу храм на пологом холме.

Он девическим именем нежным

Навсегда окрещен - Рипсима.

Как разумно придумано это!

Если б мог, я, пожалуй, и сам

Из камней розоватого цвета

Храм сложил бы в честь девушки. Храм!

Сердце девичье чисто и свято

И не хочет томиться в ярме.
Поплатилась за правду когда-то
Юной жизнью своей Рипсимае.
76. Но на месте пролившейся крови
Нерушимая стала стена.
Виден контур девической брови
В изогнувшейся бровке окна.
И строги по-девичьи колонны
В стародавней узорной тесьме.
И себе я твержу, как влюбленный:
Рипсимае... Рипсимае... Рипсимае...
77-79.

80. Ереван. Если учесть остатки урартийской крепости в южной части города, то ему 2,5 тысячи лет. Однако столицей Ереван стал совсем недавно. Долгое время он был лишь резиденцией персидского сардара и наводил ужас своим именем. "Разрушение ада для грешников не имело бы той цены, как взятие Ереванской крепости для армян", - говорил Абовян.

81. А сегодня Ереван - столица Армении, ее любимое детище, которому отдается все самое лучшее и дорогое. Выстроенный торжественно и строго, он весь облицован туфом, как бы оправдывая прозвище "розового".

"Плывут из туфа этажи./ Мой Ереван на парусах зари".

82. Ереван немного старомоден, по-восточному монументален, как будто урартийская древняя кровь выступила в облике его зданий и заявила о своих правах.

83. пл. Ленина

84. Встали, будто сошлись познакомиться,

Розоватые зданья в кругу,

А на небе застыли два конуса -

Арарата в библейском снегу.

85. Ереван почти полностью перестроен, и от старых кварталов остались лишь остатки на берегу Занга. Вместе с ними, совсем недавно, в 50-х годах, разобрали и персидскую

крепость. И, странное дело! В Ереване об этом мало кто жалеет. Видно, оставила она по себе недобрую память.

86. После изгнания персов их место в старой крепости заняли русские колонизаторы. Закрывались армянские школы, газеты, библиотеки, преследовалась армянская церковь, переполнялись тюрьмы. "Увидеть Армению без армян", этот девиз русского министра Лобанова объединил турецкое и русское правительства в одной страшной политике уничтожения. Так обстояло дело с русской помощью, когда ее оказывал царь - вся она сводилась к категорическому мнению Энгельса: "Освобождение Армении от Турции невозможно без разгрома русского царизма".

87. Своеобразие Еревана, в сравнении со всеми иными нашими столицами, - это памятники и скульптуры на улицах и в парках. Изобилие исторических героев и великих поэтов и прирожденная страсть к каменным формам родили эту замечательную традицию.

88. Вот легендарный прародитель народа Гайк.

89. А вот памятник вполне реальному, но столь же легендарному поэту Саян-Нова.

Поэт пытливыми глазами
Взирает сквозь туман времен
На этот день, что над горами
Встает, лазурью осенен.
Тебе, Саян-Нова, наш брат,
Воздвигнем памятник мы скоро.

Пусть пьедесталом будут горы
Казбек, Шах-Даг и Арарат.

90. Аветик Исакян В его ушах напев старинных песен

И на устах сказанье о Давиде.

И снова мир прошел в скитаньях весь он.

В пыли подошвы... и былое видит.

91. А вот и сам Давид Сасунский. Он стоит лицом к Еревану, как будто только что прилетел из своего родного Сасуна, что остался за Араратом у озера Ван, и кличет: "За Родину".

Могуч народ,/Как Алагез, высок,
Что сохранил янтарный сок/Давида песни.

92. Матенадоран - хранилище древних книг. Самое почитаемое здание города. Где еще, у какого народа книга окружена такой любовью, где еще она сыграла столь решающую роль в сохранении нации?! Разве только у евреев, с которыми у армян так много общего в судьбе. Матенадоран украшен огромным портретом великого Туманяна, столетие со дня рождения которого справляла в те дни вся Армения.

93, 94.

95. На юго-западе Еревана воздвигнут грандиозный монумент в память о жертвах 16-20 годов, в память о 2 миллионах, о половине народа.

Я должен взять резец и молоток.

На вражьем сердце должен начертать я

Их имена - два миллиона строк,

Глубоких, как ущелье Арарата,

И чистых, как снега на горных склонах.

96. Внутри каменной розы, как бы вспучившей погребально миллионную землю мрачным разломом гигантских зубьев, плещется вечный огонь. Вот и все, что осталось от той Армении, от первого и успешного применения геноцида, нового метода решения национального вопроса. Когда Гитлер планировал уничтожение неполноценных евреев, поляков и русских, он ссылался на турецкий опыт: "Кто теперь вспоминает об ужасах резни? Зато турки владеют Арменией". И, действительно, кто помнит?

97. Турция нищенствует на опустошенных землях, Россия благосклонно ищет ее приязни, следуя традициям ленинской дружбы со страшным Кемалем. Тихо все... И только неизбывная боль в армянских душах, лишь пламя ненависти в их сердцах.

Ни бездонной печали твоей,

Ни бессчетных безвестных могил

Не прощу черной злобе людей,

Не прощу до конца моих дней,
Даже если бы сам ты простил.

98. С гранитной плоскости памятника хорошо смотреть Ереван. Нынешние армяне - народ-изгнанник. Прошло более полувека, а боль увеличивается. И не одни они такие в мире. Арабы в Палестине, евреи во всем мире, крымские татары в Узбекистане, ибо в Биафре - всем снится родина, всех гложет тоска вернуть себе отчизну. Нам, жителям великой, ничем не ущемленной России, эту горечь не понять, душой своею не измерить.

99. Не виновен я, что в глазах моих
Вековая живет тоска,
Не виновен я, что ворвался в стих
Чей-то голос издалека.

Каждый раз, когда вижу даль руин,
Наших древних столиц печаль,
Туча вновь встает из души глубин,
Затмевая синнюю даль.

Сквозь седую мглу вижу Ван, Ани
И, рукою к себе маня,
Упрекают они, и зовут они,
И с мольбой глядят на меня.

Молчаливый мой, мой седой Масис,
В красоте снеговой своей,
На родной наш край смотрит с грустью вниз,
Как прикованный Прометей.

100. Арарат, великий мудрец,
Словно Гайк, наш древний отец,
Курит трубку, и с высоты
Вдохновляет внуков мечты,
И следит за путями их,
И хранит их в краях чужих,
Направляет рукой своей
С колыбели до поздних дней.

101. Прими его, мой сын, как отчий дар,
Из плена вырви ты его, и, на спину взвалив,

Ты принеси его домой, в кипенье наших нив.
Тот клад - Масис прекрасный наш. Да, ноша нелегка,
Но если правда за тобой - сильна твоя рука!
Когда же гору сдвинешь ты и принесешь ее -
Ты из могилы сердце вынь горячее мое
И на вершину отнеси, туда, где вечный снег,
Пушкой Масис мой сбережет огонь его навек.
Я завещал тебе Масис, и ты храни его,
Как свой язык родной, как сад у дома твоего.

102. В одном из ереванских скверов установлен этот удивительный дар - рука итальянского народа благословляет жизнь и труд армянского народа, и справедливую борьбу.

103. Путь к справедливости далек и труден.

Трибуна слева, справа - Арарат.

И дальнобойные стволы орудий

Под солнцем недвусмысленно блестят.

104. И призрачной прикрытая одеждой

Следит за ними с самого утра

С тревогою, восторгом и надеждой

Великая Армянская Гора!

Это стихи советского поэта в советской книжке 67 года - что это, как не призыв к войне за Арарат?

105. Конечно, в Ереване немало боевых людей. И может, когда-нибудь история Великого Израиля повторится на плоскогорьях Великой Армении, война и новые смерти.

105а. Но зреет в людях и другое решение, без ненависти к "турецким пастухам". Решение, когда государственные границы перестанут быть препятствием.

106. Решение, которое утверждает право одних жить везде, где они желают, не ущемляя прав других. Решение, которое одно только способно утвердить мир и человечность.

107. Нет, мой народ! Ты должен гнев избыть,

Чтоб успокоить страждущее сердце,

Не сеять смерть, не крови море лить,

Другое ты найдешь для мести средство.

Ты жизнью отомстишь за все страданья!

Отмстишь за разрушенье - созиданьем.
За злобу, за вражду, за козни казни
Отмсти душою любящей и ясной.
За распри, за нашествия, за рабство
Отмсти своей исконной тягой к братству!
108. Подходит к концу наш фильм о судьбе армянского
народа. Мы прощаемся с Арменией.
На глухой вершине Арарата
На мгновенье век остановился... и ушел!
Острый меч сверкающей зарницы
Об алмазы яркие разбился - и ушел!
Взор гонимых смертью поколений
Соскользнул по гребню исполина - и ушел!
Наступил черед твой. На мгновенье,
Чтоб и ты взглянул на ту вершину, - и ушел!

7. Уральский дневник 1970 г. и диафильм «Северный Урал»

1970 год, был беден на путешествия и диафильмы. Лиля в этот год, наконец, сделала диссертацию. Я помогал ей, чем мог. Мы бились над этим практически весну и лето. И лишь в августе, когда диссертация была, наконец, скомпонована, отпечатана и отдана на отзыв для предзащиты, мы начали сборы в свой краткий, на две недели, байдарочный поход по Северному Уралу...

До этого мы не бывали в этом краю, но главное – нам еще раз хотелось сразиться с трудными обстоятельствами тайги и порогов – прямо, лицом к лицу. Я устал от московской страховонки, не находил из нее выхода, хотелось открытой борьбы – хотя бы с горами и рекой. Чтобы снова ощутить себя свободным и стоящим человеком. Так мне казалось... Намечаемый нами маршрут по Уралу был не только интереснее, но и труднее байдарочного похода по Коже – предстояли очень длинные волоки по бездорожью. Поэтому мы уговаривались идти втроем. В дневнике третьего члена нашего экипажа мы называем Олегом.

Все приготовления к походу: байдарки, карт-кроков, одежды, съестных припасов и пр. были проведены очень спешно, и 13 августа мы выехали воркутинским поездом. Но я уже начинаю пересказывать наш путевой дневник – практически единственную память об этом походе. Наш обязательный диафильм на эту тему был лишь кратким конспектом этого дневника, а в первых кадрах его шли следующие титры:

- «2. Этот диафильм предназначен для близких друзей,
3. которые читали наш уральский дневник
4. и могут воспринять эти кадры, как иллюстрации
5. к уже известному
6. содержанию».

Уральский дневник

Лето прогорало без отпуска. В работе и ожиданиях прошли июнь, июль, начало августа. Неотвратимо близилось 1 сентября, радостная дата Артемкиного «первый раз в первый класс», а мы все еще барахтались в Москве. Надежды на спутников лопались одна за другой, и только случай помог нам обрести третьего члена байдарочного экипажа в двухнедельном походе по Северному Уралу. За 4 дня до отъезда все становится однозначным, вплоть до закупки ж.д. билетов. Нас – трое и байдарка. Для длинного маршрута с большим количеством волоков и малым запасом времени это наилучшая из возможных комбинаций. И может быть, теперь-то нам будет сопутствовать удача... – Вот вам вступление к дневнику Лили, выдержанное, как мне кажется, в лучших традициях туристских отчетов.

13.8.1970г. Поезд «Москва-Воркута», 21.25, очень мягко сдвинулся, и наконец-то Москва осталась позади. Праздничное настроение. Наверное, пока будет хотеться поездок, пока смогу ездить, я буду ощущать – ну, если не молодость тела, то молодость духа. Само ожидание похода, сборы – как ожидание и сборы к празднику. Витя тоже рад, но молчит, а глаза оживлены. И еще ему хочется меня дразнить. Но беззлобно.

14.8. Жаркий день в поезде. Но мы не ропщем. Знаем почти наверняка, что «там» тепла не будет. Поэтому аккумулируем сейчас вагонную жару. От Коноши до Котласа день проходит незаметно, в приятном чередовании сна и неторопливых занятий: еды, штопки, составления маршрута. Кусочков карт много, но ни одного целого и надежного крока волока. Посчитали дни. Очень напряженный выходит график. Ведь совершенно необходимо вернуться 31 августа в Москву. Конечно, есть запасной вариант, но тогда мы не увидим знаменитых горных вершин, ради которых все затеяно. В целом этот поход у нас подготовлен хуже, чем на Кожу. Там,

хоть мы и забыли карту, но и описания помнили, и кино своих предшественников видели, знали, куда идем. Очень надеюсь, что на метеостанции в устье Ляги нам объяснят путь.

Эти надежды вполне оправдались. В заповеднике нас снабдили подробной картой и помогли целесообразно изменить маршрут: вместо долгого байдарочного подъема по перекатам горных притоков, мы прошли эти километры по просекам. Только на Печоре мы вернулись к своему первоначальному плану и едва не лишились из-за этого байдарки и времени. Как я убедился, многое зависит от обстановки на месте, так что очень тщательная подготовка дома может оказаться даже вредной, связать воображение и нагнать самоуверенности (мы такое увидели на опыте туристов из Ухты).

Вернее, подготовленность – хорошо, но надо уметь на месте все переигрывать, осознав целесообразность.

До Ухты поезду осталось два часа. Становится холодно. В этих местах уже 2 дня идет дождь. Что-то еще будет...

15.8. Вчера ночью автобус из Ухты на Троице-Печорск ушел без нас, поэтому спать мы устроились в самой Ухте, в приавтобусном парке – месте нерадостном. Я очень долго не могла уснуть и занималась тем, что запоминала небо над Ухтой – оно горит красным пламенем от сжигания попутных газов. Нефтяная земля.

Совершенно незабываемый по дороге в Троицк сажевый завод («лучшая в мире сажа, идет только на экспорт» - объясняли нам) – длинные черные сараи и колоссальная стена в воздухе из сажи над трубами газопроводов вдоль дороги...

Можно было ждать самолета из Ухты в Троицк, но мы убоялись нелетной погоды и потому решились на 6-ти часовую тряску по грунтовой дороге. Конечно, кому-то надо сидеть на задних сиденьях, но как же выматывают эти непрерывные ухабы.

Однообразный, пустынный, какой-то чахлый пейзаж. Позже мы узнали, что это бывшая лагерная дорога. 180 км лагерей. Единственный красивый поселок на этой дороге – Вой-Бож с двухэтажными розовыми домами. Похоже, что их строили немецкие военнопленные для лагерного начальства. А остальные селения – серые, унылые, тоскливые, без единого останавливающего на себе взгляд элемента, вертикали...»

Позже, уже на Печоре, мы разговаривали с туристами, жителями Ухты, горячими патриотами этого северного города. – «Раньше это был чистый, красивый, отличный город – жаловались нам двадцатилетние ребята, - теперь же, когда сюда нагнали на работу этих пьяниц и тунеядцев, факельщиков и бродяг, город стал много хуже».

Много интересного мы почерпнули из этих рассказов. И про «комсомольско-молодежные» строительные тресты, на три четверти укомплектованные бывшими малолетними преступниками, и о значении термина «факельщик» - это человек, который не имеет квартиры и определенных занятий, а ночует и летом, и зимой на теплой и сухой земле около главного ухтинского факела. Сообщили нам, что город раньше населяло множество ссыльных политических – интеллигентные и культурные были люди, и потому было много лучше в Ухте. Так говорили нам эти милые молодые люди.

Вообще же лагерная тема прошлого и настоящего напоминала нам о себе на протяжении почти всего похода. В Троице-Печорске нам рекомендовали посетить брандвахту – официальное жилище всех выселенных сюда «тунеядцев». Уже на обратном пути мы попытались разыскать эту «достопримечательность», но не смогли: на лето их сплавляют подальше от города. Впрочем, я сам не был огорчен этой неудачей – созерцание современного мира людей «на дне», советских босяков и хиппи, ревнителей свободы от трудовых цепей и пьяного забвения от государственного рабства – меня совсем не волнует, а задача поиска среди них современных Сатиных с их «Человек – это звучит гордо» -

кажется совершенно неблагоприятной (как это было, впрочем, и во времена Горького).

Характерно, что у местных, с кем нам удалось поговорить, сложилось резко различное отношение к ссыльным «тунеядцам» (презрительно-ироничное) и к энкам (уважительно-понимающее). Пока добрались до заповедника, успели услышать массу рассказов про удачные и неудачные побегии. А в Троицком аэропорту нам даже показали украдкой на ст. лейтенанта в полевой форме: «Вон оформляет документы на спецрейс, чтобы доставить в лагерь пойманного беглеца». И тут же, почти с восхищением, рассказали о том, как прошлым летом один из охранников взбунтовался и расправился со своим начальством, увел сколько-то энков, вооруженных автоматами. Многих поймали, но он сумел-таки уйти к железной дороге и его не поймали! ...Эта история знаменитая для этих мест, потому что нам ее рассказывали еще раз. Но она совсем не единственная. Бывают и истории в пользу охраны – вроде случая с вооруженным беглецом-уголовником, который ночевал в охотничьей избушке, а потом убил бывшего там старика-охотника (по этому убийству его и нашли). По рассказам выходит, что ловят гораздо чаще удавшихся побегов, однако последние все же случаются, особенно, если беглецы попадают к оленеводом ханты-манси, которые помощь беглецу считают едва ли не своим национальным подвигом: «Он бежит, значит, ему плохо, зачем же его еще ловить надо?»

Так было раньше, так, если верить рассказам, обстоит дело и сейчас. Автобус тряс нас по бывшей лагерной, а ныне «свободной» дороге, вдоль которой сегодня стелются не только воспоминания о прошлом, но и живут ссыльные, шатаются тунеядцы, скрываются беглецы и рыскают за ними конвоиры. Что же тогда изменилось?

Троице-Печорск нас разочаровал. Это продолжение все того же унылого безрадостного мотива. Одно-двухэтажные дома, без всяких украшений. А название-то ведь обещало старину. Раньше здесь наверняка было большое торговое село

с церквями и монастырем. Тогда на эти серые домишки как бы падал отсвет настоящей архитектуры: «Ну и что ж, что они серы – зато над ними церковь!» Церковь – это главное воплощение красоты, мира мысли и чувства в старых селениях. В городе ее заменяют архитектурные ансамбли, а в селе?... Чем связать, озарить?... Нет замены.

Даже в походе, в нетронутых революцией местах, мы не увидели ни одной церкви или хотя бы часовни. Причина этому лежит, наверное, в характере здешнего населения. Большинство – это коми-вогулы, недавние язычники и нетвердые христиане. А из русских здесь жили в основном староверы-беспоповцы, которым «церкви видимые» только мешали «церквям духовным». Нынешние же потомки коми и староверов-кержаков, основательно разбавленные уже совершенно безродными ссыльными, совсем не нуждаются в «храмах божьих». Такая бесцерковность как-то глубинно связана со своеобразием здешнего края, с его отделенностью от остальной России. Коми с гордостью подчеркивают, что эти места – их республика, а там, в России – пусть делают, что хотят. Русские же считают, что здесь – Урал, Север, а там, в России везде холерные карантинны наставлены.

Религиозность североуральцев и раньше неглубокая, полуязыческая, теперь, видимо, совсем испарилась, не оставив даже иконки в углу избы старухи. Так что церкви и часовни здесь искать бесполезно. Зато типичны в этих местах охотничьи избышки, оригинальные амбары, тяжелые избы брусом – практичные постройки, сработанные сурово и грубо. Работа, хозяйство, охота, рыбная ловля – в этих заботах день-деньской кружится здешний человек, а для души... бог знает, что ему остается для души...

Из Троицка в Приуральск на Илыче можно попасть только самолетом, ибо сейчас катера из-за мелководья («сухой воды») не ходят.

Вчера был нелетный день, сегодня самолетов тоже не было, а желающих попасть в Приуральск уже больше 12, т.е. больше, чем на один самолет. Трехчасовая трепка нервов в

очереди! – Ну как научиться держать свои нервы в холодном (или хотя бы «теплом») состоянии?

Я и Витю заразила своим психозом. Это уж совсем скверно. Но, в конце концов, Олег сумел договориться с начальником аэровокзала и тот позволил нам втиснуться в самолет вне лимита. Его покладистость была вызвана еще и тем соображением, что следующий день – воскресенье – был нелетным, выходным днем на местных авиалиниях, а в понедельник снова может быть нелетная погода, и тогда вокзал просто затрещит от озлобленных пассажиров. А кроме того, он был просто хорошим парнем.

И вот, как подкатывает такси, к нам подлетает маленький самолетик. Мы кидаемся к нему, долгожданному, а над аэродромом начинают быстро-быстро нависать тучи и идти серый дождь... И все же наш самолет полетел, прорвался через полосу дождя и через 40 мин. приземлился в яркое заходящее солнце Приуралья, где нас встретил вдруг человек, назвавший себя Лешей. Ему очень хотелось кого-нибудь встретить, и потому он отвел нас в поселок, к Бернарду Антоновичу Гудайтису, который согласился довезти нас до Шежим ди Коста... Поистине беды и радости поделены в мире поровну или почти поровну. Вот научиться бы только не нервничать, переживать беды, а уж радоваться я, слава богу, умею.

Лилины записки отражают всю суматошность этого решающего дня. Мы так сильно переживали в тот день из-за того, что при нашем дефиците времени любая крупная задержка с транспортом могла сорвать весь маршрут. Я ощущал себя как в день экзаменов – беспомощность перед случаем и нервное ожидание. Утром мы с трудом уселись в автобус. С еще большими страданиями попали в самолет, и уж совсем без всяких чувств, почти без собственного сознательного участия, как бы на «издыхании», поздним вечером разрешили самую трудную проблему «подходов» - договорились о моторке на 180 км вверх по Илычу до заповедного кордона за сравнительно недорогую плату.

В итоге все получилось удачно, как в сказке: мы идем по аэродромному полю Приуральска, еще покачиваясь и удивляясь самолетному везению, а к нам уже напрашивается в проводники подвыпивший до разговорчивости товарищ, обзывает себя Лешей, радуется тому, что Москва еще стоит на прежнем месте, но ведет, тем не менее, в самое нужное нам место, к инструментальщику леспромхоза Бернарду, ибо только у последнего в поселке есть время (два дня отпуска), средства (лодка с мотором), некоторая нужда в деньгах (дочь выходит замуж) и только его можно уговорить своими «безвыходными обстоятельствами».

Леша знакомит нас с хозяином, помогает устроиться в его мастерской, где уже ночуют три геолога (парень и две девушки). Они тоже направляются вверх по Илычу до геологической партии и с помощью Бернарда уже сговорились в поселке с каким-то Шуриком на моторе... Между тем Леша продолжает свои заботы о нашем ночлеге, продовольствии, развлекает рассказами и исподволь уговаривает хозяина на завтрашнюю работу. Словом, «тоска по России» плюс определенная доза спиртного сделали из Леша отличного и бескорыстного гида и коммивояжера. Ни одна из туристских западных фирм не смогла бы в тот вечер сделать для нас больше фирмы «Леша».

Вечер был умиротворенно, успокоено счастливым. Первый взгляд на Илыч с высокого берега. О-гро-мадная и шустрая река – против течения на байдарке не выгребешь. После небольших уламываний, рассказов о Литве, Бернард соглашается, причем цыган Леша, до конца выполняя свою роль, уговорил напоследок жену Бернарда дать нам хлеб, чтобы утром не ждать открытия магазина и пораньше выехать...

Леша – недоучившийся инженер-электрик из Козлова. Может, сбежал от жены, может, - в ссылке, а может – по вербовке живет здесь уже 4 года. Запомнилась его хитроватая ухмылка.

Бернард здесь живет уже 20 лет. В молодости был, наверное, литовским «лесным братом», сейчас же – неустанный работяга. В Литве его после срока и ссылки не прописали, и потому пришлось осесть здесь навсегда. Во всем его облике – тихая грусть. Он не жаден до денег, просто никто бы нас не повез больше (а такса за проезд здесь известная – по 10 рублей с человека)».

Бернард женат на русской. Младшему из его сыновей – 7 лет, старшие уже выросли. В поселке он живет на отшибе, как выразился Леша – «куркулем». На его дворе два дома – старый и новый, амбары, мастерская, две лодки, собирается еще строить. Все строит сам, и по несколько раз. Лет восемь назад, когда поселок лесозаготовителей здесь только создавался, он пришел вместе со всеми, бросив на старом месте дом и обжитое хозяйство. И вот – снова поднял хозяйство. Что ж – леса здесь много, а к своему труду он относится спокойно. Говорит мало, хотя с удовольствием сидел с нами тот вечер. О себе и Литве говорит с крайней неохотой. Только когда речь зашла о побегах заключенных, он вдруг с неожиданным энтузиазмом заметил, что удачно скрывшийся охранник – стрелял очень метко и, конечно, же был литовцем... И снова замкнулся, как тихий омут. Вежливый и обязательный, непривычный для русской леспромхозовской среды. Когда на следующий день он не смог довести нас до Шежима из-за поломки мотора (оставалось уже совсем немного), то очень переживал неудачу и даже не хотел сперва брать деньги за проезд, а потом, сплавляясь домой вниз уже без мотора, он остановил первую лодку, идущую вверх по Ильчу, и упросил ее хозяина (Ивана Богданова) подтащить нас к кордону... Жаль мне было расставаться с этим человеком, так и не узнав о нем ничего, но конечно, в столь короткое время в душу влезать не будешь.

Живет Бернард вдали от своей Родины и, наверное, не зря бояться прописывать таких, как он, в Литве даже четверть века спустя окончания литовской трагедии. Внешне он вполне смирился и стал заправским уральцем, а детей его и

подавно не отличишь от русских. Но, конечно, многое они и от отца унаследуют. Ведь как ни был далек писатель А.Грин от своего отца – польского повстанческого офицера Гриневского, сосланного в недалекую отсюда Вятку, но и он отдал свою молодость отцовским повстанческим традициям в период первой русской революции. Сегодня бывших националистов не пускают в Литву. Руководству от этого сейчас спокойнее. Но ведь, «ежели где чего-то убудет, то столько же прибавится в другом месте"... Ссылные становятся русскими, и от этого русские не могут не изменяться.

16.8. Утро в Приуральске. Бернард был готов раньше нас, хоть мы и встали в 6 часов. Очень долгими оказались сборы байдарки и поиски дыр. Так и не заклеились до конца. На ходу течет.

Плыть на байдарке, которую тащит мотор, приятно, но холодно, и я дрожу непрерывно, тем более что день туманный и мгlistый. Через полчаса остановились клеиться. А снова потекла, но теперь мы уже не останавливались, приспособившись вычерпывать воду кружкой. Бернард так и сказал нам на прощанье, что запомнит нас по дырявой лодке, да еще, что у него вал мотора сломался.

Нам еще повезло, что сломался он только к вечеру, в километре от избушки с печкой и мягким душистым сеном на полатях. Сон был сладким... Правда, не было сухих дров (изба стояла на открытом месте вдалеке от леса), и нам никак не удавалось вскипятить чай, пока к избушке не подошла в лунном свете моторка с Иваном. Банка бензина – и пламя заставляет чайник кипеть. Теперь-то уж совсем хорошо.

Бернард не довез нас 24 км до Шежима и 1 км до избы. Почти сразу же после расставания с ним стемнело, а к избушке мы подошли на веслах уже в темноте. Однако в течение этого получаса произошел эпизод, интересный с точки зрения наших отношений с Олегом. Описывая сейчас эти эпизоды, я поражаюсь их незначительности, поражаюсь собственной мелочности: «Стоило ли из-за этого

переживать?» Но тогда все эти случаи никак не казались, да и не были мелочью. Тем более речь идет об отношениях с новым для нас типом человека. Почему – я скажу позднее. Важно, что вместо привычного сглаживания и забывания шероховатостей в туристской группе, в данном случае мы были очень чуткими на слова, вернее, злопамятными, а выводы из поведения одного Олега невольно получали обобщающее значение. Поэтому мне и кажется важным сохранить память об этих «психологизмах» во всех подробностях, хоть это и может повредить нашим дружеским отношениям.

Замерзшая Лиля отпросилась на берег и довольно быстро дошла до избы. Мы с Олегом пытались веслами сломить сумасшедшее течение ильчской стремнины. Потом сообразили, что бестолку тратим силы, что нужна проводка. Вызвался Олег, с энтузиазмом полез в воду. По пояс. Ладно, отдаю ему носовой буксир и, как новичку, объясняю, что надо идти по берегу, а я буду рулем и веслом отгребаться от берега. Но тут Олег упрямится: «У меня есть свой метод, и ты дай мне возможность покомандовать». От неожиданности я смолкаю и беспрекословно терплю его маневры: сначала он начинает толкать байдарку с хвоста. Босиком спотыкается о подводные камни и чертыхается. Потом идет впереди, волоча байдарку со мной за собой. Идти босиком по острым речным камням против высокой и быстрой воды очень трудно, но мне его совсем не жалко. Я даже злорадствую – почему не слушает толкового совета. Еще раз предлагаю идти по берегу, ссылаясь на свой и других байдарочников опыт. Совет не принимается. Ну и ладно. Я успокаиваюсь, а когда стремнина пройдена и течение ослабевает, берусь за весло и оставляю оторопевшего Олега позади. Слышу в темноте его принужденный смех и думаю: «Вот оно, начинается – а ведь похода еще и не было!»

Однако, продолжения эпизода не было. Минут через 15, как я вытащил байдарку у избы, по берегу подошел мокрый Олег, волоча на плече здоровенное бревно, и молча и яростно

стал его рубить. Внешне обиды он не проявлял, и мы исчерпали этот инцидент без обсуждения.

Олег, по-моему, впервые попал в серьезный поход. Раньше он путешествовал один – в основном, конечно, по «населенке», хотя и рассказывал нам о своих больших переходах по тайге. Теперь же ему хотелось показать превосходство такого одиночного образа жизни. «Вы еще будете мною гордиться» - эта фраза (может – случайная) была сказана им в самом начале и стала одним из главных мотивов всего похода вплоть до Печоры. Упорство такого самоутверждения доставило Олегу массу неприятностей, но с другой стороны – позволило ему, стиснув зубы, вынести их все, сохраняя достоинство в течение всего похода. Говоря громкими словами, самонадеянность Олегу вредила, но самообладание и гордость его спасали.

Мы же с Лилей с самого начала были готовы к неожиданностям в поведении своего спутника в широком диапазоне – от феноменальной выносливости и силы до полной сломленности и неприязни. Реально осуществилось что-то среднее, близкое к нам, и потому весь поход мы то огорчались, то радовались, что судьба нам послала такого старательного, неприхотливого и уживчивого спутника.

17.8. Утром Иван предложил нам завтракать «на природе», т.е. отъехать от избушки 8-10 км и подыскать хорошее место.

Как все относительно! Одинокая избушка для Ивана – уже «не природа». Иван – коми, его жена – зоотехник зверофермы в Еремееве, младший сын идет в 1 класс, дочка – в пятый. Сам он работает в промхозе и везет рыболовецкой бригаде в верховьях Илыча пустые бочки для хариуса.

У него совсем русская, широкая физиономия, и странным кажется, что он – коми. Говорит чуть насмешливо, много улыбается и выглядит очень устроенным в жизни. Вот уж поистине счастье – та самая дробь, где в знаменателе запросы, а в числителе – их удовлетворяемость! Забавно стеснялся брать с нас деньги. У него нет привычки возить

туристов, поэтому 3 рубля кажутся ему достаточными. В свой отпуск он никуда отсюда не ездит, а если б захотел, то уехал бы в верховья Илыча. И все же его тянуло к разговорам с новыми людьми.

Иван нам показался очень типичным коми, хотя кроме него мы ни с одним из них больше не разговаривали. В отличие от Печоры, заселенной потомками староверов, по Илычу преобладают коми и ссыльные. С некоторой завистью мы ощущали, насколько Иван – свой в этой, казалось нам, суровой природе. Как ловко и непринужденно у него кипит все в руках: и провести лодку, и разжечь костер, и заварить чай, и расстелить постель. То, что мы терпели, как временные и еле выносимые трудности: холод и мокрять, скудную еду и комариный зуд, он воспринимал абсолютно спокойно и без всякого раздражения. Высокие сапоги спасают его от воды, тулуп и ушанка – от холода и ветра, ловкий топор и банка бензина дают тепло костра и чая в любую непогоду, небольшой мешочек с сахаром, чаем и сухарями был достаточным запасом еды на несколько дней. Когда же можно было в ход пускать ружье и леску, Иван вообще мог пировать в своих охотничьих избушках.

В отличие от Бернарда, Иван был на своей родине и чувствовал себя как рыба в воде. И потому весел и открыт его взгляд. Притом, он отлично понимал нашу туристскую психологию, не смеялся над нашей неприспособленностью и снисходил к нашей жажде экзотики, плел всяческие рассказы об охоте, рыбе, лосях и медведях. Особенно о последних: как часто их приходится убивать только из «чувства самообороны». Причем, как правило, убитые медведи оказываются без шкуры и потому голенькими (одно мясо и кости) сдаются государству.

Сердце Олега не выдержало таких рассказов. Он давно мечтал иметь у себя дома большую медвежью шкуру для «ложя неги и страсти», а тут, по словам Ивана, очень часто нападают медведи на бедных охотников и они вполне могут рублей за 20 уступить шкуру своего недруга. Однако на

практические предложения Иван отвечал очень уклончиво. Переговоры о шкурах возобновились с еще большей силой уже в заповеднике с одним из лесников – обладателем спальной лосиной шкуры. В ход пошли все соблазны – но все до обидного безуспешно. Олег был сильно раздосадован, глядя на распяленную на одном из заповедческих домов свежесвыделанную шкуру громадного медведя и ощущал бессилие. Только перед расставанием Иван сжалился, взял домашний адрес Олега на случай, если когда-либо шкура, действительно, подвернется. Вроде все устроилось, но осталось у нас от этой «шкурной торговли» ощущение ивановской легкой насмешки над нашими пристрастиями и интересами, как подсмеивались, наверное, раньше мужики над причудами избалованных барских детей.

Иван довез нас до Шежима, кордона заповедника. Время – 13 часов дня. Только что уехало вниз большое начальство заповедника (мы разминулись), и чтобы пустить нас в маршрут по заповеднику, нужно ждать очередного сеанса радиосвязи с управлением в Якше, т.е. до завтрашнего утра. Я легко соглашаюсь, Витя ворчит – «простой». Зато как хорошо мы провели время до вечера! Набрали в лесу грибов на утро и вечер, а рыбаки дали нам из своих сетей пять штук хариусов. И уху сварили, и жарили. Чернику ели. В общем – объедались, наблюдая за проделками двух псов-малолеток, белых, с черными носами. Им, кажется, по 6 месяцев – дети, которых еще никто ничему не учил. Это дети, и потому страшно забавны. На их мордах просто написана удовлетворенность жизнью, так хорошо им в обществе друг друга. И потому они так приветливы к людям, и люди приветливы к ним. Когда один из них ухитрился схватить хариуса прямо из рыбацкой лодки, все рыбаки лишь добродушно посмеялись, и даже когда у нас из кастрюли утащили кусок жареной рыбы, мы тоже не могли долго сердиться.

Ночь выдалась холоднющая, с минусовой температурой. Мы в спальном мешке кое-как уснули, а вот

Олегу под тонким одеялом было совсем холодно. Витя, наверное, долго еще будет ему вспоминать «лебединые стоны агонии» от холода.

Пропагандируя свой опыт облегченного хождения по тайге, Олег взял с собой одну рубашку, свитер, тонкое одеяльце, беретку, пижонские брюки и обычные, городские туфли – и больше ничего. Естественно, что он страшно мерз, особенно в сырой одежде. Удивительно, но он все же умудрялся засыпать в таком отчаянном холоде. Действительно, такой неприхотливостью и выносливостью можно было гордиться.

18.8. Утром пригрело солнышко, и мы проспали радиосвязь (сеанс прошел раньше намеченных 9 часов). И хорошо, что проспали, хорошо, что Лесничий Игнатий Александрович забыл навести о нас справки. А то ведь вполне могли бы и не разрешить нам маршрут. А так он отпустил нас на свой страх и риск, взяв, конечно, с нас расписки в знании всех заповедных запретов и правил пожарной безопасности, а также, что огнестрельного оружия не имеем и на семгу покушаться не будем. Все подписали и отчалили...

Потом, уже на Печоре, все удивлялись, как нам удалось получить разрешение на маршрут в конце августа, когда начинается нерест семги и рыбнадзор гонит с реки всех подряд. Начни мы маршрут не с Ильча, а с Печоры, на которой в Якие стоит управление заповедника, наверняка получили бы отказ, как получили его ухтинские туристы. Идти же без разрешения опасно: в тайге лесникам разыскать нас несложно, а обложить штрафом – тем более, как нам говорили, третья часть штрафа рыбнадзора идет в пользу взыскующего. Поэтому на Печоре мы спешно миновали все кордоны, удовлетворившись воспоминаниями лишь о Шежиме ди Коста на Ильче.

На этой маленькой площадке, очищенной от леса, живут только две семьи: самого лесничего Игнатия Александровича и младшего лесника Михаила, причел последний готовится перебраться отсюда на другой кордон,

еще выше по Ильчу, к устью Ляг, где уже заведено хозяйство, но нет лесника с женой и коровой. Видимо, последнее является признаком полной снаряженности и профиригодности к лесной службе. В тайге ведь многое есть – дрова, жилье, рыба, мясо, ягоды. Хлеб привозят, картошку и лук – земля родит. Наконец, корова дает молоко и масло, а жена одухотворяет и двигает весь этот хозяйственный комплекс, пока муж занят службой.

Честно говоря, мы видели лесников в Шежиме, занятых только своими хозяйственными делами. Но все же, наверняка, им приходится заниматься и лесом: следить за сохранностью своего участка, его пограничных и просечных знаков, изыскивать браконьеров и следить за туристами, отлавливать волков и подкармливать зверей, совершать изнурительные, но обязательные обходы, делать ежедневные метеорологические наблюдения за атмосферой и рекой, держать связь с Якшей и, наверное, многое иное. Но внешне все это складывается в тихую и идиллически спокойную картину полного натурального хозяйства.

Ясным шежимским вечером, когда после купания в холодном Ильче мы сидели у костра на берегу за ухой и чаем, в голову невольно лезли романтические, а может, реальные расчеты – что, вот, если когда-нибудь тебя вышвырнут из города, то все равно, не хватит сил ужиться вот в таком красивом месте в одинокой и отрешенной от города работе. Для этого надо просто переродиться, умертвить все свои привычки и стать новым человеком – не для себя, а для работы.

Почти невозможно, но до чего же красиво!

Точнее, отчалил Витя, а мы с Олегом пошли пешком. Олег, конечно, сразу же отправился по грибы, а я поскакала по камням впереди лодки. Легко было сначала, но потом начала сказываться неотлаженность нашей тройки. Мы до неприличия медленно двигались. То один садился в лодку, то другой, то перекаты, то мели... Наконец, догадались сесть все вместе и так лихо подкатали к встречным геологам, что те

даже похвалили нашу скорость. Они-то и дали нам необходимую позарез карту волока с просеками. Обратиться же к этим геологам нам посоветовал еще на кордоне ухтинский геолог Коля Рулев. Он заболел, и потому уезжал вниз... Очень просто он подошел к нам с вопросами, а потом и с разъяснениями пути на Маны Пупы-Ньеры... Говорил толково, обстоятельно, с явным желанием помочь. Сколь часты здесь такие люди! Когда люди редко встречаются, они рады друг другу. Это в городе мы надоедаем друг другу, а встреча с живым человеком – это хорошо!

Помогли нам и двое местных, встреченных на Ильче (отец и сын из Приуральска). Олег пожаловался вслух, что хлеба у нас маловато, так они насыпали, сколько хочешь, сухарей и сухой картошки, оправдываясь своим скорым возвращением домой. А мы даже их имен не узнали. Нехорошо. Здесь, за Шежимом, за 100 с лишним км от Приуральска, они косят для себя сено (ближние участки уже расхватаны). У обоих очень добродушный, непритязательный вид людей, умеющих обходиться малым. Мне всегда милы такие человеки. Редко люди умеют умиротворяться малым и завистью портят себе жизнь.

Сквозной Лилин мотив – «простые люди!» Их не так уж мало. Да мы и сами на них сильно смахиваем. И тем не менее, я не разделяю ее восторга перед подобной жизненной установкой. Слов нет, она удобна и моральна, но не активна. Народ, состоящий из таких «простых советских», не жадных, не алчных и пр. людей, не сможет быть на уровне века. Ему не хватит эгоизма и самостоятельности, чтобы изменять обстоятельства своей жизни и ставить их себе на пользу. Поэтому я не очень радуюсь «простым и бедным» людям, невольно вспоминая тезис западной русофобской пропаганды: «русские – это бедные и ленивые люди». Гораздо больше меня устраивает тип «куркуля», хотя, может, в личном общении первый тип людей много приятней. Зато руками «куркуля» строится не один, а два дома, заводится не только корова, но маленькое стадо, и если сена поблизости

мало, то не поленится и за 200 км за ним отправиться, освоить совершенно новые угодья, обкосить дикие берега. И пока все это делается собственным горбом, дети «куркуля» тоже растут работающими, волевыми, инициативными, людьми совсем другой складки.

Работали до вечера. Перекатов много на Илыче. Короткие мы еле-еле выгребали, по мелким и длинным протаскивали байдарку бечевой по берегу. Вода в Илыче прозрачная, даже на глубоких омутах до самого дна видно. Ход семги мы, правда, не видели. Только иногда замечали ее игру, когда, по дельфиньи изогнувшись, она выбрасывалась над рекой. Говорят, что, отнерестившись, семга сейчас же отправляется обратно в океан, а самцы остаются караулить оплодотворенную икру и потому лишь один из тысячи оголодавших самцов возвращается в море. Остальные гибнут. Ловить семгу запрещено, да мы и не умеем.

Зато в устье Печоры, в Нарьян-Маре, с семгой поступают просто: река перегорожена электрическими сетями и более половины всей семги отлавливается и, конечно же, идет на экспорт. Термин «на экспорт» нам надоел за две уральские недели. Кажется, что весь этот край работает только на экспорт. Семга – на экспорт, лес – на экспорт, олени шкуры и замша – на экспорт, горный хрусталь – на экспорт, пушнина и лоси – туда же, даже сажка – только на экспорт! Да что за черт! И куда только влезает такая прорва товаров на этом западе?.. Словосочетание «только на экспорт» стало приобретать какой-то унижительный смысл – вроде «лучшее – белому сагибу, а себе – ишиш»; вроде мы – не великая страна, а какая-то служанка западным господам – все им самое лучшее подай, да в красивой упаковке, да с изящным поклоном, а сам в сторонке треской пообедай. Невольно думаешь: «Взять бы да тряхнуть их мировой революцией!» Но дойдешь до этого и запнешься, опамятуешься: «Эк, куда занесло по застарелой привычке».

По совету геологов мы стремились в этот вечер доплыть до очередной избушки, но не доплыли метров 300,

как продырявилась лодка разобравшимся стрингером. По-видимому, к счастью для Олега, потому что по берегу он быстро нашел эту избу, так глубоко спрятанную в лесу, что с воды мы ее, наверняка, пропустили бы.

Избушку ставил русский «хитрец», уж очень хорошо выбрал для нее место на слиянии двух ручьев, на высоком берегу. Все там было в порядке: и сухари, и соль, и спички, и непонятные кормовые брикеты, а самое главное – тепло. Спали, как короли: на широких полатях поверх лосиной шкуры.

19.8. Утром долго, неспешно собирались, варили грибы, клеили байдарку и пр. Грибов здесь тьма, и если в первые дни мы рвали и сыроежки, то теперь перестали брать даже подберезовики (только небольшие подосиновики и белые). Олег, за неимением второй пары обуви, пытавшийся до сих пор ходить по перекатам босиком, мастерил этим утром «плоскоступы» - из обтесанных кусков дерева. Конечно, тряпки, что он нацепил на них как ремни, разорвались уже через два переката...»

Последняя попытка Олега стать равноправным членом нашей байдарки была сделана им уже на подъеме в Ичет-ляге, когда не подумав я позвал его с берега в воду помочь вытянуть байду вверх по порогу. Морщась от боли (босиком по камням), он подошел к байдарке, помог, потом нашел в ней свои итиблеты и показал нам: сейчас я их надену и буду идти по воде с вами. Я, конечно, запротестовал: впереди еще 40-50 км тяжелого волока по тайге, что же он будет делать там без обуви? Даже мои кеды в воде полезли на второй день, его же туфли совсем немного протянут.

В тот вечер и потом, после волока на Печоре, Олег лишь сопровождал нас по берегу или был пассажиром в байдарке... Поэтому сейчас я не знаю: может, зря тогда отсоветовал ему идти в туфлях по воде. Может, тогда не ушло бы от него стремление к равноправию. Ведь целые туфли все равно не помогли, а лишь испортили ему ноги в тайге. Чем быстрее он переобулся бы в мои запасные кеды,

тем было бы лучше. Но, конечно, предугадать все это было трудно.

К сожалению, самонадеянность Олега была сильно подорвана острыми речными камнями. Вместе с нею исчезла и часть сил к сопротивлению. И все же Олег оставался самим собой – эстетом и проповедником. С ним было интересно в одной байдарке. Плохая погода и тяжесть пути только изредка дурно на него влияли и вынуждали к подавленному молчанию. В остальные же периоды, когда байдарка была на плаву и собирала нас вместе, Олег буквально раскрывался рассказчиком и повествователем, анекдотистом и философом, чтецом и ценителем: «Я – нить жемчужного сиянья,/ Я – чад лампы в темноте...»

Жаль, что я не могу запоминать стихов, а лишь общие от них впечатления. Конечно, культура и эрудиция Олега совсем другого уровня и плана, чем у нас. По профессии Олег – художник-дизайнер. Он только номинально входит в какую-то художническую организацию и потому не связан ежедневным 8-часовым рабочим днем, приказами начальства; планами сверху и т.д. Он сам заключает договоры с заказчиками (ищет работу) и сам их выполняет. Т.е. Олег принадлежит к разряду «свободных художников», мастеров-одиночек. Этим он справедливо гордится. Свобода, творчество, инициативность, ответственность, широта взглядов и эрудиция – вот черты этого слоя людей. Он – «кузнец своего счастья», без государственных подпорок, и потому нигде не пропадет и не потеряется, рассчитывает силы и выплывает. В каком-то смысле это тип нового человека, идущего на смену типу «слуги государства».

Однако в Олеге живет и другой человек, внешне тесно связанный с первым: он намеренно воспитывает в себе эстета, человека старинной, утонченной культуры, барина-аристократа, любителя оригинального во что бы то ни стало. «Дар от старого мира» и обусловил, как мне кажется, все злоключения Олега в нашем совместном походе. Конечно, эта сторона личности Олега вызывала у нас невольное

неодобрение, но ведь – «один бог без грех!», и кто знает, сколько недостатков видит в нас сам Олег. А главное, плюсы явно перевешивали в Олеге минусы. И как нам было бы тяжело без него на волоке. И как интересно с ним спорить. И как хорошо слушать.

В байдарку мы сели только после полудня. Правда, до Ляги оказалось совсем близко, тем более что к Илычу мы уже приноровились, плыли быстро. Олег почти освоил непрерывную греблю. Мы успевали даже любоваться берегами. Илыч здесь широк, но не глубокий. Берега – в остроельной тайге. Довольно часто встречаются скалы, обрывающиеся в воду – красиво!

Совсем рано, кажется, часа в 4, пришли к Ляге. По Витиному разумению решили подниматься вверх по Ичет-Ляге, чтобы сократить наш завтрашний пеший переход до Торре-Порре-из. Речка оказалась совсем мелкой и в сплошных перекатах, так что волочить байдарку по камням к вечеру совсем устали. А прошли всего 4 км по прямой.

И все же было очень весело и приятно вспомнить такое привычное, знакомое дело (по Иксе 4 дня тянули). Опять же – знаешь, что недолго, только до вечера. Работа, которая не требует чрезмерных усилий, но напряжения все же требует. И еще: весело было от красивых разноцветных камней на дне реки, от солнца, от прохладной и мелкой воды, от того, что опять вдвоем тянем-радуемся (Олег шел по берегу), от определенности – по курсу реки несколько раз видели свою первую цель – вершину Торре-Порре-из...

Уютно (на мягком мху), при огромной луне и в тепле прошла эта ночь.

20.8. Утром солнце делало много попыток вырваться из плена облаков, как будто понимало, что нам надо сушить байдарку. Высушить так и не удалось, только подсушили, собрались, взвалили груз на плечи (рюкзаки за 30кг) и двинулись через тайгу.

Я боялась, что будем блуждать, но нет – быстро выскочили на просеку и пошли тяжело, но спокойно и

уверенно. Грибы на пути стоят огромные и крепкие, стоят и дразнятся, но нам, как всегда, некогда. Уж слишком долго их варить, да и успеем еще насобирать...

Вообще мне очень нравится ходить именно по тропе. Она чаще всего – многоопытна и мудра: сойдешь с нее и залезешь в болото, а доверишься ей – и обогнешь неприятное место. Здесь, на тропе, особенно чувствуешь, что у тебя были предки, и ты не устаетшь их благодарить за то, что оставили на земле свой след в буквальном смысле. А по просекам мне нравилось ходить, даже когда там совсем не было тропинок. Но как заботливо на любой просеке оставлялись заметки, чтобы не терялась путеводная ниточка: на деревьях затесы, визирные колья и столбики через двести метро.

Идти стало тяжелее, притихли разговоры, уставились в землю: болото, хорошая тропа, снова болото... Забавно Олег пытался сохранить сухость московских туфель, обходя по кочкам болотины, прыгая и чертыхаясь. Медленно тянутся двухсотметровки. Я плохо уложила рюкзак и сначала просто извелась – потом все же хватило ума переложить.

По дороге – черника ковром, но сил не хватает даже на то, чтобы нагнуться. Перерывы устраиваем не через 4 км, как намечали, а через два, а хочется еще чаще. Выдыхаемся.

И все же к 4 часам дня мы дошли до просечного столба с маленьким указателем от руки: «На Торре-Порре-из». Итого, сегодня сделано 14 км волока и есть еще время для экскурсии. Неплохо!»

Здесь-то и сказалось преимущество состава нашей группы – одна байдарка на троих. Общий груз был вполне транспортабелен, и мы могли, взвалив все на плечи зараз, идти довольно долго. Олег нес шкуру байдарки и часть продуктов, я – каркас байдарки, палатку и топор (железки), Лиля – все остальное. Было, конечно, тяжело, но 14-20 км в день мы делали – по таежным просекам и почти без тропы. Мы с Лилей сильно уставали, но это было привычно, и, от сознания несомой тяжести, мы не суетились, всячески берегли силы, шли как можно более рационально и прямо, не

заботясь о сухости ног. Олегу же было много хуже – туфли, несмотря на все старания, сырели и страшно натирали ноги. От изнурительного прыганья по кочкам он уставал и отставал, уменьшая, соответственно, время своего отдыха на привалах. И все же, день за днем, продолжал портить себе ноги. Только дойдя до крайности, до огромных ран, согласился одеть мои вторые кеды, спрятав в рюкзак туфли – теперь уже до Москвы.

Бросили у ручья рюкзаки и, освобожденные (когда тело само собой летит вперед), полетели, легко и радостно, на встречу с Торрами.

Через час лес расступился перед скалами, и мы начали подъем. Обернувшись на панораму тайги, мы увидели вдалеке столбы Маны-Пупы-Ньер. До них – почти 30 км, но видны отчетливо. Стоят себе огромные Пупы на ровном плато, как недоразумение. Очень захотелось к ним.

А вот открылась и вершина Торре-Порре-из. Это длинная гряда величественных камней, стоящих отдельными группами. Мы все пытались найти в них сходство с живыми фигурами. Нам, правда, это удавалось с трудом – фантазии маловато. Но в одном месте и фантазия не нужна: выстроились камни, как стены огромных залов или городских кварталов, с окнами, коридорами и террасами. Только без крыш. Забавно ходить по их лабиринтам.

На одной из каменных групп мы сняли записку Коли Рулева: «Приветствуем вас в древнем городе Торре-Порре-из!» Но мы ее с собой не взяли – уж очень хорошо была упакована.

А еще открыли здесь для себя морошку - целые заросли и вкус необыкновенный. Правда, я почему-то быстро наелась (что-то в ней все же не нравится), а Витя не мог остановиться. Рвать ее приятно: растет вверх большой крупной ягодой, щедро раскрытой – бери! Путь вниз мы несколько осложнили тем, что поспешили спуститься с гряды вниз, в тайгу. Но сначала было хорошо прыгать по светло-зеленым от мха, сухим и звонким камням крупных осыпей. К

рюкзакам мы добежали уже перед самой темнотой, хоть и усталые, но возбужденные увиденным.

Для Олега Торре-Порре-из остались лучшей страницей похода. Печора его разочаровала своей мелкотой и однообразием, Маны Пупы – ненужным и каким-то «глупым» величием. А Торре-Порре – «...Меня волнуют как художника, как архитектора...» Спускаясь к стоянке, он даже прочувственно сказал: «Спасибо, ребята, что привели меня сюда».

21.8. Утром начался новый тягун. Все те же «удовольствия» волока, что и вчера. Но еще длинней и утомительней подъемы и еще медленнее тянутся километры. И середине дня на одном из подъемов тайга расступается простором и открывается вид на долину Ляги-Вож. Мы вышли на крутой берег самой реки. Она довольно широка. Солнце, дали – как это радостно после многих часов беспросветной тайги с редкими лысынами болот!

Внизу, у берега, стоит небольшой плот для переправы на другой берег, где долгое время стояла группа туристов (мы их уже встретили сплавляющимися по Ильчу).

Пообедали на этой комфортабельной стоянке, ребята искупались, и – снова принялись вышагивать двухсотметровки... Смотришь только на приметы просеки, да на то, как лучше обойти поваленные деревья. Постоянно замечаешь грибы под ногами, но лень даже ногу отодвинуть – так и давишь. Плечи изрезаны ляжками, поэтому боишься лишний раз пошевелиться под рюкзаком, только иногда скидываешь его на плечи, получая секундное облегчение... Главная задача – дойти до очередного столбика. И уж так его ждешь, так рассчитываешь, что на нем будет указано больше, чем мы насчитали! Просеки смещены одна относительно другой (подсечка), потому на столбах стоят номера не 4-х, а 3-х квадратов. Все вроде понятно, но где-то мы все-таки 1 квадрат потеряли, т.е. прошли на 4 км меньше. Это было удивительно, потому что ведь каждый квадрат отработать

надо было. Так мы и не поняли тогда, почему ошиблись. Обошлось нам это на следующий день дороговато.

Оказывается, из-за подсечек расстояния между столбами квадратов зачастую меньше 4 км, хотя счет двухсотметровок начинался заново. Поэтому мы и ошиблись в общем километраже этого самого длинного и тяжелого дня волока (в основном, на подъем). Кончили идти лишь на закате, в 9-м часу вечера, не дойдя 1-2 км до намеченного пункта наибольшего сближения просеки со склоном хребта Маны-Пупы-Ньер (2-3 км). На деле же мы не дошли километров 5, но это стало ясно только на следующий день, когда, пройдя еще километр и прочтя на просечном столбе карандашное указание влево: «На Маны-Пупы-Ньер», мы побежали радостно в безрюзачную экскурсию. По нашим расчетам, до Пупов было всего 3 км подъема, время еще раннее и можно успеть даже сходить на главный Уральский хребет, посмотреть на истоки самой Печоры и заглянуть сверху в Азию.

Тот, кто нарисовал на столбе указатель, сыграл с нами злую шутку. Он-то, по-видимому, знал, как идти, а мы – не знали. Разбили палатку, сложили вещи и, полные надежд на скорую встречу с Пупами, двинулись по просеке влево. Когда же просека стала обходить подъем, решили: пора, надо бросать ее и самостоятельно лезть вверх, а то пройдем мимо. Старались запомнить место, откуда начинали подъем. (Смешно. – Потом нас унесло совсем на другой путь).

Лезли, лезли, лес расступился, стал похож на редкий сад от горной тундры, а Пупов-то – нет! Начался снова дождь, туман и ничего вокруг не видно. Снова скатились в редкий лес, чтобы переждать туман. Где там. Настроение – вот-вот упадет ниже нуля. И вдруг, в самый нужный момент туман разрывается и нам как в сказке показываются каменные великаны. «Вот они» - радостно вопим друг другу, а до них по прямой еще добрые 3 км. Мы оказались на соседней горной гряде, и идти к Пупам надо не по прямой, а снова вниз по

мокрой траве и бурелому, а потом снова вверх и так же... Долго лезли.

Вверх еле вползла, без радости, как за делом. А там – снова промозгло, ветрено. Вот он – первый столб, метров 30 высотой. Стоит перевернутой бутылкой и неизвестно чем держится. Непонятно, неразумно торчит он и его собратья, что кучкой собрались в стороне над ровным зеленым плато – то огромный человек, то голова лошади, то барана...

Стоят настырные, неподдающиеся смене погоды, и совершенно не собираются сдаваться времени, превратиться в груды камней. Какие-то бессмертные личности, а не камни. Крайний из пяти как бы наставил свои клыки-пилы на рвущийся ветер, защищая собратьев. Наверное, не только у меня возникло чувство уважения к братьям-великанам на священной горе вогулов. И за это небо развиднелось, показалось солнце, как бы желая помочь фотопленке.

Обегая с аппаратом каждый из столбов, на одном из них я увидел фундаментально приколоченный барельеф знакомого профиля со знакомыми словами: «Дорогому Ильичу в честь столетия со дня рождения посвящаем – туристы из Донецка». Что посвящают? – Свой поход? Или все эти Пупы – священные камни народа коми? У коми раньше был запрет не только касаться этих камней, но даже подходить к ним близко. Их посвящали только богу или самих считали богами. А сегодня, современные идолопоклонники, запросто и походя – снова «посвящают»... При виде этой доски мне не было ни горько, ни стыдно (ведь к каменным великанам эта малость не пристанет), а только смешно и немножко злорадно: «До какой глупости они доходят!»

Холод и ветер заставили меня искать защиты под склоном, пока Витя бегал к самым дальним камням. Здесь-то ребята меня и потеряли. Олег ушел вперед по плато; Витя же, догоняя его, думал, что догоняет и меня. И пока догнал и догадался спросить, где я, ушли они далеко.

Горе мое было сильное, когда поняла, что они ушли. Я не могла сердиться на Олега: он не прошел школы внимания к

близким (мама работала, а он все детство провел с ребятами на улице – а в ребячьей среде действуют иные, жесткие законы). Но главное, у него пока еще нет своей семьи, где нужно не поверхностное, внешнее внимание, а внимание, от глубокого желания добра и стремления отвести неприятности, если их видишь. Витя, конечно, прошел эту семейную школу, но встречаются отклонения. Многие ему удается поправить, когда он пытается загладить обиду, потому что всегда чувствуется, что не было злого умысла или равнодушия, просто промах... И в этот раз, когда он понял, что меня впереди нет, то повернул назад, пока, наконец, мои зареванные глаза не увидели его фигуру, машущую белой шапкой...

Олег ничего не понял. Он даже пытался преподнести мне красивую веточку, смутно ощущая мою обиду, и был поражен, когда я ее не приняла. Обделила его жизнь умением сострадать другому. Это дает мне право считать, что художественная эрудиция, восхищение утонченной поэзией еще совсем не свидетельствуют о глубине чувств. И мне еще меньше стало жаль, что я не принадлежу к кругу эстетов. Нет, это не самодовольство, просто я еще раз убедилась в правильности своей жизненной установки. И весь этот поход – как своеобразное продолжение развенчания старых кумиров и утверждения себя. Наверное, для меня этот процесс пожизненный, но критическая точка уже перейдена, и я научилась уважать каждую жизнь, в том числе и свою. Но нет еще твердости в критериях. Порой эрудированный человек кажется ценнее иных «простых». Что-то здесь дает осечку.

Этот эпизод явно требует комментария. Но сначала я помещу отзыв Олега после прочтения путевого дневника:

5. Не придал значения инциденту на Маны-Пупы-Ньер и не поверил еще тогда, что Лиля рассердилась на мальчиков по причине их зряшной невнимательности. А уж злорадно бросить – этого и в помыслах не было. Девичья фантазия! Это неестественно для нас обоих: Вити, как супруга (в шутку – «уж если бросать, то

навсегда») и меня, как мужчины (хоть немного, этот, слывающий за такового, лишь изображал из себя джентльмена). Кстати, оба думали, что Лили тихонько пошла вниз с мыслью, что сверху ее увидят. Я только из дневника увидел, как этот нелепый факт ранил девушку. А ведь мы, не обнаружив внизу Лили, бросились по сторонам горы на поиски. Оправдайся теперь! Тогда говорить было, как плевать против ветра. Даже цветок не был принят!

Меня же удивляет не сам случай, довольно рядовой (двое разминулись на маршруте, а потом виновная сторона разыскивает другую), а то, как серьезно он был пережит Лилей, и сколько много вокруг него было размышлений, особенно относительно Олега. Видимо, в этот момент просто прорвались наружу потаенные «психологизмы», накопленные нами в тесном общении с новым человеком, осветились глубины невольной «борьбы из-за сплочения», если пользоваться маоистской терминологией.

Еще до похода у нас было к Олегу сложное отношение. Он принадлежал к кругу людей, которых мы невольно сторонились, а вернее, к которым мы не могли принадлежать – к людям творчески-аристократической манеры жизни и поведения. Наш же круг – «серая, инженерная скотинка» - в душе недолюбливает эти яркие и самоуверенные индивидуальности (слово «пижон» - одно из наших распространенных ругательств) за презрение ко всему вне их круга.

Однако Олег пришел к нам сам, пришел из любопытства, заранее признавая наше превосходство в общественных вопросах. Встретив же от нас подчеркнутое уважение к положению «свободного художника», смог установить равенство дружеских отношений. Конечно, равенство это было подвижной величиной и от встречи к встрече склонялось в пользу Олега, в пользу культуры и изысканного искусства, в пользу красивой работы и свободной жизни, эгоистичной и независимой от обязательств перед людьми.

Естественно, что и этот поход стал как бы продолжением давнего дружеского противоборства, невольным экспериментом на тему, кто из нас более прав (в новых условиях) – крайний, радикальный индивидуализм Олега или наш умеренный, реалистичный «разумный эгоизм». Ведь, как представители последнего, мы отнюдь не отрицаем важной роли коллектива, общих интересов, семьи и государства, принудительной работы и дисциплины. Здесь, в походе, у нас тоже был коллектив из трех человек, общие цели и групповая дисциплина, хоть мы и скрывали друг от друга это печальное обстоятельство. Но одновременно поход был жестким испытанием выносливости и силы.

И если в этих суровых обстоятельствах не использовать совет и помощь друг друга, то ведь легко можно загнаться. Надежда только на свои силы и стала главной бедой Олега, понял это он не сразу и не во всем. Впрочем, важен конечный результат, а здесь он заключается в том, что мы успешно прошли маршрут, что у нас не было ссор и несчастий и что мы остались друзьями. Но вдобавок вся история уральского похода послужила еще одним доказательством непригодности крайнего индивидуализма, радикально рвущего со всем традициями и правилами, где бы то ни было – в туризме или в политике.

Олег вспоминал, что он прекратил ходить в совместные походы после того, как на его глазах утонул парень из их компании и никто не мог ему эффективно помочь. Из этого был сделан вывод: «В туризме одному лучше» в дополнение к еще более раннему выводу о том, что одному в жизни – тоже лучше. А после пришло и обобщение, что самое лучшее общество – это отсутствие всякого общества (абсолютная анархия и прочие мудрствования). Вот так делаются важные выводы из одного-двух, возможно, случайных жизненных фактов.

Спуск с Пупов был нетрудным, но усложнялся тем, что надо было найти просеку под хребтом, на которой стоит наша палатка. Но как найти эту ниточку в тайге? Отчаянно шарим

глазами в поисках зарубок на стволах. Ведь мы часто теряли просеку, даже когда шли по ней. Как же легко пересечь ее теперь и не заметить!

Я была готова к тому, что мы долго будем плутать в тайге, прежде чем найдем просеку, может, до завтра. Даже еду, прихваченную с собой на обед, частично как Н.З. оставила. И вот, когда я уже отчаялась искать и готова была объявить, что надо поворачивать назад, просека объявилась. Наверное, с минуту я стояла у срубленного дерева, боясь поверить глазам и ошибиться. Потом осмелилась поднять глаза, чтобы поискать зарубки на деревьях, а когда их увидела, то решила позвать ребят.

Радость как-то разом смела все мои обиды, однако на поздравления я еще смогла сердито ответить, что в поисках на них (ребят) и не рассчитывала...

Как легко теперь было скользить по просеке, даже без тропы. Определенность – это так уравнивает! Пришли к палатке около семи часов вечера, набрав по дороге белых грибов. Весь вечер их долго и чуть ли не торжественно варили (Олег это хорошо умеет). Умиротворенные, заснули...

23.8 Последний день волока. У Олега уже не работает правая рука – позавчера долго тащил рюкзак на одной правой лямке. Кроме того, сильно стерты ноги. У нас все в порядке. Но по-прежнему изводят нас обоих – изнурительные подъемы, а Олегу из-за кровавых ран на ногах непереносимы спуски. Он медленно, но терпеливо бредет и отвергает предложения обути витины кеды.

И все же он их обул на следующий день, поскольку к концу этого дня раны стали громадными. Да еще я совершила оплошность, срезав верхнюю кожу с правой ступни. Вот с левой не срезала, а просто удалила гной, и она почти зажила. До сих пор неудобно в этом сознаться, хотя он и сам понимает, что раны были такие страшные, гнойные, грязные, что казалось необходимым все удалить и наложить чистые марлевые повязки. Теперь же я убедилась – можно срезать, только если эти места не будут больше натираться. Олегу

пришлось идти еще три дня с постоянно мокрыми ногами, да еще два дня плыть тоже в полуводе. Раны не зажили, но, как мне кажется, ни заражением крови, ни гангреной, как опасается Олег, это не грозит.

Последние километры волока Олег едва шел. Ему было трудно нести рюкзак весь этот день. Зная это, я намеренно не снижал темпа, чтобы не расхолаживать ни себя, ни Олега. Ведь идти с натертыми ногами медленно или быстро – одинаково мучительно. Положение опаздывающего заставляло его идти в нашем ритме, хотя, возможно, из последних сил. Но при ином, менее жестком режиме движения, мы, может, не на один еще день растянули бы свой волок.

И, действительно, когда цель – Печора – была уже близка, когда вниз нас вела хорошая тропа, и мы явно успевали закончить волок к вечеру, борьба Олега за метры пути как бы окончилась, и наступило расслабление. Но мы ведь и вправду были у цели...

Вообще мы изменили рекомендованный нам план, пройдя на юг вместо 4-х – три квадрата и по перпендикулярной просеке повернули на восток через водораздел к параллельно текущей Печоре. О, какая это была просека! – Пошире и получше московских. Такую просеку не потеряешь! Если бы она только не ползла постоянно в гору. Через 2 км мы вылезли на каменистую плешь, откуда так хорошо обозревались все уральские дали в этот солнечный теплый день. Снова, но уже позади, видны Маны Пупы, долина Печоры и близкая цепь Поясового Камня – главного уральского хребта. Стоим на водоразделе бассейнов Печоры и Илыча. Больше нам не нужно будет тащить байдарку вверх ни на себе, ни против течения. Только вниз.

Через какие-нибудь 1,5 км мы уже стояли на берегу Печоры. Радость от конца волока как-то мешала нам думать о том, как же мы по ней будем плыть. Ширина этой «реки» - 3 м, глубина – по щиколотку. И везде камни. Но как хотелось верить, что все же это – великая река Печора, и что она

недолго пробудет таким заморышем, скоро наберет воды и оправдает свое имя.

Вечер прошел в радостно приподнятом настроении. Закат был ярким, в полнеба, поражал многоцветьем и особенно моим любимым сочетанием серого с красным. И только Олег ничего не воспринимал, он был совершенно убит своей инвалидностью.

С этого вечера Олег перестал бороться за равноправие в нашем «трио». Если на Ильче обеспечение равноправия не составляло для него особых усилий, то на волоке от плана нести неудобную и тяжелую байдарку (каркас) по очереди пришлось отказаться (правда, после моих настояний, безболезненно для самолюбия Олега), а замена туфель на кеды стала началом поражения. Мы были тогда довольны – не потому, что Олег признал нашу правоту, а потому, что он перестанет портить себе ноги и нам не будет стыдно за свое здоровое состояние. Но была в этом и плохая, деморализующая сторона. Олег при этом перешел на положение большого человека, инвалида, которому бороться и пересиливать себя на работе совсем ни к чему. Думается, что это было не правильно. Это стало очевидно особенно в конце пути.

24.8. Но ведь недаром говорят: «Утро вечера мудренее!» Утром почистили раны, рука начала намного работать, и Олег ожил. Витя не спеша, с удовольствием собирал байдарку, увязывая все узелки, выклеивая все дырки. Накануне разбилась основная бутылка с клеем, но осталась другая, и он уверенно мазал из нее. Под солнышком помыли головы горячей (из кастрюли) и мягкой печорской водой. Витя побрился и засиял. Покой, неторопливость, определенность - (спуск по Печоре вниз – это последний этап похода), безмятежно двинулись в путь только около двух часов дня.

Рюкзаки – в лодке, Витя – рядом, мы – пешком по берегу. По берегу шла тропа, но явно рыбацья, потому что смело лезла в воду, когда попадались заливы или ручьи, а когда пытаешься их обойти или срезать петлю реки («горная

Печора» нахально петляла, как среднерусская река), то попадаешь в дебри высокой, до головы, травы, или кустарники. Или болота. А после дождика все это орошает тебя водичкой. Бр-р-р...

Байдарка же не плыла, а толкалась и протягивалась по камням Витей. Мы их подолгу ждали. Конечно, она сразу же продырявилась и надо было иногда выливать из нее воду. К вечеру прошли не более 4 км по реке. Витя устал, весь вымок и откровенно спотыкался на перекатах.

Долго сушимся, а потом дрожим ночью от холода в не до конца высушенной палатке. Но уверенность, что завтра-то мы выйдем на большую воду и поплывем, не исчезла.

25.8. Утром, действительно, Витя не только тащил, но даже порой плыл: но от вчерашнего дня осталось ощущение, что его скорость меньше нашей. И вот, срезая один из изгибов реки, я решила, что обогнала его и начала поджидать. Ждала долго, а потом недоуменно отправилась дальше, покрикивая, а Олег обошел меня и стал отвечать спереди, я погналась за ним, пока разочарованно не убедилась в ошибке. Все сомнения опять овладели мной.

Что с Витей? – Мог оступиться, потянуть ногу или совсем ее сломать, а мог и вовсе упасть и ушибиться виском. Надо идти назад... Назад? Через эту головоломную тайгу? По кустам и болотам? – Нет, он просто впереди, ... а вдруг?

Жутким усилием воли заставляю ноги идти обратно. Сперва медленно, с остановками, все еще не веря, что пойду, дойду. Потом все легче и легче. И, наконец, почти бегом перед концом. И все время истошно вопя: «Витя-я-я!». Вот то место, где последний раз разговаривали – Вити нет. Слава богу, значит, он действительно впереди, цел. Гора с плеч. Назад. Но третий раз видеть один и тот же путь, его приметы – выше моих сил. Пытаюсь идти верхом, но там даже звериных троп нет, и как назло – болото. Намаившись, возвращаюсь на известную дорогу. Метрах в 300 от того места, откуда повернула назад, слышу родной голос – Витя идет навстречу. Проплыв вперед, он понял, что обогнал нас, и пошел назад.

Зная меня, он представил мои размышления и понял, что я могу пойти назад. Спасибо ему за это. Олег ждал нас у лодки, повесив сушить на ветки свои бинты и носки.

Потом я уже не отставала от Вити, рюкзак с меня он привязал на нос байдарки и потому на глубоких плесах, где он греб, я могла бежать берегом. Река улучшалась медленно, лодка дыривалась много быстрее. Встреченные неожиданно рыболовы из геологической партии, что моет где-то здесь золото, позволили нам сориентироваться и понять, что за сегодня мы прошли не больше 20 км, хотя работа была напряженнейшая.

Начало подкрадываться отчаяние – сколько мы еще будем так ползти? Лодка явно приходит в негодность от камней и неизвестно, не превратится ли она в полный утиль прежде, чем Печора станет пригодной к плаванию. А время поджимает. Холодно. Сегодня днем шел снег, правда, недолго и на земле не держался. Но один рыболов обещал сегодня-завтра снег погуще. Продуктов у нас – кот заплакал. Рыбу ловить некогда, да и не умеем, а грибы жарить уж больно долго (по 3-4 часа). Мрачный вечер. Холодная ночь. Бесперспективное утро.

26.8. Оно мрачно, промозглое, это утро. Витя, подсушив у костра байдарку, заклеивает уже только наибольшие дыры (экономия клея). Наконец, двинулись. Тот же порядок следования. Уговорились сегодня обязательно попасть в устье реки Порожной, где стоит изба, а может, есть даже кордон заповедника.

Олег сразу же пошел своим излюбленным верхом, я – берегом. Но примерно через полчаса Витя предлагает мне сесть в лодку, и мы довольно шустро продвигаемся, вылезая на перекатах и гребя на плесах. Состояние лодки пока неплохое, потому что мы разгрузили середину, где были наибольшие дыры. Легко и не успев испугаться, проходим небольшой порог и видим справа речку, но не видим домов, как ожидали, и потому не отдаем себе отчета, что это и есть та самая Порожная – река, где по нашим надеждам должен быть

кордон и полноводный путь вниз (позднее нам рассказывали лишь как об исключительном случае, что какой-то парень один раз в большую воду сумел подняться сюда на моторе). Теперь река стала совсем несносной, бесконечные (два-три километра) шиверы: камни, камни и камни. Плыть невозможно, бредем в воде, отыскивая проходы между камнями. Наконец, я не выдерживаю, прошусь на берег.

Насколько веселее бежать по мокрой земле, вывертывать ноги по бурелому, чем брести в ледяной воде. И все же мне жалко Витю, я возвращаюсь, и мы часть шиверы протащили байдарку по берегу. Она чертовски тяжела (к тому же в ней тянет вдрызг мокрая палатка) и мы не выдерживаем, снова сваливаем ее в воду. После этой шиверы байдарка потекла особенно сильно. Я видела, как Витя плыл, а хвост байдарки был в воде, т.е. она была наполнена почти до краев. От воды байдарка стала почти непроходимой, даже на крупных перекатах. На каждом перекате Витя переворачивал ее на бок, выливал часть воды (до борта), а к следующему перекату воды наливалось столько же... Что там мои муки бредущего без тропы пешехода? – Витя трудился безуспешно, как Сизиф, я же просто продиралась сквозь заросли. И, наконец, забрела. Зайдя на мыс и увидев перед собой с двух сторон воду, я взвыла, а несколько успокоившись, решила по перекату перейти на правый берег с плохой, но все же тропой на нем. На правом мне стало легче. Только один раз сдуру полезла вверх обходить скалу (наутро я ее спокойно внизу прошла).

А Витя все тонул и выливал воду уж совсем один. И был на последнем издыхании. Мне, увидевшей на шивере три больших комфортабельно устроенных, но брошенных плота, в ту же минуту захотелось бросить здесь и свою лодку. Видя же его мучения с каждым метром вниз, это желание нарастало. И наконец, я завопила: «Брось лодку, пойдем пешком!» А лодка к этому времени не только продралась огромными дырами, но и начала саморазборку. Уже ничто не связывало кильсоны, один за другим освобождались от связей стрингера, ломались

шпангоуты. Темнело. До Порожной, как мы считали тогда, мы так и не дошли: река-то не улучшилась! Олега не видели с утра. Лодка почти развалилась. Настроение подавленное. Останавливаемся в каком-то неприветливом месте, осторожно вытаскиваем жалкую, сморщенную байдарку. Долго, невесело сушимся. Делать больше нечего. Продукты все у Олега. У нас только подсолнечное масло. Витя пытается вблизи костра поискать в темноте грибы, но я протестую. Не надо себя растревлять. Продумывая день, соображаем, что Порожную мы все же прошли, а Олег спит сейчас в избушке. Решаем, что наутро я пойду за ним, так как, по-видимому, он будет нас ждать в избушке и никуда не двинется. От принятого решения становится легче. Витя будет чинить байдарку, так как впереди река вроде стала лучше... Мне есть не хочется. Питаемся своим подкожным жиром, но спать от этого холодно. Ночь прошла в холодной полудреме и встали поздно...»

Этот день оказался самым драматическим за весь поход. Наверное, в каждом удавшемся и трудном путешествии бывают такие отчаянные моменты, когда думаешь уже не об отпуске и удовольствиях, а по крупному, чуть ли не о жизни. В Саянах это был день, когда мы ясно поняли, что наша скорость в тайге намного меньше запланированной и что речь может идти уже не о маршруте, а лишь о том, как целыми выбраться. В Карелии – когда Соколов произнес перед нами в качестве командира запомнившуюся фразу: «Положение наше – трагическое». В Хибинах – когда на перевале Кукисвумчорра поднявшаяся пурга леденила руки через все рукавицы, почти не давала продвигаться и растянула нас друг от друга на добрый километр. В Архангельской тайге, когда на труднейшей, заваленной Туре, мы остались мокрыми и без спичек. На Кавказе – когда непогода заставила нас, двух наблюдателей, не вылазить из палатки несколько суток и т.д.

Этот день на Печоре был так забит работой, что пролетел совершенно незаметно, как один час. Если бы к 3

часам не стемнело, я продолжал бы жить в первой половине дня. Есть не хотелось совершенно, не возникало даже воспоминания о еде. В глазах – только камни Печоры, струи воды и маршрут байды в них. Иногда я останавливал себя на мысли, что если бы не мерзкая серая погода, не полузатопленность байдарки и ее ужасное состояние, и, конечно, если бы не нехватка времени, то этот путь по малой Печоре мог бы стать огромным наслаждением. Ведь тут не один маленький перекатик или порог, как в Подмосковье, на километры последующей спокойной воды. Нет, здесь, среди печорских камней необходим непрерывный слалом в течение всего дня.

Нужна мгновенная, на ходу, оценка ситуации – куда повернуть, где есть глубокая вода, можно ли к ней пробиться, наблюдение за обстановкой рядом с самой байдаркою, за всеми камнями в потоке. Эти камни часто возникают рядом с байдаркой сразу, незамеченными – и вот уже ты наполовину сидишь на остром валуне, и течение ворочает тебя, как хочет; или, при удаче, лодке удастся переползти через камень с противным душе скрипом рвущейся обшивки. В такой будничности и непрерывности лавирования между камнями появляется автоматизм в управлении «судном», точность расчета и спокойствие среди пены порога.

Да, это было бы замечательным развлечением – даже в непогоду – если бы не огромные дыры. Байдарка быстро наполнялась водой и становилась тяжелой, почти неуправляемой. Она натыкалась почти на все камни, несмотря на мои судорожные усилия, и садилась на мель там, где в нормальном состоянии я мог бы только увеличить скорость... Сломанные кильсон, шпангоуты, стрингера еле-еле держат оболочку в какой-то изуродованной, изогнутой винтом форме, и потому на ходу байдарку отчаянно заносит вправо. Все труднее становится выливать воду на перекатах, потому что каркас едва выдерживает такое переворачивание: еще немного, и от тяжести приподнимаемой в байде воды я просто переломаю ее скелет.

Внутри плавают в беспорядке вещи, обычно запрятываемые нами в корму: кастрюли, ложки, кружки, бутылка масла, сиденья, олеговы туфли, тряпки. Вся эта орава меня особенно раздражает, потому что они не поддаются моему запихиванию и снова всплывают, стремясь переползти в реку. Время от времени я почти злорадно отмечаю пропажу той или иной вещи: ложки, кружки – так вам и надо!

Вот тут и доходишь до твердого убеждения: все! Идти на байдарке здесь невозможно. Ее надо бросить так, как бросили ребята плоты. Это ведь только одни мучения, а не движение. Все равно, даже если река улучшится, плыть на ней уже нельзя и придется идти берегом, так зачем же сейчас мучиться и тащить эту рухлядь?

И вообще, это было глупейшей затеей: тащить байдарку в эти места. Сперва ее тащили на моторе, потом тянули вверх на бечеве, потом 50 км – на своих плечах. Теперь вот вниз – и снова нескончаемые мучения! Гораздо лучше было пройти весь маршрут пешком.

Я очень ругал себя за халатность и беспечность. После недоразумения на Пупах, после вчерашних потерянных на поиски двух часов, мы снова потерялись – и уже на всю ночь. И до чего же легкомысленно мы расстались! Да разве можно было отпускать в тайгу человека одного, с большими ногами и руками? На весь день! И где же он теперь? – Может, обогнал нас верхней тропой, а может, ждет сзади, если мы и вправду пропустили Порожнюю... А ведь вполне возможно и несчастье. Как его тогда искать? Бр-р-р... Ну, хорошо, завтра Лиля пойдет назад вплоть до утренней стоянки. Но там его, конечно, уже нет. И если они не встретятся на реке, то как тогда будут искать друг друга? А вдруг мы все же не дошли еще до Порожней, а Олег, прождав нас ночь и утро, решит, что мы его обогнали и пойдет дальше вниз, в то время, как мы будем здесь в поисках его обивать печорские камни? – Я покрывался холодным потом, старательно самоугвариваясь, что нет, мы,

навверняка шли по реке быстрее, и Олег не может быть впереди нас. Ну а вдруг?

В такие моменты начинаешь давать себе страшные клятвы, что больше никогда не согласишься на такое разделение и самостоятельность. Вот когда молишь судьбу: ну дай нам еще только один раз объединиться, и мы не будем больше отделяться ни на шаг. Вот когда начинаешь понимать, как делают люди губительные ошибки в усложнившихся условиях. Когда их внимание целиком поглощено препятствиями пути (как у меня печорскими камнями), невольно упускаешь всю обстановку в целом, в том числе и товарищей – и это может привести к ЧП. Просто не хватает человеческой головы, чтобы во время переварить информацию трудного пути и не забыть о главном. Конечно, чаще всего такое напряжение обходится без последствий, но может случиться и несчастье. Несчастье на всю жизнь. В этот вечер я остро осознавал свою слабость. И только простая вера в везение, в удачу, которая нам до сих пор сопутствовала, не позволяла распутиться.

Действительно, на следующий день мы снова были вместе. Нас спасло спокойствие Олега, правильная оценка нашего положения и... наверное, индивидуализм, т.е. привычка самостоятельно путешествовать. Я старался тогда скрыть свою радость, но от этого она была еще сильнее. Больше мы не расходились до Москвы.

27.8. Сумрачно. Чуть «гусит» дождик. Без особой неприязни, настроившись на 4-х часовую ходьбу, иду назад, к Олегу... Но, о счастье! Не прошло и 40 минут, как раздвигаются кусты, и он сам своей персоной сваливается откуда-то сверху. Усталый, нерадостный, удивленно уставился да меня. Я чуть не прыгаю от радости: жив, цел, и идти мне такую даль не пришлось.

Он добрел до избушки на Порожной уже к вечеру – очень тяжелой оказалась дорога. Затопил ее, прогрелся и уснул. Утром он отчетливо понял, что мы впереди и, как

проснулся, двинулся догонять. Как хорошо иметь дело с сообразительным человеком!

8. Олег, как правильно поняли, совсем не взвыл от вынужденного суточного одиночества. Он обрадовался возможности оставить своих добрых и терпеливых сотоварищей одних, чтобы они физически и зрительно отдохнули от третьего лица и поэтически насладились гарантированным уединением. «Сообразительный» еще раз и добрый дядя Олег.

Снова мы вместе. Витя настаивает: садимся все вместе. Соглашаемся. Но, пока Витя чинит байдарку, мы успеваем сварить суп из одного, но огромного белого гриба. Вкуснота райская. С ощущением сытости вернулась надежда, что и река будет лучше, и мы все же успеем домой к 1 сентября.

Речка в самом деле стала приличнее и, хоть лодка сразу потекла, Олег успевал вычерпывать воду, и мы не тонули. Правда, нестерпимо хотелось сунуть в тепло постоянно мокрые ноги. И когда под вечер показалась избушка, я без особого труда уговорила ребят остановиться в ней, хотя еще было сравнительно светло. И правильно сделала!

В тот день мы шли не больше 4-х часов и встали около 6 вечера. Было явно рано, но ведь по московскому плану мы должны уже быть в Курье, в конце маршрута (до нее мы считали тогда около 100 км, а на деле было больше 150-ти). Но уж очень хотелось тепла и уюта. Мы остановились с условием себе, что завтра встанем чуть свет и нагоним упущенное. То, как мы «нагоняли» на следующий день, показывает, что такое расслабление отнюдь не было правильным решением. Пройди мы еще около двух часов, встретили бы туристов и вышли бы к первой деревне, здорово облегчив себе жизнь. Но иногда необходимо уступить своей слабости, даже ценой возможного опоздания.

После двухдневного дрожания от холода – банная жара избушки, а потом встреча с ухтинскими байдарочниками. Даже ради этого стоило остановиться в избушке.

Ребята поднимались вверх по Печоре. У них поход только начинался. На кордоне заповедника их не пропускал рыбнадзор: Печору закрыли из-за нереста семги. Потом все же пропустили ненадолго – только посетить Медвежью пещеру (5 км отсюда вверх), про которую мы и не знали. Но они, конечно, собираются прорваться еще дальше и сделать-таки маршрут на Пупы и Унью. Это молодежь 22-24 лет. Четверо: Юра и Сэм (Саша Семенов) – из ВНИИГаза, Валя и Гена – из Ухтинской телестудии. Культурные туристы, хорошо подготовленные, экипированные, спортивные. К походу готовились полгода (!), все знают... Молоды, настолько молоды, что еда у них стоит на очень важном месте (а может, это нам, голодным, просто бросилось в глаза). Много говорят о еде, много ее несут (с байдарками у них по 60 кг веса на одного), едят с аппетитом. Правда, у них нет подкожных запасов, как у нас.

Еще возят с собой гитару, и, что удивительно, - приемник. У разных групп этот анахронизм отмирает в разное время. Я, слава богу, научилась быть снисходительной.

И все же мне очень хотелось супа со свежей уткой, а Вите стало грустно от их больших мисок, полных кашей. Я ему обещала шепотом много каши дома, и на молоке, и с сахаром, и на масле. Конечно, они пригласили нас, но ведь мы не умирали с голоду, и потому нашли в себе силы отказаться – ведь у них еще поход впереди... А наутро мы позавтракали только жижей из остатков сухой картошки и поджаренных сыроежек, да по одному сухарику. Было немного неловко есть это на виду. Ну да все уже в прошлом...

Ребята особенно много нам порассказали об Ухте, о Печоре, о семге, о людях, с кем встречались. Мы обрадовались, что можем рассказать им про встречу с Колей Рулевым, который, как потом выяснилось, должен был их вести, но не смог.

Они здорово нас выручили, дав резинового клея и лейкопластырь на олеговы раны. В общем, общение в ними было приятно. Заснули мы под их негромкие разговоры

Ребята вылетели сюда из Ухты 17 августа. Значит, только на два дня позже нас, но только сегодня, 27 августа, вышли самостоятельно вверх. Все эти 10 дней они добирались на перекладных до заповедника и ждали там разрешения (два дня). Только теперь мы ощутили, что нам здорово повезло и с подходами, и со всем походом. Основную тяжесть своих сердитых эмоций ребята выливали на головы местных жителей, «жмотов и куркулей», равнодушных к нуждам проезжающих туристов. «Нет здесь советской власти - негодовали они, - живут как хотят, и даже одну старушку как батрачку держат». Даже их заставили себе погреб делать, а потом все же огромные деньги за дорогу взяли. В каждой деревне – ужасные жмоты, пускать на ночлег не желают, а уж накормить голодных людей (туристов) – этого у них и в помине не водится.

Я лично сразу же проникся недоверием к этим рассказам. Уж больно они были эмоциональны, уж больно плохо у них все выглядит. И, действительно, наши последующие ночевки в двух деревнях показали совсем другое.

Просто на Печоре и вправду проходит слишком много туристов и тратить на них время и средства, действительно, любому надоест. Тем более что и туристы едут с Верховьев голодные, холодные, опаздывающие на работу и буквально умоляющие о сплаве вниз за любые наличные деньги... А когда приезжают туристы снизу, сытые, с огромным грузом еды и времени? Да еще не просят, а почти требуют помощи, ссылаясь на договоренность с неким Колей Рулевым – психологически это совсем другое. А если эти туристы еще не стесняются высказывать вслух свои нелестные определения, то понятно, почему отношения везде были испорчены. Эти ребята походили на избалованных и обиженных детей: как же так – нам надо и нам не помогают! И сразу же под это подводится идеологическая база: «Нет здесь на них советской власти. Куркули чертовы!»

И чудятся мне в этих словах старые интонации: раскулачить, вычистить, обобщить... Мы – в темной и жаркой избушке. Я и Олег лежим на лосиных шкурах полатей. Лиля сидит в углу с дневником. Сэм и Валя (главные рассказчики) на лавке и топчане у небольшого столика, уставленного здешней посудой, остатками сухарей, забавно вырезанной из куска дерева солонкой и прочими мелочами охотничьего быта, -что-то шьют у лампы. Ребята ждут ужина и рассказывают, пламенно осуждая местных куркулей. Но они не замечают, что вся эта избушка и все в ней – сделано этими самыми «куркулями». И довели их сюда все те же куркули, несмотря на все неприятности. Уважение к людям иного склада у ребят еще не выработалось. Я с огромным вниманием вглядывался в их лица. 20-22 года, возраст нашей целинной поры.

Такими ли мы были в то время? Только ли от возраста эта капризность и требовательность? Или она останется у них на всю жизнь? Мы все надеемся на молодежь, что она растет иной, чем нынешнее поколение, но черта с два! Вот ведь какие хорошие и современные ребята, а сколько в них комсомольско-хунвейбиновского!

Конечно, жизнь еще будет на них влиять, но совсем не обязательно в демократическую сторону. Может, совсем наоборот – они придут к убеждению, что «сильнее давить надо». Эти ребята будут действовать в нашем ближайшем будущем, как мы – в настоящем; а их дети будут нашим далеким будущим. Так на что же надеяться? Как-то надо вмешиваться в передачу старых традиций («против куркулей» и пр.), надо вмешиваться в эмоции этих ребят, будить в них уважение к любой личности, даже им неприятной... Надо, но у меня нет слов, и я молчу, лежа на куркульских полатях... Да, совсем не быстро будет распространяться демократическая психология при столь малой активности ее почитателей...

28.8. Ночь, к сожалению, была испорчена духотой, угаром. Утром мы с Витей встали с больной головой, но зато

рано. Путь предстоял неблизкий. Теперь мы хорошо знали, что нам предстоит проплыть 12 км до поста Шежима и еще 75 км до деревни Усть-Уньи, а там – до конечной деревни Курьи с аэродромом – еще 65 км.

Валя сострадательно ойкала, когда, спуская лодку, мы становились кедами в холодную воду. Это, конечно, очень мерзко: мокрые ноги на 14 часов, от них вся дрожь, от этого я не переставала работать весь этот длинный день.

День мрачный, дождливый, бесконечный и даже, когда он кончился, мы продолжали грести – надо было дойти до Усть-Уньи. Наутро там должен быть почтовый вертолет, на котором, может, нам удастся улететь. Мы с Витей можем смело смотреть в глаза Артемке – растрчивали силы до конца, чтобы успеть в Москву к 1 сентября.

Тупая, необходимая работа. Да легкое раздражение, когда слышатся сзади вздохи Олега, жалующегося на усталость в спине от вычерпывания воды. Ну, какой в этих словах толк? Что-то он заметно начал себя жалеть.

Меня это обстоятельство, к сожалению, трогало еще больше. Может, потому, что я острее Лили ощущал наше опоздание, вину за вчерашний «отдых» и лучше видел практическую невозможность пройти в этот день до Усть-Уньи (87 км), если не работать отчаянно. Естественно, что Лиля не могла весь день работать сильно. Значит, надо компенсировать свою греблей. А тут перед моими глазами постоянно маячит спина Олега, сидящего на своем весле. Весле, которое мы специально доставали для него, которое тащили из Москвы весь волок, и которое могло бы намного ускорить наше продвижение. Мы ни разу не предложили вслух Олегу начать греблю, зная, что у него была нездорова правая рука, зная, что он был ею очень озабочен («для художника правая рука – это все»), пусть опухлость ее начала спадать. Но в тот день я не мог быть справедливым и все понимающим. Я рассуждал, что грести можно с любой силой – важно только не сбиваться с такта, а главное – любой из наших ребят в такой ситуации, конечно, не сидел бы

неподвижно на веслах, а все же пытался бы грести – даже через боль и усталость. Конечно, у Олега была очень полезная функция – вычерпывание воды из нашей дырявой посуды, но ее можно было выполнять поочередно и временами.

То же самое продолжалось и в два последующих дня. Только перед самой Курьей Олег сделал попытку взяться за весло, но через пять минут снова передал его Лиле. Понятно, что для нового человека байдарочная гребля кажется очень непривычной – но ведь все можно пересилить... Подобные мысли весь день кружились у меня в голове, прерываемые лишь иногда угрызениями совести: разве можно такое требовать от больного человека?

Однако, еще хуже мне стало в последние два дня, когда подавленность Олега от мокрых ног и холода сменилась сравнительной сухостью (на перекатах байдарка теперь почти всегда проходила) и оживленными воспоминаниями об искусстве, живописи, архитектуре, творчестве, женщинах, поэзии и пр... В сочетании с моей зубовой спешкой, старанием грести как можно сильнее, такие разговоры особенно злили. Я останавливал себя только одним: все хорошо, самое тяжелое уже позади, а гребем мы с Лилей достаточно быстро, обойдемся сами, провезем Олега пассажиром. Для его же самолюбия потом будет хуже.

Сегодня я отчетливо вижу, как был в то время несправедлив, но именно так тогда все было. Меня оправдывает лишь то, что это раздражение и даже злость вызывались именно обстановкой гребли, а когда она кончалась, все эти «психологизмы» совершенно исчезали и забывались. Наверное, такова же природа многих «путевых ссор», после которых люди дружат как ни в чем не бывало.

В полутьме подошли к Гаревке, решаем в ней остановиться, но узнаем, что до Усть-Уньи только 9 км, а не 15, и продолжаем путь.

Я – на пределе. Ругаю Витю за то, что врезаемся в перекаты. А что он может увидеть в темноте? – Но он все же терпеливо мне отвечает. И вдруг на правом берегу Печоры

вырастают силуэты домов, мы ждали деревню при впадении Уньи, т.е. на левом берегу и не так скоро. Но Витя греб так отчаянно, и я старалась, что за 1 час 10 мин мы прошли эти 9 км. Ребята пошли проситься на ночлег, я же едва вылезла и начала подниматься к первому дому. И вдруг чувствую, что не иду, а просто переваливаюсь с ноги на ногу и качаюсь. Попыталась контролировать свои шаги. Получилось. Поднялась на горку и подошла к дому. Стою, дрожу и шатаюсь, вижу тени ребят в окне, но заходить не решаюсь, пока не выскочил Витя и не сказал, что можно.

Нам повезло. У хозяина был маленький запой, и он сам радушно пригласил нас (ему хотелось еще с кем-то выпить и поговорить). Для меня же это приглашение было возвращением к жизни: теплая, полуосвещенная комната, с теплой печкой, со столом, на котором большущими ломтями нарезан хлеб и соленая рыба и стоит трехлитровый бидон молока.

Ели рыбу, потом пили молоко, глотали хлеб, а ребята чокались с хозяином за здоровье и мир стаканами с печорской бражкой, которую тот подливал из обыкновенного чайника. Непередаваемое ощущение: еще кружится голова, но по всему телу разливается тепло и сытость. И, отяжелев, я добредаю до печки, залезаю на нее и блаженно вытягиваюсь. Слава тебе, господи! Все хорошо.

Такой идиллией кончился наш самый напряженный, рекордный по километражу день... На печке я продолжал видеть печорские острова с непонятно куда ушедшей главной водой и эти противные перекаты, перечеркивающие реку острым углом так, что она везде становится мелкой. Продолжал лавировать между камнями и осаживать байду на резких поворотах. И последнее переживание – ночная гребля по темной, даже черной от ночи Печоре, где глазом угадывается только берега с остроелочным силуэтом, а перекаты можно только услышать, хоть зачастую этот слух приходит слишком поздно... В первый раз нам с Лилей пришлось на байдарке ходить ночью.

29.8. Утро началось с первой зари (света). Хозяин во хмелю плохо спал и все бормотал, чтобы утром Валя (сын-десятиклассник) отпраивлялся на охоту (это был день открытия сезона), сердито ему выговаривая: «Там ищи, там...» Ходила и ворчала на грязь хозяйка Ирина Ермильевна, неизвестно когда и как вернувшаяся домой. Как потом выяснилось, она уходит, когда муж запивает. Рано начала топить печку и спекла нам пироги из ржаного теста с творогом и картошкой, суп сварила. Накормила на славу. Очень хорошая у нее улыбка, смущенная. 7 детей вырастила, двое – десятиклассники, остальные уже ушли из дома. Примирилась с этим. Примирится даже со смертью кого-нибудь из них. Жестоко, да? – Хорошо, если бы я оказалась не права. Но кажется, жизнь в непрерывном труде не способствует развитию чувств. Как спокойно она приняла мое сообщение с реки, что ее дочь приехала в отпуск, как спокойно сказала: «На будущий год Ване в армию, может, и убьют там».

Нет, я нисколько не думаю, что жизнь ее безрадостна – многое было в ее жизни. Просто радости начинаются с другой плоскости.

Василий же Карпович рассказывает, что до войны в институте учился, война перекосила жизнь, начальника из него не получилось, а сейчас – на пенсии. А вообще-то он остался мне очень неясным.

Хозяева наши явно принадлежали в потомкам староверов. В этом убеждала рассудительность и сдержанность характера, особенно у хозяйки. Она была немногословной и только немного посидела с нами, когда кормила завтраком-обедом. Объяснялась коротко и сама почти ни о чем не расспрашивала. Видно, что ей многое и без расспросов известно. А жизнь с немного безалаберным (когда выпьет) и разговорчивым (по печорским понятиям) мужем усилила эту сдержанность. Жизнь в детях и тяжелой немногочисленной работе поневоле приучит к молчанию. И хотя сейчас она уже на пенсии, а дети почти выросли, привычки и ритм заведенной жизни остались. И, подчиняясь атмосфере

этого дома, мы тоже невольно прикусываем языки. Только Олег пытался заводить легкие разговоры о хозяйстве, о составе деревне, об охоте, но выходило так искусственно, («Скажи, отец, сколько домов в деревне-то, а?» или: «Двадцатым калибром, отец, постреливаешь, да? Я говорю, калибр ружья у тебя двадцатый?»), что мы только поеживались от неохотного ответного бурчания Василия Карповича. Зачем спрашивать ненужное? – только надоедать человеку, уже потряхнувшего с себя вчерашнюю пьяную разговорчивость. Вчера было совсем иное дело. Опустошая чайник с бражкой (на ведро – три кило сахара + дрожжи + квас), а после обработки в печи вкусно получается), хозяину очень хотелось говорить о чем угодно, но особенно об отечественной войне и о нынешней политике. Рассказывал о ленинградском фронте, ругал немцев и даже сегодняшнего Брандта, которому, естественно, не верит. Политика не может не трогать людей даже в самых медвежьих углах вроде этой Усть-Уньи.

Утром, бега по деревне в поисках наилучшего обзора Печоры, я вышел на пригорок за деревней, где на самой лучшей точке для обзора стоял одинокий красный обелиск пирамидкой со звездой наверху. Но то была не могла местного председателя совхоза или начальника геологической партии. С фотокарточки смотрел молодой парень типичного для этих мест облика – светлые волосы, круглые острые глаза, худощавое скуластое лицо. Написано: год рождения – 1948 г. Погиб 10 июня 1969 г. в Чехословакии.

Я и раньше много слышал о погибших и погибающих в этой братской стране. Последними были разговоры о 14 новобранцах из нашего района в Москве, взятых в армию весной этого года, но уже через месяц вернувшихся домой в гробах. Но то были слухи, а сейчас я увидел воочию самого погибшего человека... Здесь, в самом глухом углу великой России, где и дворов-то не больше 20-ти – и вот вам: «Привет из Чехословакии!» И погиб этот сержант не в августе 68-го года, а в июне 69-го, уже при Гусаке. Может, и

сегодня гибнут. Мы ничего не знаем, не слышим, но вот они – погибшие... И уже Ирина Ермильевна тихо: «Скоро Васе в армию, может и убьют там». И становится все яснее, что, несмотря на все «братские митинги», на заверения в дружбе, там идет война, неофициальная и непризнанная. Но от этого не менее жестокая. Я уверен, конечно, что уровень боевой подготовки наших солдат много выше подготовки той чехословацкой молодежи, что берется за оружие. И конечно же, за каждого убитого нашего солдата они расплачиваются, наверняка, несколькими своими: Ян Палах только открывает скорбный список. И хотя все это покрыто плотным умолчанием, каждый из нас встречается вот с такими могильными пирамидками и убеждается в правоте людей, сказавших еще в августе 1968 года: «Это наш Вьетнам! Это наше национальное несчастье!» - «Во Вьетнаме – янки, а в Праге – наши танки...»

Пока в Усть-Унье об этом думают просто: «Убили нашего парня, гады, враги, почти немцы...» Это и понятно: ведь мы не бурлящая информированная Америка, мы – тихая и почти святая от простоты Русь. Но это только пока. Постепенно и сюда будут доходить рассказы очевидцев, оценки горожан, беды тамошних людей и тогда... они, может, начнут думать иначе.

В это утро мы пытались улететь вертолетом. Но «гусило», была низкая облачность и ни почтовый, ни геологический вертолеты не прилетели. Мы прождали первый, неудачный сеанс радиосвязи в 9 часов, на втором же, в 13 час, узнали, что вертолета не будет и, как сказал ждавший вертолета геолог, если он и будет, то «возьмет только меня».

Все. Все возможные варианты отлета отсюда вместе или порознь отпали, и мы прощаемся с Усть-Уньей и плывем в Курью. Оставляем в магазине 18 рублей, хозяину отдаем 3 рубля (жаль, что хозяйки в то время не было). Не успеваем дать домой телеграмму, что опаздываем на два-три дня (почта закрылась на обед), и в два часа дня грустно отчаливаем.

До ближайшей деревни 40 км. Пока мы сухие и мечтаем остаться такими. Река после впадения Уньи это позволяет, но стала течь медленней. Руки устали, особенно правое плечо и локоть. Постепенно втягиваюсь, грести сегодня легче – отдохнули, отъелись, да и цифра 40 не кажется такой ужасной. Берега Печоры до неприличия единообразны, перекаатов мало, проходим их, не вылезая. По берегам стоят навигационные знаки – знать, сюда «Вихрь» заходит в большую воду, а сейчас – по «сухой воде», и моторки редки. Правда, завтра навезут по реке детей на учебу в Курью, оттуда в Якшу, Знаменку, где есть школы-десятилетки. А в понедельник утром будет самолет специально развозить детей из Курьи и лишь к вечеру – пассажиров в Троицк. Грустная перспектива. Но в Вите не гаснет надежда на шальной самолет.

Вечереет, и как-то неожиданно вырастает Малое Пачгино. Доплыли. Крайняя изба мне кажется наиболее подходящей – по бедности. Ведь бедность и бескорыстие стоят чаще всего рядом. И действительно, на наш вопрос, а нельзя ли переночевать где-нибудь в амбаре, хозяйка отвечает: «Зачем в амбаре, ночуйте в доме. Места хватит». Прекрасно.

Стягиваем с себя мокрое и заводим разговоры. Разговоры просты, ведь перед нами люди, которые всю жизнь «робили». И вот незадача, сейчас даже пенсии не получают. Старику положена колхозная пенсия – 12 рублей в месяц, но для этого зачем-то надо пройти медосмотр, а старушка могла бы получать колхозную, да заболела надолго, когда в совхоз из колхоза деревня выписывалась. Вот и живут они на «малом топливе», да на рыбе, грибах, дичи. Тянет семью сын Иван, который был тут же, смотрел на нас большими глазами, но в разговоры не вступал. Старшие дети покинули дом. Спрашиваю: «А когда Иван женится, что будет?» - Отвечают: «Тогда помирать будем».

Старушке – 66 лет, старику – больше. Так и буду их всегда помнить – маленьких, кротких, сидящих на припечной лавочке и рассказывающих, почему нет пенсии, да о старшем

сыне, отбывающем ныне трехлетний срок за драку. И в этом рассказе – кроткая горесть: «В наши-то дни за все сажают». Они не привыкли принимать гостей, у самих еды внатруску, но хлеб и соленую рыбу хозяйка поставила. На удивление вкусно она печет хлеб... Да и у соленой рыбы вкус приятней, чем у Василия Карповича...

Очень тихими, даже вроде пришибленными, мы запомнили наших последних печорских хозяев. С пенсией у них произошла рядовая история. Когда местный колхоз перекалфицировали в совхоз, они, наверное, обрадовались неожиданной воле и самовольно «вышли на пенсию», благо возраст позволял. Соседи же похитрее сначала перезаписались в совхоз, и уже оттуда уходили по возрасту, получая пенсию в 50-60 руб. Нашим же старикам полагается только колхозная – 12 р... А так как самого колхоза уже нет вместе с его канцелярией, то получение справок о стаже и прочее оформление требует страшно много времени и сил. Органы соцобеспечения работают у нас на удивление строго и педантично, почище судей и бухгалтеров. Это я знаю по рассказам своих городских знакомых, несравнимо более дошлых в хождениях по бумажным мукам. Куда уж с ними тягаться старикам из таежной деревни?! Поехал один раз старик в город, там его сразу оглушили требованиями кучи справок, он и плюнул. Да и не стоят на севере эти 12 рублей в месяц таких страданий. Глушь отняла у них пенсию, но глушь и помогает им выжить. Охота и рыба – конечно, браконьерством, потому что рыбный и прочий надзор здесь свирепствует (блюдя интересы экспортных, т.е. западно-капиталистических по преимуществу заказчиков). Старик кротко жалуется, что сейчас рыбу ловить стало, как в магазине что украсть.

И все же под конец, когда старик с сыном уходили на охоту, они не показались мне жалкими и потерянными. Совсем они не нищенствуют, могут накормить приезжих и даже отказать от денег за ночлег. Просто живут скромно, по силам. А отказ от государственной пенсии и

расчет в жизни только на свои силы – это не жалко, а, наоборот, гордо, вызывает уважение. Не у каждого из нас хватит характера плюнуть на ежемесячные даровые деньги, а у стариков это получилось просто и естественно.

Тихо живут старики, заботы мира их не касаются. И кажется, их вообще все не трогает. Усталость от жизни? Но ведь в этой обстановке живет и Ваня? Надо ли желать ему лучшей доли? Великого смысла? – Его жизнь течет совсем в другой плоскости, и это, наверное, пагубное у меня желание, чтобы у всех складывалась жизнь по идеалам нашего круга. Цивилизация, разнообразие интересов крадут у человека его самобытность, изначальность, цельность. Но если культура внедряется постепенно, то человек может сохранить основную часть своих богатств, отбросив одновременно покрова невежества. Последнее очень важно – ведь мир усложняется и надо в нем не тонуть.

30.8. Последний походный день. Мы рано встали, но хозяева встали еще раньше. К завтраку нам подали хлеб и чай, и мы с благодарностью приняли. Отец с сыном бесшумно собрались на охоту и стали как-то значительнее в охотничьем обличье: «Мужчины ушли на охоту».

Как-то уж получилось, что имя хозяйки я узнала только перед уходом: Афанасия Петровна Костромина. Конечно, она отказалась взять деньги, но с чуть растерянной улыбкой приняла плитку шоколада. И кажется, получилось хорошо.

В этот день нам надо было прогresti только 25 км до Курьи, до аэродрома. День воскресный, рейсов не будет, но мы все же спешим, как будто нас ждет самолет. Невероятно трудно грести, берег как будто стоит на месте. Скорость пешеходная, перекаатов практически нет (но все же в одном месте мы умудрились сесть на мель на виду у ребяташек, которых как раз провозили мимо). Идут попутные лодки, но мы не решаемся просить их о буксире, да и зная о здешних ценах, деньги жалеем.

День, наконец-то, выдался солнечным, как будто Печора решила напоследок реабилитировать свои пейзажи и, действительно, Витя часто щелкает аппаратом. Но настроение омрачается усталостью и неопределенностью. И вот она показалась из-за поворота, в конце длинного плеса – Курья!

Вылезает. Все. Конец путешествия.

Нами движет инерция. Деловито узнаем, сколько и как отсюда идти до аэродрома. Узнаем, что рекой надо плыть еще 21 км, а сушей – 4 км. Вот это крюк! Разбираемся, практически не сушимся, сразу упаковываемся. Олег настойчивостью и личным обаянием добывает буханку хлеба (в магазине перерыв) и литр молока (бесплатно). Немедля перекусываем и двигаемся. Курья – большое село, центральная усадьба животноводческого совхоза и лесхоза. Дома добротные, но, по местным заветам, – без украшательства. Есть начальная школа, ясли и сад, магазин и клуб. Цивилизация. Но мы ни с одним из курьянцев не познакомились, галопом помчались на аэродром. Витя надеялся, а мы – просто так...

Раньше чем мы подошли, на поле опустились вертолет и самолет. Подбегаю к вертолету: «Вы не в Троицк?» - «В Троицк» - «Не возьмете ли» - «Да у нас и так полно. Попроситесь на самолет. Эй, Борис, не возьмешь ли двоих?» И ответ: «Попробуйте, если уместитесь.» Я разворачиваюсь и воплю: «Олег!» - «Какой еще Олег?» - «Извините, нас трое». Бегом мчимся к самолету, вваливаемся и через 4 минуты самолет вылетает. Сказка! Первые минуты продолжаю не верить. Но вот уже летим, летим на Троицк.

Лишний раз убеждаюсь, что ненадежно ждать от судьбы подарков, надо их брать, т.е. настойчиво желать и неуклонно приближаться.

Наше возвращение домой, действительно, прошло четко и красиво, как в романе. Путь, на который наши знакомые ухтинцы затратили почти неделю, у нас промелькнул за полдня. Еще не прошло и 12 часов, как наша байдарка перманентно тонула в Печоре, а мы уже сидели в

общем вагоне московского поезда и радовались тому, что в Москве будем рано утром 1 сентября, что Лиля проводит Артемку в «первый класс», а я успею на работу. Я же был счастлив вдвойне, потому что большие всех торопился и надеялся. Подтвердилась старая мудрость: «Работай и не теряй надежды, а удача придет».

Правда, был здесь и реальный расчет. После долгой плохой, нелетной погоды можно было надеяться, что в этот воскресный (выходной), но солнечный день будут хотя бы спецрейсы. А потом, нам в Усть-Унье говорили, что при хорошей погоде грузовой вертолет должен перебросить грузы в Курью, а оттуда вывозить их самолетом в Троицк. Так оно и вышло. Уже разбирая байдарку, мы видели над собой вертолет из Уньи. Екнуло сердце – а вдруг этот рейс был последний и вертолет сразу же уйдет на Троицк? Но нет, через некоторое время над нами проплывает вертолет в направлении к Усть-Унье. Сколько раз он так будет летать – два, три раза, до вечера? А может, только еще один раз и кончит? Тогда надо торопиться... Чтобы сделать 65 км туда и обратно с загрузкой и выгрузкой ему надо не больше часа. Поэтому мы так лихорадочно торопились, хотя никто реально в счастливый случай не верил. Просто подчинялись инерции движения. Быстрая упаковка рюкзаков, Олегу – наименьший вес, ему трудно идти. Перекус за 10 минут, и в путь! С байдаркой иду почти полубегом – как китайцы с корзинами земли – мелкими шагами и слегка раскачиваясь. Еще бы – эти 4 км надо пройти быстро, без остановок. Ведь если не успеем и вертолет уйдет в Троицк без нас, будем все дни корить себя за медлительность... Потому и силы берутся бежать легко, почти без труда. Постепенно втягиваются и ребята. Даже Олег, начав с успокоительных рассуждений о том, как прекрасна эта песчаная дорога среди сосен и ковров брусники и как хорошо не плыть в байдарке, а идти сухому, кончает тем же – полубегом на больных ногах.

И действительно, шумит над лесом возвращающийся вертолет и где-то уже совсем рядом приземляется.

Спрямяем дорогу – уже по этому несомненному ориентиру – и вот – открывается изба, за ней поле, а на нем – вертолет и самолет АН-2. Кричу Лиле: «Скорей к летчикам, может, они сейчас улетают», а услышав ее переговоры, с размаху сваливаю свой груз в дверной проем самолета, прямо на руки тому самому уньинскому геологу, который нам объявлял вчера, что если вертолет будет, то возьмет только его. Узнав, что мы ничего не знали заранее, когда и сколько будет спецрейсов на Троицк, что наше появление прямо к отлету – случайность, он крутит изумленно головой: «Ну и ну... Повезло...»

Самолет в воздухе. Проплывает внизу Печора и Курья на ней. Делаю несколько снимков в грязное самолетное стекло. Но когда пытаюсь заснять красную мишистую тундру болот среди зеленой тайги и синих вдали гор, пилот замечает меня и делает выразительный знак о засветке пленки. Поспешно прячу аппарат, и правильно делаю – дома все равно эти пленки оказались неудачными, испорченными при проявлении. Остается только смотреть и запоминать цвета болот и тайги, завивы тихих лесных рек и росчерки лесовозных дорог и просек. И все это – без конца и края – лес, лес, лес...

Тело еще продолжает жить в ритме напряженного пути, как будто не верит, что его усилия уже не нужны, что все теперь зависит не от его усилий, а от расписания транспорта.

В таком же хорошем темпе мы вывалились в Троице-Печорске и ходили по городу, вдоль Печоры. Она стала огромной, почти с Волгу ширью. Конечно, она много мельче, только отсюда начинается крупное судоходство – вплоть до северной столицы – Нарьян-Мара, где «в океан течет Печора, плывут там ледяные горы, там люта стужа в декабре, нехорошо зимой в тундре». Да, уж Печору мы посмотрели: от мелкого горного ручья, которой можно перейти по камушкам, не замочив ног, до великой промышленной реки.

Далась она нам большим трудом, и потому было на нее так хорошо смотреть в последний раз.

Кончился наш североуральский поход. За две с лишним недели мы устали и отоцали, как за добрый месяц пути, наелись трудностями и набрались впечатлений на целый год. Слава богу, этот год у нас не пропал без отпуска!

Меньше часа летели до Троицка. Там мы оплатили «пролет» и через 40 минут были уже на автобусной станции, готовясь к пути на Ухту. Олег остается в очереди и отпускает нас погулять – Вите надо отойти от самолета, да и широкоую Печору хочется увидеть. Олег спокойно взял билеты и даже уговорил кассиршу дать передние места. А потом, за 20 минут до отхода, успел накормить нас обедом в ближней столовой, вкусным и недорогим. Все продолжает складываться удачно.

5,5 часов знакомой дороги на красивом закате, и мы в Ухте. Будут ли билеты на поезд, ведь близко 1 сентября? Мчусь на вокзал, с дрожью в голосе задаю вопрос в кассе и получаю неожиданный, непривычный ответ: «Есть». И через пять минут уже получаю (!) три общих билета на поезд, который прибывает в Москву в 5 утра 1 сентября (!) Господи, ты оказался великодушным до конца!

Самый последний эпизод этого удачного дня – встреча на вокзале с благословившим нас на Илыче Колей Рулевым. Он провожал своего отца в Москву и сам подошел к нам. Рассказываем о его ребятах на Печоре, делимся своей удачей, чуть хвастаемся, еще раз благодарим за советы и карту. И, совершенно очарованные Колей, опьяненные от удач сегодняшнего дня, прощаемся с Ухтой, Уралом, Севером и едем к Артемке. 31 августа 1970 г.

Приложение к дневнику.

Этот дневник отражает впечатления от похода только нас двоих. Я думаю, что было бы интересно зафиксировать и впечатления Олега, и потому выпросил у него разрешение на перепечатку нижеследующего письма к швейцарской знакомой: "Добрый день, Инн! Больше месяца гулял я по Северному Уралу, поднимаясь и спускаясь по рекам Илычу и

Печоре на байдарке. На этот раз я оказался в компании двух человек, очень неумных и отважных молодых людей, поэтому путь наш был отмечен суровостью и редким физическим напряжением. Это не прогулка, а страда! Протискивание через таежные завалы, громыханье по каменным поворотам горных кряжей, продергивание грузеной лодки на порогах и перекатах горных речек. И все это при сладчайшем утопании глаз в невообразимых пейзажах! Суровые каменные останцы, тянущиеся вверх, и кокетливый подол елочек с буйными холодными ручьями, которые как портные режут все предгорье. Горные кряжи Торре-Порре-из и Маны-Пупы Ньер восхищают своими скульптурными скалами и архитектурно-подобными формами. Какие-то фантастические города из огромных камней, сочлененных друг с другом божественной природой... Стремительное проплывание в коридоре многоярусных елей и древних кедров, среди которых проблескивают и уступают в воду сиреневые скалы. Как всегда, в десятом часу вечера, лунная дорожка с багряной решительностью сшивает бесноватые струи перекатов. Под деревьями накрыты столы из брусники, морошки и грибов. Великолепные белые грибы составляли половину нашего суточного рациона. А их поочередное для каждого из нас приготовление сопровождалось шаманством при вечерних солнечных экстазах.

Не встречалось, как в прошлый, тоже «северный» год, ни больших поселений, ни монастырей, ни церквей. Только крохотные охотничьи избышки по берегам рек и в лесах, в которых мы ночевали, разбросав усталые кости на медвежьих и лосиных шкурах. В таких избышках есть печь, дрова, две-три пары валенок или меховых сапог (чуни) и недельный запас провизии. Ночлежка к услугам любого бродяги, в том числе и для беглых каторжников, которые, говорят, пробегают по этим местам. Но неписанный закон: попользовавшись уютом, теплом и едой – восстанови припасы. И мы оставляли так же, как и другие перед нами, соль, спички, чай, сахар, печенье, консервы, кололи дрова

Чаще же ночь заставляла нас в лодке, в глухой тайге или среди старых, как весь Урал, камней. Тогда раскидывали брезентовую палатку, разводили костер, готовили языческий ужин. И ни одного человека кругом на сотни верст. Даже охотника и рыбака. Это неоценимое благо для людей, вырвавшихся из перенаселенного котла. И, наверное, только в России сохранились еще такие необитаемые пространства, где можно скрыться хотя бы на месяц от грохочущей цивилизации.

Российский путешественник очень сильно отличается от западного туриста, катящего на своем автомобиле из одного человеческого муравейника в другой, толкающегося среди себе подобных из других стран на знаменитых площадях, музеях, магазинах. Мы же чувствовали себя первопроходцами, вроде Дежнева, Хабарова, Атласова или североамериканских пионеров. День за днем мы вкладывались в байдарку, чтобы продолжить тяжелый путь. Но часто она усаживалась на нас, когда тащили груженую лодку на буксире через жуткие пороги в ледяной воде горной речки, получая ссадины и натирая веревкой плечи, падая на колени и, лоя губами легкие снежинки (да, летом и снег: это Север), то всем троим одновременно вспомнились стихи Джека Лондона, и одна ситуация в особенности, когда изголодавшиеся и изнуренные человек и волк ползли рядом по белому безмолвию, дожидаясь, кто первый падет, так как у них уже не было сил напасть друг на друга.

Только в нижнем течении Печора была спокойна, и нам почти не приходилось тащить лодку через каменистые перекаты. Мы даже не скреблись о камни дном лодки и мужчинам удавалось достичь предельной скорости. Затем стали встречаться редкие рыбацкие поселения с весьма радушными обитателями. И наконец, маленький самолет, автобус, поезд и Москва. Новый рабочий сезон. Поздравим с этим друг друга...

P.S. Не знаю, насколько уместно просить тебя присмотреть для меня прочный туристский костюм с широким

замшевым ремнем и такими же ботинками. Ремень и ботинки (не туфли) желательно охристого или красноватого оттенка как можно экзотичнее, с эффектной мужской пряжкой и ножом в ножнах допустимых уголовным кодексом размеров. Не уверен, встретится ли тебе костюм (брюки, куртка и кепи) из мягкой замши или только с замшевыми наколенниками, но ремень и ботинки должны быть обязательно из грубой замши и, конечно, недорогой. Это у меня к тебе пространная и несиюминутная просьба, но очень для меня важная, т.к. мой американский костюм, служивший 8 лет, окончательно изорвался в последней поездке и даже нечего чинить... (размеры...)"

В тексте мы уже давали пару раз выдержки из отзыва Олега на все вышеприведенное. Ниже следуют его остальные замечания:

1. Слишком много неблагодарных нареканий на погоду. У меня осталось впечатление веселящего солнышка, бодрящего снежка и улыбчивых утр. Ведь по правде, нас ни разу не прохлестал дневной дождь.

2. Упущено значительное событие: потеря Олегом денег (70 рублей после раздельной ночевки у Б. Порожней) – факт, поставивший его в чрезвычайно робкое положение и абсолютную зависимость от спутников. По городской привычке он без денег, как пустой мешок. Для психологических отступлений это важно.

3. Обойдена вежливым умолчанием потеря беспечным Олегом лилиных сапог, сильно раздосадовавшая пострадавшую. В действительности, отсутствие резиновой обуви на неделю лишило Лилю комфорта. К тому же, это еще один психологический диссонанс в компании. И извиняло злодея только то, что он готов был пойти назад искать как свой топор, но был великодушно удержан из-за сжатости времени.

4. Не согласен, что преимущества «свободного художника» рассматриваются Виктором, как черты нового человека. Это «старый тип» делового человека.

Сейчас даже капиталистические отношения интегрируются и огосударствляются. Корпорации с плановым началом (через ЭВМ) – а не экономически свободные одиночки. А уж в России не поползут от огорода к горшочку с укропом. И плохо, и хорошо. Уклад в свободных профессиях останется сам по себе, как единственно логичный.

5. Абсолютно верно: переобувание Олега в кеды явилось посвящением его в инвалиды с дальнейшей госпитализацией в лодке. Вычерпывание воды – это не работа.

6. «Приложение» нужно было смелее редактировать, поскольку оно исходит из двух писем. Уважительное отношение к оригиналу сковывает стиль.

Только сейчас я осознал сродство этого дневника с альпинистским рассказом 1968 года. Здесь так же действуют две стороны: «пижон» и «осторожный эстет» с одной стороны и «простые» и «цельные» туристы – с другой. И их отношения к движению в защиту прав, т.е. к подписантству, складываются примерно по схеме рассказа 68-го года. И с трудностями они сталкиваются столь же драматично. Но какое различие в результате: в первом случае – ходульность и ложь, а в 1970 году – естественность и правда. Конечно, эту перемену можно объяснить различием используемых жанров. Вместо придуманных в рассказе событий появился путевой дневник, но это только внешняя причина.

Энтузиазм 68-года прошел. В Чехословакии весна сменилась гусаковским осенним ненастьем. В спорах об августе 68 года большинство наших сограждан и даже большинство знакомых однозначно проявили себя противниками диссидентства. У меня, да и у многих других наступало отрезвление от первоначального угара, от экстремистского самообмана. Наступала переоценка ценностей, подписантства и «мужества простых людей», «жертвенного бескорыстия», даже идеалов социализма, без которых якобы невозможна истинная демократия.

Может быть, в этой переоценке я снова перегнул палку, может быть. Но общее направление переоценки было верным: к трезвости и рационализму, терпимости и терпению, примату реальной жизни над идеальными построениями.

Однако отказаться от ценностей просто, а вот что нужно принять взамен? В чем искать объяснение этого мира? В чем руководство к действию? Призывать к «мужеству» и жертвенному альтруизму – бессмысленно, так что же делать?

В такой период переходных недоумений и писался наш уральский дневник. Правда жизни в нем – не достоинство, а неизбежность, ибо не родилась еще та теоретическая концепция, та система идеалов, под которую меня бы потянуло исказить действительность. И только смутным далеким ориентиром на новых горизонтах замаячило уважение к индивидуальному труду и ответственности свободных людей, кем бы они ни были – ссыльными «кулаками» или нынешними художниками. Мне стало казаться, что все наши беды исходят главным образом от прирожденного всем коллективизма, родовой коммунистичности. Именно эти черты, прирожденная слитность с коллективом (а не трусость или незнание) – главные причины неприятия свободы и диссидентства.

Отсюда и перемена моего отношения к людям типа Олега. Перемена радикальная, почти поворот на 180 градусов. В людях индивидуалистического и даже эгоистического склада я стал видеть разрушителей родовой коллективистской устойчивости, невольных завоевателей свободы, пусть мне даже неприятных, но прогрессивных.

Судя по отзыву Олега, сам он не был согласен с такой оценкой роли своей и своих коллег. Он был склонен скорее самоотождествиться с «обломками прошлого» - так выглядело много романтичней и аристократичнее. Но это меня не обескураживало. Гораздо больше беспокоило, что мы сами так плохо уживались с этими людьми, в том числе и с Олегом.

После похода мы не ссорились, конечно, но как бы взаиморазочаровались. Наверное, появление дневника было

неприятно Олегу, но он стоял выше таких обид – за это я до сих пор ему благодарен. Наше знакомство агонизировало еще несколько лет, пока не затухло. Мы оказались мало совместимыми с деловыми новыми людьми.

Напротив, те ребята из Ухты, которых мы тогда осуждали за комсомольскую нетерпимость, оказались гораздо нам ближе. Виделись мы с ними считанные часы, а Лиля переписывалась потом несколько лет. Может, разуму так и не справиться с нашими чувствами, с укоренившимися пристрастиями?

Но почему, собственно, разум потянул к индивидуалистам-работникам, к людям «третьей позиции»? Именно эти люди реально пользуются некоторыми свободами и, следовательно, уже имеют стимул их отстаивать, именно эти люди могут стать свободными гражданами. Когда их станет в народе большинство, настанет время для коренных реформ нашего общества. Эти люди не составляют единого и разрушительного потока, способного только подмыть и обвалить берега, они движутся отдельными маленькими струйками под общим уклоном, осушая и оздоравливая застойное болото неподвижного берега.

Но к этим людям нельзя придти, «пристать», прибиться, поскольку у них нет общего «мы», а каждый сам по себе отделен. Пристать к «ним» - значит просто идти самому. И не стоять на месте с друзьями-туристами и не нестись в круговерти экстремизма, а просто жить по собственным способностям и воле.

Вот те подспудные причины, та работа, которая меняла нас в те годы, что и отразилось в уральском дневнике. И думалось: в конце концов, не так уж и важно, чтобы мы нашли общий язык с одиночками, важно самим жить столь же свободно и уверенно. И сам поход нас убеждал в возможности этого. Его удачность стала источником нашей бодрости, веры в свои силы на годы вперед.